

Н. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в сравнительно-историческом освещении

(Основы социальной динамики)

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА"
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.
МОСКВА, Б. Гнездниковский пер., 10, телефон 264-61.
1925.

Типография имени Володарского, аренд. «Красной Газетой».
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит, № 14639. Напечатано 5000 экз.—24

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Шестидесятые и семидесятые годы.

I.

Ход реформы 19 февраля 1861 г.

Мы рассмотрели в десятом томе нашего труда разложение старого порядка в России и должны теперь перейти к истории его падения. Эта история представляет собою длительный, во многих отношениях своеобразный и потому особенно любопытный в научном отношении процесс, преисполненный, притом, в виду его непосредственной связи с современностью, огромной практической важности.

Первым, начальным моментом этого процесса надо считать шестидесятые и семидесятые годы, — термин опять-таки условный, охватывающий время с 1856 по 1880 год. Это — эпоха так-называемых реформ императора Александра II — «великих реформ», как еще недавно принято было их именовать в либеральной публицистике и историографии. Главной и первой из реформ была отмена крепостного права, датированная официально 19-м февраля 1861 г. Изучением ее хода нам и предстоит в первую очередь заняться.

Чтобы научно объяснить ход и исход реформы 19 февраля 1861 года, необходимо точно определить ее основные движущие силы и учесть их удельный вес.

Крестьянство непосредственного, прямого участия в проведении реформы не принимало. И, однако, оно, несомненно, было важной ее движущей силой. В каком смысле?

Больше всего в том, что без давления крестьянства, без брожения, происходившего в его среде, не была бы предпринята в правительственных сферах и сама реформа.

Это ясно выразилось в отношении к крестьянскому вопросу самого императора Александра II. 30 марта 1856 г., приехав в Москву, Александр II сказал на приеме предводителям дворянства Московской губернии: «сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно само собою начнет отменяться снизу» [1]). И это было сказано искренне, вытекало из глубокого и твердого убеждения императора: он не только говорил, но и писал, что главное его опасение заключалось в том, чтобы освобождение крестьян не началось само собою снизу [2]); и позднее во время работы секретного комитета указывал: «положение наше таково, что медлить нельзя» [3]).

Были ли эти опасения справедливы, основательны, не страдали ли они преувеличением? Недавно высказано мнение, что они были результатом такого же мало обоснованного испуга, какой проявила русская дипломатия перед ультиматумом Австрии в конце Крымской войны [4]). Едва ли можно с этим согласиться. Здесь важны не только предвидение «страшного катаклизма», высказывавшееся такими людьми, как Кавелин, достаточно тонкий наблюдатель, и не только революционизирующее влияние распущенных из полков после окончания войны солдат, но и характер крестьянских волнений 1854—55 годов. Прежде крестьянские бунты были направлены против помещиков и управляющих и сопровождались их убийствами и сожжением барских усадеб: то была прямая реакция против барского произвола, вытекавшая скорее из аффекта чувства, чем из сознания. И еще в

---

[1]) Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в царствование императора Александра II, том I. Спб. 1860, стр. 114.

[2]) Попельницкий, Секретный комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости: «Вестник Европы» за 1911 г., февраль.

[3]) Там же.

[4]) Покровский, Русск. истор., V, стр. 53—54.

1849 — 54 годах было 137 таких бунтов старого типа [1]). Сами по себе они, конечно, знаменательны, как показатель невыносимости крепостного гнета. Но еще знаменательнее сознательное движение крестьян в 1854 — 55 годах, охватившее девять губерний и все протекавшее под лозунгом нетерпеливого ожидания, что царь даст волю. Указ 3 апреля 1854 г. о морском ополчении и манифест 29 января 1855 года о народном ополчении вызвали в крестьянстве убеждение, что помещичьи крестьяне, которые добровольно пойдут в ополчение, получат освобождение вместе со своими семьями. Поэтому крестьяне массами двинулись в города записываться в ополчение. Когда их возвращали на места и наказывали за самовольную отлучку, они объясняли эти действия тем, что помещики подкупили администрацию, и уклонялись от исполнения барщины. Дело сплошь и рядом доходило до кровопролитных боев крестьян с посылавшимися для усмирения их воинскими командами. Подобные же явления обнаруживались и после присяги новому императору в марте 1855 года: внесение в список присягавших многими принималось за признак освобождения от крепостного права, и на этой почве возникали такие же волнения, как и при указе и манифесте об ополчениях [2]). Характерно, наконец, и то, что когда правительство гласно приступило к реформе, опубликованы были и усиленно распространялись рескрипты Александра II, и затем началась работа дворянских комитетов и редакционных комиссий, — крестьянское движение обоих типов — старого и нового — затихло [3]): крестьяне верили в царя и его волю к освобождению; царь, как хозяин в государстве, с крестьянской точки зрения, необходимо должен был понять, что барская опека только тягостна для крестьянского хозяйства.

Итак несомненно, что крестьянская революция в России шестидесятых годов была не плодом испуганного воображения, а совершенно реальной возможностью, которая при замедлении дела реформы легко могла превратиться в действительность и естественно осложнилась бы и революцией го-

---

[1]) Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

[2]) Иванюков, Падение крепостного права в России, изд. 2-е, Спб. 1903, стр. 11—13.

[3]) Там же, стр. 49—50.

родской. Получилось бы положение, близко подходящее к условиям происхождения великой французской революции. Александр II и важнейшие из его сотрудников по крестьянскому вопросу с той разумно-консервативной точки зрения, на которой они стояли, были вполне правы, настаивая на проведении реформы: они надолго отсрочили этим революцию.

Но если крестьянство было важнейшей движущей силой, сделавшей реформу 19 февраля необходимой и неотложной, и если в этом больше всего сказалось влияние этой силы, то нельзя все-таки это влияние крестьянства целиком сводить лишь к тому, что самый факт реформы им был обусловлен. Дело не ограничивалось этим. Важны были еще и представления крестьянства о том, как реформа должна быть проведена, каковы должны быть условия воли.

Либералы шестидесятых годов, не шедшие дальше личного освобождения крестьян и сохранения за ними тех наделов, какими они владели при крепостном праве, склонны были выдавать именно такие условия воли за крестьянский идеал освобождения. Нетрудно, однако, доказать, что крестьянские стремления шли гораздо дальше, что крестьянство желало и надеялось получить от царя всю землю. По записке содержавшегося в саратовской тюрьме Корибут-Дашкевича, крестьяне ждали полной свободы и всей земли, выкуп усадеб понимали как уплату по очень дешевой цене за дома и огороды, а полевую землю, как они полагали, они получат даром [1]). Крестьяне верили, что через два года после барской или панской воли, полученной 19 февраля 1861 года, т.-е. 19 февраля 1863 г., с прекращением барщины, наступит слушный час, когда будет об'явлена царская, полная воля, вся земля будет отдана крестьянам, а помещиков царь переведет на жалованье [2]).

Конечно, эти крестьянские чаяния прямого выражения в Положениях 19 февраля и в процессе их выработки не имели и иметь не могли, потому что крестьянство не при-

---

[1]) Н. Семенов, К истории упразднения крепостного права в России: «Русский Архив» за 1874 год, кн. 2-я.

[2]) Попельницкий, Как принято было положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами: «Совр. Мир» за 1911 г., № 2, стр. 229 и сл.

нимало в этом деле участия, было устранено от него дворянством и правительством. Но косвенно крестьянские чаяния имели свое действие. Александр II, напр., отлично понимал, что «когда новое положение будет приводиться в исполнение», то «народ увидит, что ожидания его, т.-е. свобода по его разумению, не сбылись». И, конечно, это чуяли все участники в деле реформы — правые и левые. И потому вопрос ставился в сущности в том смысле, каков должен быть тот минимум уступок, который предотвратил бы крестьянскую революцию, сохранив в то же время максимум выгод для помещиков и государства. Разные группы помещиков и бюрократы не помещики не одинаково решали этот вопрос. Тем важнее познакомиться ближе с конкретными решениями его отдельными группами.

Разные группы не одинаково относились к делу во все продолжение хода реформы: их отношение менялось соответственно перемене положения и соотношению общественных сил. Поэтому следует, имея в виду именно это соотношение и каждый раз тщательно выделяя каждую группу, проследить эволюцию ее взглядов в связи с самим ходом реформы.

Какая группа первоначально встала у дела, подталкиваемая сознанием возможной перспективы крестьянской революции? Несомненно та, которая была представлена в секретном комитете, учрежденном в конце 1856 года и собравшемся впервые 3-го января 1857 года. Состав этого комитета был таков: председатель — сам император, члены: князь Орлов, Ланской, князь Долгоруков, граф Блудов, граф Адлерберг, Муравьев, Чевкин, Брок, князь Гагарин, барон Корф и Ростовцев; производителем дел был Бутков.

Александр II был, как было уже сказано, убежден в необходимости совершить реформу, но он не имел никакого конкретного плана ее. Остальные члены комитета, поскольку они были бюрократами, не владея землей и крепостными крестьянами, занимали такое же положение, как император. Большинство членов комитета принадлежало к числу богатых дворян-землевладельцев и настроено было против отмены крепостного права, причем вождем крепостников, долго и потом надеявшимся предотвратить реформу, являлся министр государственных имуществ М. Н. Муравьев. На министре внутренних дел Ланском со времени речи импе-

ратора московскому дворянству о необходимости реформы сверху лежала обязанность подготовить дело решения крестьянского вопроса, и Ланской еще тогда сделал своим помощником А. И. Левшина, также богатого помещика, всецело притом подчинившегося влиянию крупного же землевладельца Позена. Позен на первых порах и явился идейным вождем крупного дворянства: он понял, что нельзя противиться реформе, и, будучи человеком неглупым и способным, выработал целесообразный с точки зрения интересов крупного дворянского землевладения план проведения реформы. Через посредство Левшина и Ланского этот план был внушен секретному комитету, и хотя заядлые крепостники вроде Муравьева не утратили еще надежды на полное сохранение крепостного права, но они приняли этот план, соответствовавший интересам класса, ими представленного.

Сущность плана Позена заключалась в следующем: для освобождаемых крестьян устанавливалось переходное состояние на 12 лет; лишь по истечении этого срока они становились свободными; личность крестьян выкупу не подлежала, но крестьяне получали в собственность за высокий выкуп, в котором скрывался и выкуп личной крепости, усадебную оседлость, а землю с пашней и со всеми угодьями они получали только в пользование на время переходного состояния за оброки и повинности в пользу помещиков; аренда помещичьей земли после истечения переходного периода должна была зависеть от добровольного соглашения помещиков с крестьянами [1]). Задача тут была определенная: крупные помещики хотели прикрепить крестьян к месту усадебной оседлостью, получить выкуп личности путем высокой оценки этой оседлости и заставить крестьян и после освобождения арендовать на крепостнических условиях пашню и другие угодья. Правильно понята была классовая задача: сохранить крепостное хозяйство даже и после отмены крепостного права. Едва ли при этом можно обвинять богатых помещиков в «экономическом невежестве», в непонимании того, что для помещиков нечерноземной России необходимо было снабдить крестьян землей в собственность, чтобы привязать их к месту, и создать из них контингент

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 17—18; Корнилов, Крепостная реформа, Спб. 1905, стр. 45 и т. д.

батраков для работы по найму в капиталистическом сельском хозяйстве [1]): во-первых, богатые помещики думали не о капиталистическом, а о крепостническом хозяйстве, и им было мало дела до помещиков-буржуа, и, во-вторых, их крупные владения, имевшие производственное значение, находились главным образом в черноземной полосе, в нечерноземной же у них были виллы, дачи, подмосковные имения, где можно было предаваться отдыху, барской неге, охоте, празднествам и увеселениям, так что они имели не производственное, а потребительное значение.

Социальный вес крупных помещиков был огромен: правда, их было немного — по десятой ревизии лиц, владевших более, чем пятьюстами душ крепостных, было всего 3.803 человека, 3,6% всех душевладельцев, — но они владели 4 милл. 620 слишним тысячами душ мужского пола, т.-е. 43,9% всего крепостного населения [2]). Казалось, крупное крепостническое дворянство совершенно овладело положением. Мелкопоместные дворяне, имевшие меньше 100 душ и в большинстве своем также крепостнически настроенные, составлявшие притом 73,7% всех душевладельцев и владевшие 18,9% крепостных [3]), могли быть довольны.

Дальнейшими вслед за работой секретного комитета фактами хода реформы были, как известно, рескрипты Александра II на имя виленского генерал-губернатора Назимова 20 ноября 1857 года и петербургского генерал-губернатора Игнатьева 5 декабря того же года. Что нового дали эти рескрипты?

По существу они стояли на почве плана, принятого секретным комитетом: крестьянам дается на выкуп в собственность усадебная оседлость, а пашней и другими угодьями они лишь пользуются за оброки и барщину; помещикам предоставляется вотчинная полиция; устанавливается переходное состояние в 12 лет. Важно было не это существо дела, а, во-первых, учреждение первых губернских дворянских комитетов, в состав которых входили по одному члену, выбранному дворянами каждого уезда и два члена по назначению

---

[1]) Покровский, Очерк истории русской культуры, часть I, изд. 3-е, стр. 161.

[2]) Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения: «Русск. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 52.

[3]) Там же.

правительства, а во-вторых, — что еще важнее, — дело впервые получило гласность, и стало в известной степени возможным обсуждение его в печати. Современники хорошо понимали значение этих новых достижений, и все, включая и либералов и радикалов вроде Чернышевского и Герцена, горячо приветствовали рескрипты; в Москве славянофилы и западники устроили торжественный обед с речами в честь Александра II, а Герцен напечатал в «Колоколе» статью, «Ты победил, галилеянин».

Затем начался период открытия губернских дворянских комитетов: первым из центральной области выступило с ходатайством об этом нижегородское дворянство под давлением губернатора Муравьева, за ним последовало дворянство московское, а потом и другие, и к концу 1858 года во всех губерниях были открыты дворянские комитеты. 21 апреля 1858 года была разослана составленная Позеном для Ростовцева и проведенная последним программа занятий губернских комитетов, опять-таки ставившая их работы в рамки известного уже нам позеновского плана.

Но и в литературе и в губернских комитетах отчетливо выразились интересы других дворянских групп, отличавшихся от господствующей крепостнической группы. В то же время и в центре с образованием редакционных комиссий произошли крупные перемены. Этим начат был второй момент хода реформы — время борьбы разных слоев поместного дворянства, — первый, подготовительный период, когда, казалось, дело поставлено было крепостниками на почву, им удобную, закончился.

Крепостники, крупные помещики, конечно, не положили своего оружия и в этот, во многом решающий, основной момент хода реформы. Именно в это время, в 1858 году, через шефа жандармов князя Долгорукова представлена была Александру II записка, в которой доказывалось, что в начатой реформе «таится глубоко-задуманный план демократической революции в России», и что необходимо поэтому как можно более замедлить ход дела и, вместо прочного устройства быта крестьян, приготовить только сведения для инвентарий» [1]). Крепостническую точку зрения

---

[1]) Записки Я. А. Соловьева: «Русская Старина» за 1880 г., февраль.

отстаивал издававшийся в Москве пензенским помещиком Желтухиным «Журнал Землевладельцев» [1]). Министр государственных имуществ Муравьев непрестанно указывал на «непрактичность сделанных по виленскому генерал-губернаторству распоряжений» [2]). Наконец, десять губернских комитетов — вологодский, олонецкий, новгородский, астраханский, херсонский, курский, тамбовский, виленский, ковенский и гродненский—в составленных ими проектах высказались за полное лишение крестьян земли, кроме усадебной оседлости, после истечения переходного периода [3]).

Таковы были позиция и меры борьбы крупных дворян-землевладельцев до осени 1858 года. Интересы средних землевладельцев-дворян, имевших в виду переход к вольнонаемному труду, получение для этого капитала и обеспечение будущего капиталистического сельского хозяйства постоянными местными рабочими, частично — в той мере, в какой в этом заинтересованы были передовые помещики нечерноземной России, были выражены в давно уже ходившей по рукам записке Кавелина, напечатанной в начале 1858 года в журнале «Современник», где фактически главным руководителем был Чернышевский. Кавелин принадлежал при этом к умеренной, правой группе передового среднего дворянства. Он очень близок был в отношении к крестьянскому вопросу к «консерватору с прогрессом», славянофилу Юрию Самарину. Тем не менее опубликование его записки в печати вызвало цензурное запрещение такой постановки вопроса: правительство стояло еще всецело на страже интересов крупного дворянства, и даже умереннейшие предложения Кавелина казались ему опасными и неприемлемыми, даже недопустимыми к оглашению. И, конечно, здесь были новые, некрепостнические начала. Кавелин в интересах капиталистического хозяйства, требовал прежде всего полного гражданского равноправия для крестьян, совершенного их освобождения от крепостного положения. Затем, защищая право собственности — этот устой буржуазно-капиталистического общества — и желая снабдить капиталами будущих сельских хозяев-предпринимателей, Кавелин настаивал на не-

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 100.

[2]) Там же, стр. 55.

[3]) Там же, стр. 28, прим. 1.

обходимости выкупной операции при помощи государственного банка. А чтобы выкуп был значителен, и уплата его крестьянами была обеспечена, он предлагал оставить крестьянам весь тот надел, который они имели при крепостном праве. Для осуществления всего этого Кавелин проектировал учреждение особой комиссии сведущих лиц по назначению правительства. Наконец, предлагалось введение общего местного самоуправления [1]). Но о конституции в проекте Кавелина не было и помину: он, как и вся среднедворянская правая, боялся революции и спасение от нее усматривал в сильной власти, в самодержавии [2]).

Оставаясь пока в хронологических пределах от начала 1858 года до осени того же года, отметим важнейшие меры правительства за это время. Их было две: 8 января 1858 г. секретный комитет был переименован в главный комитет по крестьянскому делу с пополнением его состава графом Паниным и помощником делопроизводителя Жуковским, а 4 марта был открыт при министерстве внутренних дел земский отдел центрального статистического комитета под председательством Левшина, причем главную роль в этом отделе играли Я. А. Соловьев и Н. А. Милютин, приобретшие таким образом важное влияние на ход дела, так как в земский отдел поступили для предварительного рассмотрения все проекты губернских комитетов [3]). Оба названные сейчас талантливые представители бюрократии сразу сумели дать отпор наиболее крайним проявлениям крепостнических тенденций: благодаря им земский отдел с цифрами в руках подорвал все основания упомянутой выше крепостнической записки, грозившей демократической революцией в качестве необходимого последствия реформы [4]).

Бюрократический состав и аппарат всякого государства носит всегда, конечно, классовый отпечаток, служит интересам правящего класса. Но те бюрократы, которые сами не принадлежат к господствующему классу по своему экономическому положению, а являются специалистами-техниками государственного управления, всецело заинтересованными в правильном функционировании администра-

---

[1]) Кавелин, Сочинения, т. II.

[2]) Покровский. Русск. история, V, стр. 64—66.

[3]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 53—54.

[4]) Записки Я. А. Соловьева: «Русская Старина» за 1886 г., февраль.

тивной машины и в достаточном ее питании, представляют собою особый оттенок, отдельную группу в среде господ положения. Значение этой группы в известной мере увеличивается в критические эпохи, когда господствовавший класс подвергается сильному разложению и перерождению.

До лета 1858 года такими бюрократами — не помещиками были два старых николаевских сановника Ростовцев и Ланской. Оба они были некомпетентны в крестьянском вопросе и подчинялись поэтому влиянию господствующей дворянской группы—крупных землевладельцев, причем проводниками этого влияния были такие крупные помещики—служилые бюрократы, как Левшин и Позен. С учреждением земского отдела в круг бюрократии, причастной к делу реформы, вошли Милютин и Соловьев, компетентные в данном вопросе и в то же время безусловные абсолютисты. Они сразу показали свое лицо, дав отпор реакционной записке, угрожавшей перспективой «демократической революции». Несамостоятельный Ланской стал подпадать под влияние Милютина и Соловьева.

Ростовцев был более самостоятелен по своему характеру. Именно поэтому он, лечась летом 1858 года заграницей, стал знакомиться с положением крестьянского вопроса по литературе и сам пришел к выводам, сближавшим его с Милютиным, Соловьевым, славянофилами вроде Самарина и даже в значительной мере с правыми западниками типа Кавелина. Ростовцев написал из-заграницы четыре письма Александру II, наглядно рисующие постепенную эволюцию его взглядов, совершавшуюся по мере того, как он ближе входил в вопрос, становился в нем более сведущим. В первом из этих писем Ростовцев еще считал невозможным выкуп крестьянами земли в собственность, но он уже категорически заявил о необходимости дать им пашню в постоянное пользование и по истечении переходного периода, т.-е. освободился от влияния Позена, а затем особенно подчеркнул необходимость всячески содействовать превращению крестьян в земельных собственников. Второе письмо важно, главным образом, тем, что здесь Ростовцев настаивает не только на вызове в комиссию главного комитета для окончательного рассмотрения проектов губернских комитетов по два депутата от этих комитетов, но и на назначении «постоянных членов из знающих помещиков всех губерний».

Третье письмо посвящено было главным образом устройству крестьянского мира. Четвертое—наиболее важно: здесь уже прямо отстаивалась необходимость наделения крестьян землей (не одной усадебной оседлостью) в собственность посредством кредитной выкупной операции [1]).

Надо, впрочем, заметить, что выкупная операция выдвинута была еще раньше некоторыми комитетами—нижегородским в начале 1858 г., московским в мае того же года [2]).

В конце 1858 года в тверском губернском комитете состоялось постановление, по которому под усадебной оседлостью комитет стал разуметь все угодья, необходимые для хозяйства: нечерноземные помещики считали выгодным для себя привязать крестьян к месту наделом, тем более, что они имели в виду в выкупе надела скрыть выкуп личности крестьянина. Главный комитет разрешил это тверскому комитету и уведомил об этом другие комитеты [3]).

По возвращении Ростовцева осенью 1858 г. из-заграницы Александр II устроил ряд совещаний при себе из Ростовцева и Ланского в Гатчинском дворце. На этих совещаниях были выработаны, проведены потом в главном комитете и в декабре 1858 г. опубликованы начала, которыми должен был руководствоваться главный комитет в дальнейших работах по реформе. Здесь все еще не было ни наделов для крестьян в собственность, ни выкупной операции, как чего-то общепринятого, но указывалось все-таки уже, что «необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками», для чего «сообразить, какие именно способы могут быть предоставлены со стороны правительства для содействия крестьянам к выкупу поземельных их угодий» [4]).

Большое значение в деле перехода правительственной политики на точку зрения близкую интересам среднего дворянства, переродившегося уже в сельскохозяйственную буржуазию, имело учреждение редакционных комиссий. Мысль

---

[1]) Материалы для истории упразднения состояния помещичьих крестьян, т. I, глава X; Скребицкий, Крестьянское дело в царствование имп. Александра II, прил. к I тому, стр. 908 и след.; Иванюков, Падение крепостного права, стр. 62—68.

[2]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 77.

[3]) Там же, стр. 75—76.

[4]) Там же, стр. 71.

о них впервые была высказана в проекте Кавелина. Ее же, может быть не без влияния этого проекта, мы находим во втором письме Ростовцева из-за границы к Александру II. 26 января 1859 г. Ростовцев выступил с запиской «об учреждении особых комиссий для составления сводов проектов положений губернских комитетов». 17 февраля 1859 г. состоялось на основании этой записки и постановления главного комитета, утвержденного императором, высочайшее повеление об учреждении «редакционных комиссий для составления общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Редакционных комиссий должно было быть две — одна для составления общих положений, другая—местных. Председателем редакционных комиссий был назначен Ростовцев, причем ему даны были неограниченные полномочия в деле внутреннего устройства комиссий, распределения в них занятий, соединения их в одно присутствие, организации канцелярии. В состав редакционных комиссий самим высочайшим повелением назначены были Жуковский и Соловьев. Остальные члены должны быть назначены по соглашению председателя комиссий с министрами внутренних дел, юстиции и государственных имуществ и главноуправляющим 2-м отделением императорской канцелярии. Сверх того в состав комиссии местных положений председатель по собственному усмотрению назначал экспертов из членов губернских комитетов или других опытных помещиков [1]). 27 апреля 1859 г. учреждена была опять-таки под председательством Ростовцева и, по его инициативе [2]), третья комиссия—финансовая «для рассмотрения предположений о финансовых мерах к облегчению крестьянам выкупа земельных угодий и для обсуждения, какие способы могут быть предоставлены со стороны правительства для содействия крестьянам в выкупе». В состав ее входили назначенные председателем лица, специально изучившие финансовые науки, практически знающие Россию и члены от министерства финансов, внутренних дел, государственных имуществ и ведомства опекунских советов, назначенные

---

1) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 80—81.

2) Записки А. Я. Соловьева: «Русская Старина» за 1883 г., март, стр. 604—608.

по соглашению председателя с соответственными министрами[1]). Впоследствии Ростовцев воспользовался полномочиями, ему предоставленными, и слил все три комиссии в одно присутствие, установив для предварительной разработки вопросов три отделения—юридическое, административное и хозяйственное[2]). Всех членов редакционных комиссий было 36; из них 25 стояли ближе к среднему дворянству по своим воззрениям и 11 держались позиции дворянства крупного[3]).

С самого же начала работы редакционных комиссий установлены были принципы освобождения, близкие к взглядам среднего дворянства: крестьяне должны быть освобождены с наделением в собственность не только усадебной оседлостью, но и пашней и другими угодьями; наделение должно произойти путем выкупа. Новое направление, приданное таким образом плану реформы в центре государства редакционными комиссиями, подкреплялось еще тем, что одновременно с их учреждением товарищем министра внутренних дел назначен был вместо Левшина Милютин. Тем не менее с самого начала работы редакционных комиссий в них выявилось крупно-помещичье направление, яркими представителями которого оказались здесь два члена—князь Паскевич и граф Шувалов. Они находили, что свобождение крестьян и выкуп соединены комиссиями воедино, вследствие чего выкуп становится фактически принудительным, тогда как по их мнению освобождение крестьян с правом бессрочного пользования землей должно быть отделено от выкупа земли крестьянами в собственность при содействии государства, причем этот выкуп должен быть совершенно добровольным, необязательным ни для помещиков, ни для крестьян[4]). Комиссии, однако, отвергли это мнение двух членов.

Когда редакционные комиссии были учреждены, часть губернских комитетов уже закончила свою работу, другая их часть только-что эту работу развернула и лишь третья

---

1) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 82—83.

2) Освобождение крестьян. Деятели реформы, М. 1911, статья Богословского, стр. 222.

3) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 87.

4) Скребицкий, Крестьянское дело, I, стр. СШ.

едка ее начинала. Поэтому прежде, чем формулировать результаты деятельности редакционных комиссий, необходимо уяснить себе точки зрения и течения, которые выразились в работе губернских комитетов, по крайней мере, большей их части.

Большинство во всех комитетах, кроме тверского, стояло на точке зрения крупного дворянства, на той же позиции, которую в редакционных комиссиях занимали Паскевич и Шувалов: крестьяне могут получить землю только в пользование, в собственность же за высокий выкуп получают только усадебную оседлость; вотчинная полиция и юстиция сохраняются за помещиками.

Этому крепостническому течению, имевшему в виду сохранение крепостного хозяйства и после отмены крепостного права, противополагалось буржуазно-капиталистическое течение, представленное большинством тверского комитета и меньшинствами многих других комитетов. Надо, однако, заметить, что в этом буржуазно-капиталистическом, средне-помещичьем по преимуществу течении заметны были два ответвления: одно было представлено помещиками нечерноземной, другое—черноземной полосы. Средние помещики нечерноземной полосы, напр., тверской комитет, стояли за наделение крестьян землей в собственность в размере полного надела, каким они пользовались при крепостном праве, с тою целью, чтобы привязать крестьян к земле и иметь в их лице дешевых наемных местных рабочих для предпринимательского сельского хозяйства: без такого «достаточного» надела крестьяне ушли бы в более благодатные края или в города. Нечерноземные помещики при крепостном праве главную выгоду получали не от земли, а от личности крепостного крестьянина: он отправлялся в отход на заработки и платил высокий оброк. С другой стороны, для будущего капиталистического хозяйства нужен был капитал. Поэтому средние нечерноземные помещики проектировали высокий выкуп, и так как неудобно и невозможно было назначить выкуп за личность крепостных, а выкупа за усадебную оседлость, хотя бы и повышенного, было мало, то тверской комитет изобрел новый способ получить повышенный выкуп: он оценил очень высоко первую выкупаемую десятину угодий,—гораздо выше, чем следующие: в повышен-

ной оценке первой десятины, как и усадебной оседлости, скрывался выкуп личности [1]).

Помещики-буржуа черноземной России имели другие интересы: там земля была дороже крестьянина, так что имения без крестьян еще при крепостном праве ценились выше, чем имения с крепостными крестьянами; поэтому для помещиков выгодно было дать крестьянам при освобождении малый надел за высокий выкуп земли, а личность освободить без выкупа. Эту точку зрения защищали, напр., харьковские либералы Хрущев и Шретер [2]).

В чем сходились те и другие—нечерноземные и черноземные либералы из обуржуазившихся средних помещиков—это в сознании необходимости ряда дополнительных реформ, перестраивающих дворянскую государственность в капиталистическую, но это обнаружилось позднее.

Противоречия интересов дворянских групп, обнаруживавшиеся в губернских комитетах, обострялись иногда до того, что даже славянофилам типа Самарина и «консерваторам с прогрессом» вроде Кошелева и князя Черкасского, державшимся ближе всего к компромиссной позиции Милютина, приходилось немало терпеть от крепостников: Самарин, бывший членом самарского комитета по назначению от правительства, ходил по городу с револьвером и в сопровождении телохранителей, Кошелеву в тульском комитете устроили настоящий бойкот, а Черкасского хотели судить в тульском дворянском собрании [3]).

Параллельно работе губернских комитетов и редакционных комиссий, вскрывавшей классовое расчленение дворянства, шла и разработка крестьянского вопроса в литературе, временно задержанная в конце 1858 г. после появления в «Современнике» записки Кавелина цензурными строгостями. Теперь, в 1859 г., окончательно определились литературные направления. Правую в литературе попрежнему

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 75; Корнилов, Губернские комитеты по крестьянскому делу: «Русское Богатство» за 1904 год.

[2]) Скребицкий, Крестьянское дело в царств. Александра II, т. II, ч. I, стр. 563 и след.

[3]) Кн. О. Трубецкая, Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского, т. I, стр. 213, 130—143, 186—197, 221 и след.; Записки А. И. Кошелева, стр. 97—103.

представлял «Журнал Землевладельцев» Желтухина. Вынужденный обстоятельствами, этот журнал нехотя признал надел, но в минимальном размере—не более 1 десятины на двор. Вместе с «Экономическим Указателем» Вернадского «Журнал Землевладельцев» вел поход против общинного землевладения. Центр имел органами «Русский Вестник» Каткова и Леонтьева, «Атеней» Корша и славянофильскую «Русскую Беседу» с прилагавшимся к ней «Сельским Благоустройством». Здесь стояли за надел в размере крепостного, во всяком случае не менее 4 дес. на двор, за выкуп и общинное землевладение, как предохранительное средство от «язвы пролетарства». Этот либеральный, вернее консервативно-прогрессивный, центр находил себе поддержку и в заграничном «Колоколе» Герцена и Огарева. На левом крыле радикальную позицию занимал «Современник» Некрасова и Панаева, где Добролюбов обличал и высмеивал либерализм, а Чернышевский приходил к все более пессимистическим выводам относительно совершавшейся реформы: он находил, что крестьяне получат ничтожное количество земли по непомерно-дорогой цене, что лучше уж прямо пролетаризировать крестьянство, что больше 75 руб. за душу выкуп недопустим [1]). Горячо отстаивал Чернышевский и общинное землевладение, видя в нем зародыш социализма, и в этом отношении вел борьбу с Желтухиным и особенно с Вернадским и его сотрудниками.

В мае 1859 г. были вызваны в Петербург представители большинства и меньшинства 19-ти губернских комитетов, закончивших свою работу. С'ехались всего 36 депутатов, из которых 27 принадлежали к крупно-помещичьему большинству и 9 к меньшинству, или близкому к компромиссной точке зрения редакционных комиссий или либерально-буржуазному. Воззрения большинства нашли себе к этому времени выражение в «материалах для доставления адреса от дворянства государю», составленных сенатором Безобразовым, и в напечатанном в Париже на французском языке письме к Ростовцеву графа Орлова-Давыдова. Граф Орлов-Давыдов упрекал в своем письме редакционные комиссии в превышении полномочий и пока еще в виде намека высказывался за дворянское, крупно-землевладельческое самоуправление

---

[1]) Корнилов, Крестьянская реформа, Спб. 1905 г., 114—115.

(self-governement). То, чего не договаривал Орлов-Давыдов высказал в своем проекте адреса Безобразов: он хотел, чтобы окончательная выработка реформы поручена была собранию выборных от дворянства, которое должно быть созвано в Петербурге [1]). Аристократическая, крупноземлевладельческая конституция—вот новый лозунг, выкинутый богатым дворянством в это время: как только самодержавие стало хотя бы частично переходить на точку зрения защиты буржуазных интересов,—воскресли старые планы крупно-помещичьей политической олигархии.

Милютин, понимая настроения большинства депутатов первого призыва и зная ревнивую привязанность Александра II к самодержавию, составил для Лачского записку на имя императора, где подчеркивались олигархические тенденции крупных помещиков, и рекомендовалась тактика ограничения полномочий депутатов от дворянских губернских комитетов: «для спокойствия государства, для успешного окончания предпринятого преобразования, главная забота должна состоять в том, чтобы мнения, рассеянно выраженные в разных комитетах, не слились в единомышленные и не образовавшиеся еще разноцветные партии, гибельные как для правительства, так и для народа»; правительству полезно иметь от депутатов «отзывы не о коренных началах, которые признаны неизменными, не о развитии их, которое принадлежит самому правительству, а единственно только о применении проектированных общих правил к особенным условиям каждой местности; посему не должно давать разиваться мечтаниям, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрешения каких-либо законодательных вопросов или изменения в государственном устройстве» [2]).

Александра II эта записка вполне удовлетворила, он сообщил ее для прочтения Ростовцеву, и на основании ее выработана была инструкция для занятий депутатов, объявленная Ростовцевым депутатам первого призыва в заседании общего присутствия редакционных комиссий 25 августа 1859 года. Сущность этой инструкции сводилась к тому, что депутаты

---

[1]) Материалы для истории упразднения крепостн. состояния, т. II, стр. 110—113. 97—109; Иванюков, Падение крепостного права, стр. 173—174.

[2]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 174—175.

каждой губернии особо должны были дать лишь «местные сведения и объяснения» в течение не более одного месяца [1]).

Записка Ланского — Милютина хранилась в величайшей тайне, инструкция, объявленная Ростовцевым, была полной неожиданностью и возбудила в среде депутатов большое недовольство. Недовольны были и правые, и левые, и «консерваторы с прогрессом» [2]). В течение нескольких следующих дней депутаты неоффициально собирались в доме петербургского депутата и губернского предводителя графа Шувалова и выработали здесь ходатайство к императору о разрешении иметь общие совещания и высказаться целиком, без ограничений по существу крестьянского положения. В ответ на это ходатайство Ростовцев сообщил им о высочайшем повелении, которым депутатам разрешались частные, неоффициальные совещания, но оставлялось в силе требование, чтобы они, «не касаясь общих начал», «ограничивались применением оных к своим местностям» [3]).

Депутаты после того разбились на группы и, собираясь по группам неоффициально, рассмотрели всю работу редакционных комиссий. Большинство относилось к этой работе резко отрицательно: настаивали на обязательном выкупе, но также и на сильном уменьшении наделов и на большом увеличении повинностей, т.-е. и выкупа, так как выкупная сумма определялась капитализацией повинностей из 6%. Перед раз'ездом, когда уже не все депутаты были налицо, решено было обратиться с адресом к императору, но вследствие разногласий получились три адреса, а не один. 18 депутатов подписали адрес, в котором находили предположения редакционных комиссий несоответствующими «общим потребностям» и принятым «основным началам» и просили дозволения представить свои соображения на окончательные труды редакционных комиссий до поступления их в главный комитет. Симбирский депутат Шидловский подал от своего имени письмо императору, где явился ярким выразителем олигархических тенденций: он находил предположения редакционных комиссий неприменимыми и угрожающими

---

[1]) Там же, стр. 176—177.

[2]) Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу, Лейпциг 1860; это—брошюра Кошелева.

[3]) Материалы для истории упразднения крепостного состояния, т. II, стр. 131.

общественному порядку и просил созыва «нарочито избранных уполномоченных от дворянства» для выработки ими реформы под председательством императора. Наконец, пять депутатов — тверской Унковский, харьковские Хрущев и Шретер и ярославские Дубровин и Васильев—явились в своем адресе выразителями интересов либеральных буржуа в дворянской среде. В критике экономической работы редакционных комиссий эта группа не далеко ушла от своих противников из крупных помещиков: и она находила в предположениях комиссий такое увеличение крестьянского надела и «крайнее понижение повинностей», что это грозило разорением помещикам, и потому требовала наделения крестьян землей в собственность посредством немедленного выкупа «по цене и на условиях не разорительных для помещиков». Новыми явились здесь требования других реформ—выборного «хозяйственно-распорядительного управления», суда присяжных, гласного судопроизводства, судебной ответственности местных должностных лиц, свободы печати. Все адресы были переданы Александром II на заключение главного комитета, который постановил об'явить всем подписавшим их выговор через губернаторов, а некоторых отдать под особый надзор местного начальства [1]).

Таким образом совершенно ясно, что и справа и слева последовала атака на компромиссные предположения редакционных комиссий о наделе и о выкупе. Ростовцев стоял в комиссиях за сохранение того надела, каким крестьяне пользовались при крепостном праве, и был противником отрезки: «отрезкой», говорил он, «мы уничтожим крестьянина, а это—бунт»; «я считаю, что, отрезывая землю от крестьян, мы зажжем Россию» [2]). Несмотря на это, отрезка, т.-е. уменьшение надела, бывшего при крепостном праве, была решена уже в редакционных комиссиях. И все-таки дворяне—и консерваторы и либералы, и крупные и средние помещики—были недовольны: и те и другие хотели больших выгод для помещиков.

Верные своему стремлению к компромиссу, редакционные комиссии установили систему высших наделов, больше которых крестьяне не могли получить, и низших, меньше

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 189—193.
[2]) Семенов, Освобождение крестьян, I, стр. 301.

которых помещики не могли давать. Для определения размеров надела редакционные комиссии пользовались двумя источниками: во-первых, специально проверенными в комиссиях сведениями губернских комитетов о наделах в имениях в 100 и более душ, во-вторых, данными комитетов о земских повинностях. На основании этих данных в первый период занятий редакционных комиссий — до начала сентября 1859 года—установлено было деление всех губерний на две категории: к первой принадлежали великорусские, белорусские и новороссийские губернии, ко вторым — малорусские. Не касаясь второй категории, где сразу же установились мелкие и разнообразные нормы надела, остановимся на первой, чтобы проследить сейчас и позднее постепенную выработку норм наделения крестьян землей в зависимости от социальных сил, на нее воздействовавших.

В первой категории губерний различались три полосы— нечерноземная, черноземная и степная. Нечерноземная полоса в первый период деятельности редакционных комиссий разделена была на семь местностей с высшими наделами от 3¼ до 8 десятин, черноземная на шесть местностей с высшим наделом от 3 до 6 десятин, степная на 4 местности, наделы в которых простирались от 6½ до 12 десятин, причем здесь не было деления на высшие и низшие наделы, а назначен был для каждой местности единый указный надел. Низшие наделы установлены были сначала в $^{2}/_{3}$ высших, а потом уменьшены до $^{1}/_{3}$. Результаты по сравнению их с предположениями губернских комитетов оказались такие: установленные комиссиями нормы были значительно, во многих губерниях вдвое, выше норм комитетов. И притом все-таки уже тогда в ряде губерний получилась отрезка по ¼, ½ и даже по 1 десятине на душу, прирезка же к крестьянским землям из помещичьих была чрезвычайно редким исключением [1]). При таких условиях казалось бы, что редакционные комиссии проявили очень большое соглашательство в сторону интересов помещиков, тогда как комитеты большею частью почти совершенно обезземеливали крестьян. Но даже такие «консерваторы с прогрессом», как Кошелев, находили крестьянские наделы, назначенные редакционными

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 255—257; Корнилов, Крестьянская реформа, стр. 134.

комиссиями, «огромными». Нечего было и говорить о том, как недовольно было ими большинство депутатов первого призыва.

Во второй период работы редакционных комиссий — с сентября 1859 г. по март 1860 г. — происходила поверка норм наделов на местах, и комиссии разбирали возражения депутатов.

Параллельно этому, в первый и второй периоды установлены были комиссиями нормы повинностей на время переходного 12-летнего периода, важные и сами по себе и как основа будущих норм выкупа. Великорусские, белорусские и малороссийские губернии были для определения оброка разделены на четыре полосы — нечерноземную оброчную, не черноземную барщинную, черноземную и степную. Норма оброка за высший надел в первой из этих полос назначена была в 9 руб. с души и только в наиболее промышленных местностях Московской, Петербургской, Ярославской, Владимирской и Нижегородской губерний — в 10 руб. В трех остальных полосах оброк за высший надел установлен был в 8 рублей с души. Этот оброк распределялся по десятинам земли по системе градации, изобретенной, как нам уже известно, тверским комитетом, с целью скрыть за ней выкуп личности крестьянина: первая десятина оценивалась в 3 р. 50 к. — 4 р., вторая там, где применялось искусственное удобрение, ниже первой, но выше остальных, а где искусственное удобрение не применялось, все остальные десятины оценивались поровну, ниже первой. Что касается барщины, то редакционные комиссии назначили одинаковую ее норму для всей России: за высший надел 40 дней мужских и 30 женских в год [1]). Все эти нормы оброков и барщины были установлены редакционными комиссиями в размерах близких к тем, какие существовали при крепостном праве, тогда как губернские комитеты «в большей части случаев установили оброки, превосходившие оброки крепостного права» [2]).

Таково было положение двух основных вопросов реформы в первый и второй периоды работы редакционных комис-

---

[1]) Корнилов, Крестьянская реформа, стр. 135—136; Иванюков, стр. 288.

[2]) Скребицкий, Крестьянское дело, т. III, стр. 32.

сии, т.-е. до вызова депутатов губернских комитетов и до смерти Ростовцева. В феврале 1860 года умер Ростовцев, и вскоре затем на пост председателя редакционных комиссий назначен был явный сторонник интересов крупных помещиков, граф Панин. Его назначение и связанные с ним слухи о возможном повороте реформы в сторону интересов крупных помещиков окрылили 40 депутатов второго призыва от губернских комитетов на решительную борьбу с проектами редакционных комиссий. Эта борьба прежде всего направлена была на уменьшение наделов и увеличение повинностей, т.-е. и выкупа, представлявшего собою капитализацию повинностей из 6%. Депутаты второго призыва пытались даже оспорить наделение крестьян землей в собственность и даже старый принцип рескриптов—право пользования крестьян помещичьей землей за оброки и повинности. Они имели в виду совершенно безземельное освобождение крестьян с выкупом их личности, готовы были предоставить крестьянам пользование землей за оброки и повинности только на три года, по истечении которых возможна только аренда земли крестьянами на основании особых договоров их с помещиками, зависящих от добровольного согласия обеих сторон. Вместе с тем, однако, признавая, что помещикам некоторых местностей (очевидно, нечерноземных, промышленных губерний) невыгодно безземельное освобождение, депутаты второго призыва проектировали предоставить каждому помещику право требовать выкупа крестьянских угодий по оценке, устанавливаемой местными комиссиями, т.-е. одними только дворянами в их собственных интересах. Во всяком случае, депутаты второго призыва считали нормы надела, установленные редакционными комиссиями, «разграблением дворянства». Самое большее, на что шло большинство депутатов второго призыва—34 из 40-ка,—это наделение крестьян землей в размере, равном наименьшим наделам, существовавшим при крепостном праве. Редакционные комиссии хотели оставить помещикам не менее трети всей земли, а депутаты требовали минимум двух третей [1]).

Был еще вопрос, подвергшийся жестокой атаке депутатов первого и второго призыва в той его постановке, какая была ему дана редакционными комиссиями: это—во-

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 229 и след.

прос об административном устройстве освобождаемой деревни. Нет сомнения, что в решении этого вопроса редакционные комиссии ярко подчеркнули свою бюрократическую, государственно-крепостническую природу: они не хотели сохранения вотчинной, помещичьей полиции и юстиции после истечения переходного периода; но они сделали и сельское общество и волость не органами местного самоуправления, заботящимися об интересах населения, а органами государственной власти, полицейскими и финансовыми, зависящими от бюрократии, так что служба волостных старшин, сельских старост, сотских и десятских, имела характер натуральной повинности, наложенной на крестьянство государством. Характерно было и сохранение сословного волостного суда с телесным наказанием по его приговорам. Гражданского равноправия крестьяне не получили, а перед лицом государства являлись во многих отношениях крепостными: они составляли податное сословие, связанное круговой порукой, выдачей увольнительных свидетельств от мира и пр. Но депутаты от дворянских комитетов нападали на эти предположения с точки зрения еще более крепостнической: они желали сохранения вотчинной юстиции и полиции, хотели сделать помещиков начальниками над крестьянами, и лишь немногие либералы формулировали планы всесословного местного самоуправления.

С окончанием работы депутатов второго призыва начался последний, третий период деятельности редакционных комиссий, закончившийся их закрытием 10 октября 1860 года. Это было время, когда Панин делал попытки приблизить результаты этой деятельности к идеалам крупных помещиков, что приводило подчас его к резким столкновениям с большинством комиссий, особенно с Милютиным. В то же время, однако, комиссии, верные своей бюрократически-компромиссной позиции, пошли под влиянием критики депутатов обоих призывов на большие уступки в вопросах о наделе и повинностях или выкупе. Черноземная полоса разделена была теперь на 10 местностей, так как нормы наделов были сильно и неодинаково понижены: в 15-ти уездах на ¼ десятины, в 25-ти на ½ десятины, в одном на ¾ дес. и в одном на 1 десятину. В нечерноземной полосе получилось деление на 13 местностей, причем наделы уменьшены были в 9-ти уездах на ¼ дес., в 28-ми на ½ дес., в 13-ти на

¾ дес., в восьми на 1 дес., в 4-х на 1½ дес., наконец, в 11-ти более 1½ десятин. Понижены были нормы наделов и в Малороссии, Новороссии и Белоруссии. Повышение высшей нормы наделов были редким исключением [1]). Отрезка таким образом сильно прогрессировала уже в работах редакционных комиссий: ясно чувствовалось, что обуржуазившаяся часть дворянства составляла меньшинство, и что ее удельный социальный вес был еще ниже, чем это меньшинство.

Таково же было и положение с повинностями. Оброк в черноземной полосе был увеличен с 8 р. до 9 руб. с души. Кроме того, редакционные комиссии отказались в это время от принципа неизменности повинностей на все время, пока не состоится выкупная сделка; выкуп для помещиков был оставлен попрежнему необязательным,—он был обязателен только для крестьян, если его хотел помещик, — и установлено было, что определяемая в уставной грамоте денежная повинность подлежит переоброчке через 20 лет после утверждения Положения, причем повышение и понижение ее не может превышать 20-ти процентов [2]).

10 октября 1860 года деятельность редакционных комиссий была закончена, проект Положений был составлен. Тогда наступил третий и последний момент в ходе реформы, рассмотрение ее в главном комитете и в государственном совете.

Когда проект Положений, окончательно составленный редакционными комиссиями, был внесен в главный комитет, это последнее учреждение состояло из председателя—великого князя Константина Николаевича и членов: графа Блудова, графа Адлерберга, князя Гагарина, Ланского, графа Панина, князя Долгорукова, Муравьева, Чевкина и Княжевича. Проект редакционной комиссии поддерживали в том виде, в каком он вошел в главный комитет, т.-е., как мы уже видели, с большими уступками крупному дворянству, великий князь, граф Блудов, Ланской и Чевкин; остальные, т.-е. большинство комитета, требовали дальнейших уступок крупному помещичьему классу. Положение большинства ослаблялось, однако, двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что члены большинства в конкретных своих поправках не были

---

[1]) Иванюков. Падение крепостного права, стр. 258.
[2]) Там же, стр. 289, 296.

большею частью согласны между собою: когда известное положение отживает, его сторонники всегда оказываются бессильными в деле создания цельного, организованного действия, так как сами находятся в состоянии разложения и перерождения разных степеней; во-вторых, великий князь действовал, постоянно совещаясь негласно с важнейшими и деятельнейшими членами редакционных комиссий—Милютиным, Самариным, князем Черкасским и П. П. Семеновым. Вследствие этого великому князю удалось придти к соглашению с графом Паниным: повинности крестьян были сохранены в том размере, который был установлен редакционными комиссиями, но размеры наделов в ряде уездов были главным комитетом значительно понижены: отрезка, которой так боялся Ростовцев как мотива для крестьянского бунта, была еще увеличена [1]).

14 января 1861 года проект Положений, измененный в указанном сейчас смысле главным комитетом, передан был в государственный совет. Членам государственного совета дано было 30 дней для ознакомления с проектом и с журналом главного комитета, но еще до истечения этого срока, 28 января, Александр II открыл заседание совета по делу о Положениях своей речью, в которой настаивал на необходимости реформы и на ее неотложности: он желал об'явить о ней к началу полевых работ; он заранее соглашался, однако, на отдельные конкретные поправки в пользу помещиков [2]).

И эти поправки были сделаны и утверждены императором: в ряде местностей государственный совет понизил наибольшие и наименьшие нормы надела, высший и низший надел, и, что еще важнее, ввел по предложению князя Гагарина так-называемый даровой или четвертной надел: помещикам, по настоянию крупно-владельческого дворянства, разрешено было давать крестьянам наделы не на выкуп, а даром, причем эти даровые наделы равнялись четверти высшего надела для данной местности, почему и назывались четвертными; они, следовательно, были очень малы, создавали, согласно идеалу крупных помещиков, настоящих батраков с наделом, и пото-

---

[1]) Иванюков, Падение крепостного права, стр. 390—391; Корнилов, Крестьянская реформа, стр. 154—155.

[2]) «Русская Старина» за 1880 г., февраль, стр. 375.

му названы были потом интеллигенцией нищенскими, а у крестьян получили наименование сиротских. Последнее заседание государственного совета состоялось 17 февраля. 19 февраля 1861 года проект Положений со всеми изменениями был утвержден Александром II, а 5 марта был оглашен манифест о реформе.

Каков же был конечный результат реформы в ее основном экономическом содержании?

Первый вопрос здесь—о том, сколько земли получили крестьяне по Положениям 19 февраля 1861 года.

Положения 19 февраля сохранили известное уже нам деление всех губерний на две категории—первую, состоящую из великорусских, белорусских и новороссийских губерний, и вторую—из губерний малороссийских,—и деление первой категории на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную [1]). Но в делении полос на местности и в нормах наделов Положением произведены были важные изменения сравнительно с первоначальными предположениями редакционных комиссий. В нечерноземной полосе, как мы видели, комиссии первоначально предполагали установить семь местностей с высшими наделами от $3\frac{1}{4}$ до 8 десятин, а Положения установили девять местностей с высшими наделами от 3-х до семи десятин и с низшими, равными трети высших, т.-е. от 1 десятины до $2\frac{1}{3}$ дес. В черноземной полосе сначала предполагалось шесть местностей с высшими наделами от трех до шести десятин, а вышло восемь местностей с высшим наделом от $2\frac{3}{4}$ до 6-ти десятин и с низшим от $\frac{11}{12}$ до 2-х дес. Указный надел в отдельных местностях степной полосы остался без изменений—равнялся от $6\frac{1}{2}$ до $12\frac{1}{2}$ дес. Во второй категории—малороссийской—установлены были очень мелкие и разнообразные нормы надела, особые пешие полевые участки, и низший размер надела определен был в половину высшего. Сверх того, как было уже сказано, для всех категорий, полос и местностей введен был даровой надел, равный четверти высшего.

При реальном осуществлении всех этих постановлений в 57 губерниях оказалось, что даровой надел получили 461 тысяча ревизских душ, что в 36-ти нечерноземных губер-

---

[1]) Сюда входили целиком: Воронежская, Курская, Симбирская и Харьковская губернии и части 12-ти средних и Поволжских губерний,

ниях отрезано было от наделов крепостного времени 18,1% крестьянской земли, а в 26 черноземных 26,2% площади крепостных наделов. В отдельных черноземных губерниях отрезка достигла огромных размеров: в Самарской 44%, в Саратовской 41%, в Полтавской и Екатеринославской 40%, в Казанской 32%, в Харьковской и Симбирской 31%, в Пензенской 28%, в Таврической 27%, в Черниговской и Воронежской 25%, в Тамбовской 24%, в Курской 22%. В 15-ти нечерноземных губерниях отрезка в среднем не превышала 10 процентов. В общем и целом отрезано было у крестьян от их крепостных наделов 20% их площади, т.-е. одна пятая [1]).

Результат для целого ряда местностей получился совершенно очевидный: то было малоземелье, часто выраженное весьма резко, доходившее до острого земельного голода.

Но это еще не все. При конкретном распределении земли между крестьянами и помещиками, большинство помещиков устанавливали совершенно сознательную огромную чересполосицу: крестьяне оказывались отрезанными помещичьей землей от водопоя, леса, большой дороги, церкви, иногда даже от своих пашен и лугов; часто помещичья земля клиньями врезывалась в крестьянскую. Отсюда происходили потравы помещичьих посевов крестьянским скотом, штрафы, с этим связанные. Вследствие этого, а также по причине невозможности свободного проезда вне помещичьей земли к необходимым угодьям, церкви и к большой дороге крестьяне вынуждались к необходимости аренды помещичьей земли во что бы то ни стало, на каких угодно условиях. Чересполосица не менее повелительно, чем малоземелье, диктовала это крестьянству.

На каких же условиях были получены крестьянами эти малые, в большинстве случаев совершенно недостаточные и притом сплошь и рядом чересполосные с помещичьей землей наделы?

Здесь прежде всего обращает на себя внимание чрезвычайно высокая оценка наделов, скрывавшая в себе выкуп личности крестьянина. По продажным ценам на землю, существовавшим в 1854—1858 годах, ценность надела в черноземных губерниях равнялась 219 рублям, а по выкупу—

---

[1]) Лосицкий, Выкупная операция, Спб. 1906.

342 рублям, так что черноземные помещики получили премию при выкупе в размере 123 рублей с надела — свыше 56%. Иными словами, если бы крестьяне вышли на волю без земли и без выкупа, и имели средства для покупки земли, то могли бы купить эту землю более чем на треть цены дешевле выкупа. Еще выше была премия в нечерноземных губерниях: она равнялась здесь 187 рублям на надел, стоивший по рыночным ценам только 155 руб., а выкупленный за 342 рубля, так что доходила почти до 121%; здесь крестьянин мог бы купить землю за цену низшую, чем он заплатил при выкупе, в 2¹/₅ раза [1]).

Значит, крестьянин не только получил мало земли и получил ее черезполосно, но и заплатил за нее непомерно дорого, лишен был при выкупе в очень большой мере своей покупательной способности; поэтому, между прочим, ему сильно затруднена была, даже сделана большею частью невозможной и денежная аренда земли.

Выкуп был, конечно, главным из условий наделения землей, наиболее важным для обеих сторон. Наличность его и его непомерной для крестьянского хозяйства тяжести, при малоземелье и черезполосице, вынуждала крепостническую аренду земли крестьянами за отработки, совершенно подобные крепостной барщине, и исполу — из половины или вообще какой-либо доли урожая,—что соответствовало крепостному оброку.

Но мало того: не только крестьянин выкупными условиями освобождения вызывался к сохранению крепостного хозяйства и после отмены крепостного права, но и помещик не получил от выкупной операции достаточного для ведения буржуазно-предпринимательского сельского хозяйства капитала. Выкупная сумма, следовавшая к получению помещикам, простиралась до 900 миллионов рублей. Но из них 398 миллионов числилось за помещиками в долгу за имения, заложенные ими в сохранных казнах—петербургской и московской, а всего долгов на помещичьих имениях было не менее 425 милл. рублей, так что реализовано было поэтому посредством получения процентных бумаг—выкупных свидетельств—не более 475 милл. рублей, значительная часть которых была направлена на потребительные, а не на про-

¹) Там же, стр. 16; приложение, табл. I

изводительные цели, т.-е. была попросту прожита, а не затрачена на постановку нового капиталистического сельского хозяйства. Вот почему и помещики склонны были сдавать свою землю в аренду не на капиталистических, а на крепостнических условиях. Даже тогда, когда земля арендовалась крестьянами за деньги, эта аренда не имела капиталистического характера, так как помещик «сдавал землю, а не фермы», т.-е. сам не улучшал земли, не производил мелиораций, не вкладывал в землю капитала, а крестьянин обрабатывал арендованную землю не капиталистически, а с потребительными целями и теми примитивными способами и орудиями, какими он пользовался на своем наделе.

Но было еще одно условие наделения землей, которое наглядно обнаруживало силу крепостнических тенденций в дворянстве: это — необязательность выкупа для дворян по Положениям 19 февраля. Только в 1881 году выкуп стал повсеместно обязательным, да в 1864 году, после польского восстания, он сделан был обязательным в западных губерниях, где большинство помещиков принадлежало к польской национальности. Если взять только те губернии, в которых выкуп был необязателен и вычесть из числа не согласившихся на выкуп оброчные имения, которые расчитывали на повышение оброка через 20 лет, то окажется, что из тех помещиков, которые в переходный период, при сохранении временно-обязанного положения, сохранили у себя барщину, целая половина к 1 мая 1864 года не пошла на выкуп, сохранила чистое крепостное хозяйство, и только другая половина попробовала поставить свое хозяйство на сколько-нибудь капиталистическую почву [1]).

Нам уже известно из IX тома нашего труда, какое огромное значение для дальнейшего производственно-капиталистического развития имеют экономические условия отмены крепостного права. Мы наблюдали в данном отношении четыре основных типа создания исходного пункта развития производственного капитализма: английский, американский, восточно-германский (прусский) и французский; английский отличался полным обезземелением, пролетаризацией крестьянства, американский земельным равенством, чем-то по-

---

[1]) Покровский, Русск. история, V, стр. 85—86.

добным поравнению или «черному переделу», восточно-германский—обезземелением мелкого крестьянства и созданием «крепкого» и зажиточного крестьянского хозяйства, деревенской буржуазии, мелко-предпринимательской, собственнической до мозга костей; французский тип отличался образованием массы мелких и средних крестьянских хозяйств при сохранении и умножении капиталистических сельскохозяйственных предприятий. При этом быстрота и мощь капиталистического развития находятся, как мы видели, в сильной зависимости от того или иного типа создания исходного пункта всего процесса: английский и американский типы дали наибольшие быстроту и мощь развития производственного капитализма, восточно-германский тип сопровождался также быстрым и сильным капиталистическим развитием, но все же не достигшим той степени, как в Англии и Америке, а французский повел к более медленному и менее мощному процессу производственно-капиталистической эволюции. Особо стоял на Западе факт аграрного развития Ирландии, где крупные землевладельцы сдавали земли в продовольственную, не капиталистическую аренду и сами являлись простыми паразитами, извлекавшими хищнически, крепостнически земельную ренту из сдачи земли мелким съемщикам.

Русский тип отмены крепостного права, явившийся исходным пунктом производственно-капиталистической эволюции России, является особым, своеобразным во многих отношениях. Он не сопровождался ни черным переделом, которого желали крестьяне, ни полной пролетаризацией крестьянства; от французского типа он отличился большим малоземельем, черезполосицей, тяжелым выкупом; в отношении крепостнической аренды он напоминал положение в Ирландии. Типичная реформа, предпринятая и проведенная правящими классами, хотя и из боязни крестьянской революции, но в интересах именно этих правящих классов, только наполовину обуржуазившихся, а на половину сохранивших крепостническую природу, — падение крепостного права в России являло собою пример создания наиболее отсталых условий развития производственного капитализма.

Господа положения создали себе этой реформой максимальное обеспечение своих интересов, какое только было возможно в создавшихся тогда обстоятельствах. Достигли-

ли они важнейшей цели реформы — предотвращения крестьянской революции?

Несомненно, цель реформы была на время достигнута. Правда, в первые годы после введения в действие Положений 19 февраля было много крестьянских волнений. В 1861 году число их дошло до 784, причем с апреля по июнь произошло 647 волнений, а в остальные 6 месяцев 137. Особенно сильны были они в губерниях: Казанской, Пензенской и Тамбовской. В имении Мусина-Пушкина, селе Бездне Пензенской губ., крестьяне под руководством старообрядца Антона Петрова отказались отбывать повинности; применена была военная сила, и по оффициальным сведениям, далеко отстававшим от действительности, были убиты 51 чел. и тяжело ранены 40; Петров, по приговору военно-полевого суда, был расстрелян. В Пензенской и Тамбовской губерниях в четырех соседних уездах движение захватило крестьянскую массу в 163 тысячи душ. В Черниговской губ., к слободе Каменской Новгород-Северского уезда примкнули 25 сел с населением в 69 тыс. человек. Введение уставных грамот произвело на крестьян впечатление новой попытки их закрепощения и повело к тому, что в первой половине 1862 года число волнений удвоилось сравнительно со второй половиной 1861 года. Каторга, шпицрутены, розги — таковы были средства расправы правительственной власти. Всего в 1862 г. было 388 случаев крестьянских волнений. После 19 февраля 1863 г. крестьяне стали отказываться и от исполнения повинностей, и от обработки своих полей в убеждении, что ими будет получен даровой надел в ¼ высшего, независимо от воли помещиков, и что сверх того земля для них будет выкуплена на казенный счет. Такого рода движением охвачены были 16 губерний. Сверх того, в семи губерниях крестьяне отказывались от перенесения усадеб на новые места и от получения пособий на это: принудительное разверстание угодий по уставным грамотам вызывало их протест. Всего в 1863 г. было 122 случая крестьянских волнений. Только с 1864 г. волнения стали стихать [1]). Из сказанного видно, что они постепенно шли на убыль и все время лишены были единства, одновременности, общей организации, не вы-

[1]) Попельницкий, Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами: «Совр. Мир» за 1911 г.

лились во всероссийское крестьянское восстание, тем более, что царистские иллюзии были сильны: верили в царя и в его заступничество за народ, ожидали чистой воли именно от него.

Польское восстание 1863 года побудило правительство к борьбе с польским дворянством. Это отразилось, прежде всего, на положении русских и литовских крестьян в Западном крае. Здесь указами 1 марта и 2 ноября 1863 года и 28 апреля 1865 года введен был обязательный выкуп наделов, причем выкупная сумма была установлена ниже, чем в центральной и южной России; она получилась не путем капитализации оброков из 6%, а предварительно, прежде этой капитализации, оброчная годовая сумма понижена была на 20%. Крестьянам были отведены все земли, какими они пользовались. Безземельные крестьяне Северо-Западного края были наделены тремя десятинами на семью [1]). Вследствие всех этих мер крестьянские наделы в губерниях Западного края были увеличены на 25—70%, а повинности уменьшены от 60 до 182% в юго-западных губерниях и от 2 до 16% в северо-западных [2]).

В самой Польше необходимость наделения крестьян землей в собственность была создана декретом революционного польского правительства 10 января 1863 года: по этому декрету, вся земля, которою пользовались крестьяне, объявлена была их собственностью, а помещикам обещано было вознаграждение за землю из национального фонда [3]).

Русскому правительству для того, чтобы отвлечь польское крестьянство от революции, оставалось только одно: перехватить демагогическую инициативу у революционного правительства Польши. Оно так и сделало. В Петербург был вызван Милютин, и 31 августа 1863 года Александр II предложил ему взять на себя осуществление наделения землей польских крестьян. Милютин, после совещания с Самариным, согласился. Познакомившись с положением дела по литературе и на основании объезда некоторых местностей, охваченных восстанием, Милютин и Самарин составили до-

---

[1]) Корнилов, Крестьянская реформа, стр. 186.

[2]) Янсон, Опыт исследования о крестьянских наделах и платежах, стр. 111—112.

[3]) Корнилов, Очерки по истории общественного движения при Александре II, стр. 367 и след.

клад Александру II. Император одобрил основания этого доклада и поручил рассмотреть его особому комитету под председательством князя Гагарина, с участием Милютина, Самарина и князя Черкасского. Так как дело шло о польских помещиках, то большого сопоставления планы Милютина не встретили. По его письмам к жене, бывшие его противники — граф Панин, Муравьев и другие с ним соглашались. Как и в декрете революционного правительства, в Положении 19 февраля 1864 года польские крестьяне получили все земли, которыми они пользовались на арендных основаниях, а выкуп этих земель у помещиков принят был на счет государства [1]).

В 1863 г. освобождены были с наделами удельные, государевы и дворцовые крестьяне в России, а в 1866 году крестьяне государственные. Удельные крестьяне были уравнены в правах с государственными еще в 1858 г., а в 1859 г. то же сделано было с крестьянами государевыми и дворцовыми. Все они тогда были подчинены министерству государственных имуществ вместе с государственными крестьянами. Во главе этого министерства стоял до 1862 г. такой заядлый крепостник, как М. Н. Муравьев; поэтому, первоначально предполагалось сильно урезать наделы удельных, государевых, дворцовых и государственных крестьян. Но с выходом в отставку Муравьева все эти разряды крестьянства получили наделы, близкие к тем, какими они пользовались, будучи крепостными. Вообще, поэтому, их положение в отношении земельного обеспечения было несравненно лучшим, чем положение бывших помещичьих крестьян [2]).

[1]) Из записок М. А. Милютиной: «Русская Старина» за 1899 г.; Освобождение крестьян, — деятели реформы, стр. 241—243, 289.

[2]) Корнилов, Крестьянская реформа, стр. 188—190; Янсон. Опыт статистического исследованиия о крестьянских наделах и платежах.

II.

Хозяйство шестидесятых и семидесятых годов.

Реформа 19 февраля 1861 г. сопровождалась, несмотря на свою половинчатость и свое соответствие интересам крупных помещиков, целым рядом последствий в области хозяйства, в обществе, государстве и в духовной культуре. Само собой разумеется, что характер реформы, в предыдущем изложении установленный, отразился весьма ясно и отчетливо во всех указанных сейчас сторонах общественной жизни: реформа была более, чем умеренной, приспособленной к интересам правящего класса; и ее последствия сохраняли, естественно, то же направление и тот же тип. Это прежде всего сказалось в народном хозяйстве.

Чтобы определить положение сельского хозяйства 60-х и 70-х годов, надо установить условия сельскохозяйственного, главным образом, хлебного, рынка — внешнего и внутреннего.

Для изучения внешнего рынка важны размеры вывоза русского хлеба заграницу и цены на хлеб на мировом рынке.

В шестидесятых годах — между 1861 и 1870 годами — из России заграницу вывозилось в год в среднем 110 миллионов 200 тыс. четвертей хлеба. В следующее затем десятилетие — с 1871 по 1880 год средний ежегодный вывоз хлеба достиг 243 миллионов 200 тысяч четвертей [1]), на 120% или в $2^1/_5$ раза больше. Хлебные цены на мировом рынке росли за это время также весьма значительно, хотя и не в такой степени, как русский хлебный экспорт: четверть пшеницы

[1]) В. Михайловский, Развитие русской железнодорожной сети. «Труды Вольно-Экономического О-ва» за 1898 г., книга 2-я.

стоила в 1861 году 5 рублей и 8 рублей в 1880 году; четверть ржи повысилась за то же время с 3-х до 6-ти рублей. Это значит, что пшеница вздорожала на 60%, а рожь на 100%, т.-е. вдвое. Таким образом, условия внешнего сельскохозяйственного рынка в первые два десятилетия после отмены крепостного права были весьма благоприятны.

Переходя к внутреннему рынку, следует отметить и его несомненный рост в 60-х и 70-х годах. Та дифференциация территории России в сельскохозяйственном отношении, которая, как мы видели в свое время, начала определяться еще в XVIII веке и продолжала развиваться в первой половине XIX столетия, получила уже свое вполне отчетливое и ясное выражение в изучаемое время: страна разделилась определенно на потребляющие и производящие хлеб районы. К потребляющим губерниям, которым своего хлеба не хватало, принадлежали север и центр Европейской России, Восточная Сибирь, та часть Средней Азии, которая тогда входила в состав государства. Производящими были черноземный юг, Поволжье, Западная Сибирь. Конечно, и в потребляющих губерниях был сбыт хлеба на местный рынок. Производящие работали на обширный внутренний рынок, не считая внешнего. Уже во второй половине 60-х годов внутренний рынок поглощал 236 миллионов 600 тысяч пудов хлеба; к концу 70-х годов его емкость дошла до 300 милл. пудов [1]).

Присматриваясь ближе к условиям внутренней хлебной торговли 60-х и 70-х годов, надо отметить увеличение здесь значения железнодорожных путей сообщения. Во второй половине 60-х годов 48% всех хлебов, обращавшихся на внутреннем рынке, перевозилось по водным путям, 37%—гужевым способом и только 15%—35½ милл. пудов следовало по железным дорогам [2]).

В 1876—1880 годах картина существенно, даже резко меняется: на внутренние рынки по железным дорогам перевозилось тогда в год 120½ милл. пудов разных хлебов, т.-е. почти в 3½ раза больше, чем десять лет тому назад, причем рост железнодорожных перевозок происходил на счет уменьшения значения водных путей [3]). Параллельно этому росло и

---

[1]) Лященко, Очерки аграрной эволюции России, т. I, стр. 244.
[2]) Чупров, Железнодорожное хозяйство, т. II, М. 1878, стр. 242.
[3]) Там же.

значение хлебных грузов в числе других грузов малой скорости, перевозимых по железным дорогам: в 1870 году хлебные грузы составляли 27,5% всех грузов малой скорости, в 1874—41,1%, а на южных дорогах даже 73% [1]). Пока, однако, железные дороги обслуживали больше внешний, чем внутренний рынок: в 1876—1880 годах ежегодно в среднем на внутренний рынок вывозилось железнодорожными путями 120½ милл. пудов хлеба, а на внешний 101 милл пуд. [2]). В общем можно сказать, что уже определилось во всех отношениях влияние железнодорожных перевозок на сбыт сельскохозяйственных товаров: железные дороги расширили сельскохозяйственный рынок, уничтожили местную обособленность, изолированность рынков; они затем увеличили цены на хлеб в производящих районах на 73, 85, даже 100%, т.-е. содействовали приблизительному уравниванию цен на всей территории страны; далее: железные дороги содействовали в особенности увеличению сбыта крестьянского хлеба, создав массу новых мелких скупщиков. Обыкновенно это последнее явление характеризуют как демократизацию или децентрализацию обмена [3]). Едва-ли, однако, можно с этим согласиться без весьма существенной оговорки: мелкие скупщики составляли в данном случае только нижний этап здания, первое звено цепи: они объединялись средними и высшими капиталистами-торговцами вплоть до крупных экспортеров, так что, несомненно, совершался процесс роста крупного торгового капитала, руководившего в последнем счете всем сельскохозяйственным обменом.

Быстрое увеличение влияния железных дорог, а также ясность, определенность и многообразие этого влияния неудивительны: железнодорожное строительство делало большие успехи; в 1886 г. вся русская железнодорожная сеть составляла только 1.910 верст, а к началу 80-х годов ее длина достигла 21 тысячи верст [4]), т.-е. увеличилась более, чем в 10 раз.

Внутренний хлебный рынок в России того времени имел важную особенность: он не мог вместить всего предлагаемого

---

[1]) Там же.

[2]) Лященко, Очерки аграрной эволюции России, т. I, стр. 233

[3]) Там же, I, стр. 234 и след.

[4]) Кислинский, Железнодорожная политика.

осенью к продаже хлеба. Отсюда вытекает необходимость для крестьян и вообще мелких производителей зерна, срочно, неотложно нуждавшихся в деньгах, производить вынужденные и убыточные продажи хлеба, причем часто и это достигалось ценою голодания, приводило к голоду и нужде; весною оказывалась нехватка хлеба, и приходилось покупать его дорогой ценой. Крупные производители, конечно, могли выжидать. Таким образом крестьянское производство хлеба явилось типичным производством на скупщика, торгового капиталиста. От этого скупщика независимым, или менее зависимым был крупный производитель. Естественно, это влияло на размеры производства: мелкие сельскохозяйственные производители оказывались в положении несравненно худшем, чем крупные. Создавалась почва для концентрации сельскохозяйственного производства.

Уяснение условий рынка дает возможность перейти к обоснованному изучению организации сельского хозяйства с технической его стороны.

Запашка с 1860 по 1881 год выросла на 14,3%—с 82½ милл. десятин до 94⅛ милл. десятин [1]). В то же время чистый (за исключением семян) ежегодный сбор хлеба увеличился с 220 милл. четвертей в начале 60-х годов до 253 милл. четв. в 70-х [2]), т.-е. на 15%.

Сравнение роста запашки и чистого сбора показывает, что интенсификация шла крайне медленно: 14,3% и 15%—это почти одно и то же. Относящаяся к 1881 году перепись угодий указывает также на невысокую интенсивность сельскохозяйственного производства: 60,6% всей земледельческой площади занимала пашня, посевная площадь, 24,5% ее находились под паром, залежь занимала 14,9% [3]).

Большое значение имеют данные о посевах разных видов сельскохозяйственных растений. В 1881 году свыше 92% земледельческой площади находилось под зерновыми хлебами, 3% под льном и коноплей, около 1% занято было кормовыми травами, 0,3% свекловицей, 2% картофелем,

[1]) Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. I, стр. 44—45.

[2]) В. Покровский, Сборник сведений по ист. и стат. внешней торговли России, стр. 7.

[3]) Ден, Очерки по экономической географии, ч. I, стр. 318.

остальное находилось под стручковыми растениями. Малые посевы кормовых трав свидетельствуют о слабости плодосмена и многополья. Немного было и свекловицы и картофеля, так что нельзя предполагать и развитую индустриализацию сельского хозяйства. Разница, существовавшая в данном отношении между крестьянскими и некрестьянскими хозяйствами, говорит не в пользу первых: зерновые хлеба в крестьянских хозяйствах занимали 93% площади, а в некрестьянских 91%, кормовые травы на крестьянских землях составляли 0,1%, а на некрестьянских 3% земледельческой площади; что касается сахарной свекловицы, то она вся сеялась в некрестьянских хозяйствах [1]).

Важны данные о количестве лошадей. С 1864 по 1882 г. оно выросло почти на 16%, а количество остального скота только на 11½%. Таким образом процентный рост скота, если не считать лошадей, был медленнее роста запашек (14,3%) и чистого сбора хлебов (15%). Значит, скотоводство отступало перед земледелием, относительно падало, Россия становилась более земледельческой и менее скотоводственной страной, чем была прежде. Характерно в этом отношении и то, что только количество лошадей росло гораздо быстрее всего другого скота и даже быстрее запашек и чистого сбора: лошадь—главный земледельческий рабочий скот, и такой быстрый рост количества лошадей указывает и на относительное увеличение значения земледелия и на его интенсификацию.

Наконец, факт интенсификации подтверждается и статистикой урожайности: в 60-х годах ржи собиралось 6,7 четвертей с десятины, а в 70-х—7,5 четвертей [2]), т. е. на 12% больше. При этом в 80-х годах владельческие земли давали почти на 20% высшую урожайность сравнительно с крестьянскими [3]).

Итак, организация сельскохозяйственного производства с технической стороны в 60-х и 70-х годах являла собою пример успехов, но медленных и сравнительно небольших.

Это и понятно при не быстром расширении рынка, особенно внутреннего, и при наличности тех неблагоприятных

[1]) Там же, стр. 322.
[2]) Фортунатов, Урожаи ржи, стр. 81 и след.
[3]) Там же.

в хозяйственном смысле предпосылок, какие были созданы реформой 19 февраля 1861 года: гнилое, почти совершенно крепостническое решение вопроса об отмене крепостного права имело свои неизбежные, логические последствия.

Но для того, чтобы эти последствия выступили перед нашими глазами с полной отчетливостью и яркостью, необходимо анализировать еще формы хозяйства. Переходным моментом к этому анализу является исследование землевладения—его распределения и мобилизации.

Мы имеем такую картину распределения земли в Европейской России между разными суб'ектами владения в 1877 году: земли казны и уделов составляли тогда 41,8% всей площади (в том числе удельной земли считалось 2,0% всей площади); частные владельцы имели 24,9%; крестьянские надельные земли составляли 31,0%; наконец, земли учреждений—городов, церквей, монастырей и пр.—2,3% [1]).

К 1877 году с 1861-го дворянство потеряло уже 7 милл. десятин из той земли, которая за ним оставалась после реформы 19 февраля. Из этих семи миллионов два куплены были крестьянами и 5 милл. дес. городской буржуазией [2]). Земля вздорожала к концу семидесятых годов на 20% сравнительно с шестидесятыми [3]). Быстрее всего шла мобилизация мелкого землевладения: в 70-х годах мелких владений переходило из рук в руки путем продажи на 50% больше, чем в 60-х; в то же время средних переходило только на 10% больше, а крупных на 4% меньше, чем в 60-х годах [4]). Значит, во второе из изучаемых десятилетий мобилизация крупного землевладения шла медленнее, чем в первое; она была почти такой же по отношению к среднему землевладению и шла в высшей степени ускоренно в землевладении мелком; последнее очевидно находилось в тяжелом хозяйственном положении, испытывало острый кризис.

Количество купленной земли на сделку было везде больше количества проданной в полтора и в два раза [5]).

---

[1]) Статистический временник Росс. Империи, серия III, вып. 10, Спб. 1886.

[2]) Лященко, Мобилизация землевладения в России и его статистика: «Русская Мысль» за 1905 г., кн. I, стр. 51.

[3]) Там же, стр. 52.

[4]) Там же, стр. 53.

[5]) Там же, стр. 55.

Это значит, что продавались мелкие владения, а покупщики составляли из купленных земель более крупные владения. Иными словами, происходила концентрация земельной собственности, характерная для капиталистического хозяйства, хотя и не особенно быстрая. Только на юге происходило некоторое раздробление крупнейших имений. Это об'яснялось тем, что на них долго велось типично-крепостное хозяйство и для частичного даже их перехода к хозяйству буржуазному необходима была капитализация, невозможная, во всяком случае очень трудная на слишком обширной площади.

В результате всех этих явлений и процессов в 1877 году получилось такое распределение частновладельческих имений по размерам владения [1]):

	Процент числа владельцев.	Процент земли.
Мелкие (до 50 дес.)	77,6%	4,6%
Близкие к мелким (50—100 дес.) .	11,5%	6,2%
Средние (100—1000 дес.)	7 7%	18,8%
Крупные (свыше 1000 дес.)	3,2%	70,4%

В крестьянских надельных землях средний надел на душу между 1860 и 1880 годам уменьшился с 4,8 дес. до 3,5 дес. [2]), т.-е. на 27%, причем ни в одном районе не было исключения, противоречащих явлений. Следовательно, малоземелье в крестьянстве значительно обострялось.

Для изучаемого времени у нас нет прямых сведений о пролетаризации крестьянства, но есть косвенные на это указания: во-первых, в 60-х годах крестьянам было выдано долгосрочных паспортов 59 тысяч, а в 80-х—87 тысяч [3])—на 49% больше; долгосрочные паспорта выдавались, конечно, тем крестьянам, которые во всяком случае надолго, если не навсегда, оставляли свою землю; во-вторых, в 80-х годах 15 милл. десятин или 12% надельной земли сдавались крестьянами в аренду [4]), что также является признаком отрыва от земли; в третьих, наконец, в 1882 году в Европейской

[1]) Статистический Временник Росс. Империи. серия III, вып. 10.

[2]) Лященко. Мобил. землевл.: «Русская Мысль» за 1905 г., изд. 2-е, стр. 2.

[3]) Там же. стр. 10.

[4]) Там же, стр. 17.

России считалось уже около 27% безлошадных дворов, стоявших, очевидно, на грани пролетаризации.

Мы подошли таким образом в нашем исследовании сельского хозяйства того времени, к заключительному моменту, к итогу, резюме всего предыдущего: к формам хозяйства, во-первых, и к распределению хозяйственных благ, во-вторых.

Естественным результатом всех охарактеризованных выше условий и обстоятельств в области форм хозяйства оказалось то, что к восьмидесятым годам сельскохозяйственный капитализм восторжествовал никак не более, чем наполовину, на другую же половину сельское хозяйство в России осталось крепостническим, основанным на отработках, испольщине, обработке владельческой пашни крестьянским инвентарем—живым и мертвым. Хорошо известны цифры, приблизительно выражающие этот крупнейший по своему значению факт: из 45-ти губерний Европейской России в 19-ти преобладало капиталистическое сельское хозяйство, в 17-ти крепостническое, а в 9-ти обе формы хозяйства находились в приблизительном равновесии [1]).

Уже в предшествующем изложении частично была освещена главная черта распределения хозяйственных благ в русской деревне того времени—разорение мелкого, в особенности крестьянского хозяйства. К сказанному о тяжелых условиях обмена для мелких хозяйств и о концентрации земли следует добавить несколько ярких и характерных фактов, имеющих тот же смысл. Сюда относится прежде всего оффициальное свидетельство так-называемой Валуевской комиссии, относящееся к 1872 г. Комиссия эта учреждена была для исследования хозяйственного положения сельского населения, тревожившего правящие круги возможностью волнений и крестьянской революции, и она констатировала, что в черноземной полосе платежи, лежавшие на крестьянской земле, впятеро превышали ее доходность [2]). Специальным статистическим исследованием установлено было затем, что в нечерноземных губерниях при полном наделе к 80-м годам платежи были выше доходности на 200—275%, и в губерниях черноземных на 124% [3]). Наконец, само

[1]) Вл. Ильин, Развитие капитализма в России.

[2]) Лященко, Очерки аграрной эволюции, I, стр. 221.

[3]) Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах.

правительство в 1881 году нашло себя вынужденным понизить выкупные платежи на 27%

Переходя к индустрии, надо заметить, что как раз по отношению к 60-м и 70-м годам материалов опубликованных и обследованных далеко недостаточно, так что целый ряд вопросов, сюда относящихся, остается не вполне освещенным. Дальнейшие успехи исследования могут быть в будущем достигнуты только после детальных архивных розысканий и после полной сводки материалов специальной и местной печати.

Не подлежит, однакоже, сомнению, что 60-е и 70-е годы были первым моментом развития русской пореформенной индустрии, первым порывом к росту индустриального капитализма в России.

Обращаясь к частностям этого в высшей степени важного и интересного процесса, приходится отметить прежде всего, что на первых порах после реформы, в начале 60-х годов, произошла задержка в индустриальном развитии. Крестьянская реформа и ее осуществление потрясли индустрию, разрушив в ней крепостные отношения прямо и в то же время выдвинув новые условия и обстоятельства посредством тех перемен, которые произошли в сельском хозяйстве. Наибольших размеров достигло это потрясение в хлопчатобумажной промышленности: в 1862 году хлопка на русских фабриках переработано было в 3½ раза меньше, чем в 1860 году. За то же время чугуна выплавлено было меньше на 25%, а что касается суконного производства, то количество суконных фабрик уменьшилось на 15½%, а число рабочих на 24,2%[1]).

Все эти факты верно подмечены и в общем правильно об'яснены. Но разбор некоторых их деталей, не делаемый в литературе, заставляет сделать одно важное добавление: оказывается, что потрясение, при всей своей силе и значении попятного шага, имело и положительную сторону, — именно сопровождалось зародышами технического прогресса. В самом деле в суконном производстве, в котором, как мы видели сейчас, число фабрик уменьшилось на 15½%, а количество рабочих на 24,2%, выработка почти не сократилась: в 1860 г. сукна произведено было на 26 милл. 200 тыс. руб., а

[1]) Туган-Барановский, Русская фабрика, I, стр. 308 и след.

в 1862 на 26 милл. 100 тыс. [1]). Это значит, что улучшилась техника производства, так как результаты производства остались почти совершенно неизменными при сокращении числа рабочих почти на четверть. Выражаясь терминами Маркса, можно сказать, что строение капитала изменилось в направлении роста постоянного капитала, т.-е. расходов на материалы и машины. Другими словами, совершался ясно выраженный процесс капитализации в суконной индустрии.

И, разумеется, это не ограничивалось только производством сукон, а получило свое выражение во всех отраслях фабричной промышленности. Характерна в этом отношении хлопчатобумажная промышленность. Там при крепостном праве часто, как нам уже известно из предшествующих томов нашего труда, пряжа и ткань делались вне фабрики, кустарями, только набойка и раскраска производилась на фабрике; в лучших случаях $^1/_{10}$ производства шла на фабрике, $^9/_{10}$ в кустарной избе. Конечно, и в 60-х годах было много остатков крепостного прошлого, но они быстро шли на убыль и заменялись новыми порядками. В 1866 году всех хлопчатобумажных рабочих в России было 161 тыс. человек; из них уже большая часть — 95 тыс. человек работали на фабрике, и только 66 тысяч на дому: на фабрике работало почти 59% всех рабочих [2]), и это, конечно, свидетельствует о значительных успехах фабричной техники.

Уже сделанное сейчас наблюдение показательно в смысле роста фабричной индустрии в 60-х и 70-х годах. Тенденция к этому росту, хотя и не сильная, не напряженная, не подлежала, однакоже, сомнению. Вновь основанные в 1861 г. акционерные предприятия имели капиталы только в 5 милл. 550 тыс. руб., но в 1880 году капиталы основанных вновь акционерных предприятий дошли уже до 51 милл. 165 тыс. [3]). Производство в хлопчатобумажной промышленности между 1867 и 1876 годами поднялось на 42½%, выплавка чугуна за то же время увеличилась на 54,3%, производство литого металла — железа и стали, — правда, оставалось весьма малым, но относительно увеличилось в 16½ раз — с 0,5 милл. пудов в 1870 г. до 8,3 милл. п. в 1880 г., — добывание железа —

---

1) Там же.

2) Туган-Барановский, Русская фабрика.

3) Статистика акционерного дела в России вып. 2-й Харьков. 1900, стр. 18.

на 31,5% [1]). Каменного угля добыто было в 1860 г. 18 милл. пуд., а в 1880 г. уже 200 милл. пуд., т.-е. в 11 раз больше [2]); нефти в 1880 г. было добыто только 20 милл. пудов, но и то было огромным увеличением — по крайней мере в 32 раза [3]).

Изучение цифр, указывающих на капиталы вновь основывавшихся каждый год акционерных предприятий, убеждает в том, что сразу же в русской промышленности пореформенного времени наметилась смена под'емов кризисами и депрессией. Так, депрессия наблюдалась с 1861 до 1869 г.: в эти годы капиталы вновь основываемых предприятий составляли обычно 2, 3, 4, 5, 6, 7 миллионов в год и только в 1868 году превысили 10½ милл. С 1870 г., когда эти капиталы достигли почти 23½ милл. руб., начинается под'ем, захватывающий и следующие три или четыре года, в которые капиталы новых акционерных компаний составляли сумму в 31, 62, 51, 87 миллионов. С 1875 по 1878 г. происходит кризис, — понижение основных капиталов новых компаний до 37, 38, 25 и даже (в 1878 г.) до 8 миллионов. Наконец, 1879, 1880 и 1881 годы представляют собою снова под'ем: они последовательно дают 28½ милл., более 51 милл. и более 50 милл. руб. [4]).

Обращаясь к изучению индустриальной техники, надо повторить указание на несомненный технический прогресс в текстильной промышленности, вытекающий из приведенных выше данных об уменьшении числа суконных фабрик и рабочих при сохранении прежней выработки, а также из сокращения числа хлопчатобумажных рабочих-кустарей и соответственного увеличения рабочих на фабриках, что сопровождалось, конечно, введением паровых двигателей вместо ручных станков.

В железоделательном и чугуноплавильном производстве выработка кричного железа в домницах и выделка его из чугуна путем фришевания (освежения) жидкого железа, оставшегося в домнице, начала исчезать и заменяться пудлингованием, бессемерованием и применением мартеновских

---

[1]) Сборник статистич. сведений о горнозаводской промышленности России.

[2]) Радциг, Каменноугольная промышленность всего света, стр. 3.

[3]) В 1860 г. ее добывалось 600 тыс. пуд.: В. Покровский, К вопросу об устойчивости активного баланса.

[4]) Статистика акционерного дела в России, вып. 2-й, стр. 18.

печей [1]). Начало этого важного технического перелома в России относится к пятидесятым годам. С шестидесятых успехи становятся более заметными: старые доменные печи стали заменяться новыми, обладавшими большей производительностью; холодное дутье начало постепенно уступать свое место горячему; пудлингование конкуррировало уже с кричным способом, паровой молот с деревянными вододействующими молотами. Но, констатируя некоторые технические успехи железоделательного и чугуноплавильного производства, необходимо для изучаемого времени сделать некоторые весьма существенные оговорки: во-первых, бессемерование и применение мартеновских печей едва только начинались, были в зародыше, во-вторых и, главным образом, именно вследствие этого выработка чугуна на одну доменную печь оставалась незначительной, — она составляла 151 тысячу пудов, в 4½ раза меньше средней нормы начала XX века; в третьих, процент доменных печей с холодным дутьем оставался еще очень большим, — доходил до половины (50%); в четвертых, наконец, улучшенные способы производства требовали минерального топлива, а у нас еще в 1881 году 90,8% чугуна плавилось на древесном топливе, 0,4% на смешанном и только 8,8% на минеральном [2]). То же самое надо повторить и о каменноугольной промышленности: здесь долго, особенно в Донецком бассейне, преобладали мелкие, крестьянские разработки, с низшей техникой, не проникавшие глубже горизонта почвенных вод; так часто обстояло дело даже в начале 80-х годов; тем не менее и в каменноугольной промышленности с шестидесятых годов начинается развитие капиталистической техники, десятками считаются паровые машины, тысячами паровые силы, почему и выработка угля на одного рабочего достигает 7—9 тысяч пудов в год [3]).

Каковы же были результаты всего этого медленного, худосочного, малокровного процесса индустриально-капиталистического развития России в первые два десятилетия после реформы 19 февраля?

---

[1]) Технический смысл этих усовершенствований об'яснен в IX томе нашего труда.

[2]) Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность. стр. 95.

[3]) Там же, стр. 42—43, 46.

Как и надо было ожидать по условиям осуществления реформы и по состоянию в те же десятилетия сельского хозяйства, они оказались очень скромными. Сумма производства всей русской индустрии в 1877 г. дошла только до 541 милл. руб. [1]).

Какую часть внутреннего потребления фабрикатов покрывало это производство?

Ответ на этот вопрос дают следующие цифры, относящиеся к 1881 г.: 40% всех потребовавшихся продуктов текстильной промышленности, 32% чугуна, 23% железа ввозились тогда из-заграницы [2]). Можно, кажется, сказать в общем, что внутреннее производство покрывало две трети потребностей населения в продуктах индустрии. А так как эти две трети не превышали тогда 600 милл. руб., то, значит, все потребление страны нельзя оценить выше 900 милл. руб., самое большее—одного миллиарда. Это—очень мало.

Очевидно, население было бедно, рынок узок. В результате к концу 70-х годов, несмотря на зачаточное развитие русского промышленного капитализма, его постигла обычная боязнь капиталистического хозяйства—экономический кризис. И все это совершенно естественно и понятно: мы видели уже, в каком тяжелом хозяйственном положении оказалось крестьянство—этот главный массовый потребитель товаров: его покупательная способность была ничтожна, минимальна; что касается рабочих, то денежная заработная плата в Московской губернии в 80-х годах была вчетверо ниже, чем в Англии, и впятеро ниже, чем в Соединенных Штатах Америки, а цены на предметы потребления были в Англии и Америке только в 1½ раза выше, чем в Московской губ., следовательно, реальная заработная плата рабочего Московской губернии была втрое ниже, чем в Соединенных Штатах [3]); это являлось следствием неполной пролетаризации, отсутствия организации, слабости сознания рабочими своих классовых интересов; но следствием этого была так же, как и у крестьянства, слабая покупа-

[1]) Туган-Барановский, Русская фабрика, I.

[2]) Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность, стр. 56, 176, 177.

[3]) Дементьев, Фабрика, — что она дает населению и что она у него берет, изд. 2-е, стр. 164—183.

тельная способность рабочих масс. Узость рынка таким образом дополнялась пауперизмом рабочего класса.

Предшествующее изложение, характеризующее положение народного хозяйства, дает почву для понимания хозяйства государственного.

Исходный пункт изучения государственного хозяйства—бюджет и притом бюджет обыкновенный. Учитывая его, надо, однако, для того, чтобы не уклониться от действительности, всегда помнить, что кроме обыкновенного бюджета существует еще бюджет чрезвычайный—не столько доходный—чрезвычайные доходы всегда были столь ничтожны, что они в счет не идут,—сколько расходный: это—займы на железные дороги и экстренные военные нужды и на кредитные операции. Об этом чрезвычайном расходном бюджете у нас речь пойдет особо тогда, когда будет изучаться государственный кредит.

Основами обыкновенного доходного бюджета государства являются налоги—прямые (на доход) и косвенные (на потребление) и хозяйственные доходы государства—от государственных имуществ. Мы не причисляем к этой последней категории ни доходов от государственных предприятий, потому что эти предприятия тогда, когда они развились в русском государственном хозяйстве, стали в значительной мере заменять косвенные налоги, ни государственных регалий (почта, телеграф, монетное дело и т. д.), которые, поскольку они дают чистый доход, являются также по значению соответствующими косвенным налогам, облагающим потребление.

Если, таким образом, все доходы государства распределить на три разряда, то между ними получится для начала и конца периода такое соотношение: в 1861 г. прямые налоги составляли 13,4% обыкновенного доходного бюджета, косвенные 79,1%, государственные имущества давали 7,5%; в 1880 г. на прямые налоги приходилось 30,8%, на косвенные 60,9%, на государственные имущества 8,3%.

Первый вывод, который отсюда получается, состоит в относительном падении косвенных налогов и в таком же относительном росте прямых. Это, несомненно, буржуазная тенденция, потому что культурному капитализму, как показывают в особенности примеры Англии и Пруссии, свойственна система по преимуществу прямого обложения. Буржуазному

государству эпохи хищнического, элементарного, грубого капитализма свойственно преобладание косвенного обложения: и эта черта оказывается характерной именно для русского бюджета 60-х и 70-х годов. Это—второй вывод. Третий—заключается в заметной тенденции к росту доходов от государственных имуществ. Социальный смысл этого явления мы исследуем тогда, когда оно станет ярким и господствующим; сейчас оно важно для нас только как предпосылка будущего, тем более, что пока этот рост доходов от государственных имуществ оставался незначительным.

Чрезвычайно важно анализировать природу существовавших в то время прямых налогов. Среди них тогда господствовали подушная подать, выкупные и оброчные платежи: они вместе составляли $^5/_6$ всех прямых налогов в 1861 г. и почти $^9/_{10}$ в 1880 г. Это—крепостническое обложение, наследие эпохи крепостного права, громадными размерами своими свидетельствующее, как сильны и велики еще были его остатки. Затем в 1861 г. существовал зародыш буржуазного обложения—гильдейские сборы, очень невысокие; в 1880 г. их заменил промысловый налог, который был, правда, на 50% выше гильдейских, но также легок был для торговцев и промышленников. И здесь период хищнического капитализма с его лозунгом «обогащайтесь» давал себя, таким образом, знать. В 1863 г. для городского населения Европейской России, а в 1873 г. Сибири подушная подать была отменена и заменена новым подомовым налогом: явна здесь тенденция к отмиранию крепостнического наследия и к введению буржуазного обложения. Наконец, с 1875 г. введен был поземельный налог по 17 коп. с десятины; это пока, правда, был налог не особенно значительный, но он был важен, как прецедент отмены и для деревни подушной подати.

Итак, характеризуя в целом прямое обложение изучаемого времени, можно сделать вывод, что в нем наблюдалось огромное преобладание крепостнического обложения перед буржуазным, несколько ослаблявшееся только тем, что, во-первых, полукрепостнические выкупные платежи были в финансовом отношении все же важнее, чем чисто крепостная подушная подать, и, во-вторых, намечались, хотя и не сильные, но несомненные тенденции в сторону роста буржуазного обложения.

В косвенном обложении наблюдаются также буржуазные тенденции. Прежде всего здесь важна отмена в 1880 г. старого крепостнического налога на соль, от которого веяло еще меркантилистски-монопольными традициями эпохи торгового капитализма. В 1863 г. старые винные откупа—тоже наследие крепостничества—заменены были акцизом, постепенно повышавшимся: сначала он был равен 4 коп. с градуса безводного спирта, с 1864 г.—5 коп., с 1869 г.—6 коп., с 1873 г.—7 коп. От этой реформы и государство получило фискальную выгоду: сравнительно с откупами акциз в 1880 г. дал прирост дохода на 77,6%. Но в общем, посредством косвенного обложения и государство, как и полукрепостнические капиталисты, хищнически эксплоатировало производительные силы населения. Доходный бюджет взрос на известной уже нам народно-хозяйственной почве полукрепостничества—полукапитализма и ясно отражал на себе двойственное влияние этой почвы.

Переходим к анализу расходного бюджета, попрежнему перенося и здесь центр тяжести на его социальную (классовую) природу. С этой точки зрения надо различать дворянски-крепостнические и буржуазные расходы.

Дворянски-крепостническими являются расходы на двор и церковь. В 1861 г. они составляли 4,5%, а в 1880 г.—3,2%. Характерно их уменьшение, показывающее, что все-таки проявлялись и здесь тенденции в сторону развития буржуазной государственности.

Расходы на внутреннюю и внешнюю самозащиту государственного аппарата и правящих классов (высшие государственные учреждения, иностранные дела, министерства внутренних дел, военное, морское, юстиции) поглощали в 1861 г.—39,7% расходного бюджета, а в 1880 г.—36,7%. Следовательно, на них падала вообще большая доля государственных расходов. Однако, намечалась тенденция к уменьшению этой доли. Почему?

Потому что сильно росла та доля государственных расходов, которая предназначалась на обслуживание новых буржуазных хозяйственных потребностей: сюда относятся расходы на пути сообщения, министерство финансов, обслуживавшее тогда и торговлю и промышленность, и платежи по государственному кредиту, по займам, составлявшие дань, уплачивавшуюся государством капиталистам. Уже в 1861 г.

на эти расходы шло 53,4% всего обыкновенного расходного бюджета, а в 1880 г. эта доля возросла до 57,2%. Таким образом, расходный бюджет выразил буржуазную тенденцию более резко, чем доходный. Это и понятно на первых порах эпохи переходной к буржуазному строю: и новые господа положения не меньше старых довольно равнодушно относятся к хищнически-крепостнической эксплоатации масс устарелой налоговой системой, но они сильно желают использовать в своих классовых интересах средства казны, каким бы путем они ни были получены.

Наконец, ничтожен был и очень слабо рос расход на просвещение — quantité négligeable для старых и новых господ положения: в 1861 г. на эту цель шло 2,4% расходов, а в 1880 г.—2,9%.

Таким образом, уже произведенный сейчас общий анализ приходного и расходного бюджета дает яркую картину социальных отношений и классовой государственности 60-х и 70-х годов. Мы должны теперь углубить этот анализ, направив свое внимание не на цифровые сметные назначения и соотношения, а на бюджетную политику—ее тенденции и смысл.

Прежде всего представим подробный анализ политики в доходном бюджете.

Здесь обращает на себя внимание в первую очередь ясно выраженное разложение подушной подати. Оно выразилось в индивидуализации, совершенно чуждой подушному сбору в его классической форме: в 1863 г. введен был дополнительный к подушной сбор—уже не в одинаковой сумме с души, а от 8 до 40 коп., смотря по степени состоятельности плательщика, т.-е. на основе буржуазного принципа имущественных или доходных различий; в 1867 г. установлены были новые оклады подушной подати, различавшиеся по губерниям, уездам и даже волостям и составлявшие от 1 р. 15 к. до 2 р. 17 к. с души.

Затем важна таможенная политика. Первым фактом здесь был таможенный тариф 1857 г., очень мягкий, почти фритредерский: продукты заграничной индустрии, которые не производились в России, обложены были умеренно, с исключительно фискальными целями, т.-е. для доставления казне известного дохода; умеренно обложены были также привозившиеся из-заграницы средства продоволь-

ствия, материаль, орудия и машины для фабричной промышленности. Тариф 1868 г., проведенный министром финансов Рейтерном, был уже умеренно-охранительным, имел некоторые, довольно систематически проведенные, протекционистские тенденции; цель этого тарифа заключалась, однако, по преимуществу в оживлении торговли и в поднятии таможенного дохода казны. Но затем проявляется уже уклон к неумеренному, крайнему протекционизму. Первый и очень большой шаг к этому был сделан в 1877 году, когда предписано было брать таможенные пошлины золотом, а не кредитными билетами; курс кредитных билетов был низок и постоянно колебался; поэтому внесение пошлин золотом фактически увеличило их на 30, 40 и 50%. При этом пошлины возросли и по отношению к ценам товаров, стали составлять больший их процент: до 1877 года они составляли 13% цен, а с 1877 года по 1880 год—16%. Несомненно, что товары вздорожали более, чем поднялась пошлина, и русские потребители проиграли больше, чем выиграла русская казна. Затем в 1878 году обложен был пошлиной привозный хлопок. В 1880 году обложению подверглись продукты иностранной металлургической промышленности, и отменен был беспошлинный ввоз чугуна и железа для целей машиностроения. 16 декабря 1880 года установлен дополнительный таможенный сбор в 10% на все товары [1]).

В доходно-бюджетной политике важное значение имеет, наконец, отношение фиска к сахароварению. Акцизная политика в данном отношении напоминает таможенную: сначала шло умеренное покровительство сахарной промышленности, потом оно приняло неумеренные формы. Так, в 1873 г. установлен был возврат акциза при вывозе сахара заграницу; это было в сущности вывозной премией, крайним проявлением протекционизма. Цель здесь преследовалась двоякая: выгоды сахарозаводчиков и благоприятный торговый баланс.

В политике, касающейся расходного бюджета, мы остановимся на железнодорожном деле, как оно ставилось и велось в 60-х и 70-х годах. То была эпоха частной инициативы и грюндерства; с 1867 года почти до конца 70-х годов длился острый период концессионной горячки. Основные черты этого грюндерства министр путей сообщения граф Бобринский на-

---

[1]) Лодыженский, История русского таможенного тарифа.

мечал в следующих выражениях: обязанности учредителей железнодорожных компаний были минимальны; тяжесть учредительства фактически лежала на правительстве: оно производило изыскания, изучало доходность и способы осуществления предприятия, вырабатывало технические условия каждой дороги, определяло сумму и условия реализации основного капитала, составляло расценочные ведомости исполнения предприятий, вырабатывало уставы обществ, наконец, даже принимало на себя доставление предприятиям всего облигационного капитала, составляющего четверть основного. Учредителям оставалось лишь наиболее легкое в деле— составление акционерных обществ посредством открытия подписки на акции. При этом они расписывали акции между собою, набирали подставных акционеров, являвшихся орудиями в их руках, плохо строили и дорого эксплоатировали железные дороги, оплачивали высокими окладами директоров правления и управляющих с их ближайшими помощниками. Можно привести на выбор ряд фактических иллюстраций этого хищничества. Так, обычно правительство гарантировало новым железнодорожным обществам доход в 4½—5% в год. При этом с целью увеличения суммы гарантии допускалась высокая поверстная расценка стоимости дорог, т.-е. преувеличивался затраченный капитал, и гарантировался доход не на действительный, а на нарицательный капитал, в состав которого входили получаемые акционерами премии, куртажи, комиссионные и проч. [1]).

Естественным последствием всего этого и вообще спекулятивной железнодорожной горячки явилась убыточность железных дорог. В 1858 году учреждено было Главное общество российских железных дорог; в первые же пять лет его существования правительством уплачено было 25 милл. руб. золотом в покрытие убытков. В 1868 году правительство выдало по гарантиям 58 милл. руб и сверх того ссудило железным дорогам 41 милл. руб. Сумма платежей, следовавших с Уральской горнозаводской железной дороги, в начале 80-х годов доходила до 4-х миллионов в год, а доход ее составлял только 300 тыс. руб. в год. Ряжско-Вяземской дороге для безубыточной эксплоатации надо было лишних 3 миллиона, а она имела только 1 милл. 200 тыс. руб. Соответствующие

[1]) **Мигулин, Русский государственный кредит, т. I.**

цифры для Моршано-Сызранской дороги были 2 милл. и 1 милл. 100 тыс. В 1880 году фактически железные дороги были должны правительству 1 миллиард рублей. В то же время казенные железные дороги дали 56,4 милл. рублей убытков [1]).

Все это дурное состояние железнодорожного хозяйства, насквозь пропитанного спекуляцией, грубым хищничеством, венчалось злоупотреблениями в тарифном деле—в тарифах за провоз товаров. Железнодорожные тарифы того времени построены были каждой дорогой на принципе конкуренции с другими дорогами, так что нередко провозная плата была ниже, и провоз обходился дешевле по более длинной, обходной линии, чем по прямой, короткой; доход был не так важен: ведь все равно существовала правительственная гарантия. Сверх того, железнодорожные тарифы были сложны, запутаны, изменчивы, постоянно колебались, были покрыты коммерческой тайной. Все это открывало широкий простор для переборов и взяток железнодорожных агентов. Хищническая тарифная политика в транспорте была подстать общему состоянию народного и государственного хозяйства.

Мы исследовали, таким образом, бюджет и бюджетную политику 60-х и 70-х годов и получили в высшей степени колоритную картину, ярко изображающую экономическую и финансовую действительность того времени. Но кроме обыкновенного бюджета был еще чрезвычайный, расходная часть которого покрывалась средствами, добывавшимися путем государственного кредита. Организация, условия и результаты этого кредита и должны теперь привлечь наше внимание.

Государственный долг России в 1861 году равнялся 2 миллиардам 180 милл. золотых рублей. В течение изучаемых нами двух десятилетий он сильно возрос, вследствие целого ряда кредитных операций, вызывавшихся разного рода хозяйственными и финансовыми задачами.

Первой из таких задач была ликвидация дореформенных кредитных учреждений—сохранных казен и других казенных банков, кроме одного Коммерческого, который в 1860 году был переименован в Государственный банк. Ликвидация крепостного наследия в организации государственного кредита дала казне огромные убытки: вкладчикам старых, уничто-

1) Там же.

женных теперь казенных кредитных учреждений уплачено было 831 милл. рублей; заключен был ряд ликвидационных займов на номинальную сумму в 86,4 милл. руб., реально давших только 66,2 милл. руб.; наконец, выпущено было для той же ликвидационной цели банковых билетов и серий на 523 милл. руб. [1]).

Второй задачей в области государственного кредита 60-х и 70-х годов было заключение займов для постройки железных дорог. Таких займов было заключено всего на 1 миллиард 650 миллионов рублей [2]).

Третья задача—расходы на армию и флот и издержки двух войн—Крымской и Русско-Турецкой 1877—78 годов; для этих целей было занято государством около 2 миллирд. [3]).

Итак, к началу 80-х годов заключено было новых займов на 3 миллиарда 700 миллионов рублей, и весь государственный долг составил сумму в 5 миллиардов 900 милл. руб., так что за 20 лет он возрос почти на 170%, почти в 2¾ раза.

Возрастание государственного долга естественно и неизбежно в капиталистических странах. Оно, следовательно, является необходимым признаком и последствием развития капитализма. Но в данном случае капитализм этот был хищническим, грубым, элементарным, так как условия займов были очень тяжелы для государства и чрезвычайно выгодны для капиталистов, кредиторов казны и посредников, содействовавших реализации займов.

Прежде всего это видно из огромной комиссии, получавшейся именно этими посредниками — крупными банковыми фирмами, консорциумами и синдикатами: комиссия обычно доходила до 10% занятой суммы [4]).

Затем государство платило тогда весьма высокий процент по своим займам: первый (1864 г.) и второй (1866 г.) пятипроцентные номинально англо-голландские займы фактически обошлись в 6½%; первый консолидированный железнодорожный заем 1870 года заключен был на деле из 6¾%: пятипроцентный заем 1877 г. фактически обошелся в 7½%;

---

[1]) Мигулин, Государственный кредит.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

два выигрышных внутренних займа 1864 и 1866 годов обошлись в 6½ и 6%. Только во второй половине 70-х годов процент понижался иногда до 5-ти действительных, не превышая уже более 6½ [1]). Основной причиной такого высокого фактического процента при займах являлась реализация русских заграничных займов по крайне низкому курсу: кредитоспособность русского государства очень низко ценилась на иностранном денежном рынке. Курс железнодорожных займов понижался до 67 и даже до 63-х за 100 и только во второй половине 70-х годов дошел до 76—92 за 100 [2]).

Последним важным вопросом истории государственного хозяйства является вопрос о денежном обращении и деятельности центрального Государственного банка.

С 1858 года в России утвердилось бумажное денежное обращение, прекращен был размен кредитных билетов на золотую и полновесную серебряную монету. Это обстоятельство было плохой предпосылкой для развития капитализма. Поэтому, когда в 1862 г. во главе министерства финансов встал Рейтерн, либерал и покровитель капитализма по своим убеждениям, то он, помимо известного уже нам установления умеренного протекционизма и активной политики в области железнодорожного строительства, поставил на очередь вопрос о восстановлении размена, о введении золотой валюты. Первая его попытка в этом направлении, имевшая в виду сразу перейти на золотое обращение, была неудачна: Рейтерн произвел заем для повышения курса в 15 милл. фунтов стерлингов и объявил размен кредитных билетов до определенного срока по известному курсу, позднее по курсу более высокому, а еще позднее по паритету (рубль на рубль); тогда спекулянты скупили массу кредиток и потом сразу предъявили к обмену по высокому курсу; размен был скоро прекращен. Перед этой попыткой в обращении было на 750 милл. руб. кредитных билетов, и разменный золотой фонд составлял 119 милл. руб. После ее неудачи разменный фонд, золотой запас сократился до 55 милл. руб., а в обращении осталось кредитных билетов на 700 милл. руб. Главная причина неудачи, кроме неудачного плана, заключалась, конечно, в слабости русского капитализма и в де-

[1]) Там же.

[2]) Там же.

фектах государственного хозяйства. Но, потерпев неудачу, Рейтерн не отказался от продолжения дела, только более обдуманного, осторожного и основательного. Он задумал скопить солидный золотой фонд и в 1875 году стал приближаться к своей цели — возобновлению размена кредитных билетов на золото: бумажных денег было в то время в обращении на 797 милл. руб., а золотой запас равнялся 230 милл. руб., что составляло 28,8% бумажных денег. Курс одного рубля кредитного дошел до 87 коп. золотых и 92 серебряных. Но все планы Рейтерна рухнули, когда начата была русско-турецкая война 1877—78 годов. В 1878 г. золотой фонд исчез,—он весь целиком был затрачен на военные расходы, а кредитных билетов в обращении оказалось уже 1 миллиард 40 миллионов руб. Золотую валюту установить таким образом не удалось, Россия осталась при бумажном денежном обращении, что сильно затрудняло ход развития капитализма, всегда связанного с кредитом, кредит же заграничный для русских капиталистов был дорог вследствие низкого курса рубля и постоянных колебаний этого курса. Разумеется, и внутренние производственные и меновые условия и отношения сильно страдали от такого положения денежного обращения.

Положение и действие Государственного банка находились также в зависимости и от условий денежного обращения и от необходимости ликвидировать старые кредитные учреждения крепостной эпохи. Государственный банк заменил собою раньше существовавшие Коммерческий банк, из которого он ближайшим образом и был образован, а также заемный банк, сохранные казны и приказы общественного призрения. Капиталы этих старых кредитных учреждений очень мало содействовали развитию промышленности и торговли. Их главное назначение заключалось в том, чтобы, во-первых, удовлетворять потребительским в значительной мере, даже главным образом, аппетитам дворянства, выдавая ему деньги под залог крепостных душ, и покрывать дефициты в государственном бюджете. Это последнее назначение поглощало даже бо́льшие суммы, чем ссуды дворянству. Из всего капитала дореформенных кредитных учреждений, простиравшегося до 1 миллиарда 13 миллионов рублей, государство позаимствовало к 1858 году 521½ миллионов руб. Конечно, это свидетельствовало о большом финансовом кри-

зисе. Но, кроме того, это приводило и к банкротству кредитных учреждений крепостного времени, так что их пришлось спешно ликвидировать. Государственный банк и произвел эту ликвидацию: выкупной операцией покрыты были дворянские долги кредитным учреждениям; что касается платежа процентов и возврата капитала вкладчикам старых кредитных учреждений, то эта операция закончена была только в 1886 году. Таким образом, масса энергии и средств Государственного банка в 60-х, 70-х и даже первой половине 80-х годов была потрачена на ликвидацию крепостного наследия. Но еще к концу 70-х годов оказалось, что финансовый кризис государства не изжит, и дефициты, как они ни прикрывались, не могли быть покрываемы одними только займами и выпусками бумажных денег: продолжалась старая политика позаимствований из средств центрального государственного кредитного учреждения на текущие нужды государственного казначейства. Эти позаимствования были тем легче, что Государственный банк был всецело подчинен правительству, именно министерству финансов, не являлся таким общественно - капиталистическим, самостоятельным в отношении к государству учреждением, каким является Английский банк. Поэтому в 1879 г. позаимствования государственного казначейства в Государственном банке дошли уже снова до крупной суммы почти в 479 милл. рублей.

По всем этим причинам Государственный банк в 60-х и 70-х годах не играл роли центрального банка, где частные, местные и специальные банки заимствуют в потребные для них моменты средства для облегчения хода своих операций. В то же время, вследствие господства бумажного денежного обращения, Государственный банк не был и центральным валютным учреждением. Коммерческие затраты Государственного банка, т.-е. ссуды капиталистам-предпринимателям были ничтожны: в 60-х годах они составляли всего 60 милл. руб. в год, а в 70-х от 130 до 200 милл. в год.

Итог всего, что сказано выше о народном и государственном хозяйстве того времени, совершенно ясен: то было хищническое, полукрепостническое народное хозяйство и соответственно этому такое же хищническое хозяйство государственное.

III.

Земская и городская реформы.

Исходный пункт всего развития новой России — реформа 19 февраля — и тесно связанный с ним характер народного и государственного хозяйства предопределили и дальнейший ход и характер реформ 60-х годов, а также вызвали и их необходимость.

В социальном строе, как было уже в свое время сказано, реформа 19 февраля не дала необходимой продпосылки широкого производственно-капиталистического развития — гражданского равноправия: сословность, сословные привилегии дворянства и сословные ограничения крестьянства были сохранены. Сохранились и специально дворянские и крестьянские сословные учреждения, сословные корпоративные права. Тем не менее пришлось создать и общие для всех сословий органы местного хозяйственного управления—земские и городские. Первые были созданы в 1864 г., вторые в 1870 г.

В X томе нашего труда, при изучении эпохи Николая I, в 30-х и 40-х годах XIX века, были указаны те зародыши, из которых развились будущие земские учреждения: то были чиновничьи, но с примесью выборного сословного элемента продовольственные и дорожные комитеты. Сюда надо прибавить еще приказы общественного призрения, ведущие свое начало еще от времен Екатерины II,—от учреждения о губерниях 1775 года.

От этих прецедентов своих земство унаследовало известную узкую компетенцию, ограниченный круг ведомства, и сословный, чуждый равноправия, принцип выборности, а также и зависимость от администрации.

Как вырабатывалось Положение о земских учреждениях?

Мысль, о необходимости таких учреждений высказывалась не раз уже во время хода выработки Положений 19 февраля. Ее определенно формулировал Кавелин в своей известной записке, за нее стоял Кошелев; Унковский и тверское дворянство, а также те четыре депутата первого призыва, которые вместе с Унковским подписали известный адрес пяти Александру II, также ее высказывали и отстаивали. И некоторые другие дворянские собрания, кроме тверского, стояли на той-же почве.

Но характерно, что только для таких либералов, как Унковский и тверские его единомышленники, компетенция будущих органов местного самоуправления рисовалась в той широте, которая, как нам известно из IX тома нашего труда, составляет одну из отличительных, характернейших черт английской последовательно-капиталистической, буржуазной общественности и государственности. Унковский проектировал передать, как в Англии, все местное управление, а не одни только хозяйственные дела, органам будущего местного самоуправления. Однако, и он мыслил это самоуправление не иначе, как под руководством и при преобладании дворянства. Всесословное уездное собрание должно было выбирать уездных предводителей, а всесословное волостное собрание — волостного попечителя. Предполагалось, повидимому, что и предводители и попечители будут дворяне: так, очевидно, надо было построить избирательную систему.

Несмотря на все эти дворянские урезки и поправки, свидетельствующие только о том, что процесс перерождения в буржуазию даже передового среднего дворянства не был еще закончен, проект Унковского оказался для того времени слишком радикальным и потому неприемлемым в той именно его части, которая касалась компетенции органов местного самоуправления, передавала им все местное управление. Такая полнота власти на местах в руках выборных учреждений осуществима была, очевидно, лишь в том случае, если бы и в центре осуществлена была конституция, к которой и стремились Унковский и его сторонники. Но бюрократия—даже самая левая—конституции не желала. Ее не желал для того времени даже Кавелин—умеренный либерал из средних дворян-землевладельцев. Крупные землевладельцы-дворяне, как увидим в свое время, думали не о конституции, а о земском соборе с олигархическим, аристократиче-

ским по преимуществу составом, а на местах—о вотчинной полиции и юстиции. Да и мечты об аристократическом земском соборе оказывались у них преходящими: когда они убедились, что реформа 19 февраля не оказалась радикальной, сохранила достаточно остатков прошлого,—они примирились с самодержавием и без земского собора.

Таким образом характер отмены крепостного права и интересы дворянства предопределили круг ведомства и организационные формы земских учреждений.

Выработка и осуществление земской реформы протекали следующим образом.

Прежде всего была дана возможность дворянским собраниям высказаться по вопросу о желательных для них формах местного самоуправления. Они и высказались в том смысле, что компетенция будущих земских собраний должна быть «хозяйственно-распорядительная», а состав их такой, чтобы дворянство преобладало: одни дворянские собрания, как оренбургское и новгородское, высказали последнее положение прямо, без обиняков, en toutes lettres, другие предпочли провести его фактически путем организации самих выборов в земские собрания [1]). Конечно, эти мнения сильно повлияли на Положение о земских учреждениях, можно сказать,—они создали его существо, коренные основы. Министр внутренних дел Ланской выразил необходимость для бюрократии подчиниться здесь воле дворянства в своей записке в августе 1859 года, в которой он прямо заявил: «дабы вознаградить дворян за потерю помещичьей власти, им следует предоставить первенство в хозяйственной администрации» [2]).

27 марта 1859 года была учреждена для рассмотрения и составления проекта положений об уездных, потом и губернских, учреждениях комиссия под председательством Н. А. Милютина. В 1860 году эта комиссия изготовила проект преобразования уездной полиции в чисто полицейско-бюрократическом духе во главе с назначаемым губернаторской властью исправником с подчиненными ему становыми приставами. Вместе с тем комиссией Милютина предположены были и преобразования в области хозяйственного местного управления.

---

[1]) Цейтлин. Земская реформа: «История России в XIX в.», изд. бр. Гранат, т. III, стр. 125.

[2]) Там же, стр. 197.

Панегиристы Милютина [1]) изображают его как последовательного защитника настоящего местного самоуправления хотя-бы только в хозяйственной области. Но покойный С. Я. Цейтлин, которому принадлежит превосходный очерк земской реформы, основательно опроверг это панегирическое толкование.

Дело в том прежде всего, что милютинской комиссией составлены были сначала «временные правила», которыми учреждались «уездные земские присутствия» под председательством уездного предводителя дворянства из дворянского, городского и сельского заседателей уездного полицейского управления, крестьянского заседателя уездного мирового присутствия, окружного начальника управления государственных имуществ и удельного депутата, причем компетенция этих присутствий определялась простым, механическим сложением тех дел, которые производились в дореформенных присутствиях о земских повинностях, дорожных комитетах, комитетах общественного здравия и проч. [2]). Нечего и доказывать, что этот проект не имеет ничего общего с местным самоуправлением. Он настолько не соответствовал условиям, созданным реформой 19 февраля, настолько даже от них отстал, что был возвращен в комиссию государственным советом для переработки.

К январю 1861 года комиссия начала эту переработку. Теперь предполагались земские учреждения для дел хозяйственных, благотворительных и т. д. под председательством предводителя дворянства или другого выборного лица; они должны были действовать под контролем выборных от всех сословий и в некоторых случаях под надзором губернатора и министра. Так писал об этом Головину сам Милютин [3]). И это подтверждается материалами о работе комиссии [4]). Но успехи по сравнению с «временными правилами» здесь,

---

[1]) Джаншиев, Из эпохи великих реформ; Кизеветтер, Н. А. Милютин — в сборн. «Освобождение крестьян — деятели реформы», стр. 252—255; Leroy-Beaulieu, Un homme d'état russe, стр. 68 и след.

[2]) Цейтлин, Земская реформа, — в «Истории России XIX в.», т. III, стр. 199.

[3]) Leroy-Beaulieu, Un homme d'état russe, стр. 68.

[4]) Материалы по земскому общественному устройству, т. I, Спб. 1885 г.

хотя и несомненны, однако, все же не велики и немногим отличаются от того, что сделано было позднее.

А позднее произошло вот что: в апреле 1861 г. председателем комиссии, вместо Милютина, стал новый министр внутренних дел П. А. Валуев, и 15 марта 1861 года в совете министров был рассмотрен составленный комиссией очерк положения о земских учреждениях.

Комиссия под председательством Валуева пыталась встать на точку зрения общественно-хозяйственной теории местного самоуправления и определила поэтому круг компетенции земства делами, составляющими местный интерес губернии и уезда. Но эта точка зрения сама по себе несостоятельна, так как все дела, даже и общегосударственные, касаются местных интересов. Естественно, что она и не была выдержана.

В компетенцию земских учреждений комиссией предполагалось передать дела о земских повинностях, но не обо всех, а только, во-первых, о натуральных земских повинностях, во-вторых, о тех денежных, которые удовлетворяли исключительно местные, а не государственные потребности. Но сейчас же комиссия должна была признать, что большая часть и этих повинностей, удовлетворяющих местные потребности, касается и государственного интереса, и потому об'явила их обязательными для земства, чем самостоятельности и самодеятельности земских учреждений нанесен был сильный удар.

Комиссия затем передавала земству дела по народному продовольствию, но опять-таки не все. Государство сохраняло за собой часть денежных продовольственных капиталов и центральные хлебные магазины. Земству остались лишь заведывание частью продовольственного капитала, сборы на продовольствие, надзор за сельскими и волостными обществами, имевшими в своем распоряжении запасы хлеба, надзор за исполнением правил о продаже местных припасов и о таксах и представления правительству по продовольственной части в чрезвычайных случаях. И опять-таки в нарушении земской самодеятельности расходы по продовольственной части были об'явлены обязательными для земства.

Обязательными признавались и расходы земства по общественному призрению.

Все вышеперечисленные функции достались земству по наследству от дореформенных учреждений. Вновь даны ему были комиссией: взаимное земское страхование от огня, заботы о развитии местной торговли и промышленности, раскладка денежных налогов, представления и ходатайства по предметам, касающимся местных интересов, распоряжение земскими имуществами и капиталами, право земского обложения и расходования получаемых этим обложением сумм, право выборов председателей и членов управ и назначения им содержания. Но ни содержание почты, ни дела народного образования, медицины и санитарии не были включены комиссией в сферу ведения земств. Характерно, наконец, и то, что комиссия рассматривала земские учреждения не как государственные, а приравнивала их к «частным лицам или отдельным обществам» [1]).

Уже из изложения компетенции земских учреждений по проекту валуевской комиссии мы видели, как в сущности несамостоятельно было земство даже в той узкой сфере дел, которая ему была предоставлена. Эта зависимость, несамостоятельность усугублялась еще специальными постановлениями об административном надзоре за земскими учреждениями. Если губернатор находил, что то или другое постановление земского собрания противоречит закону или государственной пользе, он мог приостановить его не позднее семи дней после его принятия, а министр не позднее двух месяцев. И если земства не согласятся с губернатором или министром, то последние могут снова приостановить решения земств, и дело окончательно решается сенатом [2]).

Рассматривая проект комиссии, совет министров составил для более детальной его оценки особое совещание, в которое была представлена, между прочим, критическая заметка Милютина. Либеральные хвалители Милютина опять-таки превозносят эту записку не по заслугам [3]). В самом деле: что составляло содержание этой записки?

Прежде всего Милютин защищал земство аргументом, вполне понятным и действительным не только для него, но

---

[1]) Цейтлин, Земская реформа—в «Истории России XIX в.», III, стр. 201—204.

[2]) Там же, стр. 205.

[3]) Кизеветтер,—в сборнике «Освобождение крестьян,—деятели реформы», стр. 254—255.

и для его реакционных противников: земство, говорил он, «отвлечет многих от анархии», причем под анархией он разумел, конечно, не только революцию, но и простую оппозицию самодержавию, так что земство должно было служить своего рода предохранительным клапаном, отдушиной, выпускавшими сгущавшиеся оппозиционные и революционные пары и тем охранявшими абсолютизм. Затем Милютин настаивал на передаче земству не только всех губернских земских повинностей, но и государственных, в том числе постройки и содержания дорог и почтовых станций. Далее: Милютин хотел, чтобы случаи, когда постановления земств подлежат утверждению администрации, были точно определены законом. Наконец, он возражал против утверждения членов земских управ губернатором, против присутствия губернатора на земских собраниях с совещательным голосом и утверждения им решения земских собраний о предании своих членов суду [1]). Возражения Милютина являлись таким образом не принципиальными, общими, а практическими, частными. Несмотря на это, совет министров принял только два его последних предложения, утвердив в остальном проект комиссии.

С'узив компетенцию земских учреждений до крайних пределов, комиссия и представительство земское построила почти всецело на старом сословном начале с некоторыми лишь коррективами классового, цензово-имущественного характера. С этою целью устанавливаются три избирательных курии: 1) частные землевладельцы, 2) городские общества, 3) сельские общества.

Среди частных землевладельцев преимущество было дано крупному и среднему дворянскому землевладению, почему установлен был высокий имущественный ценз: первоначально комиссия предполагала определить его в 50 высших наделов, а потом повысила его до 100 средних душевых наделов, что составляло площадь от 200 до 800 десятин в разных губерниях. Землевладельцы-дворяне, владевшие землей в размере не менее $^1/_{20}$ полного ценза (10—40 дес.) получили право избирать для участия в выборах уполномоченных—по одному на полный ценз. Для землевладельцев недворян комиссия назначила повышенный ценз в 200 средних душевых

---

[1]) Цейтлин, в «Истории России XIX в.», III, стр. 206.

наделов (400—1.600 дес.), а более мелкие землевладельцы недворяне могли выбирать уполномоченных, если имели не менее $^1/_{10}$ этого ценза (40—160 дес.). Долгосрочные арендаторы участвовали в выборах лишь в том случае, если они не менее шести лет арендовали площадь, равную 400 душевым наделам (800—3.200 дес.). Выбирали гласных в том же землевладельческом собрании также уездные промышленники, обладавшие предприятиями, оценивавшимися не менее, чем в 15 тыс. руб., или имевшими годовой оборот не менее 6 тыс. Ни мелкие арендаторы, ни мелкие промышленники не имели избирательных прав даже через уполномоченных. Таким образом 1 крупный землевладелец-дворянин равнялся 20-ти мелким дворянам, двум крупным землевладельцам-недворянам, сорока мелким землевладельцам недворянам, четырем крупным арендаторам. Преобладание крупному дворянскому землевладению было вполне обеспечено [1]).

Представительством в земстве от второй курии—городских обществ—пользовались лица, имеющие купеческие свидетельства, а также лица, владеющие в городе недвижимостью, стоющею—смотря по величине города, не менее, чем 3—5 тыс. руб., или торгово-промышленным предприятием с оборотом самое меньшее в 6.000 руб. в год. Представительство здесь получили, следовательно, только крупная и верхи средней городской буржуазии [2]).

Для третьей, крестьянской, курии комиссия установила избирательное собрание из волостных старшин и сельских старост, фактически подчиненных администрации [3]).

Наконец, и число гласных от первой курии должно было быть преобладающим над числом гласных от двух других курий: для первой курии назначалось по одному гласному для каждых 3.000 душевых наделов, для третьей по одному на каждые 6.000 душевых наделов, для второй по одному гласному на 100—300 домовладельцев (смотря по величине города) [4]).

Гласные губернских земских собраний должны были выбираться на 3 года в уездных земских собраниях в количестве от двух до пяти на уезд [5]).

---

[1]) Там же, стр. 209—210.
[2]) Там же, стр. 210.
[3]) Там же, стр. 211.
[4]) Там же, стр. 211.
[5]) Там же, стр. 213.

В марте 1863 г. окончательный проект комиссии был передан Валуевым на заключение главноуправляющего II отделением императорской канцелярии графа Корфа. Корф сделал ряд поправок к проекту, а затем проект с этими поправками и дополнениями был рассмотрен в соединенном присутствии департаментов законов и государственной экономии государственного совета.

В государственном совете были сделаны некоторые изменения в проекте комиссии. По настоянию Бахтина, земству поручено также попечение о тюрьмах, народной медицине и санитарии, а по предложению Е. П. Ковалевского — о народном образовании, с оговорками, что участие земства во всех этих делах ограничивается преимущественно хозяйственной стороной. Это и все, что сделано было государственным советом по отношению к компетенции земств [1]).

Что касается избирательных собраний, то государственный совет предпочел несколько замаскировать преобладание дворянства, оставив это преобладание на деле. С этою целью был уничтожен повышенный ценз для землевладельцев-недворян: они были уравнены с дворянами. Один гласный от уездных землевладельцев и один гласный от крестьян должен был выбираться от равного в обоих случаях числа средних душевых наделов — 3.000. Избирательное собрание крестьянской курии должно было состоять уже не из старшин и старост, а из выборных от волостных сходов. Установлено было утверждение администрацией председателей (но не членов) губернских и уездных управ [2]).

С этими поправками 1 января 1864 года Положение о земских учреждениях получило силу закона. Его предположено было ввести в 33-х губерниях. К 1 января 1866 г. оно было введено в 19-ти губерниях, к 1 января 1867 г. еще в девяти, к 1 января 1868 г. в двух, а позднее еще в четырех. Известный славянофил Иван Аксаков сделал пессимистический вывод из этого Положения: это, говорил он, не самоуправление, а призыв выборных к исполнению повинности. Отзыв Кавелина, наоборот, был полон оптимизма: он видел в земстве школу представительства [3]).

---

[1]) Там же, стр. 223.
[2]) Там же, стр. 229.
[3]) Корнилов, Курс истории России в XIX в., II, стр. 257—258.

На самом деле получилось то, что и должно было получиться при известном уже нам характере реформы 19 февраля и вытекавших из него хозяйственных последствий: земская реформа явилась «уродливым сочетанием элементов буржуазно-правового порядка, полицейского государства и дореформенного крепостнически-сословного режима» [1]).

Мы не будем останавливаться на городской реформе 1870 года на сколько-нибудь продолжительное время. Принципиально нового подробное исследование ее происхождения и содержания после земской реформы не даст ничего: по типу своему городская реформа была — mutatis mutandis — тем, чем в деревне была реформа земская. Та роль, какую в земских собраниях играли крупные землевладельцы, по преимуществу дворяне, в городских думах принадлежала крупным капиталистам и богатым домовладельцам. Отношения городского самоуправления к администрации и компетенция городских дум определялись теми же нормами, как и соответствующие отношения в земстве. Избирательный закон был заимствован из Пруссии — взят с ухудшениями из избирательного закона, на котором были построены выборы в прусский ландтаг по конституции, октроированной прусским королем после разгрома революции 1848 года. Он построен на так-называемой трехклассной системе, сущность которой сводится к тому, что все избиратели заносятся в список по размерам платимых ими городских сборов в порядке убывающем, т.-е. сначала крупные плательщики, потом средние, наконец, мелкие, сумма всех платежей делится на три, и соответственно этому образуются три курии: крупные плательщики, платящие первую треть, средние — вторую треть и мелкие — остальную треть; каждая из курий выбирает одинаковое число гласных. Во внутренней организации городских дум и управ была одна черта, ставившая их в худшее положение сравнительно с земскими учреждениями: в земских собраниях были председатели особые от председателей управ — губернские предводители дворянства в губернских собраниях и уездные предводители в собраниях уездных; городской же голова был председателем не только исполнительного органа городской управы, но и органа распорядительного, контролировавшего управу и самого голову,— городской думы.

[1]) Цейтлин, в «Истории России XIX в.», III, стр. 280.

IV.

Судебная реформа.

Реформа есть всегда компромисс, наибольшая сумма выгод от которого достается тем классам, которые в данный момент оказываются социально-сильнейшими. Мы видели это на примере реформы 19 февраля, этого основного преобразования изучаемого нами времени. Она была совершена с возможно наибольшими выгодами для богатых землевладельцев-дворян, с максимальным сохранением остатков крепостного хозяйства и даже крепостного права. Это повело, как мы убедились, в полукрепостническому—полукапиталистическому хозяйству и к урезанному, жалкому местному самоуправлению— земскому и городскому. Этим же определились судьбы, характер и содержание судебной реформы.

Необходимость судебной реформы с переходом к буржуазному, капиталистическому хозяйству, к производственному капитализму, хотя бы этот переход и был только частичным, половинчатым, не подлежит сомнению. В первую очередь необходимо было преобразование гражданского судоустройства и судопроизводства, так как новые хозяйственные условия и отношения требовали более культурной организации нотариальной части, адвокатуры, не сопряженного со взяточничеством и волокитой гражданского судопроизводства [1]. Формальная законность в области гражданских, частноправовых отношений — необходимое требование буржуазного хозяйства и общества.

---

[1]) Покровский, Русская история, V, стр. 111—113.

Другой острой потребностью, вызвавшей необходимость судебной реформы после отмены крепостного права, было устройство местного суда по мелким делам, возникавшим в деревне в особенности между частными землевладельцами и освобожденными юридически крестьянами. Эта потребность была не меньшей, чем новое гражданское судоустройство и судопроизводство.

Думают обыкновенно, что основная реформа в области уголовного судопроизводства—суд присяжных—была уступкой *политической* оппозиции [1]). Но в тех именно пределах, в каких он был создан, суд присяжных отвечал несомненной классовой, экономической потребности начинавшего уже обуржуазиваться общества, — потребности взять в свои руки непосредственно ограждение от преступлений против права частной собственности, священного в глазах буржуазии.

Внешняя история судебной реформы в главных чертах сводится к следующему. Еще в 1854 — 1861 годах комиссией графа Блудова, унаследованной от царствования Николая I, был составлен ряд законопроектов об изменении дореформенных судоустройства и судопроизводства. Уже в этих законопроектах проводились частичные перемены в новом духе: сокращено было число инстанций, вводились устность, гласность, состязательность процесса, допускалась защита и т. д. Перемен, введенных блудовской комиссией было, однако, уже недостаточно. Поэтому осенью 1861 года государственный секретарь Бутков представил Александру II доклад о необходимости выработки основных начал новой судебной реформы. На основании этого доклада такая выработка была поручена государственной канцелярии с прикомандированными к ней юристами, причем вскоре предписано было следовать указаниям «науки и опыта европейских государств». В сентябре 1862 г. основные начала, представленные государственной канцелярией, были утверждены государственным советом и Александром II. В выработке основных начал главная роль принадлежала С. И. Зарудному. Потом была учреждена комиссия для выработки проекта судебных уставов на основании утвержденных общих начал реформы, причем виднейшее значение в этой комиссии имели работы

---

[1]) Там же, стр. 113.

и мнения Зарудного, Стояновского, Ровинского и Буцковского. В декабре 1863 года проект поступил в государственный совет, где его поддерживали министр юстиции Замятнин и товарищ министра Стояновский. 2 ноября 1864 г. рассмотрение проекта государственным советом было закончено, а 20 ноября того же года Судебные уставы были утверждены Александром II [1]).

Переходя к осуществлению реформы и ее содержанию, начнем с местного суда по мелким делам, т.-е. с суда мирового.

«Уже при самом приступе к судебной реформе возникла мысль выделить из уложения о наказаниях все статьи, относящиеся к менее тяжким деяниям». Позднее, в 1862 году, к этой мысли вернулись снова, и был составлен устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. По этому уставу мировым судьям оказались подсудными, во-первых, маловажные проступки и дела, допускающие примирение, во-вторых, кражи, мошенничества, лесные порубки, «совершаемые лицами непривилегированными», если сумма причиненного ущерба не превышала 300 рублей. В 1865 г. этот устав был изменен в соответствии с новыми требованиями жизни: из него исключено наказание розгами, упрощено учение о вменении, высказана мысль о необходимости исправительных приютов для малолетних, открыта судье возможность смягчать наказания [2]), — словом, произведены были минимально-необходимые поделки и поправки, хоть отчасти придавшие буржуазный характер постановлениям старого уложения, перенесенным в мировой устав. Мировые судьи стали выбираться уездными земскими собраниями и городскими думами, из которых первые были землевладельческими по своему преобладающему составу, а вторые купеческо-домовладельческими, так что интересы господствующих классов здесь были ограждены в достаточной мере. Несомненно, таким образом, что мировой суд был судом классовым, но не крепостническим в большинстве случаев, а буржуазным и притом большею частью культурно-буржуазным. Причина ясна: не прошел катковский проект о бесплатных мировых судьях из

[1]) Чубинский, Судебная реформа: «Ист. Росс. в XIX в.», т. III, стр. 251—254.

[2]) Чубинский, Судебная реформа в «Ист. Росс. XIX в.», изд. бр. Гранат, III, стр. 239—241.

богатой аристократии, и состав мировых судей, получавших содержание от органов местного самоуправления, пополнялся из состава средних землевладельцев, с земельным цензом от 400 до 950 дес. или с домовым в 3 тыс. руб., наиболее обуржуазившихся [1]).

Таким образом, местный суд оказался фактически сословно-классовым, дворянски-землевладельческим, хотя состав мировых судей и принадлежал к среднему дворянству, ближе всего стоявшему в большинстве своем к культурным слоям буржуазии. Во второй, апелляционной инстанции, — с'езде мировых судей—сделана была, однако, некоторая поправка к такому положению: там могли участвовать также и почетные мировые судьи, не получавшие жалованья и потому принадлежавшие обычно к богатым землевладельцам-дворянам. Кассационной инстанцией, имевшей право отменять приговоры судов низших инстанций, не входя в существо дела, а оценивая лишь соблюдение форм судопроизводства, являлся не только для мировых судей, но и для всех вообще судов империи уголовный кассационный департамент сената.

Уже такая организация кассационного суда представляет собою важное отступление от принципа независимости суда, отделения его от администрации. В самом деле: сенаторы назначались императорской властью, т.-е. фактически представлялись к назначению министром юстиции. Это отступление понятно: при сохранении самодержавия действительная независимость суда, реальное отделение его от администрации неосуществимо. Только демократические выборы членов кассационного суда из числа лиц, получивших юридическое образование, могли бы дать ему независимость от администрации.

Чтобы покончить с кассационным судом по судебным уставам 1864 года, остается отметить еще одну частность, имеющую первостепенное значение: тогда как в Западной Европе не допускаются кассационные протесты прокурора в случае оправдания подсудимого, допускаются только кассационные жалобы защиты, — Судебные уставы императора Александра II такие прокурорские кассационные протесты узаконили. Прокурор — представитель судебной администрации или полиции, и потому расширение его компетенции является вместе с тем с'ужением компетенции суда. Нечего

[1]) Покровский, Русск ист., V.

и говорить о том, что от этого расширения в данном случае веет старым крепостническим духом жестокости по отношению к обвиняемому.

Независимость суда, провозглашенная теоретически судебными уставами, вообще в действительности, вследствие самой постановки вопроса в судебных уставах, а не только в житейской практике, являлась частичной, не полной. Не говоря уже о том, что судьи не выбирались демократически, а назначались, несменяемость судей и следователей не была проведена ко конца: лишить должности судью и следователя министр не мог, но он мог перевести его в той же должности в другое место без его согласия, и неугодный ему судья мог быть удален со своего поста с повышением, напр., путем назначения в сенат. Эти обходы не были оговорены в законе, и потому открыта была полная возможность их осуществления, что скоро воплотилось и в действительность.

Таким образом, те судьи, которые поставлены были судебными уставами 1864 г. в судах, разбиравших более важные дела, — председатели и члены окружных судов и составлявших вторую, апелляционную инстанцию судебных палат— не были независимы и самостоятельны в полном, действительном смысле этих слов.

Но этим судьям в такой передовой капиталистической стране, как Англия, во всех делах принадлежит лишь юридическая квалификация последствий, вытекающих из приговора или решения, устанавливаемого не ими, а присяжными заседателями из обществ. Мало того: в Англии есть особое присутствие присяжных, большое джюри, состоящее из 24-х человек, и оно, а не следователь и прокурор, имеет решающее, определяющее значение во время предварительного следствия. Такая всеоб'емлющая роль присяжных там и является источником и признаком полной независимости суда.

Судебные уставы 1864 года очень далеки от такой постановки дела. Присяжные заседатели, по этим уставам, не принимают никакого участия ни в предварительном следствии, ни в гражданских тяжбах. Они участвуют только в уголовных делах, решая вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Да и то уголовные дела публично-правового характера судебными уставами были из'яты из компетенции суда присяжных: преступления по должности не

относились к их ведению, и сверх того обвинение в них не могло начаться без согласия начальства обвиняемого; политические преступления также не подлежали суду присяжных: они судились судебными палатами с участием сословных представителей — предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины. Несомненной непоследовательностью являлось допущение судебными уставами присяжных к решению дел печати, литературных дел. Оно скоро и было отменено, и эти дела стали также подсудны судебным палатам с участием сословных представителей.

Гласность процесса с самого его начала — с предварительного следствия — до конца, — до приговора, — является отличительной чертой культурно-буржуазного судопроизводства вроде английского. Судебные уставы и тут с самого начала внесли ограничение: предварительное следствие они облекли в глубокую тайну, и оглашение хода и результатов его было ими признано уголовным преступлением.

Наконец, такой же урезке подвергнута была сравнительно с западно-европейскими порядками и состязательность процесса: защита по судебным уставам не допускается к участию в предварительном следствии.

Итак, все основные новые, буржуазные черты судоустройства и судопроизводства — независимость суда, всеоб'емлющее применение суда присяжных, гласность и состязательность — нашли себе весьма ограниченное приложение в судебных уставах императора Александра II. Дверь была лишь едва приоткрыта, чтобы впустить в суды новые веяния очень узкой струей.

Далее следовали только частичные поправки и поделки, технически улучшавшие уголовное и гражданское судопроизводство: исчезли формальные доказательства, установлены были точные и недлинные судебные сроки, расширено право суда по толкованию законов, в гражданских делах вместо двадцати одного процессуального порядка, существовавшего прежде, введены только два — общий и сокращенный, и т. д.[1]).

Частичные изменения, половинчатые новшества, невольные, вынужденные, обрезанные уступки в буржуазном направлении характеризуют таким образом судебную реформу

[1]) Чубинский, Суд. реф.: «Ист. Росс. в XIX в.», III, стр. 254.

не в меньшей мере, чем крестьянскую, земскую и городскую. Сделавшись лишь наполовину буржуазно-капиталистической страной в своем экономическом базисе, Россия 60-х и 70-х годов оказалась в состоянии соорудить на этом базисе и половинчато-буржуазную юридическую надстройку.

Это тем более верно, что основные положения культурно-буржуазного права, гласящие, что «нет преступления без нарушения закона» и «нет наказания иначе, как по суду», остались и после издания Судебных уставов не осуществленными: сохранена была и действовала с каждым десятилетием все интенсивнее административная расправа.

Наконец, для крестьянства сохранен был сословный волостной суд, причем здесь уцелело и телесное наказание, уничтоженное в других судах Судебными уставами.

V.

Печать и школа.

На том же базисе и с такими же результатами строилась политика правительства Александра II в отношении к печати и школе.

Цензура в николаевское время была в ведении министерства народного просвещения. Так продолжалось сначала и при Александре II. Но так как министр внутренних дел Валуев жаловался на слабость цензуры, то Головнин, стоявший во главе министерства просвещения, предложил подчинить цензуру министру внутренних дел, что и было исполнено. Валуев, самая характерная фигура эпохи, — фразер и позер, любивший проводить реформы по внешности с оставлением возможно больших остатков прежнего существа дела, добился учреждения комиссии под председательством князя Оболенского для пересмотра законов о печати. Результатом работ этой комиссии явились временные правила о печати, вошедшие в действие в 1865 году.

Они представляли собою ухудшенное заимствование худшего, что давала в соответствующем отношении западноевропейская буржуазная культура: в основу их положено было, как образец, французское законодательство о печати времен Наполеона III. В провинции для всех изданий периодических и непериодических сохранена была предварительная цензура рукописей. В столицах — Петербурге и Москве — оригинальные сочинения не менее 10-ти печатных листов и переводные не менее 20-ти могли набираться и печататься без цензурования рукописей, но по отпечатании все же подвергались предварительной цензуре, и выход их в свет мог

быть задержан. Что касается столичных газет и журналов, то и они по отпечатании могли быть конфискованы, но кроме того над ними установлена была карательная цензура: министр внутренних дел, согласно заключениям главного управления по делам печати, получил право об'являть редакторам и издателям газет и журналов предостережения. причем при третьем предостережении газета или журнал приостанавливались министром на определенный срок. Допускалось также запрещение розничной продажи и печатания частных об'явлений: то и другое сильно подрывало материальное положение периодических изданий. Помимо административных кар, грозили печати и кары судебные. При таких условиях о «свободе» печати можно было говорить не иначе, как в кавычках.

Переходя к вопросу о школе, необходимо, в целях сравнительно-исторического изучения, бросить общий взгляд на систему школьного образования в западно-европейских капиталистических школах XIX века. Мы не будем здесь говорить о новых течениях в европейской школе, проявившихся в XX столетии: эта эпоха найдет себе освещение в XII томе нашего труда.

Классовое общество создает, конечно, и классовую школу. Эта школа в ее программе, методах преподавания и организации отражает на себе потребности и интересы капиталистического хозяйства и буржуазии. К чему же эти потребности и интересы приводят в школьном деле?

Прежде всего в европейском буржуазном обществе и государстве не создана была в XIX веке как общее правило единая школа, т.-е. такая, при которой, начав образование снизу, в школе начальной, можно было бы, последовательно подвигаясь вперед, закончить его в высшей школе. Это не значит, конечно, что средняя и высшая школа в европейских капиталистических странах недоступна совершенно детям рабочих и крестьян. Но это значит все-таки, что, даже с исчезновением сословной школы, законченное буржуазное образование для детей крестьян и рабочих фактически оказывается весьма мало доступным. Кроме несогласованности программ начальной и средней школы характерным является именно это деление школы на начальную, среднюю и высшую, причем только начальное образование является в передовых капиталистических странах обязательным, бесплат-

ным и всеобщим, обучение же в средней и в высшей школе требует уже столь значительных затрат, что они оказываются чаще всего непосильными рядовому рабочему и среднему и мелкому крестьянину.

Характерна и эта обязательность, бесплатность и всеобщность начального обучения: неграмотный рабочий и низший служащий не годится для сколько-нибудь развитого производственного капитализма. Более того: чем развитее капитализм, тем острее потребность в обученных, квалифицированных рабочих и служащих, и потому тем шире программы начальной школы и тем развитее специальное низшее профессиональное образование и практический, профессиональный уклон образования общего в начальной школе. Итак, для низших классов, классов физического труда, государством и общинами содержатся школы начальная и низшая, иногда и средняя профессиональная. Во внутренней организации своей эти школы всецело зависят от государства и общин, никакой автономии обычно не имеют. Но культурно-капиталистическое общество допускает и профессиональную организацию учащих, и разного рода организации и кружки в среде учащихся, самодеятельность и инициатива которых поощряются.

То же в организационном отношении следует повторить об учащихся средней и в особенности высшей школы. Но преподаватели средней школы организационно сходны с учителями начальной, тогда как профессора высших учебных заведений в таких странах, как Англия и Германия, где сохранилось больше всего традиций средневековой старины, имеют автономию, не исключающую, конечно, в отдельных случаях, когда имеются особые к тому политические мотивы, вмешательства и вето со стороны правительства. Во Франции все в конечном счете зависит от великого магистра, начальника «университета», как называется вся система учебных заведений в этой стране, а великий магистр назначается правительством. В Соединенных Штатах смена и назначение профессоров и администрации высших учебных заведений зависит от их основателей и попечителей, будь то государство, отдельные штаты, общины или частные лица.

Что касается программ и учебных планов, то буржуазно-капиталистическое общество и государство выдвигает в этом

отношении для средней школы две задачи: дать в будущем подготовленных промышленных и сельскохозяйственных техников и развить такую дисциплину ума, при помощи корой люди могли бы в будущем заниматься наукой теоретически. Правильно или нет, но несомненно не без влияния исторических традиций для первой цели считается наиболее подходящим реальное образование, основанное на математике и естествознании, а для второй цели — образование классическое, в основу которого полагаются древние языки и математика. Если таким образом и средняя школа является далеко не общеобразовательной, а имеющей специально-подготовительный уклон, то высшая строится уже вполне специально: имеется ряд специальных институтов, а университетские факультеты приобретают характер также специальный, и в сущности университеты не являются едиными, органически-цельными учреждениями, а дробятся на несколько специальных высших школ.

Вот в кратких словах та школьная система, которая составляет последнее достижение культурных стран в эпоху полного развития в них капитализма. Когда начались колебания в капитализме, признаки его разложения, появились новшества; но о них сейчас говорить не время и не место: они не типичны для капитализма в эпоху его полной мощи.

Несомненно, что и в России, с отменой крепостного права, поставлено было на очередь осуществление буржуазной школьной системы. Но, с одной стороны, капитализм наш был еще в пеленках в 60-х и 70-х годах, с другой, в соответствии с этим его младенческим состоянием, не имелось почти никаких элементов буржуазной политической свободы, с третьей, наконец, рано обнаружился вследствие и внутренних причин и сильного культурного внешнего влияния, ими вызванного, сильный рост социалистических идей,—пока, разумеется, в их утопической форме,—среди учащейся молодежи. Из сочетания всех этих условий и вышли и порядки и беспорядки нашей школы 60-х и 70-х годов.

Что касается начальных школ, то, как было уже сказано при обзоре земской реформы, правительство дало земству участие в деле их учреждения. Причина заключалась в скудости правительственных ассигнований на просвещение. Но уже с самого начала, хотя и были учреждены училищные со-

веты с участием выборных от земств членов, но земствам дано было участие в школьном деле «преимущественно в экономическом отношении». Скоро затем появились по назначению от правительства инспектора и директора народных училищ. Вначале допущена была частная инициатива по основанию воскресных школ, но политическая пропаганда в них в 1861—62 годах испугала правительство, и в 1862 г. воскресные школы были закрыты.

В средней школе в шестидесятых годах сохранялось старое николаевское сословное наследие в виде уездных училищ для мещан. Правда, в начале 70-х годов они были преобразованы в городские училища, но это мало меняло существо дела, несколько расширив лишь программу и повысив образовательный уровень их преподавателей, для подготовки которых были учреждены учительские институты. Устав 19 ноября 1864 года подразделил те средние учебные заведения, которые открывали доступ в высшие, на классические гимназии с латинским и греческим языками и на гимназии реальные с одним латинским. Но волнения студентов высших учебных заведений поставили задачу, формулированную в 70-х годах министром просвещения графом Д. А. Толстым,—задачу затруднить доступ в высшую школу демократическим элементам и сделать трудным прохождение гимназического курса. С этой целью реальные гимназии были преобразованы в реальные училища без древних языков, не дававшие доступа без особого экзамена в высшие учебные заведения, а в гимназиях было усилено преподавание обоих древних языков и гимназический «аттестат зрелости» стал открывать его обладателям без особого экзамена двери всех высших учебных заведений. С организационной точки зрения вся средняя школа без различия ее ответвлений была построена на начале чисто-бюрократическом. Новостью было появление в 1859 году женских гимназий, учреждавшихся на счет земств, городов и ведомства императрицы Марии. По учебным планам они ближе всего подходили к реальным училищам с сокращенным, однако, курсом математики, а в организационном отношении строились также бюрократически: основателям предоставлялось только «попечительство», т.-е. забота о доставлении материальных средств на содержание женских гимназий.

Большой сложностью отличались перипетии, пережитые в 60-х и 70-х годах высшей школой, в частности университетами.

В начале нового царствования отменены были старые николаевские репрессии—комплект студентов, уничтожение преподавания философии и поручение психологии профессорам богословия. Мало того: в университетах фактически терпелись студенческие корпорации и кружки, допускались сходки, на лекциях могли присутствовать все желающие из общества, в том числе и женщины. Но студенчество—его передовая часть—были авангардом демократической интеллигенции, и потому даже тогда, когда студенты сознательно волновались только по вопросам академическим,—бессознательно, объективно, их волнения, протесты и требования имели политическое значение: нельзя было сделать из высших учебных заведений островки буржуазной формальной демократии среди моря самодержавно-полицейской государственности. Иногда, правда, в 60-х годах студенческое движение принимало и прямо политический характер. Наиболее ярким проявлением такого политического движения была известная казанская панихида и речь профессора Щапова в Казани в 1861 г. по поводу известного избиения крестьян в селе Бездне Пензенской губ. Но и петербургские беспорядки 1861 года не лишены были политической подкладки. Они возникли сначала вследствие того, что министр просвещения отменил речь профессора Костомарова об умершем Константине Аксакове, предположенную к произнесению на акте петербургского университета 8 февраля 1861 года. Студенты на самом акте устроили по этому поводу скандал. Осенью беспорядки приняли продолжительный характер, потому что либеральный сравнительно министр Ковалевский, предлагавший установить французский тип организации университетов, вышел в отставку [1]) и был заменен реакционером адмиралом Путятиным, который издал ряд строгих правил, выработанных комиссией под председательством графа Строганова: запрещались студенческие корпорации и сходки и предлагалось студентам взять матрикулы, в которых должны были отмечаться результаты их занятий. В конце сентября

[1]) Радзевич, Отставка Е. П. Ковалевского: «Истор. Вест.» за 1905 г., январь.

целую неделю петербургское студенчество волновалось, собиралось на сходки, и, наконец, решено было не подчиняться новым правилам и не брать матрикул. Начавшиеся после того аресты, несмотря на то, что большинство студентов подчинилось правилам и взяло матрикулы, затянули беспорядки до декабря, когда университет был закрыт до пересмотра устава. Профессора Пыпин, Спасович, Стасюлевич, Утин и Кавелин ушли из университета, вследствие несогласия с университетской политикой Путятина.

Волнения студентов возникли и в Московском университете под прямым влиянием петербургских событий. Там они сопровождались избиением студентов полицией на площади против генерал-губернаторского дома, около гостиницы «Дрезден» (это прозвано было «битвой под Дрезденом»). Полиция поднимала против студентов мелких торговцев Охотного ряда, распространяя слухи, что студенты хотят восстановления крепостного права. Наконец, и киевское студенчество откликнулось на общее движение [1]).

Общее возбуждение заставило правительство сделать частичные уступки, Путятин был заменен в должности министра просвещения умеренным либералом Головниным, при котором был выработан и введен новый университетский устав 18 июня 1863 года. Этот устав рассчитан был на то, чтобы отделить интересы профессоров и чаяния студентов и привлечь профессорскую коллегию на сторону правительства. Студенчество лишено было права корпораций, посторонние слушатели и публика удалены были из университета Профессора получили некоторую автономию—право выбирать ректора, проректора, деканов, профессоров, университетский суд над студентами; власть попечителя округа сведена была к контролю. Но, конечно, министр мог кассировать любые выборы и, кроме того, копируя в смягченной форме германские порядки профессорского самоуправления, устав заимствовал из Франции обязательный учебный план университетов [2]). Полубуржуазный, полуполицейский характер составлял таким образом отличительную черту и университетской реформы.

---

[1]) Бороздин,—в «Ист. Росс. XIX в.». т. III, стр. 200—205.
[2]) Там же, стр. 205—211.

Женщин не пустили в высшие учебные заведения вместе с мужчинами. Но как ни малы еще были в России 60-х и 70-х годов успехи буржуазной общественности и государственности,—они все же налицо уже имелись, и потому неизбежно было появление женских высших учебных заведений. Группа петербургских интеллигентных женщин во главе с Трубниковой, Стасовой и Философовой добилась устройства публичных лекций для женщин. Граф Д. Толстой, испуганный массовым приливом русской женской молодежи в швейцарские и вообще заграничные университеты, боясь революционной там в ее среде агитации, разрешил в Петербурге аларчинские курсы, в 1870 году в Москве лубянские. В 1871 году в Москве основаны были герьевские курсы, в 1872 г. высшие женские медицинские курсы в Петербурге, в 1878 году бестужевские курсы в Петербурге [1]).

---

[1]) Корнилов, Курс русск. ист. XIX в., III, стр. 85—86.

VI.

Внешняя политика.

На предшествующих страницах достаточно обоснован и развит взгляд на русскую экономическую действительность шестидесятых и семидесятых годов, как лишь наполовину капиталистическую, наполовину крепостническую. При этом мы видели, что и капиталистическая половина этой экономической действительности была сродни ее крепостнической половине: она отличалась грубо-хищническим характером, расточением живых и вообще производительных сил ради самой элементарной личной наживы. Лозунг «обогащайтесь», свойственный эпохе первоначального накопления, торгового капитализма, составлял жизненный нерв с первого момента в развитии русского производственного капитализма. Естественно, что все это ярко выразилось и во внешней политике России 60-х и 70-х годов.

В отношениях к западно-европейским великим державам Россия того времени держалась старой николаевской политики «союза трех императоров»—всероссийского, германского и австрийского. То было еще наследие Священного союза и освящалось теми же консервативными традициями,—необходимостью борьбы с мировой революцией. Наполеон III делал было попытки сблизить Россию с Францией, но желание во что бы то ни стало держать Польшу под русским самодержавным сапогом помешало этому, а польское восстание 1863 года, вызвавшее сочувствие во Франции, окончательно уничтожило всякую возможность французской ориентации в России. Горчаков свободно допустил поэтому, управляя русским министерством иностранных дел, разгром Фран-

ции Германией в 1870—71 годах и выговорил только при этом отмену того условия Парижского мира, закончившего Крымскую войну, по которому России было запрещено иметь военный флот на Черном море. Тем не менее во все течение изучаемого времени Россия черноморского флота фактически не имела.

Важнейшими явлениями в области русской внешней политики 60-х и 70-х годов являются следующие.

В 1858 году Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири, занял Уссурийский край, что было закреплено в 1860 г. пекинским договором с Китаем. В 1859 году на Кавказе князем Барятинским был взят в плен Шамиль, вождь западно-кавказских горных племен, а в 1865 году закончено было покорение и восточной части области Кавказских гор. В 1864 году Черняев покорил Ташкент. В 1868 году подчинен был Самарканд. Потом покорено все Кокандское ханство, в 1873 году признала свою вассальную зависимость от России Хива, а потом и Бухара. Наконец, в 1877—78 годах шла русско-турецкая война.

Все эти факты, кроме последнего, о котором у нас пойдет речь особо, относятся к области, так-называемой колониальной политики. Колониальная политика передовых капиталистических западно-европейских стран представляла собою одно из наиболее ранних проявлений капиталистического империализма, хотя и там первые ее моменты относятся еще к эпохе торгового капитализма и носят на себе печать хищничества конквистадоров. Несомненно, что и русская политика на Дальнем Востоке и в Средней Азии впоследствии осложнилась буржуазно-капиталистическими мотивами и результатами, стоявшими в очень тесной связи с хищнической финансовой политикой самодержавия, которая лишила массу населения сколько-нибудь значительных покупательных средств, съузила тем самым внутренний рынок и вызвала уродливый русский колониальный империализм с целью приобрести рынки внешние. Но в те десятилетия. которые сейчас привлекают наше внимание, даже этот элементарный буржуазный мотив не проявлял себя сколько-нибудь заметно. Завоевания были простым конквистадорским захватом и хищничеством, из которого лишь впоследствии русская капиталистическая буржуазия извлекла свою выгоду, обратив колонии и в рынки для сбыта своих товаров и от-

части также в необходимые для русского капитализма производственные районы (хлопок в Средней Азии, фрукты, вина, табак, чай, нефть на Кавказе и т. д.). Понятно, что элементарное хищничество, лежавшее в основе приобретения колоний, очень ярко окрасило и первоначальную хозяйственную эксплоатацию и администрацию вновь приобретенных колоний. Нет никаких оснований идеализировать колониальную политику даже культурно-капиталистических стран: везде и всегда колонии являются последним убежищем грубо-хищнических приемов эксплоатации и источником самой бешеной и беззастенчивой наживы... Но то, что совершалось у нас на Дальнем Востоке, на Кавказе, в особенности же в Средней Азии, было несравненно грубее, элементарнее и распущеннее, чем где бы то ни было, тем более, что безгласность и абсолютизм совершенно исключали возможность даже таких частичных разоблачений, какие осуществимы и реально встречаются в буржуазно-капиталистических странах. Недаром Щедрин для обозначения всякого грубого хищничества пустил крылатое слово «ташкентцы».

В соответствии с этим и со всей экономической обстановкой русско-турецкая война вызвана была вовсе не буржуазно-капиталистическими мотивами, поскольку инициатива и задания этой войны зависели от России и ее правительства. Доказано[1]), что главную роль среди этих мотивов играло старое стремление насадить на Балканском полуострове абсолютистские государства, вассальные по существу в отношении к самодержавной России и потому могущие служить подсобным средством в борьбе русской самодержавной «правды» с европейской конституционной и революционной «ложью». Мечты славянофилов типа Ивана Аксакова о всеславянском освобождении от иноземного владычества и о кресте на святой Софии звучали только в унисон с реакционной мелодией придворных кругов. Присоединились сюда и полицейские соображения об успокоении революционного движения отвлечением общественного внимания на войну и внешнюю политику тем более, что крепко держались традиционного николаевского взгляда на Турцию, как на безнадежно «больного человека», почему не сомне-

---

[1]) Покровский, в «Ист. Росс. XIX в.», и в «Русск. ист. с древнейших времен».

вались в легкости победы над Турцией. Несколько тысяч молодых людей, правда, вначале увлечены были идеей добровольческой помощи Сербии, но едва ли много было среди них разочарованных, отчаявшихся и уставших, вроде Гаршина и особенно подлинных революционеров, вроде Кравчинского.

Буржуазно-демократическим было происхождение войны лишь постольку, поскольку оно касалось отношений на самом Балканском полуострове. Там происходило действительно столкновение разных буржуазий, созревших уже для власти на смену старому дворянскому порядку. В Турции то было время, когда ненадолго у кормила правления появились турецкие буржуазные либералы-младотурки в лице Митхада-паши, и на минуту зарделась заря турецкой конституции. К старым, уже добившимся полу-свободы сербской, румынской и греческой буржуазиям, мечтавшим о расширении своего территориального размаха,—о великой Сербии, о великой Румынии, о великой Греции,—присоединялась болгарская буржуазия, не менее зараженная великодержавными стремлениями.

Война велась Россией вскоре после осуществления нового закона о всеобщей воинской повинности 1874 года, введенного по немецкому образцу, но с характерными изменениями. Многочисленные льготы, в особенности по образованию, делали русскую всеобщую воинскую повинность не только далеко не всеобщей, не похожей на всеобщее вооружение народа, но и—главное—не равной: за льготами по образованию скрывались несомненные остатки старой сословности. Военные реформы Д. А. Милютина, ставшего военным министром в 1861 году, смягчившие обращение с солдатами, уничтожившие, кроме дисциплинарных батальонов, телесное наказание в армии, переделавшие кадетские корпуса в несколько более культурные военные гимназии и т. д., представляли собою вообще частичное, не полное приближение русской армии к буржуазному образцу. Но сохранялось много и старинных традиций, вроде титулования, обращения на «ты», свирепости военных судов и дисциплинарных батальонов, «рукоприкладства», т.-е. фактического применения побоев при обучении солдат и т. д.

В конце-концов Турция была побеждена, но победа далась дорого и людьми и деньгами, особенно вследствие не-

однократных тяжелых поражений под Плевной. В результате Россия вернула себе часть Бессарабии, утерянную после крымской войны, приобрела Батум, Карс и Ардаган в Азии, получила контрибуцию. Великой Болгарии не было создано: даже сан-стефанский договор не дал ей Македонии, а берлинский конгресс отделил от нее забалканскую часть в особое восточно-румелийское генерал-губернаторство, вассальное в отношении к султану. Румыния была недовольна отторжением у нее Россией части Бессарабии, заменой которой не считала данную ей болгарскую Добруджу, отделение которой от Болгарии неприятно поразило болгарскую буржуазию. Наконец, на берлинском конгрессе Австро-Венгрия получила право оккупации Боснии и Ново-Базарского санджака, и это больно ударило по великосербским мечтаниям. Позднее обнаружилось, что эта оккупация была еще перед войной обещана Россией Австрии и была тою ценой, какой куплен был австрийский нейтралитет. Наконец, и в Болгарии установилась конституция, в выработке которой из русских принимал участие князь Черкасский.

Таким образом, ни одна из целей, поставленных Россией себе в начале войны, не была достигнута: не удалось создать не только подсобные средства на Балканах для борьбы за самодержавие, но и вообще союзников России на Балканском полуострове; напротив — все балканские государства оказались недовольными Россией; внутреннее революционное движение не утихло, а только сильнее разгорелось после и отчасти вследствие войны и ее результатов; славянофилов исход войны разочаровал до такой степени, что вызвал речь Ивана Аксакова в Москве, повлекшую за собой его административную высылку.

В общем, таким образом, русско-турецкая война, далеко не вполне благополучная в военном отношении, повела в своем исходе к дипломатическому поражению России, свидетельствовавшему о ее малом удельном весе в Европе и об ее буржуазно-капиталистической отсталости.

VII.

Духовная культура, оппозиционное и революционное движение.

Мы начнем характеристику духовной культуры и общественного движения шестидесятых и семидесятых годов в классовом и подклассовом, групповом разрезе по обыкновению справа—с тех классов и групп, которые больше и крепче всего держались традиции отходившего в прошлое крепостничества.

На предшествующих страницах нам не раз уже приходилось упоминать фамилию человека, представлявшего собою характернейшую фигуру реакционера шестидесятых годов: мы разумеем здесь М. Н. Муравьева, прозванного вешателем не только вследствие расправ, которые он производил над польскими дворянами и духовенством в Западном крае после восстания 1863 года, но и потому, что еще в 1831 году, будучи назначен гродненским военным губернатором, он, по приезде на место назначения, как рассказывают, сказал, имея в виду повешенного декабриста С. И. Муравьева-Апостола: «я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают [1])».

Уже это изречение характеризует его достаточно ярко и выразительно. Нам известно, какую роль он играл, когда поставлен был вопрос об отмене крепостного права, как он агитировал среди помещиков против реформы, доказывал «непрактичность» не только милютинско-ростовцевских, но

---

[1]) Воспоминания Н. Берга.

даже и позеновских планов и т. д. Как министр государственных имуществ, Муравьев зарекомендовал себя также ярым крепостником, для которого крайняя урезка наделов для подлежащих освобождению государственных крестьян рисовалась как нечто необходимое и само собой разумеющееся. Но, конечно, наиболее яркими являются те кровавые страницы, которые вписал в историю русско-польских отношений Муравьев в качестве виленского генерал-губернатора в 1863 и последующих годах. Он гордился этим своим делом и в назидание потомству сам рассказал о своей деятельности сухим тоном оффициального рапорта в своих «Записках». И рассказ этот настолько колоритен и характерен, что стоит передать его по возможности собственными словами автора.

Прежде всего он установил «военно-полицейское управление», разделение края на военные отделы, которые «с полными правами главного распорядителя вверялись особо назначенным для сего лицам, с полным подчинением им всего населения в тех отделах». Характерно это «полное» подчинение.

Затем, «желая показать полякам, что правительство наше их не страшится, я», пишет Муравьев, «немедленно занялся рассмотрением приговоров о более важных преступниках, конфирмовал их и немедленно приказал исполнить приговоры в Вильне на Торговой площади в самый полдень и с оглашением по всему городу с барабанным боем. Я начал с ксендзов, как главных деятелей мятежа». В уездах учреждены военно-следственные комиссии, во всем действовавшие по яркому образцу, данному самим генерал-губернатором в Вильне. Должности мировых посредников Муравьев уничтожил, потому что посредники, по его словам, «действовали ко вреду правительства и к угнетению крестьян»; он «поручил ограждение крестьян от притеснений владельцев военным начальникам и уездной полиции». Чтобы в помещичьих лесах не могли «укрываться шайки», Муравьев велел вырубать их на 150 сажень по обе стороны от дороги, причем вырубали леса литовские крестьяне, которые «получили за труды большое количество лесу». Он снарядил сельскую вооруженную стражу в одну—две тысячи человек на уезд под начальством унтер-офицеров, и эта стража «держала в страхе мятежных дворян, которые были обложены

особым сбором на содержание оной». Затем Муравьев «приказал уничтожить до тла помещичьи мызы и шляхетские околицы, в которых произведены мятежниками неистовства». Наконец, для того, чтобы унизить польское дворянство, он, разумеется, угрозами и насилием, «старался внушить мысль о ходатайстве со стороны дворянства о помиловании» и, разумеется, достиг цели.

В лице Муравьева сохранялся таким образом и в 60-х годах чистый и типичный представитель николаевской эпохи, времени разложения старого порядка, когда дворянство, господствующий класс, чувствуя уже, что он катится под уклон, выдвигает на передовые посты самые грубые элементы из своей среды, не стесняющиеся никакими средствами классовой самозащиты. Таков был сам Николай I в свое время. Таков же был и Муравьев в 60-х годах. Времена были все-таки другие, не николаевские, и исключительной, господствующей роли люди подобные Муравьеву не играли. Но когда наступал критический момент, как в польское восстание,—они призывались и выявляли себя целиком, с совершенною яркостью и полнотой.

Польское восстание выдвинуло на боевой пост реакционного идеолога и Михаила Никифоровича Каткова, популярность и влияние которого в реакционных дворянских кругах возрастает именно с 1863 года, когда он резко выступил против герценовского «Колокола» с его защитой полной независимости Польши и стал проводить в теории то, что осуществлял на практике Муравьев. Конечно, и Муравьевым в его действиях руководили далеко не возвышенные мотивы, но все же он был несравненно более идейным человеком, чем Катков: он был заядлым крепостником и до своей виленской «работы». Что касается Каткова, то он любил и умел держать нос по ветру. Справедливо сказано, что «он всегда старался быть с теми, кто идет в гору» [1]. Когда на очереди был вопрос об отмене крепостного права, катковский «Русский Вестник» усердно старался тянуть в унисон с господствующим течением в правительственных сферах. Потом, при выработке земской реформы. Катков выступил с проектом простого расширения функций и состава дворянских собраний в угоду московскому дворянству. Еще позднее поддерживал клас-

---

[1]) Слова М. Н. Покровского: «Ист. Росс. в XIX в.», т. IV, стр. 62.

сицизм графа Д. Толстого и в 1879 году просил за него особым письмом Александра II, указывая сочувственно и на толстовский проект нового университетского устава и попутно льстиво упоминая о «доблестном генерале» (Лорис-Меликове), которого на самом деле ненавидел [1]). Но популярность и главная роль Каткова была еще впереди. В данное же время правее «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей» была «Весть» Аскоченского.

Александр II, как личность, недалеко ушел от крайних реакционеров своего царствования. Слабохарактерный, нерешительный, вечно колеблющийся, трусливый, ограниченный, он достаточно выказал все эти свойства свои, как мы видели, во время проведения крестьянской реформы. Только страх крестьянской революции продиктовал ему некоторую решимость в этом деле, но страх перед дворянством заставил сделать все уступки последнему. Он боялся «красных», каким рисовался ему даже Милютин, и потому так и оставил его лишь исполняющим должность товарища министра внутренних дел. Самовластцем он, несмотря на слабохарактерность, был не меньшим, чем его отец, дядя и дед. Особенно бесцеремонно обращался он с казенным сундуком. Он раздарил своим братьям ряд роскошных имений из казенных земель, построил им на казенный счет великолепные дворцы. Когда однажды, уже в конце царствования, министр финансов Абаза спросил его, какую сумму следует внести в смету следующего года на содержание императорского двора, император сердито его оборвал: «что ты? учитывать меня хочешь?» Абаза вынужден был внести сумму предыдущего года, потому что не решился повторить свой вопрос. Поручив сам Валуеву выработать проект совещательного представительства от земств в 1863 году, Александр II на очень умеренном, чтобы не сказать больше, проекте Валуева сделал надпись: «слишком важно и требует зрелого размышления»—и оставил проект без движения. По вышедшим в 1905 году в Лондоне воспоминаниям английского полковника Вельсли, бывшего английским военным агентом в Петербурге в 1871—1877 годах, Александр II ценил, любил и знал муштровку и парадирование не меньше, чем Николай I.

---

[1]) Письмо Каткова к Александру II: «Былое», № 4 (26), окт. 1911, стр. 7—11.

Дворянская правая, туго поддававшаяся процессу социального перерождения в буржуазию, имела отзвуки своих настроений, чувств и идей в художественной литературе и искусстве. Здесь речь идет не только о продолжавшейся в 60-х и 70-х годах деятельности таких поэтов, как Майков, Фет и Тютчев, но и о ряде прямо реакционных романов 60-х и 70-х годов, причем авторы этих романов имели в виду нарисовать каррикатуры на революционное движение, тогда разгоревшееся. Сюда относились «Взбаломученное море» Писемского, «Марево» Клюшникова, «Некуда» Лескова-Стебницкого, «Бродящие силы» Авенариуса. Сюда же надо причислить и роман Достоевского «Бесы». Впрочем, и все гениальное творчество Достоевского прошло под знаком реакции, и потому уместно и своевременно именно сейчас на нем остановиться.

Нам известно начало деятельности Достоевского в николаевское время. Мы видели, что выдержанным, установившимся, твердо убежденным фурьеристом он тогда не был, но он испытывал настроения и влечения в этом направлении; недовольный окружающей действительностью, он дерзал на мысли о ее коренном изменении. «Гнусная», по выражению Белинского, николаевская действительность больно его за эти дерзания и мечтания, фактически не переходившие в действие, покарала: Достоевский по делу петрашевцев получил каторгу. Каторга не только надломила душу Достоевского, показав ему слабость отдельной личности перед мощью традиции и стихии, но она окунула его в море народной серости и темноты, научила его, как ему казалось, народной мудрости, сделала кающимся интеллигентом, искренним отступником от порывов его молодости. Он уверовал в смирение, подчинение традиции и существующему строю и в религию, как единственную моральную сдержку эгоистических инстинктов. В этом, казалось ему, народная мудрость тот «главный разум»—на деле не разум, а чувство, даже инстинкт, которым живет народ, и который составляет, по Достоевскому, украшение лучших людей, вроде «идиота» князя Мышкина, Алексея Карамазова, старца Зосимы и проч. Истинный преступник, виновник всех страданий, бед, нарушитель гармонии—это враг смирения и религии, дерзающий отрицатель и борец, интеллигент, бунтарь, представитель близорукого «малого разума», идейный чело-

век. Таковы Раскольников и Иван Карамазов. И обоих их Достоевский казнит беспощадно, особенно второго. Раскольников еще «нес один бремя преступления, совмещая в себе и бунтующую мысль, и исполнителя, и наказанного». Он из идейных побуждений убил и ограбил старуху-ростовщицу, сам это придумал, сам исполнил, был за это наказан морально и, раскаявшись, нашел успокоение во внешней каре, в каторге. Но «Преступление и наказание» написано было Достоевским еще в начале того периода, когда, как ему казалось, он обрел истину. Позднее ему стало казаться мало того наказания, которое постигло Раскольникова. В «Братьях Карамазовых» он измыслил другое, более утонченное, сложное и жестокое. Иван Карамазов—только идейный преступник, только интеллигентный развратитель, атеист, отрицатель, и его преступление заключается в том, что он разрушил веру, единственную моральную сдержку в Смердякове, представителе народной массы и единокровном брате самого Ивана Карамазова. Разрушение религиозной сдержки внушило Смердякову мысль, что все дозволено, и сделало его исполнителем преступления,—убийцей и грабителем общего их отца—развратного и отвратительного Федора Павловича Карамазова. Федор Павлович недаром изображен отвратительным: таков был и старый порядок; но бунтовать против него, несмотря на это, все-таки нельзя, грех, преступление. Но для Смердякова это отступление от традиций и преступление не прошло даром: он кончил самоубийством. Кара, тем самым нанесенная вдвойне—в лице погибших отца—Федора Павловича, и брата—Смердякова, моральным виновником всего этого Иваном Карамазовым затем еще утрояется, становится тройной: Смердяков умер, не раскрыв своей вины, и обстоятельства так складываются, что суд обвиняет и осуждает невинного—Дмитрия Карамазова, брата Ивана. Дело кончается сумасшествием Ивана Карамазова, а спасение провидится в религии и смирении, носителем которых под влиянием старца Зосимы является Алексей Карамазов.

Таков реакционный приговор Достоевского над дерзающими отрицателями, над революционерами. Этот приговор делает Достоевского гениальным идеологом реакции в 70-х годах. Но лично Достоевский, как сказано, был искренним отступником, и это не прошло для него даром, отразилось

на его психологии и идеологии: он не вполне отступил от своего прошлого, кое-что от него осталось, и не вполне примкнул к религиозному смирению, кое-что ему и здесь казалось неистинным. От прошлого осталось невольное уважение к смелости и могуществу мысли и дерзания, делающих и Раскольникова и Ивана Карамазова интереснейшими людьми; в настоящем, в религиозном смирении виделось неистинное в бездне невинного страдания на земле, — в частности в страданиях детей [1]). Все это делает Достоевского гениальным выразителем психологии искреннего ренегатства, вскрывшим все глубины и изгибы душевных переживаний людей этого типа. Он возвысился здесь до общечеловеческих достижений, и углубленное знакомство с его творчеством, правильно освещенным, имеет поэтому огромное воспитательное значение: оно явит собою величайшее предостережение от всякого рода отступничества.

В связи со всем этим находится и известное выступление Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве. Его речь тогда имела огромный успех между прочим и среди молодежи; сильно повлияла она и на такого его антипода, как Глеб Успенский. Но эти успех и влияние об'ясняются, главным образом, нервностью, истеричностью оратора, которая захватила аудиторию. По существу,—и это скоро тотчас же понял Глеб Успенский—речь была также реакционна по своему содержанию: она проводила идею смирения и всевоплощаемости, всечеловечности русского народа, способности его и Пушкина, как гениального его выразителя и представителя, перевоплощаться в другие национальности. При всей проповеди смирения здесь на деле звучали гордые националистические нотки. И вообще смирение Достоевского—в очень большой мере «смирение паче гордости», в нем есть большая доля лицемерия, может быть и невольного.

Мы видим, таким образом, что в публицистике и художественной литературе реакция 60-х и 70-х годов имела талантливых и даже одного гениального представителя, хотя

---

[1]) Ср. Ал. Чуковский, Границы анализа в литературной критике: «Рус. Богатство», за 1903 г. № 11, особ. стр. 21—22; наша точка зрения—дальнейшее развитие точки зрения автора этой замечательной статьи.

и расколотого уже, не цельного. Это, конечно, является признаком сохранявшейся большой силы данной струи общественного движения: традиции прошлого были еще могучи и устойчивы; недаром они, хотя и с уступками и ограничениями, продержались более полустолетия после реформы 19 февраля.

Живы были эти традиции в 60-х и 70-х годах и в искусстве. Продолжателем классицизма Брюллова и Бруни в 60-х годах явился в живописи Флавицкий, из картин которого особенно известны «Мученики» и «Княжна Тараканова». В 70-х годах то же течение продолжали Семирадский, Поленов и Константин Маковский. Нарядность, красочность, изображение роскошной обстановки, утвари, великолепных одежд—вот отличительные черты их живописи. Великосветское изящество и льстивая портретная живопись нашли себе представителя особенно в лице К. Маковского. Близок был к тому же течению и «мастер бонбоньерочной живописи» Зичи [1]).

В музыке, если не считать малоталантливых опер Львова, наиболее ярким представителем традиции был в своем творчестве Антон Рубинштейн. Отличительные черты этого творчества—законченность оперных арий, мелодизм, космополитическая неопределенность стиля. Несомненно, некоторая расколотость заметна и в «Демоне» и в особенности в «Маккавеях». Характерны для Рубинштейна склонность к восточным мотивам и лиризм. Так, в его «Нероне» есть удачные лирические места, но в общем и здесь царит дутый пафос и ходульная риторика [2]).

Переходя к «консерваторам с прогрессом», следует отметить, что среди них ближе всех к реакционерам стоял такой карьерист, фразер и позер, каким был Валуев, ставленник Муравьева, его бывший подчиненный в роли Молчалина, он, став министром внутренних дел, быстро приспособился к обстоятельствам и проводил земскую реформу. Мало того: в 1863 году он изготовил и представил Александру II записку «о допущении представителей населения к участию в законодательстве». Отметив в этой записке наличность революционного движения, Валуев сейчас же спешит заявить,

[1]) Бенуа, История живописи. Русская живопись, стр. 82, 83, 92.
[2]) Чешихин, История русской оперы, стр. 173—185.

что «на верховные права самодержавной власти нельзя допустить никакого посягательства»: он знал вкусы того, для кого писалась записка. Но, прибавлял Валуев, эти верховные права самодержавной власти совместимы с стремлением высших классов «к некоторому участию в делах законодательства и общего государственного хозяйства». Мало того: в таком стремлении угодничающий и фразерствующий министр усматривал даже, рассудку вопреки, наперекор стихиям, «дань гражданского труда и верноподданнической покорности». Валуев проектировал совещательное участие в законодательстве представителей земств, а от неземских губерний представителей сословий, а также некоторых крупных городов и, по назначению императора, нескольких членов высшего духовенства. 15 апреля 1863 г. эта записка была обсуждена в присутствии Александра II, и Валуеву было поручено составить проект нового «Учреждения государственного совета». Он его и представил Александру II 18 ноября 1863 г. Вот содержание этого проекта:

Устанавливается «с'езд государственных гласных такого состава: 107 человек от губернских земских собраний 45 губерний Европейской России, 32 представителя неземских губерний (включая сюда Сибирь и Кавказ), 18 от крупных городов, всего, следовательно, 157 гласных. Часть их, не более $^1/_5$, назначается правительством. Председателем с'езда является один из членов государственного совета по назначению императора, два вице-председателя и секретарь выбираются самим с'ездом, но утверждаются императором. Не все дела, входящие в компетенцию государственного совета, подлежат ведению с'езда. Но те, которые этому ведению подлежат, рассматриваются и в с'езде и сверх того особо в том департаменте государственного совета, в компетенцию которого они входят. При этом, если департамент несогласен с решением с'езда, то дело и решение департамента вторично докладывается с'езду, и если и после того разногласие сохранится, дело вторично идет в департамент и там пересматривается, а затем оба вторичных решения идут в общее собрание государственного совета, куда приглашаются оба вице-председателя с'езда и особо выбираемые с'ездом для каждого дела 14 гласных, причем кандидаты в них, числом 20, намечаются председателем по соглашению председателя с вице-председателями и секретарем. Таким же порядком

выбираются и комиссии с'езда для подробного предварительного рассмотрения отдельных дел.

Конечно, этот проект был далек от конституционного и по составу представительного собрания, и по его функциям. Он не шел дальше позднейших олигархических проектов, напр., московского дворянства в 1865 г., но он, во-первых, питал, поддерживал это олигархическое прожектерство, а во-вторых, в таком уже непрочном сооружении, каким становилось самодержавие, опасно было поколебать хотя бы один камень. И потому Александр II отложил проект Валуева, оставив его без исполнения, найдя «слишком важным и требующим зрелого обсуждения».

Валуеву, однако, пришлось участвовать—и об этом он сообщает нам в своем дневнике—в обсуждении другого подобного проекта, выработанного графом М. Т. Лорис-Меликовым, тоже «консерватором с прогрессом», в самое последнее время царствования Александра II, перед 1 марта 1881 г. Проект Лорис-Меликова также весьма характерен для людей этой социальной группы.

Административная карьера Лорис-Меликова, военного генерала, отличившегося в русско-турецкой войне на закавказском фронте, началась в 1878 г., когда после покушения Соловьева на Александра II он был назначен харьковским временным генерал-губернатором. После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., произведенного Халтуриным, Лорис-Меликов был назначен 12 февраля того же года председателем верховной распорядительной комиссии, имевшей целью «положить предел покушениям на государственный и общественный строй и внести успокоение в общество». Фактически это значило, что Лорис-Меликов получил диктаторские полномочия. 11 апреля 1880 г. он представил Александру II доклад с выводами за два месяца действий распорядительной комиссии. Он высказывался здесь против представительного строя по двум соображениям: во-первых, в представительном собрании начнется критика, которой правительство не может противопоставить ничего положительного; во-вторых, введение выборного представительства будет иметь характер вынужденной уступки. Вместо представительства Лорис-Меликов рекомендовал привлечь дворянство, земство и города к разработке местных вопросов путем назначения правительством сведущих лиц из дворян

ской, земской и городской среды, причем и программа обсуждаемых местных нужд должна исходить от правительства. 6 августа 1880 г., по докладу Лорис-Меликова, верховная распорядительная комиссия была уничтожена, и он назначен министром внутренних дел. 28 января 1881 г. последовал доклад Лорис-Меликова, основная мысль которого заключалась в пользе и необходимости «для борьбы с крамолой» «призвать общество к участию в разработке необходимых для настоящего времени мероприятий», «прибегнуть к представительным формам для поддержания порядка в России». Для рассмотрения этого доклада учреждено было особое совещание, на первом заседании которого 4 февраля 1881 г. председательствовал сам Александр II; членами совещания были наследник престола—цесаревич Александр, великий князь Константин Николаевич, председатель комитета министров граф Валуев, главноуправляющий вторым отделением императорской канцелярии князь Урусов, министр двора Адлерберг, министр финансов Абаза, министр юстиции Набоков и министр внутренних дел Лорис-Меликов. В первом заседании в состав совещания включили Сольского, как составителя его протоколов, и в следующих заседаниях, происходивших 9 и 14 февраля, был одобрен план созыва законосовещательного учреждения. 4 марта проект Лорис-Меликова должен был обсуждаться в совете министров. Александр II еще 17 февраля сделал на нем надпись: «исполнить». Смерть Александра II помешала осуществлению проекта, о дальнейшей судьбе которого у нас пойдет речь особо, в следующей главе. Теперь для нас важно содержание лорис-меликовского проекта.

Для осуществления дела Лорис-Меликов считал необходимым, чтобы правительство явилось перед совещательно-представительным учреждением не с пустыми руками, а с рядом законопроектов, касавшихся важнейших административных и финансовых вопросов. Для составления таких законопроектов должны быть учреждены из представителей центральных ведомств и из специально назначенных императором сведущих лиц две подготовительных комиссии—административная и финансовая. Законопроекты, выработанные подготовительными комиссиями, должны быть внесены в общую комиссию, которая будет состоять под председательством особо назначенного императором лица из председате

лей и членов обеих подготовительных комиссий, из выборных от земских губерний и городов—по два от губернии и города и из лиц по назначению правительства от неземских губерний. Общая комиссия заседает два месяца, и ее решения по внесенным законопроектам, имеющие лишь совещательное значение, поступают в государственный совет, который пополняется 10—15 человеками, «представителями общественных учреждений» [1]).

Таков был план Лорис-Меликова. Он, конечно, был еще дальше от конституции, чем известный уже нам проект Валуева. Александр II верно определил его значение, сказав, что это—некоторое подобие собрания нотаблей, созванного Людовиком XVI до созыва Генеральных штатов 1789 г.

«Консерваторов с прогрессом» было много, особенно в 60-х годах. Сюда относились и братья Милютины, и Юрий Самарин, и князь Черкасский и Кошелев, наиболее из всех их зараженный кулаческими, хищнически-буржуазными тенденциями, и даже Кавелин, который с течением времени все более левел, переходил в стан либералов. Об остальных, сейчас названных, было в свое время сказано уже достаточно. Отметим только здесь, что и в художественной литературе, и в публицистике и в науке были видные представители этой социальной группы. В публицистике таким представителем был Иван Сергеевич Аксаков, в художественной литературе отчасти Писемский и вполне Гончаров, в науке Соловьев, Чичерин и Кавелин. Мы должны ближе познакомиться с деятельностью этих лиц в изучаемую нами эпоху.

Иван Аксаков был горячим публицистом-славянофилом со всеми положительными и отрицательными чертами этого направления. Горячий сторонник свободы слова, он не раз терпел от цензуры и административного произвола. Как хранитель оригинальных бытовых условий, он защищал земельную общину. Не чужд он был и некоторого, весьма умеренного, конечно, мужикофильства. Разочаровался справедливо в земстве, видя в нем каррикатуру на самоуправление. Был величайшим врагом поляков и воинствующим националистом, идеализирующим русско-турецкую войну.

[1]) «Былое» № 10—11, особ. стр. 183—184 и статью здесь кн. Н. В. Голицына, «Конституция Лорис-Меликова».

Соловьев в своей многотомной «Истории России с древнейших времен» не только детально обработал схему развития русской истории от родового быта к государственному, намеченную им еще в его докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», но сделал первые широкие просеки в непроходимом тогда девственном лесу архивных материалов русской истории особенно XVII и XVIII веков. Это сделало его работу необходимым пособием при дальнейших общих и специальных исследованиях, так что и до сих пор она не утратила своей ценности. В отношении разработки архивного материала «История» Соловьева сделала целую эпоху в русской историографии. В то же время положение «консерватора с прогрессом»—не славянофила и не западника, не либерала и не реакционера помогло Соловьеву в об'ективном научном исследовании. Пример—его отношение к петровской реформе: Соловьев, вопреки и славянофилам и западникам, понял ее в связи с подготовкой исторической действительностью XVIII века, и оценил петровскую реформу как «революцию».

Чичерин и Кавелин разрабатывали только печатные источники, не касались неизданного, архивного материала. В этом отношении они далеко уступали Соловьеву. Но они замечательны, как выдающиеся представители юридической школы в русской историографии, и в этом отношении их научный взгляд является в высшей степени ценным. Кавелин дал свою схему русской истории, поставив в промежутке между родовым и государственным бытом быт удельный, вотчинный, частноправовой. Чичерин дал глубокую, блестящую характеристику частноправовых, вотчинных, феодальных отношений в особенности по духовным и договорным грамотам князей. Ему же принадлежит во многом верная, потребовавшая потом лишь углублений и дополнений теория происхождения русской крестьянской земельной общины и опровержение исконности ее, отстаивавшееся Беляевым. Вместе с Градовским («История местного управления в России») Чичерин обосновал крепостнический характер сословного строя Московской Руси и на этой основе об'яснил судьбу земских соборов. Наконец, Чичерину принадлежит книга «Областные учреждения России в XVII в.», на основании юридического материала освещающая этот вопрос.

Практическое действие этих учреждений может быть освещено только на основании материалов, касающихся повседневной административной практики, хранящихся в архивах.

Параллельно этим научным успехам в области обществознания совершались и замечательные приобретения естествознания в России. В химии особенно замечательно было открытие периодической системы элементов Менделеевым и разработка органической химии Бутлеровым. В физиологии мировую известность приобрели работы Сеченова (особенно «Рефлексы головного мозга»), в палеонтологии Влад. Онуфр, Ковалевского, в ботанике Ценковского и Фаминцына.

В художественной литературе русский «консерватизм с прогрессом» нашел себе, между прочим, выражение в романе Писемского «Тысяча душ», где главным героем является благонамеренно-либеральный губернатор. Но самыми талантливыми представителями этого течения были Гончаров и Островский.

Гончаров в «Обломове» и «Обрыве» развенчал дворянство—отживающее, крепостническое, потому пассивное (Обломов) и либеральное, способное только на слова, а не на дела (Райский), дал каррикатуру нового революционера-отрицателя из молодежи (Марк Волохов) и пытался противопоставить им людей дела и практики, трезвых буржуазных дельцов в лице Штольца и Тушина, вышедших у него, однако, бледными и тусклыми. Островский изображал процесс социального перерождения в купечестве и чиновничестве. Изображая «темное царство» старозаветного купечества, он в лице Катерины («Гроза») дал в этом царстве «луч света», по выражению Добролюбова, показал, как протест зреет в этом дореформенном мире («Бедность не порок»), характеризовал беззастенчивость новой хищнической буржуазии, не стеснявшейся средствами наживы («Свои люди—сочтемся»), противопоставил новое чиновничество старому, дореформенному («Доходное место»).

Буржуазно-дворянский либерализм 60-х и 70-х годов, следующая затем социальная группа, имел центром своим Тверскую губернию. Мы видели в свое время, какую роль в крестьянской реформе играли тверской губернский комитет и его депутат Унковский. После адреса пяти депутатов

первого призыва, Унковский отдан был в Твери под особый надзор местной администрации. Потом, когда в конце 1859 года издан был циркуляр министра внутренних дел, запрещавший дворянским собраниям обсуждать крестьянский вопрос, Унковский допустил тверское дворянство составить, по предложению бывшего петрашевца Европеуса, адрес на имя императора с просьбой об отмене циркуляра. За это Унковский был удален с поста губернского предводителя дворянства. Тогда все уездные предводители вышли в отставку, и либеральное дворянское большинство устроило своеобразный протест: никто из либералов не баллотировался в предводители, а кто решился подвергнуть себя баллотировке, те были забаллотированы. В результате в восьми уездах не были выбраны ни предводители, ни депутаты. Только в четырех уездах, в которых преобладали консерваторы, выборы состоялись. Все кандидаты в губернские предводители были забаллотированы, и дворянское собрание учредило в Московском университете 12 стипендий имени Унковского. Тогда правительство назначило губернским предводителем дворянства Клокачева, но он получил резкое письмо от Головачева. За это Головачев был отдан под суд, после чего подлежал высылке. Унковский был сослан в Вятку, Европеус—в Пермь [1]).

В 1862 г. в Твери произошли новые события, явившиеся признаком продолжения оппозиционного движения. В этом году правительство поручило дворянским собраниям обсудить вопрос об организации земельного кредита. Тверское дворянское собрание в ответ на это представило адрес Александру II и заявило в этом адресе, что для правильной организации земельного кредита оно считает необходимым, во-первых, чтобы финансы государства зависели от воли народа, а не от произвола правительства, во-вторых, чтобы осуществлен был независимый и гласный суд, в третьих, чтобы во всех отраслях управления существовала гласность, в четвертых, чтобы уничтожен был антагонизм между сословиями, для достижения всего этого необходимо собрание выборных от всего народа [2]).

---

[1]) Иванюков, Пад. кр. пр. в России, стр. 382—383.
[2]) Корнилов, Курс русск. ист., II, стр. 220—221.

В то же самое время мировые посредники Тверской губернии собрались на тайное губернское совещание и постановили в своей деятельности подчиняться не правительству, а обществу. Тогда 13 мировых посредников были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость, где сидели 5 месяцев. Они были преданы суду сената, и сенат приговорил их к заключению в смирительный дом на 2 года с лишением некоторых прав, но, по ходатайству петербургского генерал-губернатора князя Суворова, они были освобождены от наказания смирительным домом, все дело ограничилось лишением некоторых служебных прав [1]).

В 70-х годах мы наблюдаем уже признаки организованного земского движения. Тогда именно произошло земское совещание в Нежине Черниговской губернии, где присутствовали южные земцы—Линдфорс, Русов, Константинович и др. В конце 1878 года состоялся съезд в Киеве, где присутствовали — Линдфорс, Русов, Савич, Петрункевич, Гордеенко и друг. В том же году состоялся обед в Харькове по случаю столетия со дня рождения украинского писателя Квитки-Основьяненко, и этим обедом земцы воспользовались, чтобы снова поднять вопрос об образовании общеземской организации. В конце марта 1879 года в Москве собрался земский съезд, на котором присутствовало 40 человек. Инициаторами съезда были—Петрункевич, Линдфорс, Гольцев. Цель этих съездов заключалась, по словам Петрункевича, в том, чтобы «подсчитать общественные силы, объединить их и подвинуть даже колеблющихся на замену существующего порядка конституционным» [2]).

В результате съездов и получился Земский союз 70-х и 80-х годов. В 1881 году была выработана программа Земского союза с отрицанием террора—красного и белого, упразднением подушной подати, административной децентрализацией и центральным народным представительством с законодательной властью [3]).

Любопытны были действия земцев-конституционалистов, возникшие в связи с террористическими актами 1878—79 го-

---

[1]) Там же, II, стр. 224.

[2]) Воспоминания И. И. Петрункевича в сборнике «Памяти В. А. Гольцева».

[3]) Из полицейских расследований 1882 года: «Былое» за 1906 г., апрель, стр. 305—306.

лов. После убийства Мезенцова, исполняющий обязанность министра внутренних дел Маков, по его словам, «счел нужным вызвать Россию на протест против преступных деяний» и заставил через местную администрацию—петербургскую думу, московское дворянство и земство (вернее—соответствующие управы и предводителей), московскую думу, тамбовские земство и думу, владимирское дворянство и тульскую думу выразить в особых адресах Александру II протест против революционного террора и верноподданнические чувства [1]). Но, хотя эти заявления и были вызваны давлением администрации, они в общем, несомненно, правильно выражали также и действительное отношение не только консервативных, но и либеральных кругов русской буржуазии к террористической тактике революционеров. И либеральные земцы на совещаниях с террористами убеждали их отказаться от террора на том основании, что он «запугивал общество и озлоблял правительство» [2]). В то же время, однако, некоторые земства, воспользовавшись призывом правительства к содействию в борьбе с террором революционеров, сделали конституционные заявления. Так, черниговское земство считало возможной «борьбу с разрушительными идеями» только при наличности «соответственных орудий» — «свободы слова, печати, свободы мнений и свободной науки». Тверское земство, указывая на то, что Александр II дал освобожденной Болгарии конституцию—«истинное самоуправление, неприкосновенность прав личности, независимость суда, свободу печати», отстаивало и для русского народа право на «те же блага, которые одни могут дать ему возможность выйти на путь постепенного, мирного и законного развития» [3]).

Выдающимся представителем либерализма в художественной литературе был в то время И. С. Тургенев. Характер реформ императора Александра II нам известен: он ясно показывал, что либерализм в настоящем, полном смысле слова, без крепостнических урезок и оговорок, был совер-

[1]) Богучарский, 1878 год: «Голос Минувшего» за 1917 г., июль - август, стр. 127 и след.

[2]) Богучарский, Из истории политич. борьбы 70-х и 80-х годов, стр. 397 и след.

[3]) Корнилов, Общественное движение при Александре II, стр. 244 и след.

шенно не ко двору в России 60-х и 70-х годов. Либералы были «лишними людьми», которые, если и могли где-нибудь чувствовать себя ловко, удобно, то разве на чужбине, заграницей: дома для них не находилось дела, здесь были «суждены им благие порывы, но свершить ничего не дано». Недаром и сам Тургенев жил большею частью заграницей, лишь временно наезжая на родину. Будучи в оппозиции и не у дел, либерал того времени, естественно, тяготел влево, к революции. Вот почему тот же Тургенев поддерживал деньгами революционные заграничные издания Лаврова.

В литературной своей деятельности Тургенев изображал, прежде всего, именно «лишних людей». Таков был Рудин, прототипом которого послужил Бакунин, причем силою художественной интуиции Тургенев как бы провидел значение Бакунина в заграничном революционном движении: его Рудин погибает на парижских баррикадах в июньские дни 1848 года. Лаврецкий в «Дворянском Гнезде»—славянофил, но и он в сущности лишний человек, как и западник Потугин в «Дыме». В «Накануне» поставлена была важная общественная проблема, как же и когда найдутся в России настоящие люди действия. Художественное решение ее дано Тургеневым в «Отцах и детях» и «Нови». В лице Базарова Тургенев дал, несомненно, правдивый образ одного из течений, возникших тогда среди молодежи. В «Нови» наряду с лишним человеком Неждановым, не сумевшим приспособиться и к новым условиям и потому погибшим, встречаются недостаточно, впрочем, определенные попытки схватить тип нового революционера-практика (Соломин). Более удалась автору серьезная и убежденная революционерка нового типа (Марианна). Попутно в лице Паншина («Дворянское гнездо») и Сипягина («Новь») клеймятся полулиберальные карьеристы, «консерваторы с прогрессом» из бюрократии. В лице Калломейцева («Новь») дан яркий тип реакционера, мракобеса из разорившихся дворян. Либерально-дворянская меланхолия, насквозь проникающая всю художественную деятельность Тургенева, проявляется и в таких повестях, как «Первая любовь», «Вешние воды», «Ася» и в особенности в «Дневнике лишнего человека».

Мы стоим теперь на пороге левых, демократических, революционных течений в русской общественной жизни. Прежде, однако, чем перейти к изложению самого револю-

ционного движения, необходимо обозреть литературные явления, ему родственные и еще раньше упомянуть о писателе, который был уже тогда и сделался особенно позднее ярким представителем типа кающегося дворянина, избравшим, однако, не революционный путь, а дорогу проповеди словом и делом «опрощения», погружения в крестьянскую стихию, мирного христианского анархизма. Речь идет, конечно, о Л. Н. Толстом.

Как великий натуралист, он принадлежит, конечно, уже не дворянству, а буржуазии. Замечательно, что именно ему удался тип делового аристократа, земского либерала, настоящего культурного буржуа, индивидуалиста до мозга костей в лице Вронского («Анна Каренина»). Вронский далеко оставил позади себя бледные тени Штольца и Тушина. Но при всем блеске натуралистической гениальности Толстой дал в своих повестях, и в «Войне и мире» (Безухов) и в «Анне Карениной» (Левин) зародыши того характера, который был ближе всего по духу ему самому: этической натуры, искателя личного морального идеала, готового обрести его в простоте и смирении крестьянской психологии и крестьянского земледельческого труда. Уже здесь своеобразная народническая струя выступает очень ясно и роднит Толстого с тем широким народническим движением, которое составляло наиболее характерную черту времени.

Шестидесятые годы начали эпоху демократического протеста сатирической и обличительной литературой. «Искра» Курочкина была первым новым сатирическим журналом. Добролюбов и Некрасов в прилагаемом к «Современнику» «Свистке» энергично действовали бичом сатиры и обличения. Но, конечно, главой этого обличительного направления с самого начала стал в своих «Губернских очерках» Щедрин-Салтыков и он остался им и позднее, во все время 60-х и 70-х годов, отчасти и далее. Салтыков обладал большим художественно-литературным талантом. «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина» — яркие тому доказательства. Но сатирик и публицист брали в нем верх над художником, не давали надолго увлечься художественным творчеством. И отсюда вышел ряд сатирических фельетонов и памфлетов на жгучие темы современности. Таковы были «За рубежом», «Помпадуры и помпадурши», «Пестрые письма», раньше же всего «История одного города» и «Совре-

менная идиллия». В «Современной идиллии» с убийственной иронией, с горьким сарказмом рассказывается, например, что новгородец Добромысл-Гадюк был за призвание варягов, потому что до призвания варяги действовали без системы: грабили не чередом, убивали не ко времени, насиловали не по закону; призвав же варягов, сказали им: «грабьте, жгите, насилуйте, но... по закону». В «Истории одного города», по собственным словам Салтыкова, в его письме к Пыпину, Парамоша не только Магницкий, но и граф Д. А. Толстой [1]). Угрюм-Бурчеев — олицетворение самодержавия. Недаром на его портрете пейзаж изображает пустыню, тюрьму, а вместо неба—нависла серая солдатская шинель. Столпаков — седьмой, последний градоначальник, «въехав в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Основа психологии глуповцев—страх. Строптивость их выражается только в желании спрятаться, об открытом сопротивлении они и помышлять не могут. Поэтому, когда «одни градоначальники секут абсолютно, другие объясняют причины своей распорядительности требованиями цивилизации, а третьи желают, чтобы обыватели всецело положились на их отвагу», то «соответственно этому и обыватели в первом случае трепещут бессознательно, во втором — трепещут с сознанием своей собственной пользы, в третьем возвышаются до трепета, исполненного доверия».

Гончаров, Островский, Тургенев, Толстой, Щедрин—все это были писатели, начавшие свою деятельность в сороковых годах, идеологи перерождавшегося в буржуазию дворянства,—обличители всего отжившего, присматривавшиеся со стороны к новым людям, к демократической интеллигенции, к «разночинцам», которые все резче и определеннее заявляли о себе в жизни. Начало 60-х годов дало писателя, который сам вышел из разночинной среды и изобразил ее не со стороны, а из опыта своей собственной жизни. То был сын дьячка, автор «Очерков бурсы» и повестей «Мещанское счастье» и «Молотов»,—Помяловский. Здесь интеллигент-плебей бунтует против барства, испытывает к нему классовую ненависть. В Молотове Помяловский изобразил плебея-интеллигента, отвоевавшего себе личную независимость и мещанское счастье, но не удовлетворенного этим вполне; Череванин у него—искатель смысла жизни и социальной правды.

[1]) Кранихфельд, М. Е. Салтыков (Н. Щедрин).

Помяловский наметил только начальные, исходные пункты начавшегося демократического движения. Движение это, однако, едва начавшись, стало быстро развиваться, осложняться и разветвляться. Мы займемся сначала тою ветвью его, которая не была в 60-х годах господствующей, но проявила себя очень ярко и носила резко отрицательный, разрушительный характер. Это—то, что тогда получило и сочувственно приняло название нигилизма.

Его первым провозвестником был, несомненно, Писарев в «Русском Слове». Он восторженно приветствовал появление «Отцов и детей» Тургенева и объявил, что Базаров — действительно новый человек, нигилист или мыслящий реалист. Опираясь на естествознание, особенно на Бюхнера, Молешотта и Фогта, Писарев выработал себе материалистическое и атеистическое миросозерцание. Он хорошо и вполне ясно понимал, как и чем различается усвоенное им направление мысли от взглядов Добролюбова, приводимых в «Современнике». «Добролюбов», писал Писарев, «думал, что жизнь может обновиться порывами чувства, а я убежден, что она обновляется только работою мысли. Добролюбов почти не имел понятия о естественных науках, а я считаю их краеугольным камнем здорового умственного развития и всякого человеческого прогресса». «Для самого себя каждое живое существо есть центр и смысл всего мироздания». С презрением не меньшим, чем Базаров, относился Писарев к «коленопреклонениям перед народной мудростью и перед народной правдой». Для решения задачи о голодных и раздетых, по Писареву, необходимы два условия: «во-первых, задачу эту должны решить непременно те люди, которые в разумном ее решении находят свои личные выгоды, т.-е. ее должны решить сами работники; во-вторых, решение задачи состоит не в возделывании личных добродетелей, а в перестройке общественных учреждений». Но главное для Писарева было разрушение: «вот заключительное слово нашего юного лагеря», писал он: «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги,—то хлам; во всяком случае бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» [1]).

[1]) См. Сочинения Писарева: статьи «Роман кисейной девушки», «Исторические идеи Конта», «Схоластика XIX в.» и пр.

Писарев был чистым отрицателем, представителем социальной и политической «нетовщины». Ни социалистом, ни даже анархистом в форме сколько-нибудь определенной его назвать нельзя. Если он и был анархистом, то только разве в зародыше. Есть, впрочем, сведения, что незадолго до смерти Писарев стал переходить на точку зрения марксизма [1]).

Он попытался вступить один раз на дорогу нелегальной публицистики и довольно сильно поплатился за это. Он жил на одной квартире со студентом Баллодом. Баллод уговорил его написать статью против брошюры агента русского правительства барона Фиркса, изданной под псевдонимом Шедо-Ферроти и направленной против Герцена. Баллод вообще занимался революционной деятельностью и поплатился за это семилетней каторгой. Писарев обращался «к милосердию монарха» и осужден был на 2 года 8 месяцев крепости [2]).

Знал-ли сочинения Писарева Нечаев, — нам неизвестно. Но идейно он, как разрушитель, несомненно являлся продолжателем Писарева и, как известно, был связан одно время с Бакуниным. Писарев был сын среднего помещика, отбившийся от своей семьи, Нечаев—сын священника. Он был малообразован, не имел литературного таланта, но отличался железной волей, умел подчинять себе людей. Известно, что его воле подчинились жандармы, сторожившие его в Петропавловской крепости, и устроили его сношения с народовольцами с тою целью, чтобы последние помогли ему бежать из крепости. Побег не состоялся, потому что народовольцы заняты были покушением на Александра II, а потом жандармы, подчинившиеся влиянию Нечаева, провалились и были сосланы, но и в ссылке они говорили о Нечаеве: «попробуй-ка ему не подчиниться, — он так посмотрит, что все сделаешь, чего он хочет» [3]).

Сергей Геннадьевич Нечаев начал свою революционную деятельность осенью 1868 г. и весной 1869 года, будучи

[1]) Козмин, Б. П. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М. 1922, стр. 53.

[2]) Лемке, Дело Д. И. Писарева: «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 41, 51, 65, 66, 72.

[3]) Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 191—198. Неверно, что Желябов советовался с Нечаевым по делам Нар. Воли.

вольнослушателем петербургского университета. Он принял тогда весьма видное участие в студенческих беспорядках, и под его влиянием Ткачев написал тогда прокламацию «К обществу» для возбуждения сочувствия к студенческому движению [1]). Это был, впрочем, единственный момент, когда Ткачев сблизился с Нечаевым, скоро потом он, как скоро увидим, пошел своей, особой дорогой.

В начале марта 1869 года Нечаев уехал заграницу, виделся там с Бакуниным, произвел на него огромное впечатление, и Бакунин поверил утверждениям Нечаева, что он имеет множество связей в разных кругах общества, и что революция в России близка. Инициативе Нечаева обязан своим появлением «Катехизис», составленный, повидимому, Бакуниным, но внушенный Нечаевым. В «Катехизисе» целью восстания объявлено разрушение всего существующего общественного и государственного порядка и всякой вообще государственности, причем не только не выставлялось никакого идеала или плана устройства будущего общества, но такой идеал или план безусловно и принципиально отрицались: после переворота сам народ создаст по своей воле организацию, навязывать ему в этом отношении что-либо не следует. Члены нечаевских кружков должны отказаться от личных привязанностей, от личной собственности, всем пожертвовать для революции. Должны существовать строго конспиративные организации — «пятерки», члены которых знают только друг друга; один из членов пятерки связан с другой пятеркой, организованной так же, и все обязаны безусловным повиновением распорядительному тайному комитету, т.-е. фактически самому Нечаеву. Для успеха восстания ставилось задачей также сближение с «диким, разбойничьим миром». Та же точка зрения проводилась в газете «Народная Расправа», издававшейся Бакуниным и Нечаевым [2]).

Нечаев вернулся в Россию в сентябре 1869 года и приехал в Москву. Он навербовал здесь в свои организации до 40 человек, главным образом, из среды студентов Петровской сельскохозяйственной академии: к нечаевцам

[1]) Козмин, Н. Н. Ткачев, стр. 136, 138, 139.

[2]) Там же, стр. 179—180, 193, 199, 202; Шишко, Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х г.г., стр. 79—81.

8*

принадлежали — заведующий книжным магазином Черкесова П. Г. Успенский, А. К. Кузнецов, И. Иванов, Прыжов. Николаев и др. В ноябре 1869 года Нечаев и Кузнецов ездили в Петербург и здесь навербовали еще до 20-ти человек, главным образом, среди студентов Лесного и Технологического институтов и Медико-хирургической академии. Организация Нечаева носила название — общества топора или Народной Расправы. Заподозрив одного из членов одной московской пятерки Иванова в измене делу, Успенский, Кузнецов, Прыжов и Николаев, под руководством Нечаева, убили его 21 ноября 1869 года. Нечаев вскоре после этого уехал заграницу, где скрывался до осени 1872 года, когда был арестован в Цюрихе и выдан швейцарским правительством России с условием судить его за убийство Иванова, как уголовного преступника. Это условие было выполнено, и Нечаев был осужден и заключен в Петропавловскую крепость, где и умер в мае 1883 года [1]).

Таково было одно из течений в революционном движении 60-х годов, — течение разрушительное, социальная и политическая нетовщина. Оно было, как видно из сказанного, очень скромно, невелико. Каков его социальный смысл? Откуда оно произошло?

Писарев не типичен для этого небольшого, несильного, но яркого течения: во-первых, его отрицание было чисто-теоретическим, словесным, не действенным,—и он остается типичным только для многих других таких же, как он, словесных отрицателей, которых было немало; во-вторых, Писарев готов был, как уже сказано, перейти к марксизму и, вероятно, если бы прожил долее, не утонул случайно, купаясь в море, был бы одним из первых русских марксистов. Типичной для практических отрицателей фигурой являлся именно Нечаев, сын священника, учитель приходского училища, вольнослушатель университета, настоящий деклассированный демократ-полуинтеллигент с огромным самолюбием и колоссальной силой воли, не стеснявшийся в выборе средств, проникнутый до мозга костей жгучей ненавистью к существующему строю. Деклассированная демократическая полуинтеллигенция, полуинтеллигентная богема, босячество своего рода—выдвинуло на революционную сце-

[1]) Шишко, Общ. движ. в 60-х и пер. пол. 70-х г., стр. 80.

ну практических разрушителей, отрицателей типа Нечаева. Они чувствовали себя затравленными, изолированными в непримиримо-враждебной среде; этим создавалась атмосфера страха и постоянной опасности, почему и убийство Иванова явилось не случайностью, а органически необходимой частностью создавшегося положения.

Второе течение, обращающее на себя внимание в русском революционном движении 60-х годов,—это якобинизм. Первой якобинской по тактике организацией в России был тогда московский кружок Зайчневского.

Еще в 1859 году в Москве возник кружок Мосолова, Шатилова, Сулина и других. Из этого кружка в 1861 году выделился кружок Аргиропуло и Зайчневского, недовольный мирными, главным образом просветительными целями мосоловского кружка, который занимался по преимуществу изучением устройства западно-европейских государств [1]).

Из кружка Аргиропуло и Зайчневского вышла прокламация «Молодая Россия», эта прокламация различает в России две партии: императорскую, состоящую из помещиков и купцов, и народную. Народная партия всеми притесняется: народ грабят помещики и чиновники; прямые и косвенные налоги царь увеличил вдвое. Причина всех этих бедствий—экономический строй, капитализм, общественный гнет, нелепость всего в России—от религии до семьи. Выход отсюда один — «кровавая и неумолимая революция». Приветствуя эту революцию, центральный революционный комитет в полном своем собрании 7 апреля 1862 года решил, во-первых, издавать журнал: «Колокол» не годится, Герцен потерял веру в насильственный переворот и отстаивает конституцию; «Великорусс», хотя и содержит в себе протест, но также является отсталым; во-вторых, центральный революционный комитет высказался за республиканско-федеративный союз областей: вся власть должна быть у Национального и областных собраний; каждая область должна состоять из земледельческих общин, к которым все должны приписаться; должны существовать выборные суды, прогрессивный подоходный налог, общественные фабрики и общественные лавки; необходимы общественное воспитание детей, полное освобождение женщины, уничтожение семьи, монастырей,

---

[1]) Шишко, Общ. движ. в 60-х и перв. пол. 70-х г.г., стр. 40.

увеличение жалованья войску и уменьшение срока солдатской службы, а потом и замена постоянного войска национальной гвардией. Все области должны сами решить, хотят ли они полной независимости, или желают остаться в федерации. Но все это—конечный идеал, который может быть осуществлен не сразу после переворота. Сначала должна быть сохранена централизация, и необходима диктатура. Революционная сила — народ, особенно старообрядцы; но инициатива принадлежит войску и особенно молодежи, на которую и возлагается главная надежда [1]).

Якобинский характер воззрений членов кружка Зайчневского не подлежит сомнению: в прокламации «Молодая Россия» провозглашаются основные принципы якобинизма — террористическая борьба и диктатура инициативного меньшинства [2]).

Аргиропуло умер в тюрьме, а Зайчневский после каторги жил некоторое время в Орле и оказал там влияние на Ошанину-Оловянникову, которая потом была членом партии Народной Воли. Но они не были одиноки. Хотя по утверждению некоторых современников петербургская молодежь в массе были против «Молодой России» [3]), но в Петербурге все-таки были свои отзвуки воззрений Зайчневского. Сюда относится прежде всего кружок студента Петербургского университета Михаила Ольшевского. У Ольшевского была при его третьем аресте найдена записка: «Александр должен отправиться на тот свет», — а также прокламация «К русскому народу (рассказ дяди Кузьмича)». Содержание этой прокламации таково: нет счастья мужику, лихая беда; не бог поставил над нами бар; не след нам, как тварям бессловесным, подставлять шеи барам и чиновникам; дана обманная воля, существуют тяжкие подати и рекрутские наборы; у царя за охотой и пирами нет времени подумать о крестьянах; земля наша, и царю не след быть, если он о народе не заботится; народ должен управляться сам, и все равны [4]). Нетрудно усмо-

[1]) Русская Историч. Библиотека. № 2. Материалы для истории револ. движения в России в 60-х годах. Под. ред В. Базилевского (В. Богучарского), стр. 41—46.

[2]) Козмин. П. Н. Ткачев, стр. 30. Ср. еще статью Мицкевича в «Пролет. Рев.», 1923 г.

[3]) Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, Спб. 1905, стр. 237.

[4]) Козмин. П. Н. Ткачев, стр. 31—37.

треть, что здесь мы имеем перед собою агитационный крестьянский листок совершенно в духе «Молодой России», дополняющий таким образом работу Зайчневского и Аргиропуло.

В связи с Ольшевским, а потом, как нам уже известно, ненадолго с Нечаевым в начале его деятельности находился Ткачев, который и явился третьим представителем русского якобинизма в 60-х и 70-х годах.

Петр Никитич Ткачев был сын мелкопоместного дворянина Псковской губернии, участвовал, будучи студентом Петербургского университета, в беспорядках 1861 года и, пользуясь разрешением властей, ускоренно окончил университетский курс. Арестованный в 1862 г. по связям с Ольшевским, Ткачев был приговорен на 3 месяца крепости за найденную у него нелегальную литературу. Рано начав литературную деятельность, Ткачев писал статьи в разных журналах — между прочим в «Русском Слове» и особенно в «Деле» — по юридическим и экономическим вопросам и два раза привлекался к суду — сначала как редактор сборника «Луч», составленного сотрудниками закрытого «Русского Слова», потом за примечания к переводу книги Бехера «Рабочий вопрос». Ткачев привлекался и долго сидел в тюрьме и по нечаевскому делу. В примечаниях к книге Бехера он обнаружил социалистические убеждения и частично воспринял исторический материализм Маркса, допуская, однако, значительные от него отступления в бланкистском духе и связывая и исторический материализм и утилитарную теорию нравственности с инстинктом самосохранения, но вместе с тем он признавал, что личное счастье связано с борьбой за лучшее будущее, за счастье большинства людей, которое сливается с личным счастьем. Существующую мораль, родственные отношения, любовь можно и должно отвергнуть ради революции. Здесь точка зрения Ткачева приближалась к «Катехизису» Нечаева. Но цель революции рисовалась Ткачеву иначе, чем Нечаеву. Революция, по Ткачеву, имеет целью образование производительной ассоциации. Социальный вопрос (здесь Ткачев следует Бехеру) сводится к рабочему вопросу, к победе рабочего класса, к революционной диктатуре пролетариата; овладев властью, рабочий класс устроит государственный кредит труду путем правительственного декрета, и этим будет утвержден социализм. В России именно и необходима

коммунистическая революция, непосредственный переход к социализму. Подтолкнуть на нее рабочий класс должна интеллигенция. Террористические акты, а потом и террористическая диктатура революционного меньшинства представляли собою основы тактики Ткачева, носившей на себе таким образом яркую печать якобинизма. В крестьянскую революцию и революционность крестьянства он не верил. Будучи централистом и государственником, он отвергал анархизм Бакунина и Нечаева и важнейшей революционной силой в современной ему России считал интеллигенцию [1]).

Таковы были основные взгляды Ткачева, когда он жил и писал в России. В декабре 1873 года Ткачев эмигрировал Но и заграницей он остался верен тем убеждениям, которые выработались у него на родине, и последовательно проводил их в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» и в своей газете «Набат». Известно, однако, что он почти не имел последователей в России. Ткачев умер в 1886 г. в приюте для душевно-больных в Париже.

Была, однако, в 60-х годах еще группа, не чуждая террористической тактики: это—так-называемые каракозовцы, кружок Ишутина, из которого вышел Каракозов. Ядро каракозовцев составляли люди того же социального слоя, к которому принадлежали и Зайчневский, и Аргиропуло, и Ольшевский, и Ткачев: то была часть демократической, мелкобуржуазной по своему положению интеллигенции, вышедшая из среды небогатого поместного дворянства. Интеллигентская с некоторым уклоном к пролетариату и марксизму, мелкобуржуазно-революционная, якобинская психология и идеология были вполне естественны в этих кругах, настроенных протестующим образом и вместе более культурных и умственно дисциплинированных, чем люди типа Нечаева.

Кружок Ишутина возник в Москве в 1863 году. Участниками его были, кроме самого Ишутина, Странден, Юрасов, Каракозов, Загибалов, Шаганов, Николаев, Худяков. Целью кружка являлась пропаганда социализма словом в образовательных кружках и делом — посредством учреждения артельных предприятий, производительных артелей. Кружок открыл швейную мастерскую, переплетное заведение, общество переводчиков и общество взаимного вспоможения. Пропаганда велась среди студентов и рабочих, для рабочих открывались

[1]) Козмин, П. Н. Ткачев, стр. 39—189.

школы при фабриках, купили шрифт для тайной типографии. Имели в виду в будущем купить и сделать артельной хлопчатобумажную фабрику в Можайском уезде и один из мальцовских заводов в Жиздринском уезде. Странден хотел ехать в Сибирь для освобождения Чернышевского [1]).

В конце 1865 года Ишутин, большой прожектер, говорун, хвастун [2]), поднял вопрос о необходимости террористической активности, об убийстве правительственных лиц, в первую очередь о цареубийстве [3]). Это произвело сильное впечатление на члена кружка Дмитрия Владимировича Каракозова, 23-летнего молодого человека, сдержанного, почти всегда молчавшего, больного чахоткой. Он внезапно в начале апреля 1866 года уехал в Петербург. Товарищи встревожились, Странден и Ермолов поехали вслед за ним и вернули его обратно. Каракозов сначала уверял их, что поехал пропагандировать среди рабочих, но потом, сознался, что имел в виду цареубийство [4]). Но он пробыл в Москве только два дня. 4 апреля приехал снова в Петербург и выстрелил в Александра II при выходе его из Летнего сада после прогулки, но неудачно. Каракозов был арестован, долго не могли определить его личность и связи, пока не открыли номер гостиницы, где он остановился, и не нашли там обрывок письма и адрес Ишутина. Тогда все каракозовцы были арестованы, и учреждена следственная комиссия под председательством М. Н. Муравьева. Эта комиссия развила политику крайнего белого террора: произведены были массовые аресты и высылки, закрыты «Современник» и «Русское Слово»; Муравьев потребовал возвышения значения дворянства, рекомендовал «приостановиться с просвещением и изменить состав учащих», настоял на преследованиях печати на том основании, что «свобода печати несовместима с нашим образом правления, — она возможна лишь в конституционном государстве, где служит дополнением к свободе слова» [5]).

Каракозовцы судились в верховном уголовном суде. Подсудимые держались на суде хорошо. Каракозов и Ишутин

---

1) Шишко, Общ. дв. в 60-х и пер. пол. 70-х г.г., стр. 47—48.

2) Д. Стасов, Каракозовский процесс: «Былое» за 1906 г., апрель, стр. 279.

3) Шишко, Общ. движ., стр. 48.

4) Стасов, Карак. проц.: «Былое» за 1906 г., апр., стр. 278—282.

5) Шишко. Общ. дв. в 60-х и пер. пол. 70-х г.г., стр. 48—51.

были приговорены к смертной казни, остальные к каторге на разные сроки. Каракозов и был казнен, а Ишутин просил о помиловании, и смертная казнь в последнюю минуту была заменена ему пожизненной каторгой [1]).

Ни отрицатели-нигилисты, ни якобинцы-террористы не представляли собою, однако, в 60-х годах большинства русской революционно-демократической интеллигенции. Это большинство представляли Чернышевский и Добролюбов, фактические руководители «Современника». Но прежде чем характеризовать их деятельность, необходимо установить промежуточные звенья между Герценом и ими, так как эти звенья, несмотря на сильное расхождение Чернышевского и Добролюбова с Герценом, несомненно, существовали и, например, Чернышевскому сначала пришлось заплатить некоторую дань прошлому, посчитаться в своих первоначальных воззрениях с наследием, полученным от Герцена. К тому же были революционные деятели, которые как раз занимали в данном отношении промежуточное положение.

Начнем с этих последних. В 1861 году Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым была составлена прокламация «К молодому поколению», отпечатана в Лондоне, в типографии «Колокола» и привезена в Петербург и здесь распространена Михайловым в количестве 600 экземпляров. Дело было раскрыто вследствие предательства Всеволода Костомарова, племянника известного историка. Костомаров, впрочем, назвал только Михайлова. Михайлов был арестован, судим и приговорен на 6 лет каторжных работ. Он и умер в каторге

Прокламация «К молодому поколению» по идейному своему содержанию очень близко подходит к народническо-либеральным взглядам Герцена. Содержание ее таково:

Правительство дало не ту волю, которой желал народ. Оно не знает народа, презирает его и потому недостойно народа и негодно. От освобождения крестьян может произойти или благосостояние или пролетариат. Правительство будет портить все будущее страны из личных выгод. Молодое поколение — вожаки народа, оно может спасти страну, указывая народу, что необходима для него земля и независимость от землевладельцев, уменьшение податей, правда в суде, удале-

---

[1]) Стасов, Карак. проц.: «Былое» за 1906 г., стр. 283, 285, 289, 290.

ние лишних нянек и опекунов, чему всему помехой являются царь и министры. Экономисты по немецким книжкам толкают Россию на европейский путь индивидуализма, капитализма и конституции. Но наш путь — не путь Европы. Нам незачем надевать на себя петлю европейских учреждений и экономических порядков, так как в нашей жизни есть начала, неизвестные европейцам; у народа есть земельная община, равенство прав и владения. Мы не хотим пролетариата и государственного начала. Нужна революция. Народ нельзя считать не созревшим, потому что не нужна зрелость, чтобы переменить узкий сапог на широкий, отличить справедливость от бессудия; нельзя сходить на нет постепенно в деле народного грабежа. Необходимы: власть выборная и ограниченная, свобода слова, развитие самоуправления на основе сельской общины и союза сельских общин, уничтожение сословий (равноправие), финансовая отчетность правительства, открытый и словесный суд, уничтожение полиции и телесного наказания, национализация земли, наделение казенной землей дворовых людей, уничтожение временно-обязанного состояния и немедленный выкуп, наделение землей мещан, сокращение срока службы в армии до 3—5 лет и достаточное жалованье солдатам, сокращение расходов на управление, освобождение всех политических и изменение основных законов. Пусть молодежь ведет пропаганду такого содержания среди народа и солдат, устраивает кружки. Ее поведут «тени мучеников 14 декабря» [1]).

То было первое звено, связывавшее Герцена с Чернышевским, первый этап от первого к второму. Вторым звеном является листок «Великорусс», которого вышло три номера, и за распространение которого поручик гвардии В. А. Обручев, сотрудник «Современника», получил три года каторги. Но установлено, что в составлении этого листка видную роль играл сам Чернышевский [2]), что таким образом взгляды, в нем изложенные, представляют собою один из этапов в развитии взглядов Чернышевского. Удобнее всего поэтому поставить «Великорусс» в связь с биографией Чернышевского, с общим ходом развития его убеждений.

[1]) Материалы по ист. рев. движ. в 60-х годах, стр. 2—11.
[2]) Плеханов. Н. Г. Чернышевский, Спб. 1910, стр. 61.

Николай Гаврилович Чернышевский родился 12 июля 1828 года в Саратове и был сыном местного протоиерея. Родители давали ему в детстве полную свободу. «Мы», вспоминает Чернышевский, «жили себе, как нам вздумается». В детстве он «с увлечением и страстью предавался играм». В 1836—1842 годах он числился в духовном училище, но в сущности не знал бурсы, так как учился дома, а в училище только держал экзамены. В 1842—1845 годах Чернышевский учился в духовной семинарии, подавал там большие надежды своими способностями и успехами, его прочили в духовную академию и предсказывали ему блестящую карьеру в духовенстве. Но он вышел из семинарии в 1846 году до окончания курса и поступил в Петербургский университет. Еще в семинарии в сочинении на тему «Обманывают ли нас чувственные органы» обнаружил реалистические тенденции: он доказывал здесь, что наши представления соответствуют предметам [1]). Но все же в раннем детстве ему была свойственна религиозная мечтательность, а потом, еще в семинарии, знакомясь с Гегелем по изложению его философии, Чернышевский сначала увлекался и гегельянством. В 1844—1846 г.г. Чернышевский прочитал Белинского и под его влиянием, а также под полученным через посредство его сочинений влиянием Фейербаха стал исповедывать философский культ конкретной действительности и вместе с тем научился у Белинского ценить натуральную школу художественной литературы [2]). В семинарии Чернышевский был общителен, добр с товарищами, имел друзей [3]). Уезжая в университет, Чернышевский испытывал горячее желание быть ученым, профессором, его одушевляли, по его собственным словам, «стремление к славе и служба человечеству» [4]); несколько позднее в университете он мечтал, что будет журналистом и вождем левых, вроде Луи Блана [5]), критиком и публицистом, потому что в России важнее практические вопросы [6]).

---

[1]) Там же, стр. 25—30.

[2]) Ляцкий, Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли: «Совр. Мир» за 1910 г., № 10, стр. 142, 157—158.

[3]) Н. Юдин, Н. Г. Чернышевский в Саратове: «Историч. Вестн.» за 1905 г., декабрь, стр. 876.

[4]) Плеханов, Н. Г. Чернышевский, стр. 31.

[5]) Ляцкий—в «Совр. Мире» за 1910 г., № 10, стр. 160.

[6]) Плеханов, Н. Г. Чернышевский, стр. 40—41.

В университете Чернышевский учился в 1846—1850 г.г. То была очень важная пора его жизни, развившая слабые прежде ростки нового мировоззрения и новых взглядов. Как студент, он работал очень усердно и с большим успехом у профессоров Никитенки и Плетнева по истории литературы, у Куторги по всеобщей истории, особенно же у Срезневского по славянской филологии и археологии; составил также словарь к Ипатьевской летописи, напечатанный в «Прибавлениях к Известиям 2-го отделения Академии Наук» за 1853 год. Через Срезневского Чернышевский познакомился тогда с Иринархом Ивановичем Введенским, у которого был кружок, обсуждавший социальные и политические вопросы [1]). Будучи студентом, Чернышевский сблизился также с Ханыковым, под влиянием которого прочел в подлиннике Гегеля и Фейербаха, а также Бруно Бауера, но с сочинениями Маркса знаком не был [2]). Во второй половине 1848 года и в начале 1849 г. верования у Чернышевского начинают колебаться и разрушаться: он ведет долгие разговоры с Ханыковым о религии, перестает мало-по-малу быть верующим христианином. Познакомившись с Гегелем, он усваивает по отношению к нему отрицательное отношение: Гегель — «бесполезен для формирования научного образа мыслей»; он отвергает гегелево учение о праве: Гегель — «раб настоящего положения вещей [3]). В то время Чернышевский очень высоко ставил Жорж-Занд, особенно ее крестьянские романы, находился под сильным влиянием Лессинга, изучил утопический социализм [4])—Сен-Симона, Фурье, Кабе, Оуена, Пьера Леру. В сен-симонизме не нравилось ему преклонение перед авторитетом, которое он сближал с папизмом; не нравились ему и фантастические элементы в учении Фурье, но он всецело воспринял критическое учение фурьеризма [5]). Все более примыкал Чернышевский к Фейербаху — к его философскому материализму и к оценке им революции 1848 года: по его мнению, после 1848 года нельзя надеяться на альтруизм, со-

---

[1]) Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Спб. 1909. стр. 6—7.

[2]) **Там же, стр. 9.**

[3]) Ляцкий, Чернышевский и учителя его мысли: «Совр. Мир» за 1910 г., № 10, стр. 142—149.

[4]) Плеханов. Чернышевский. стр. 38, 39.

[5]) Стеклов, Чернышевский, стр. 10, 12.

страдание к угнетенным, сочувствие ближним, надо апеллировать к рассудку и экономической выгоде и расчету как основам социализма. Под влиянием крушения надежд после 1848 года Чернышевский не верил в народную инициативу и все свои упования перенес на интеллигенцию [1]).

Окончив курс университета в 1850 году, Чернышевский поступил на службу в саратовскую гимназию учителем словесности. Ученики любили и уважали его. Он познакомился там и довольно близко сошелся со ссыльными—поляками, а также с Костомаровым, учителем географии (потом ставшим историком), Е. А. Беловым, учителем Валенцовым, врачом Стефани, начальником отделения казенной палаты Вознесенским. Все эти люди составляли сливки местной интеллигенции и образовали кружок, который часто собирался у помещицы Чечелевой-Галицкой: здесь беседовали на исторические, политические и художественно-литературные темы. Тут он познакомился с эмансипированной барышней, дочерью врача Ольгой Сократовной Васильевой, и в 1863 году женился на ней [2]). Чернышевский не знал женщин до женитьбы. Невеста привлекала его красотой, твердым и положительным характером, а ей «хотелось вырваться из тягостной семейной обстановки, и привлекал ее мягкий характер Чернышевского» [3]). Живя в Саратове, Чернышевский вел дневник, записи в котором отражают в себе черты характера и взгляды и убеждения автора: он рисует здесь себя как человека, лишенного инициативы, мнительного, робкого, неуверенного в себе, склонного к унынию и тоске, истинного Гамлета; и в то же время замечает: «я тяжел на подъем, но когда поднимусь, уж тут пойду действительно» [4]). У него тогда была еще надежда на торжество прогрессивных начинаний, он не был сторонником «прямого действия»: «чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем лучше» [5]).

Незадолго до женитьбы умерла мать Чернышевского. Он тяготился жизнью в Саратове: хотел быть ученым,

---

1) Плеханов. Чернышевский, стр. 43, 44.

2) Юдин. Чернышевский в Саратове: «Ист. Вест.» за 1905 г., дек., стр. 879—883,

3) Стеклов. Чернышевский, стр. 15, 16

4) Там же. стр. 15.

5) Плеханов. Чернышевский, стр. 44, 46.

влиять на общество, подготовлял в Саратове диссертацию [1]. Вскоре после женитьбы Чернышевский переехал в Петербург, стал там учителем 2-го кадетского корпуса, представил в 1855 году свою диссертацию, начал работать в «Петербургских Ведомостях», «Отечественных Записках», наконец, в «Современнике», поместил в «Атенее» статью по поводу «Аси» Тургенева, под заглавием «Русский человек на rendez-vous» [2].

Эта статья и диссертация — «Эстетические отношения искусства к действительности» представляют собою первые важные проявления воззрений Чернышевского в печати. Чернышевский тогда был уже вполне сложившимся человеком-материалистом—последователем Фейербаха, социалистом и демократом [3]. В статье «Русский человек на rendez-vous» он отмечает нерешительность и трусость у русских людей и объясняет это отсутствием привычки к участию в общественных делах: гуманные и образованные люди только говорят, а дела боятся; дворяне должны понять требования времени и сделать уступки крестьянству—таков публицистический вывод этой критической статьи [4]. Она характерна как первое в 60-х годах проявление публицистической критики в демократическом духе, в отрицательном отношении к либерализму.

В «Эстетических отношениях искусства к действительности» Чернышевский обосновал теорию идейного, тенденциозного искусства. С его точки зрения, действительность выше всего, выше и фантазии и искусства. Поэтому воспроизвести в искусстве действительность нельзя. Прекрасное в искусстве — это только его форма. И Пушкин достиг совершенства именно в поэзии формы. Но кроме формы, в искусстве есть содержание, и оно не исчерпывается прекрасным, потому что дается жизнью, действительностью, а в действительности, во всех проявлениях жизни проявляется совокупное действие всех сил и способностей человека, а так как стремления правды, любви и улучшения быта в человеческой натуре сильнее стремления к прекрасному, то

1) Там же, стр. 49.
2) Там же, стр. 49.
3) Ляцкий, Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли: «Совр. Мир» за 1910 г., № 11, стр. 152.
4) Плеханов. Чернышевский, стр. 242—246.

они сильнее последнего влияют на искусство. «Искусство для искусства» есть, поэтому, такая же нелепость, как «богатство для богатства, наука для науки». Искусство преследует те же цели, что и наука, только различными средствами: искусство прибегает к творческой фантазии, а наука—к логическим доводам. Литература, с точки зрения содержания— есть народное самосознание и в русской литературе это сделано Гоголем и пошедшей от него натуральной школой, которая старается воспроизвести действительность, но не может, как и всякое искусство, воспроизвести ее в полной точности, и потому не воспроизведение действительности составляет главную цель искусства, а изображение жизни такою, какова она должна быть, по нашим понятиям, т.-е. для удовлетворения наших стремлений к правде, любви и улучшению быта [1]).

Диссертация Чернышевского была успешно им защищена и одобрена факультетом. Он должен был получить ученую степень магистра, и перед ним открывалась профессорская карьера. Но в то время, в 1855 году, постановление факультета о возведении в ученую степень должно было быть утвержденным министром народного просвещения. Министр, недовольный «вредным» направлением диссертации, не дал своего утверждения, и ученая карьера, профессура сделалась для Чернышевского невозможной.

В течение 1855 и первой половины 1856 года Чернышевский и был неизменным критиком «Современника», только с половины 1856 года критический отдел был им передан Добролюбову. В это именно время своей литературно-критической работы Чернышевский написал свои «Очерки гоголевского периода [2]).

Передав литературно-публицистическую критику в руки Добролюбова, Чернышевский отдался главным образом другой работе — публицистической разработке крестьянского вопроса. Это дело особенно занимало его в 1857—1858 г.г. И здесь окончательно взгляды его определились не сразу: сначала он отдал дань тому настроению, которое заставило Герцена написать в «Колоколе» статью «Ты победил, гали-

[1]) Чернышевский. Эстетич. отношения искусства к действительности; Плеханов. Чернышевский. стр. 206—218; Стеклов, Чернышевский, стр. 84—100.

[2]) Плеханов. Чернышевский. стр. 50—51

леянин», — он восхвалял Александра II за почин реформы. Но мы уже видели выше при изложении истории реформы 19 февраля, как скоро и сильно менялись взгляды Чернышевского на эту реформу. Он начал предлагать прирезку к крестьянскому наделу и очень невысокий выкуп и на этой точке зрения стоял еще в 1859 году [1]). Но впоследствии он отрицал всякий выкуп и предполагал передачу всей земли крестьянам посредством крестьянской революции. Об этом, впрочем, мы будем еще говорить несколько ниже в связи с дальнейшими переменами в экономических и политических взглядах Чернышевского.

Другой вопрос, который занимал внимание Чернышевского в 1857—59 годах в связи с крестьянским вопросом вообще, был вопрос о земельной общине. Мы знаем уже, что тогда он полемизировал с Вернадским, защищая общину и усматривал в ней условие, облегчающее устройство ассоциаций, переход к социализму. В 1858 году в известной своей «Критике философских предубеждений против общинного землевладения» он, защищая теоретически общину, доказывая, что она, при известных улучшениях и преобразованиях, может содействовать экономическому прогрессу и превратиться в ассоциацию высшего типа, но с практической точки зрения уже фактически развенчал общину, разочаровался в ней: он пришел к выводу, что община имела бы социализирующее значение только при двух условиях, которых в России не было: во-первых, если бы рента принадлежала тем, кто владеет общинной землей, и, во-вторых, если бы на владельцах этой землей не лежали кредитные обязательства (выкупные платежи). Видя в общине средство от «болезни пролетариатства» и, следовательно, рассматривая пролетаризацию только как «болезнь», а не как источник нового движения, Чернышевский, однако, уже в конце 1857 года пришел к выводу, что Россия втягивается в капитализм [2]). Он не разделял также народнической веры в крестьянскую правду и мудрость и не верил, вопреки Герцену, что социалистическое солнце воссияет для запада Европы с востока—из России.

---

[1]) Каменев. О Герцене и Чернышевском, стр. 117.
[2]) Плеханов. Чернышевский, стр. 312, 288, 315.

Прежде чем перейти к характеристике окончательной стадии развития убеждений Чернышевского, необходимо осветить теперь его философские и исторические взгляды. Философские взгляды ярко выразились в напечатанной им в 1860 году статье «Антропологический принцип в философии», здесь формулирован был тот принцип философии Фейербаха, который был положен в основу «Эстетических отношений искусства к действительности»,—именно положение, что человек—единое, цельное существо, натуру его нельзя делить на половины. По Фейербаху организм—суб'ект, а мышление—предикат, свойство этого суб'екта, и психические явления—результат деятельности человеческого организма. Будучи последователем Фейербаха, Чернышевский всецело разделял этот принцип, а познакомившись с теорией Ламарка, нашел в ней также основание отрицать витализм, особую жизненную силу: он стал утверждать, что в организме совершаются те же химические процессы, только более сложные, чем в так-называемой неживой природе. Мораль Чернышевский, как типичный рационалист, выводит из расчета личной выгоды, так что геройские поступки — в то же время и умные поступки [1].

Таким образом в философии Чернышевский являлся последовательным выразителем взглядов Фейербаха, материалистом, внимательно следившим за успехами естествознания, учитывавшим их и вносившим соответствующие поправки и дополнения в свое мировоззрение. Что касается исторических или социалистических взглядов Чернышевского, то в отдельных случаях он давал об'яснения близкие к историческому материализму: так, в статье о «Пропилеях» Леонтьева он об'явил экономическое развитие общества причиной развития его правовых учреждений. В статье о Рошере («Современник» за 1861 г.) образ мыслей каждой группы людей об'ясняется ее интересами; этим между прочим об'ясняется и смена школ в политической экономии: Адам Смит — «представитель биржевого и коммерческого сословия», историческая школа—мелкобуржуазна, социалисты-утописты — представители трудящихся масс. Но как только от отдельных исторических явлений, которые об'яснялись материалистически, Чернышевский переходил

[1]) Там же, стр. 87—96, 109, 110.

к высшим обобщениям,—он впадал в идеализм: главной действующей силой у него оказывалась интеллигенция, и прогресс сводился к улучшению привычек и понятий, т. е. в конечном счете к умственному развитию людей [1]).

Исход крестьянской реформы окончательно убедил Чернышевского, что нет надежды мирным путем, посредством преобразования сверху достигнуть сколько-нибудь существенных улучшений. Ему стало ясно, что настоящее, подлинное освобождение было бы осуществимо только посредством крестьянской революции или по крайней мере после существенного преобразования государственного строя. И под влиянием этого Чернышевский уже не ограничивается легальной публицистической деятельностью, а обращается к нелегальной печати. Он является главным вдохновителем «Великорусса» и, повидимому, также автором прокламации «К барским крестьянам».

Содержание № 1-го «Великорусса» таково: помещичьи крестьяне недовольны освобождением; невежественное и глупое правительство ничего не понимает и ведет к пугачевщине; «надо образованным классам взять в свои руки ведение дел»; необходимо решить два вопроса: во-первых, нужна ли законность? во-вторых, способна ли царская власть отказаться добровольно и твердо от произвола? То или другое решение этих вопросов определяет способ действия; если образованные классы почтут себя бессильными, «тогда патриоты будут принуждены призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы».

В № 2 делаются выводы из будто бы полученных ответов на вопросы, поставленные в 1-м №: законность—общее желание просвещенных людей, причем большинство считает необходимым для ее достижения хорошее разрешение крестьянского дела, освобождение Польши и конституцию; хорошее разрешение крестьянского вопроса возможно только путем оставления крестьянам всего надела, бывшего у них при крепостном праве, и притом без выкупа; на это согласятся и те крестьяне, которые хотят получения и всей помещичьей земли без выкупа и перевода помещиков на жалованье; освобождение Польши необходимо, во-первых, потому, что не может быть законности в государстве, если хотя бы

[1]) Там же, стр. 150—203.

в одной его части власть поддерживается вооруженной рукой, во-вторых, освобождения Польши требует наша народная гордость,—мы обещали свободу Польше на венском конгрессе и не должны быть обманщиками,—в третьих, любовь наша к народу и финансовый расчет: подчинение Польши требует лишних 200 тысяч войска и больших расходов; наконец, для законности нужна конституция: ответственность министров, вотирование бюджета, суд присяжных, свобода исповеданий и печати, уничтожение сословий, местное самоуправление; конституция нужна не октроированная, а свободно составленная депутатами, для выборов которых нужны свобода печати, «право популярным людям составить из себя в каждой губернии распорядительный комитет» с подчинением им всех властей и «составлением временного избирательного закона популярными лицами, которых укажет голос публики».

№ 3 «Великорусса» содержит в себе окончание выводов комитета из мнений публики: о династии два мнения: одни думают, что ее надо сохранить, так как Александр II хочет конституции и способен ее соблюдать; другие требуют низложения династии, так как и Александр II воспитан не в конституционном духе, привык к самодержавию, действуют здесь и традиции семьи и влияние придворной среды, да и все действия правительства—в отношении к литературе, университетам, бюрократизм в крестьянском деле—говорят за самодержавие; комитет в целях единства друзей свободы предлагает испробовать на опыте, способен ли Александр II соблюдать конституцию; поэтому надо пропагандировать в обществе, общественных собраниях и среди молодежи за адрес государю, составить комитеты для руководства партиями на основе строгой дисциплины, но конспиративно, без бумаг, и связать их с нашим комитетом, имена членов которого, когда будет нужно, будут названы; приложен проект адреса с ходатайством о созыве представителей наций в России и особо в Польше для составления конституции [1]).

Совершенно ясен смысл этого выступления: это — попытка об'единения всей интеллигенции на демократической социальной и политической платформе. Активной силой

[1]) Материалы для истории револ. движения в России в 60-х годах, стр. 19—25.

здесь считается именно интеллигенция, а не массы. Конечно, в результате не получилось ничего: интеллигенция в массе действенной не оказалась и не могла оказаться.

Участие Чернышевского в составлении листков «Великорусс» не было обнаружено властями; за распространение их поплатился трехлетней каторгой только сотрудник «Современника» поручик гвардии В. А. Обручев.

Неудача с интеллигенцией заставила Чернышевского обратиться к народу, и он написал прокламацию «К барским крестьянам». Здесь указывается, что воля, данная крестьянам, не хороша: на два года оставлено все по старому — и барщина и помещичья власть; землю велено у крестьян обрезывать; придется брать землю у барина за прибавочную барщину и прибавочный оброк; потом помещики совсем обезземелят крестьян, и придется быть батраками. От царя нельзя ждать добра: он сам помещик. Настоящая воля у французов и англичан; там все равны перед судом, нет рекрутчины, подушной подати, паспортов, суд праведный, без взяток, все правится миром, и генералов и даже царей мир может сменять. А у швейцарцев и американцев совсем нет царей, а есть выборные народные старосты — президенты. Прокламация заканчивается призывом к восстанию, о времени которого будет об'явлено особо [1]).

Чернышевский был арестован по делу о составлении этой прокламации 12 июня 1862 года. Повидимому, нет сомнения, что он был действительно ее автором. Спор ведется только о том, были ли против него действительные юридические улики. Одни [2]) утверждают, что имелось достаточно юридически обоснованных улик, другие [3]) считают все уличающие документы подделкой предателя — Всеволода Костомарова, подкупленного правительством специально с этою целью. Повидимому, правильно второе мнение, ярко характеризующее полную беззастенчивость правительства в преследовании своих врагов. Но для нас, разумеется, гораздо большее значение имеет самый факт авторства Чернышевского, никем сомнению не подвергаемый.

[1]) Лемке, Дело Н. Г. Чернышевского: «Былое» за 1906 г., апрель, стр. 179 и след.

[2]) Клочков, «Исторический Вестник» за 1913 г. №№ 9 и 10.

[3]) Лемке, в «Былом» за 1906 г., апрель, и за 1919 г., № 14.

Будучи в крепости, Чернышевский написал и переправил оттуда свой знаменитый роман «Что делать». Это произведение имело большое влияние на молодежь того времени и потому требует тщательного анализа.

Чернышевский считал неверным изображение новых людей Тургеневым в лице Базарова в романе «Отцы и дети». Чернышевский был, как мы знаем, в этом отношении неправ, Базаров был типичным представителем одного из новых течений 60-х годов,—нигилистов или отрицателей. Но, конечно, сводить всю молодую новь того времени к одному Базарову и течению отрицателей нельзя. Большинство во многом от них отличалось, но оно шло не за Писаревым, признавшем Базарова за нового человека, а за Чернышевским. Дать изображение тех, кто за ним шел, — вот цель автора романа «Что делать».

Независимость женщины, право и обязанность ее самостоятельно зарабатывать средства существования, отрицание ревности и «семейного тиранства»—вот около чего вращается главная фабула романа. Но вместе с тем тут изображены и новые люди — Лопухов, Кирсанов, Рахметов, Вера Павловна—и новое дело, которое они делают. Мораль этих людей утилитарная: «расчитывайте, что для вас полезнее»—вот основное правило. Поэзию они видят в правде жизни. Автор иронически относится к «любителям прекрасных идей и защитникам возвышенных стремлений, об'явившим материалистов людьми низкими и безнравственными». Герасим Кирилыч Рахметов, родовитый дворянин, ведущий свое происхождение от тверских бояр XIII века, унаследовал 7 тысяч десятин, но оставил себе лишь столько, чтобы иметь доход от $1\frac{1}{2}$ до 3-х тысяч рублей в год, из которых он на себя тратил только 400. Он прошел два факультета—естественный и филологический,—был пахарем, плотником, перевозчиком три года. У него было два прозвища: одно он не любил: это—«ригорист»; другое ему нравилось: его за необычайную силу звали по имени одного бурлака «Никитушкой Ломовым». Он ел много говядины и черного хлеба, но не употреблял сахару и фруктов, не ел того, что недоступно простым людям, но имел одну слабость: любил хорошие сигары. Приучил себя спать на гвоздях и был доволен, когда, произведя этот опыт, мог сказать «вижу: могу». Вел революционную пропаганду, имел стипендиатов в учебных заведениях, пода-

рил видному немецкому ученому большие деньги на издание его сочинений.

Вера Павловна, жена Лопухова, потом Кирсанова, завела кооперативную швейную мастерскую с участием работавших в прибыли и с особым банком, в капитал которого выделялась часть прибыли для выдачи ссуд нуждающимся; жалованье давалось по искусству; во время работы по очереди происходило чтение вслух; существовала одна большая квартира и общий стол. Сны Веры Павловны—особенно четвертый—представляли собою пропаганду фурьеристского фаланстера.

За прокламацию «К барским крестьянам» и за некоторые другие документы, один из которых, как письмо к Плещееву, были также специально сфабрикованы, как и записка к Костомарову, а другие, как перехваченное письмо Герцена, предлагавшего Чернышевскому издавать «Современник» заграницей, по самому существу своему не давали никакого повода к обвинению Чернышевского, тем более, что это письмо до него и не дошло, Чернышевский был приговорен сенатом к каторге на 14 лет; Александр II уменьшил срок каторги до семи лет. Каторгу он отбывал в Кадае в Забайкальской области, где имел трехдневное свидание с женою и сыном, а потом, через три года, был переведен в Александровский завод Нерчинского уезда, где и оставался до окончания срока каторги, после чего был сослан на поселение в Вилюйск Якутской области, где и пробыл до 1883 года.

Период вилюйской ссылки в своем роде также замечателен. До нас от этого времени дошла переписка Чернышевского с женой, сыном и отчасти другими лицами, и она ярко рисует нам его характер, взгляды и убеждения. Он не изменил себе. Стоицизм, скромность потребностей, большая любовь к семье, желание всячески успокоить родных, представить свое положение лучше, чем оно было на деле, — вот что прежде всего обращает на себя внимание при чтении этой переписки. В письмах к сыну он старается, насколько то было возможно при просмотре писем властями, изложить ему свои взгляды. В русской науке он ценит работы только по русской истории и истории русской литературы. Стоит за Ламарка, против Дарвина. С некоторой иронией и раздражением относится Чернышевский к тому, что он пожертвовал собой в борьбе с непреодолимой реакцией. Он и в Сибири остался

рационалистом до мозга костей; «добро и разумность—это два термина, в сущности равнозначущие», писал он сыну в 1876 г.; истина есть честь, и совесть есть истина, по Чернышевскому; искать истины и искать правды—одно и то же. Высоту личности он видел в развитии нервной системы, которое позволяет данному организму наилучше координировать его сношения с внешним миром при помощи различных органов [1]). В ссылке же Чернышевский написал роман «Пролог к прологу», где отстаивает прежний свой взгляд на крестьянскую реформу, на демократическую целесообразность получения крестьянами всей земли и, главное, без выкупа, и резко отрицательно относится к либеральному решению вопроса, выводя Кавелина как типического представителя такого решения под именем Рязанцева.

В 1883 году Чернышевскому разрешено было поселиться в Астрахани. Он жил здесь с женой, безусловно подчиняясь ей во всех житейских мелочах и сохраняя высоко-ироническое настроение по крайней мере на людях. Он был противником студенческих беспорядков; видел здесь много бесполезных жертв и сетовал, что молодежь потом, в зрелые годы, оказывается неспособной к борьбе [2]). Климат Астрахани был ему вреден, и, по его просьбе, его перевели в 1889 г. в Саратов, где он и умер от кровоизлияния в мозг в ночь с 16 на 17 октября 1889 года. В Астрахани и Саратове он перевел огромную «Всеобщую историю» Вебера, изданную в Москве Солдатенковым, причем переводчик скрылся под всевдонимом «Андреев», и написал две статьи для «Русских Ведомостей» и «Русской Мысли».

Подведем итог значению и смыслу литературной, публицистической и политической деятельности Чернышевского, этого несомненного идейного вождя, властителя дум большинства русской молодежи 60-х годов.

В литературе по этому поводу высказаны два несовсем согласных мнения; по одному, Чернышевский был прямым предшественником русского марксизма [3]), по другому — он во многом приближался к марксистской точке зрения, к на-

---

[1]) Русанов, Чернышевский в Сибири: «Русское Богатство» за 1910 г., № 3, стр. 108, № 6, стр. 61, 72, 73, 76.

[2]) Скориков, Н. Г. Чернышевский в Астрахани: «Ист. Вестник» за 1905 г., май, стр. 482, 484 и сл.

[3]) Стеклов, Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность.

учному социализму, но все же оставался рационалистом-просветителем и представителем—самое большее—некоторого переходного состояния от утопического к научному социализму [1]).

Второй взгляд несравненно ближе к истине, чем первый. Но и он нуждается в некоторых дополнениях и детализации.

В свое время, когда у нас шла речь о Герцене, мы указывали на то, что его нельзя считать родоначальником какого-либо одного течения или направления в русском революционном движении. Как философ-материалист, Герцен был предшественником русского марксизма. Как провозвестник русского крестьянского социализма, идеализировавшего общину и артель, он предварял собою наше народничество. Как сенсимонист он имел в своих взглядах элементы перехода к научному социализму. Как человек, верующий, что свет социализма воссияет с востока, из России, как русский социалистический мессианист, он имел в зародыше идею, которая развернулась во всю ширь гораздо позднее. Но этого мало. Герцен подготовлял своей деятельностью и воззрениями не только революционное, но и оппозиционное движение в России: в крестьянском вопросе он, как нам известно, не пошел далее буржуазного либерализма.

Почти так же сложно и многообразно, если исключить только сочувствие либерализму, было и значение Чернышевского в истории русского революционного движения. Он был в философии еще более последовательным материалистом, чем Герцен, и материалистически обосновал свою эстетику. Конечно, в обоих этих отношениях Чернышевский подготовлял русский марксизм. В исторических и социологических своих взглядах он часто в отдельных случаях становился на почву исторического материализма, но все же в общем и целом остался идеалистом и рационалистом, так что здесь были элементы, подготовлявшие и марксизм и народничество. То же самое приходится повторить о его экономических взглядах: многое в его защите общинного землевладения было по душе позднейшим народникам и являлось даже для них своего рода откровением, евангелием; но оговорка относительно условий, которые являются необходимыми для социализирующего влияния общины и в то же время отсут-

[1]) Плеханов, Н. Г. Чернышевский.

ствующими в России, отрицание преклонения перед крестьянской правдой и мудростью, отказ от морали долга, уверенность в том, что Россия вступает на путь капитализма, отрицание русского социалистического мессианизма делали Чернышевского более близким к марксизму, чем к народничеству. Наконец, он перерос народничество 70-х годов и отсутствием аполитизма особенно тогда, когда его убеждения окончательно созрели. В общем, конечно, Чернышевский был гораздо ближе к научному социализму, чем Герцен, и недаром Маркс, скупой на похвалы, назвал Чернышевского за его примечания к русскому переводу «Политической экономии» Милля «гениальным русским экономистом». Чернышевский был крупной, центральной фигурой русского революционного движения 60-х годов.

Ближайшим помощником Чернышевского в «Современнике», его духовным сыном, которого он и любил, как отец, был Николай Александрович Добролюбов, тоже сын священника. В детстве он наивно веровал и строго исполнял обряды, в ранней юности мечтал о героическом, великом, пережил тогда и полосу полусознательного морального ригоризма. Но все это прошло: религиозное чувство мирно и постепенно умерло и заменилось неверием, героические порывы сменились сначала грустью и презрением к жизни в лермонтовском стиле, а потом ровным и спокойным отношением к действительности, ригоризм уступил место жизнерадостности, любви к наслаждениям, что сочеталось с сильно и высоко-развитым общественным чувством [1]). Преемник Чернышевского в публицистической критике, Добролюбов «обращал художника в слугу житейских явлений» [2]), пользовался художественной литературой и критикой, чтобы в необыкновенно-доступной, простой, ясной форме проводить демократические и социалистические идеи в широкие массы читающей публики. Гражданское воспитание интеллигенции, ее общественная активность, способность к борьбе — вот первое, что пропагандировал Добролюбов. Второе — это народничество, Добролюбов был более народник, чем Черны-

---

[1]) Котляревский, Из истории общественного настроения 60-х годов. Н. А. Добролюбов: «Вест. Евр.» за 1911 г., ноябрь, стр. 214—215 и друг.

[2]) Там же, стр. 227.

шевский: он стоял за доверие к народу, за сближение с ним, обрушивался на «грошовую» образованность, призывал заимствовать свежие здоровые ростки народной жизни[1]).

Одной из отличительных черт Добролюбова был большой сатирический талант. Вместе с Некрасовым он усердно обслуживал составлявший один из главных отделов «Современника» «Свисток», где доставалось особенно сильно либералам, героям слова, неспособным к делу, «лишним людям». Сатира Добролюбова и Некрасова била не в бровь, а прямо в глаз. Из-за разногласий с Чернышевским и Добролюбовым порвали с Некрасовым и ушли из «Современника» его либеральные сотрудники, люди 40-х годов, во главе с Тургеневым; Тургенев сердито называл Добролюбова «не просто змеей, а змеей очковой», а Герцен в «Колоколе» ополчился против Чернышевского и Добролюбова в двух статьях «Very dangerous» и «Лишние люди и желчевики». Добролюбов умер очень рано, совсем юношей, в 1861 году, но оставил в четырех томах своих сочинений богатое просветительное наследство. Вероятно, если бы он жил дольше, он принял бы участие в нелегальной литературной работе так же, как Чернышевский.

Нелегальная революционная литература 60-х годов не исчерпывалась тем, что было сказано выше о Михайлове, Чернышевском, кружке Зайчневского и нечаевщине. У Чернышевского нашлись продолжатели и последователи, которые еще до его ареста, в начале 1862 г., попытались создать тайное общество под названием «Земля и Воля». Это общество возникло из кружка Серно-Соловьевича и состояло из А. А. Слепцова, студента медико-хирургической академии Рымаренко, а потом сюда же были привлечены исключенные из университета за беспорядки студенты Л. Ф. Пантелеев и Н. Утин [2]). Из «Земли и Воли» вышло воззвание «К образованным классам». В этой прокламации после указания, что Александра II приветствовали после Николая и обманулись в нем, так как торжествует реакция, отмечено, что правительство оправдывает расстрелы и виселицы обвинением революционеров в пожарах; никто не безопасен от каторги; закрыты школы; в литературе господ-

[1]) Богучарский, Активное народничество 70-х годов.
[2]) Шишко, Общ. дв. в 60-х и перв. пол. 70-х г.г., стр. 35.

ствуют спекулянты; образованные классы не должны поддерживать правительство, — иначе они погибнут вместе с ним от народа [1]).

7 июля 1862 г., почти одновременно с Чернышевским, были арестованы Серно-Соловьевич и Рымаренко. Тогда Пантелеев, Утин и Слепцов продолжали дело. Пантелеев с'ездил в Вологду и привлек там к обществу несколько человек, между прочим сосланного туда Бекмана и будущего педагога Бунакова. В Петербурге привлечены были в общество Мих. Гулевич, Александр Жук и Судалевич, имевший свой значительный кружок, Пантелеев выпустил № 1 листка «Свобода» [2]). Содержание этого листка таково: единственный источник бедствий России—самодержавный деспотизм: от царя до последнего чиновника все самодержцы; реформы уродливы, налоги разоряют народ, воскресные школы и университеты закрыты; казематы, каторга и ссылка, беззаконное господство над польским народом—вот действия правительства; пролита крестьянская кровь; единственный исход из положения—борьба с самодержавием; это и имеет в виду общество «Земля и Воля»; восстание народа неизбежно; народный комитет «Земли и Воли» имеет целью привлечь образованные классы на помощь народу и призывает их к денежным пожертвованиям; необходимо народное собрание из представителей народа, которые определят будущий государственный строй России [3]).

Общество функционировало в 1862 и 1863 годах. У Пантелеева собирались до 20-ти человек, половину которых составляли военные, оно имело связи в Казани, Москве, Нижнем-Новгороде и Саратове. В нем принимал между прочим участие и Лавров. Но осенью 1863 года оно было распущено [4]).

Следует, наконец, отметить, что в 60-х годах сделаны были две попытки поднять крестьян. Одна имела место в Казанской, Вятской и Пермской губерниях в 1863 — 1865 годах, и в ней принимали участие офицеры Иваницкий, Мрочек, Станевич, казанские студенты Жеманов, Элпидин, Орлов, Краснoперов, Булгаков, библиотекарь Красовский,

---

1) Материалы для ист. рев. движ. в 60-х г.г., стр. 50—51.
2) Шишко, Общ. дв. в 60-х и перв. пол. 70-х г.г., стр. 36.
3) Матер. для ист. рев. дв. в 60-х г.г., стр. 65—68.
4) Шишко, Общ. движ., стр. 30—37.

Дернов, Пономарев, Бирюков, Миттерман, Кеневич. Распространялась нелегальная литература, готовилось восстание. Заговор был открыт, большинство получило каторгу — пятеро на 15 лет каждый, а четверо — Иваницкий, Мрочек, Станевич и Кеневич — были расстреляны [1]). Вторую попытку предприняли в апреле 1863 г. в Пензенской, Симбирской и Самарской губерниях четверо петербургских студентов-поляков Новицкий, Госцевич, Олехнович и Маевский, которые распространяли подложный манифест о полной воле и всей земле и о роспуске армии, что вызвало волнения крестьян [2]).

Несомненно, все это были отголоски деятельности Чернышевского и его последователей. Но влияние Чернышевского и Добролюбова не ограничивалось этим революционным движением, — оно выражалось также в художественной народнической литературе 60-х годов.

Народники 60-х годов отнюдь не являлись идеализаторами народа, крестьянства. Одни из них, как Никитин и Левитов, преисполнены, наблюдая народную жизнь, безысходной скорбью и тоской, не видят выхода и с трудом верят в него в более или менее отдаленном будущем, другие, как Николай Успенский и Решетников, изображают непроглядную грубость, дикость, примитивность народной массы. Решетников в своих «Подлиповцах» дошел до крайнего предела в этом отношении [3]).

Но, конечно, главой литературно-художественного народничества 60-х и 70-х годов был Некрасов.

Николай Алексеевич Некрасов был человек разносторонних дарований и большого и широкого ума. Сын ярославского дворянина-самодура, наблюдавший на примере горячо любимой им и нежно любившей его также матери гнет того, что Чернышевский называл «семейным тиранством», Некрасов в молодости прошел суровую жизненную школу нужды и литературно-ремесленной работы из-за куска хлеба. Она воспитала в нем практическую складку, приспособляемость в дополнение к ненависти к гнету и крепостническому самодурству. Белинский был прав, когда, при-

[1]) Там же, стр. 40—41; Матер. по ист. рев. дв. в 60-х г.г. стр. 124—146.

[2]) Шишко. Общ. дв. в 60-х и пер. пол. 70-х г.г., стр. 40—41.

[3]) Ср. Сакулин, в «Истор. Рос. XIX в.», VI, стр. 261.

знавая в Некрасове «поэта и поэта настоящего», вместе с тем предсказывал, что он «наживет капиталец». Некрасов, редактор «Современника» в 60-х годах и «Отечественных Записок» в 70-х, жил хорошо, имел капитал, собственных лошадей, вел большую, крупную карточную игру, умел обходить многочисленные мели и рифы старого режима в России. Он наезжал часто и в свою ярославскую деревню, будучи страстным любителем охоты. Человек 40-х годов, близкий сначала с Тургеневым, он, однако, в 60-х стал тяготеть к Чернышевскому и Добролюбову, а в 70-х сблизился с Щедриным, Елисеевым и Михайловским, перешел окончательно в лагерь демократии. Михайловский в своих воспоминаниях свидетельствует о разносторонней одаренности Некрасова и о том, что он был отличным редактором, не уподоблявшимся плохому кучеру, постоянно натягивающему и дергающему вожжи, а предоставлявшим своим сотрудникам проявлять свободно свою индивидуальность в пределах определенного направления. Отзывы Чернышевского о Некрасове были горячие, восторженные: «скажи ему», писал он своему двоюродному брату Пыпину из Сибири, «что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слова будут бессмертны, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума». По словам Чернышевского, ум Некрасова от природы был сильнее ума его, Чернышевского, и если Некрасов взглядывал на человека со вниманием, то понимал его мысли [1]).

Поэзия Некрасова была народнической и по содержанию и по форме: как Глинка и его школа в музыке заимствовали у народа его музыкальные лады, так и Некрасов по тому же народному образцу сложил ряд песен, которые, вопреки его мнению, дошли до народа и поются им («Огородник», «Коробейники», «Волга, Волга», из «Парадного под'езда», «Тройка», «Вино», «В деревне», «В полном разгаре страда деревенская» и проч.). Но народничество не только не единственный, а даже и не главный мотив поэзии Не-

[1]) Русанов. Чернышевский в Сибири: «Рус Бог.» за 1910 г., № 4, стр. 108—109, 112.

красова. Бессмертие ему дает не столько даже оно, сколько его покаянная поэзия — это действительно вечное, что им создано.

Покаянные мотивы слышатся в поэзии Некрасова уже в 40-х годах: уже тогда он говорил, что презирает себя за то, что «злоба во мне и сильна и дика, а до дела дойдет,— замирает рука». Шестидесятые годы углубляют и осложняют покаянное настроение Некрасова. Появляется перл в своем роде — «Рыцарь на час»: «сила юности, мужество, страсть и великое чувство свободы наполняют ожившую грудь; жаждой дела душа закипает, вспоминается пройденный путь, совесть песню свою запевает»; «я пою тебе песнь покаяния, чтобы кроткие очи твои смыли жаркой слезою страдания все позорные пятна мои», — обращается поэт к матери; «что враги? пусть клевещут язвительней,—я пощады у них не прошу: не придумать им казни мучительней той, которую в сердце ношу! Что друзья? наши силы неровные: я ни в чем середины не знал, — что обходят они, хладнокровные, я на все безрассудно дерзал; я не думал, что молодость шумная, что надменная сила пройдет, и влекла меня жажда безумная, жажда жизни вперед и вперед! Увлекаем бесславною битвою, сколько раз я над бездной стоял, поднимался твоею молитвою, снова падал — и вовсе упал! Выводи на дорогу тернистую! разучился ходить я по ней, погрузился я в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей. От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви!» И в конце-концов будничный, трезвый результат: «Все, что в сердце кипело, боролось, все луч бледного утра спугнул, и насмешливый внутренний голос злую песню свою затянул: покорись, о ничтожное племя, неизбежной и горькой судьбе: захватило нас трудное время неготовыми к трудной борьбе. Вы еще не в могиле, вы живы, но для дела вы мертвы давно; суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано»... Трудно ярче и глубже выразить настроение кающегося дворянина 40-х годов, попавшего в условия 60-х и примкнувшего душой к демократическому, революционному движению, не чувствуя силы отдать себя ему всего.

К тем же шестидесятым годам относятся такие покаянные стихотворения, как «Ликует враг», «Неизвестному

другу». Замечательно также написанное в 1867 году следующее стихотворение: «Зачем меня на части рвете, клеймите именем раба? я от костей твоих и плоти, остервенелая толпа!.. Блажен, кто в юности слепой погорячится и с размаху положит голову на плаху... Но кто, пощаженный судьбой, узнает жизнь, тому дороги и к честной смерти не найти. Стоять он будет на пути в недоумении, тревоге и думать: глупо умирать, чтоб им яснее доказать, что прочен только путь неправый».

Некрасов своим творчеством связывает 60-е годы с 70-ми, когда он продолжал стоять на передовом посту легальной русской литературы, руководя до самой своей смерти в 1877 г. «Отечественными Записками». С ним мы переходим таким образом к демократическому и революционному течению 70-х годов.

И в эти годы это течение имело свои легальные и нелегальные проявления. Познакомимся сначала с первыми, легальными.

Художественная литература русской демократической интеллигенции 70-х годов развивалась все время под знаком народничества.

Самым видным представителем народнического литературно-художественного творчества того времени был, несомненно, Глеб Иванович Успенский. Он начал свою литературную деятельность еще в 60-х годах и выступил тогда сначала — в «Нравах Растеряевой улицы», «Разорении» и других повестях и рассказах — как бытописатель народной и отчасти мелкочиновничьей жизни. Вдумчивый и глубокий наблюдатель, болезненно-чуткая моральная натура, искатель нравственной и общественной правды, Глеб Успенский пошел затем в народ и увидел разложение старой крестьянской жизни под влиянием денег: бедноте трудно живется в общине, ссудо-сберегательные товарищества помогают не бедным, кулачество — внутренний продукт общинной жизни, в деревне открывается все расширяющаяся перспектива пролетаризации, проповедь общего труда вызывает «сильнейшую зевоту», иногда резкий протест. Все эти наблюдения сложились у Успенского в конце-концов в теорию «власти земли»: природа учит земледельца терпению и подчинению; природу крестьянин олицетворяет в боге; от власти земли происходит и власть большака в семье; и в общине земля

берется у бессильного и дается сильному; и царь—большак в государстве. Успенский, таким образом, экономически истолковывает всю крестьянскую психологию и вскрывает ее подлинную буржуазность. Добросовестный, вдумчивый, глубокий наблюдатель, он дает материал не для утверждения, а для отрицания народничества. Он, в сущности, опровергает и основное положение народничества, что община—основа социализма, указывая, как горячо крестьяне-общинники восстают против работы сообща, против коллективного труда: Иван Ермолаевич у него говорит: «как можно! тут 10 человек не поднимут одного бревна, а один-то я его как перо, снесу, ежели мне потребуется; тут один скажет: «бросай, братцы, пойдем обедать; а я хочу работать». Или Иван Босых отзывается об общей работе так: хороший хозяин не доверит своей лошади чужому, навоз возить на землю будут различный [1]).

Таким образом, Глеб Успенский в своем творчестве отразил отдельные моменты, пережитые русским народничеством 70-х годов: и момент хождения в народ, веры в социалистичность крестьянства и в возможность преобразованием общины утвердить социализм, и момент крушения народнических идеалов и признания успехов капитализма.

Каронин-Петропавловский, один из поздних народнических писателей 70-х и 80-х годов, также выразил в своем творчестве упадочно-народнические настроения. В рассказе «Места нет» Лобанович, умный, способный и знающий интеллигент, вечно без места, постоянно теряет работу, потому что везде стоит за правду, против гнета, обмана и притеснения. Он кончил тем, что примкнул к «научившимся умирать» в «отчаянных предприятиях», т.-е. к революционерам-террористам. Рассказы: «Молодежь в Яме», «Легкая нажива» и «Снизу вверх», рисуют процесс перехода передовой деревенской молодежи от домашнего и общественного протеста в деревне к положению городского и притом квалифицированного пролетария. «Братья»—картина роста деревенской буржуазии и разложения мира, общины.

Наиболее чистым народником, идеализатором деревни и крестьянства, нередко впадавшим в сентиментализм, был Златовратский.

[1]) Бельтов. За двадцать лет, 2-е изд., стр. 34, 37, 39, 51—52.

В народнической публицистике 70-х и 80-х годов заметны те же течения. Михайловский и Елисеев в «Отечественных Записках» были народниками-социалистами и демократами, в значительной степени критически относившимися к деревенской действительности, желавшими внести в нее и в общину ряд интеллигентски-социалистических поправок. Михайловский обосновал теорию борьбы за индивидуальность и формулу прогресса, сводившуюся к выработке разносторонне и гармонически развитой личности. Он выдвигал также «суб'ективный метод» в социологии и сочувствовал и содействовал революционно-народническому движению.

В. В. (В. П. Воронцов) в своей книге «Судьбы капитализма в России» доказывал слабость и несостоятельность русского капитализма, его «искусственность» и нежизненность и оставался правоверным народником, верившим в крестьянский социализм и социалистическую роль общины и артели.

Каблиц-Юзов после некоторых революционных увлечений кончил теорией мирного врастания в жизнь крестьянского социализма, независимо от политических условий, даже при сохранении абсолютизма.

В 70-х годах народническим были и русское искусство— и живопись и музыка.

В живописи народниками были, так-называемые, передвижники. Главная картина их вождя Крамского—«Христос в пустыне»—изображает идейный кризис, мучения и решимость на жертву совершенно в духе народников-интеллигентов-революционеров 70-х годов. Репин с его «Бурлаками», «Крестным ходом», «Не ждали» является также типичным народником. Ге дал образцы бунтарского, революционного искусства в «Тайной вечере», «Петре и Алексее», «Распятии», «Что есть истина?» У Сурикова полны глубокого революционного смысла и «Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова».

В музыке народнический элемент виден уже в «Русалке» Даргомыжского. Он же вступил на путь музыкальной революции в неоконченном им «Каменном госте». Сочетание реализма с народничеством и музыкальной революционностью отличает творчество Мусоргского («Борис Годунов», «Хованщина» и пр.), Бородина («Князь Игорь»), Кюи, Римского-Корсакова.

Но, конечно, все духовно-культурные явления, о которых у нас шла речь до сих пор, при всей их важности, знаменательности и яркости, не выражали во всей полноте перемен в общественном настроении, совершавшихся тогда в действительности. Чтобы понять эту полноту настроений, необходимо познакомиться с революционным движением 70-х годов.

Из течений, проявившихся в революционном движении 60-х годов, семидесятые сохранили в полной чистоте, без изменений только якобинство Ткачева. В изданной им в 1874 г. брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» и в «Набате» Ткачев развил до конца свою якобинскую точку зрения. Он провозгласил здесь, что партия не резонерства, а действия должна написать на своем знамени только слова: «борьба с правительством, с установившимся порядком вещей». Надо не подготовлять революцию—народ всегда готов к ней,—а делать ее. Революционная партия, чтобы победить, нуждается в организационном отношении в иерархии, дисциплине и подчиненности. Ближайшая цель революции—захват власти, основание революционного государства. Но это только первый шаг, приступ к делу. За ним следует второй—фактическое осуществление революции революционным государством путем насилия, устранения и уничтожения реакционных и консервативных элементов общества и старых вредных учреждений и посредством создания новых учреждений. Чтобы не впасть в утопии, необходимо созвать народную думу, народное представительство. Революционное государство осуществит социальную революцию, проведя следующие реформы: постепенное преобразование крестьянской общины в общину-коммуну, основанную на принципе общего пользования орудиями производства и общего совместного труда; постепенная экспроприация орудий производства и передача их в общее пользование; постепенное уничтожение посредничества в обмене продуктов; постепенное уничтожение физического, умственного и нравственного неравенства, посредством системы обязательного, общего и равного для всех воспитания; постепенное уничтожение существующей семьи; развитие общинного самоуправления и постепенное ослабление и упразднение центральных функций государственной власти. Главным средством победы является заговор, для которого

необходима дисциплинированная организация революционных сил. Но необходима и поддержка народа, почему нужен не только захват власти, но и народный бунт, которые должны совпасть по времени. Ткачев определенно высказывался также за террористические акты, политические убийства [1]).

Надо, однако, заметить, что якобинцев, последователей Ткачева, было в 70-х годах немного заграницей и почти совсем не было в России. Его голос долго звучал почти совершенно одиноко. За ним, кроме одиночек в Орле, Одессе и других местах, шел только кружок курских якобинцев—Лаврениуса, Тимофеева, Спицына и Лебедева [2]).

Из других течений, известных нам в 60-х годах, к 70-м не уцелело ни одно в совершенной чистоте и неизменности. Сильнее всех было, особенно сначала, влияние Чернышевского, причем оно различным образом преломилось в двух первых кружках этого времени—чайковцах и долгушинцах.

Чтобы правильно понять, что такое представляли собою чайковцы, надо принять во внимание, что они пережили некоторую важную и любопытную эволюцию.

Зерном кружка чайковцев едва ли можно признать женский кружок сестер Корниловых, Софьи Перовской, Ободовской и Ольги Шлейснер [3]): этот женский кружок был важным элементом большого общества чайковцев, но он примкнул к основному зародышу, зерну этого общества все же несколько позднее, едва ли ранее 1871 года. Этим зародышем или зерном явился кружок Марка Андреевича Натансона в коммуне на Верейской улице, в Петербурге в 1869 году [4]). Участникам этого зародышевого кружка были: сам Марк Натансон, его жена Ольга Натансон, Чайковский, Александров, Сердюков, Клеменец, Куприянов [5]). На-

---

[1]) Лавров, Народники-пропагандисты 1873—78 годов, Спб. 1907, стр. 166—175.

[2]) Фигнер, Зап. труд., I, стр. 145.

[3]) С. Степняк, Подпольная Россия, стр. 71 и след.

[4]) Аптекман, Флеровский-Берви и чайковцы: «Былое» за 1922 г., № 19, стр. 125.

[5]) Этот состав определен сравнением перечня всех членов с вступившими позже: см. Аптекман, Из ист. рев. народничества, стр. 34. и Шишко, Общ. дв., стр. 83.

тансоновский кружок сложился вследствие несогласия с нечаевщиной. Агитации Нечаева, разрушительной, чисто-отрицательной, заговорщически-конспиративной, некультурной, его противники в кружке Натансона противопоставили культурно-социалистическую работу именно, прежде всего, в той среде, в которой действовал Нечаев,—в среде учащейся молодежи. На этой почве с ним в 1871 г. об'единились и упомянутый выше женский кружок, и отдельные лица из учащейся молодежи, а затем, в 1872 г., сюда же вошли Л. Шишко, С. Синегуб, Кравчинский и другие [1]). Образовавшееся, таким образом, общество чайковцев не имело устава, действовало как братский союз близких между собою, хорошо знающих друг друга людей [2]). В виду происхождения общества понятна и его первоначальная цель—наука и умственное развитие, главным образом, учащейся молодежи [3]). Вот почему чайковцы поставили в первую очередь снабжение учащейся молодежи книгами в Петербурге и провинции, заключили соглашение с издателем Поляковым, чтобы он издавал рекомендуемые ими книги и продавал их им с уступкой, и распространяли такие сочинения, как труды Хлебникова, Беляева, Щапова, Гакстгаузена, Соколовского, Янсона, Шелгунова [4]).

В 1871 и 1872 годах Сердюков [5]) и Перовская [6]) явились инициаторами того, чтобы общество чайковцев отдало свои силы и знания также на пропаганду среди рабочих. Повидимому, здесь не обошлось без влияния книг Флеровского-Берви «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» [7]).

Пропаганду среди рабочих из чайковцев вели Сердюков, Лисовский, Корнилова, Чайковский, Кравчинский, Рогачев, Гауенштейн, Шлейснер, Клеменц, Левашев, причем Чайковский вел работу на Патронном заводе Васильевского остро-

---

[1]) Шишко, Общ. дв., стр. 83.

[2]) Лавров, Народники-пропагандисты, стр. 37.

[3]) Шишко, Общ. движ., стр. 82; Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, Спб. 1906, стр. 114.

[4]) Аптекман, Из истории революционного народничества, Земля и Воля 70-х г.г., стр. 36.

[5]) Лавров, Народники-пропагандисты, стр. 41.

[6]) Степняк, Подпольная Россия, стр. 103.

[7]) Аптекман,—в «Былом» за 1922 г., № 19, стр. 128—129.

ва, Шлейснер, Клеменц и Левашев за Невской заставой. Занимались с рабочими также Чарушин, Куприянов, Кувшинская, Синегуб, Стаховский, Перовская, Тихомиров—последние четыре за Невской заставой. На Выборгской стороне пропагандировали—Чарушин, Кувшинская, Клеменц, Куприянов, Гауенштейн, Шишко, Перовская, Кропоткин [1]).

Чайковцы были, таким образом, пропагандистами-социалистами и в этом отношении шли по стопам Чернышевского, не следуя пока позднейшей нелегально-агитационной практике. Но они сразу же унаследовали от Чернышевского и его политические взгляды, проводившиеся в «Великоруссе»: они были конституционалистами [2]), не страдали аполитизмом, что одно время заметно было у самого Чернышевского.

В 1873 году некоторые чайковцы—Перовская, Кравчинский, Клеменц—сделали дальнейший крупный шаг: они пошли для пропаганды в народ, в крестьянство [3]). Тогда же к обществу чайковцев примкнули: Волховской, Стаховский, Тихомиров, Любавский, Ярцев, Румянцева, князь Петр Алексеевич Кропоткин, служивший в 60-х годах офицером, в конце 60-х и в начале 70-х бывший секретарем Географического общества в Петербурге и исследовавший глетчеры Финляндии и Швеции, а в 1872 г. в Швейцарии примкнувший к первому Интернационалу [4]). Став чайковцем, Кропоткин выступил в кружке с запиской под заглавием «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя», где доказывал необходимость такого рассмотрения и набрасывал его результаты; как они ему представлялись: идеалом является «такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей с природою [5]). Этот строй—равенство в правах на труд, в обязанности трудиться, в способах образования, в общественных правах и обязанностях при наибольшем просторе в развитии индивидуальных особенностей. Капитал должен быть достоянием всего общества, а отдельные, добровольно со-

---

[1]) Процесс 193-х, стр. 5, 7, 22.

[2]) Покровский, Русск. ист., V, стр. 238.

[3]) Аптекман, Из ист. рев. народн., стр. 44.

[4]) «Былое» за 1922 г. № 17, стр. 42—43; о Крапоткине, об остальных процесс 193-х, стр. 8.

[5]) «Былое» за 1922 г., № 17, стр. 6—33.

ставленные группы должны пользоваться им по взаимному соглашению. Все школы должны быть заменены мастерскими. Должна быть федеративная республика с уничтожением зловредной центральной власти. Средство для этого—революция, для которой понадобится ряд взрывов и много лет. Революционная организация не должна иметь свойств, противоречащих идеалу: поэтому в ней не должно быть подчинения, неравенства членов, взаимного обмана и насилия. Революция возможна только при народном движении, почему надо облегчить и подготовить его в среде крестьян и рабочих,—итти в народ и группами и в одиночку, в виде фельдшеров, учителей, волостных писарей. Нужны также книги и периодическое издание, надо учреждать артели, вызывать стачки и волнения, устраивать коммунистические общежития [1]).

Едва ли эта записка была принята кружком чайковцев как программа. Она более характерна для самого автора, но также знаменательна, как показатель сознания необходимости агитационной деятельности и анархических тенденций в революционной среде: очевидно, мирная просветительная, хотя бы и социалистическая и конституционная, пропаганда отжила свое время, отходила в прошлое, назрела необходимость практического действия, революционной активности, агитации. Сам Кропоткин был в 1874 г. арестован, но ему в 1876 г. удалось бежать из военного госпиталя, куда он был по болезни переведен из тюрьмы, заграницу.

Чайковцы имели также связи в Москве, Киеве, Харькове и Одессе: там существовали их ответвления, иногда не лишенные своеобразия. В Москве в кружок чайковцев входили: Антонова, Клячко, Иванчин-Писарев, потом Тихомиров, Фроленко, Наталья Армфельд, Н. Саблин, Варвара Батюшкова, Н. Морозов, Т. Лебедева, в Киеве: Н. Лопатин, Колодкевич, П. Аксельрод, в Одессе: Волховской, Чудновский, Ланганс, Желябов, Вс. Лопатин [2]) и др. Любопытна, в особенности, судьба южного, одесского кружка: после студенческой истории 1869 года из Петербурга были высланы в Херсон Чудновский и Дическуло, около которых образовался в Херсоне кружок саморазвития, главным образом, из

---

[1]) «Былое» за 1922 г., № 17, стр. 6—33.
[2]) [illegible] и ш к о, Общ. дв. в 60-х и пер. пол. 80-х г.г., стр. 83.

гимназистов, и основана была библиотека; кружок этот потом раскололся, сохранилась лишь более тесная группа, которая находилась в связях с петербургскими чайковцами через Ланганса и Франжоли, ездивших на год в высшие учебные заведения Петербурга. Члены херсонского кружка жили коммунистически: имущество у них было общее и нераздельное; средства существования зарабатывали частными уроками, а один из них, Рябков, служил городским землемером. Поднимался среди них и вопрос о хождении в народ, о пропаганде в крестьянстве. В 1873 году в Херсон приехал Волховской, и к осени по его призыву большинство переехало в Одессу, где образовано было, по инициативе Волховского, общество, участниками которого явились Волховской, его жена, Франжоли, Желтеновский, Чудновский, Ланганс [1]). Кружок Волховского имел писанный устав и вел успешную пропаганду в Одессе среди плотников, камещиков и штукатуров, причем выделилось до десятка особо выдающихся рабочих. В него постепенно входили новые члены: сначала Стелюшкин, Костюрин, Анна Разумовская, потом в начале 1874 г. Желябов, Анна и Петр Макаревичи (из Цюриха). Для крестьян Волховской составил брошюру о социализме, под заглавием «Правдиве слово хлибороба до землякив». В деревне вел пропаганду Ланганс: он вел занятия в школе и по вечерам беседы с крестьянами, причем выделились из крестьянской среды 4 человека, ставшие сами пропагандистами социализма; потом он в течение месяца странствовал по Херсонской губернии и, наконец, основал бондарную мастерскую. Ланганс написал также для крестьян брошюру, доказывавшую, что социализм не противоречит евангелию [2]). Киевский кружок чайковцев состоял из шести или семи человек, был связан с петербургскими чайковцами и с одесским кружком Волховского и вел пропаганду социализма среди молодежи и рабочих [3]).

Чайковцы были несомненными предшественниками пропагандистов-лавристов 70-х годов, связующим звеном между Чернышевским и его последователями 60-х годов и лавристами 70-х. Но и бунтари-бакунисты 70-х годов, частично тоже имевшие своим историческим предком Чернышевско-

---

[1]) Там же, стр. 215—223.

[2]) Лавров. Народники-пропагандисты, стр. 43—46.

[3]) Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, стр. 111.

го, поскольку он являлся автором прокламации «К барским крестьянам», были подготовлены и генетически связаны с Чернышевским кружком долгушинцев.

Кружок этот возник в Москве в 1873 году и состоял из Долгушина, Дмоховского, Гамова, Панина и Плотникова. Он имел тайную типографию; составлены были и изданы прокламации «К интеллигентным людям» и «Русскому народу» и брошюра «Как должно жить по закону природы и правды». В прокламации «К интеллигентным людям» долгушинцы звали интеллигенцию итти в народ, «чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства», указывали на бесправие земства, господство грубого эгоизма, несостоятельность благотворительности, необходимость артельного устройства, основанного на солидарности, и кончали заявлением, что главные силы—воля и вера; вера есть, должно хватить и воли. В сентябре 1874 года долгушинцы были арестованы и в 1874 г. осуждены на каторгу, где они все умерли, кроме Панина, вернувшегося по манифесту 1884 г. на родину [1]).

Мы видим, таким образом, что прежде чем теоретики пропагандизма и бунтарства—Лавров и Бакунин—высказались по вопросам, их разделявшим, и основали, таким образом, два главных направления в революционном движении 70-х годов, если не считать самого конца этого времени,— в жизни в действительности наметились уже оба народнических течения—пропагандистское, представленное чайковцами, и бунтарское, агитационное, первыми провозвестниками которого явились долгушинцы.

Прежде чем итти дальше, необходимо теперь присмотреться ближе к революционерам-теоретикам,—Лаврову и Бакунину.

Петр Лаврович Лавров родился 2 июня 1823 г. в селе Мелехове, Великолуцкого уезда, Псковской губернии. Отец его, как у всех почти кающихся дворян 60-х и 70-х годов, был самодур, монархист, верный сын церкви. Но по наследству от вольнодумных по моде XVIII века предков Лаврову досталась библиотека, где, между прочим, была «Большая Энциклопедия», руководившаяся Дидро и д'Аламбером. Большое влияние имела и хорошо образованная и добрая

---

[1]) Аптекман, Из ист. рев. народн., стр. 44—46.

мать. Мальчик рос в довольно тепличной обстановке и не имел сверстников для игр, так как другие дети его отца и матери были гораздо его старше. Он был впечатлителен, умен, романтичен, склонен к серьезной мысли, хотя хил и слаб. Французский гувернер Бержэ проповедывал ему свободу и гуманность. Вообще образование он получил хорошее. В 1837 году Лавров поступил в Михайловское артиллерийское училище. Здесь он окреп физически, и у него развился нравственный стоицизм. Он участвовал, будучи в училище, в кружке саморазвития, где увлекались эклектической философией Кузена, признавали неизменность законов природы, читали «Историю французской революции» Тьера, а в политике чтили конституционализм и умеренный либерализм. При всем том, однако, кружок этот дал Лаврову также и некоторое знакомство с Фурье.

Лавров женился в 1847 г. на обрусевшей немке—деликатной, образованной, совершенно не интересовавшейся политикой. Брак был счастливый.

В конце царствования Николая I Лавров написал несколько нелегальных стихотворений, одно из которых— «Русскому народу» — было напечатано заграницей Герценом. Но собственно писателем он стал, лишь будучи 34-х лет от роду — в 1857 году. Он приобрел к тому времени обширные знания в естественных науках, логике, психологии, философии и истории религий. Из древних философов он особенно ценил Протагора, из новых сильнее всего на него влияли Арнольд Руге и Фейербах. Первая статья Лаврова, напечатанная в «Библиотеке для чтения», была посвящена философии Гегеля. Потом он писал в «Отечественных Записках» и в «Русском Слове» и в своих философских воззрениях все более склонялся к позитивизму. А. Н. Энгельгардт в начале 1863 года ввел Лаврова в общество «Земля и Воля», в котором, впрочем, Лавров активности не проявил. Хорошо познакомился Лавров с Чернышевским в последние месяцы пребывания последнего на свободе. Во время польского восстания он стоял за освобождение Польши.

В 1865 году умерла жена Лаврова. В 1866 году, через три недели после выстрела Каракозова, Лавров, бывший в то время профессором Михайловской артиллерийской академии, был арестован. Военный суд признал его виновным в составлении стихотворений, выражающих неуважение к Ни-

колаю I и Александру II, в сочувствии Чернышевскому и близости к нему и к Михайлову и в проведении вредных идей путем печати. Он был уволен от службы и после девятимесячного заключения в Петропавловской крепости, был сослан на житье в Тотьму. Оттуда он был переведен в Вологду, но за проводы в Тотьме выслан в Кадников. В этих городах он написал и напечатал в 1868 и 1869 годах в «Неделе», а потом отдельным изданием «Исторические письма» под псевдонимом Миртов [1]).

Первые два года своего пребывания в ссылке Лавров надеялся на возвращение: он просил об этом шефа жандармов графа Шувалова, начальника 3-го отделения Мезенцова, петербургского генерал-губернатора князя Суворова. Но Александр II категорически отказал. В сущности едва ли можно сомневаться, что главным жизненным интересом для Лаврова до ссылки была наука. Вовсе не из желания заниматься политикой, а именно вследствие невозможности заниматься в Кадникове наукой Лавров бежал оттуда заграницу с помощью Германа Лопатина 15 февраля 1870 г. [2]). Осенью 1870 г. Лавров вступил в Интернационал, куда был введен Варленом, а в 1871 г. участвовал в Парижской Коммуне и ездил в Бельгию и Лондон просить помощи для нее у Интернационала. Тут Лавров лично познакомился с Марксом и скоро потом внимательно изучил его сочинения [3]).

И заграницей Лавров все еще надеялся вернуться в Петербург. Только весной 1872 г. он эту надежду окончательно утратил. Несомненно, что Коммуна сильно повлияла на окончательную выработку социалистических взглядов Лаврова. Огромно было в этом отношении и влияние Маркса и его мировоззрения. Наконец, и Интернационал влек Лаврова к социализму; по его собственным словам, Интернационал убедил его в реальности почвы для социализма и в существовании классовой борьбы [4]).

---

[1]) Русанов, Лавров, человек и мыслитель: «Рус. Бог.» за 1910 г., № 2, стр. 221—229.

[2]) Витязев, П. Л. Лавров в 1870—73 г.г.: «Былое», № 15. 63—67.

[3]) Там же, стр. 67—68; Русанов, Лавров: «Рус. Бог.» за 1910 г., № 2, стр. 232—233.

[4]) Витязев, П. Л. Лавров в 1870—73 г.г.: «Былое», № 15, стр. 67—74; ср. автобиографию Лаврова в «Вест. Евр.» за 1918 г., № 10; Лопатин, К рассказам о Лаврове: «Голос Минувшего» за 1916 г., № 4.

В марте 1872 года из России, от людей, чувствовавших себя после «Исторических писем» близкими идейно к Лаврову, пришло ему предложение издавать и редактировать нелегальный заграничный социалистический журнал. Тогда стал выходить журнал «Вперед», сначала в Швейцарии, потом в Лондоне (с 1874 г.). В Цюрихе Лаврова поддерживал социалистический кружок Бардиной, Каминской и других, туда же приехал к нему сотрудничать Ткачев, но скоро разошелся с ним, и у них началась полемика: Лавров в ответ на брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» выпустил брошюру «Русской социально-революционной молодежи» [1]).

Мы должны пока прервать биографию Лаврова на этом месте, чтобы вернуться к ней впоследствии, так как первый важный момент в развитии взглядов самого Лаврова и вместе с тем в воздействии и влиянии его на русское революционное движение охватывает именно первую половину 70-х годов. Позднее и в том и в другом отношении мы будем наблюдать новые и притом также очень серьезные и важные перемены. Теперь, чтобы уяснить идейную сторону лавризма или пропагандизма 70-х годов, необходимо остановиться на идеологии, нашедшей себе выражение в «Исторических письмах» и во «Вперед».

В основу «Исторических писем» положена та же формула прогресса, которую выдвигал Михайловский: прогресс—все то, что содействует развитию человеческой личности в физическом, умственном и нравственном отношениях. Но этот прогресс покупается в настоящем и покупался в прошлом дорогой ценой—ценой притеснения и обнищания народа,—крестьян и рабочих, всех людей физического труда. Он непрочен, пока он покоится на таком основании. Поэтому всякая критически-мыслящая личность—этот высший, последний результат прогресса—в интересах укрепления, упрочения последнего имеет долг перед народом и обязана этот долг оплатить. Надо итти в народ для оплаты долга, для усовершенствования тех зародышей будущего—общины и артели,—которые имеются в народе, для развития народного самосознания, для пропаганды среди народа.

---

[1]) Лавров, Народники-пропаг., стр. 53—75.

Влияние «Исторических писем» было огромно и неожиданно для самого автора. Именно это влияние и сделало Лаврова редактором «Вперед»—сначала журнала, потом газеты. Идейное значение этого издания характеризовано самим редактором. Здесь отстаивалась социальная революция, отвергалась политическая,—конституционализм отбрасывался. Выдвигался научный социализм, основанный на реальных фактах, социализм рабочий. Но в России нет или мало фабричных рабочих, все дело в крестьянстве, поэтому и научный социализм в России принимает характер социализма народнического, обращающего особое внимание на крестьянство и на общину. Путь к перевороту—народная революция. Легальные социальные перевороты в России невозможны. Путь революции неизбежен для лучшего будущего России. Революция должна быть произведена не интеллигенцией, а народом. Интеллигенция только подготовляет революцию. Первое условие этой подготовки—организация революционного меньшинства в среде общинных и артельных центров русского народа. Русская конституционная партия по европейскому образцу—враг наш. Земский собор правомерен лишь в том случае, если в нем большинство выбрано сознательно крестьянством. Основной элемент русского общественного и государственного строя—автономная светская община. Политическая задача—подчинение интересов всех сословий интересам крестьянства [1]).

Таким образом, подготовка революции—более или менее длительная—путем пропаганды социализма в крестьянстве—вот основная тактическая задача лавризма. Лавризм, как видно из сказанного, не отрицал принципиально политики: он признавал, что земский собор целесообразен при полной сознательности крестьянства. Довести крестьянство до полной сознательности—вот главная, первая цель лавризма; раз это будет достигнуто,—остальное все приложится. Ясно, что по существу лавристы являлись продолжением чайковцев, закончили развитие тех идей, того склада мыслей, которые были свойственны чайковцам.

Иная точка зрения проводилась Бакуниным. Нам много приходилось говорить о Бакунине, как русском и европейском революционере, в предыдущих томах нашего труда.

---

[1]) Лавров. Народники-пропагандисты, стр. 90—117.

Мы знаем, что, как анархист, в главных своих трудах—«Мотивированное предложение Центральному комитету Лиги мира и свободы», «Бог и государство», «Государственность и анархия»—он выдвигал развитие личности, рост индивидуальности, как основной смысл истории, отрицал государство и созданное им право и рисовал будущее в виде организации свободных общин, составляемых свободным добровольным соглашением личностей на основе коллективной собственности. Средством для утверждения такого строя Бакунин считал всеобщее восстание, для которого, с его точки зрения, незачем было развивать сознание масс, достаточно было возбудить только инстинкты. Если для всеобщего восстания не нужны массовое сознание, сознательность масс, а необходимы только их инстинкты и их возбуждение, то ясно, что не может быть и речи о том, что массы не готовы к революции: они всегда к ней готовы, потому что инстинкты всегда им свойственны. Поэтому нечего готовить революцию, надо ее делать. Как же применить эти принципы к русской действительности?

Надо, очевидно, и в России думать не о подготовке революции, а прямо об ее совершении, о том, чтобы ее поднять, осуществить непосредственно народные идеалы, которые отличаются тремя чертами: передачей всей земли народу, организацией пользования землей миром, общиной, общинным самоуправлением и отрицанием государства [1]. Бакунин, по словам лиц, беседовавших лично с ним в Локарно, где он жил, особенно ценил участие в революции уголовно-преступного элемента—разбойников, жуликов: их участие—знамение успеха, потому что они вернее всех оценивают положение [2].

Если, таким образом, лавристы продолжали и завершали чайковцев, то бакунисты или бунтари занимали такое же положение по отношению к долгушинцам.

И вот и те и другие—и лавристы и бакунисты—в 1873 и особенно в 1874 году двинулись в народ с теми целями, которые выдвинуты были их учителями, идеологами движе-

---

[1]) Статья Бакунина в «Народном Деле»; Богучарский, Активное народничество 70-х годов; Аптекман, Из истории revol. народничества, стр. 38.

[2]) Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, стр. 101.

ния. Хождение в народ в эти годы приняло массовый характер: пошли сотни людей, может быть, даже две—три тысячи человек. Как распределялось это хождение между лавризмом и бакунизмом?

Все революционные мемуаристы и исследователи революционного движения утверждают, что бакунисты численно здесь преобладали, что лавристов было мало, и они вообще были мало активны и мало влиятельны. Есть, с другой стороны, попытка приурочить до известной степени преобладание лавризма и бакунизма к особым территориям: лавристы преобладали на севере, бакунисты на юге [1]). Проверим эти выводы и заключения, попытаемся конкретно установить долю участия в движении пропагандистов и бунтарей, ограничивая пока изучение движения только 1873 и 1874 годами.

К пропагандистам прежде всего надо отнести тех чайковцев—северных и южных,—которые вели пропаганду среди рабочих и крестьян. Сюда относятся ходившие в народ на севере Клеменц, Кравчинский и Перовская и на юге—Ланганс. Все они по крайней мере в то время были пропагандистами, не бунтарями, и работали в крестьянстве. Иванчин-Писарев также тяготел к пропагандистам, и он в своем ярославском имении вел усиленную пропаганду среди крестьян с помощью, напр., Морозова,—тоже тогда чайковца: читались книги и брошюры, пелись революционные песни, велись просветительно-пропагандистские беседы [2]). Был чайковцем далее Дмитрий Рогачев, и он ходил в народ, в крестьянство очень много: был пильщиком в Тверской губернии [3]), письмоводителем мирового судьи в Пензенской губ. [4]), потом он прошел в качестве бурлака всю Волгу.

Известный в 1872 и 1873 годах в Петербурге кружок артиллеристов, т.-е. воспитанников Михайловского артиллерийского училища, состоявший из Антова, Теплова, Усачева, Нефедова, находился под влиянием не бунтарей, а чайковцев — Кравчинского, Шишко, Рогачева. Они привлекли в свой кружок Гвоздева, Голоушева, Аронзона и Щиголева

---

[1]) В. Фигнер, Запечатленный труд. I, М. 1922, стр. 84.
[2]) Морозов, Повести моей жизни.
[3]) Степняк, Подпольная Россия, стр. 17.
[4]) Лавров, Народники-пропагандисты, стр. 224.

Теплов, Голоушев, Антов и Щиголев помогли крестьянину Никифорову устроить в Гдовском уезде школу, где велась революционная пропаганда [1]). Потом этот кружок двинулся в народ—в Нижегородскую губернию [2])—один из первых [3]). В Петербурге остались Голоушев, Щиголев и Аронзон и основали свой кружок, в котором приняли участие еще Федорович, Траубенберг, Воскресенский, Веревочкина и Клеопатра Лукашевич, и все они кроме Щиголева и Траубенберга тоже ушли в народ: Голоушев в Оренбургскую, Уфимскую, Вятскую и Пермскую губ., Веревочкина и Федорович в Уфимскую, Аронзон и Клавдия Лукашевич в Самарскую, Воскресенский на астраханские рыбные промыслы [4]).

Аронзон и Лукашевич не случайно связались в Самаре с местным кружком Городецкого: и этот кружок был пропагандистским, а не бунтарским. Это видно из его происхождения и деятельности: кружок этот, во главе с Городецким и Чернышевым, возник в Самаре в 1872 году с целями самообразования; в него вошли также Осипов, Филадельфов, Осташкин, посещали его как гости Милоглазкин и Емельянов [5]); правда, по утверждению обвинительного акта по процессу 193-х, потом Городецкий и Чернышев, став студентами в Петербурге, организовали там революционно-бакунистский кружок, в который вошли кроме них Никитин, Курдюмов, Попов, Комов, Жукова и Юргенсон, но бакунизм этого кружка весьма сомнителен: бакунисты, как известно, долгое время не обращали внимания на фабричных рабочих [6]), а между тем член этого кружка Комов энергично и много работал на фабрике Морозова в Твери, потом на фабриках Богородска и Орехова [7]). Вероятнее всего прокурор в обвинительном рвении намеренно сгущал краски и всех без разбора причислял к бакунистам.

Мы перечислили только те пропагандистские кружки и тех отдельных пропагандистов, которые ходили в народ, работали среди крестьянства.

---

[1]) Процесс 193-х, издание Саблина, стр. 39, 41, 42.
[2]) Там же, стр. 43.
[3]) Лавров, Народники-пропагандисты, стр. 202.
[4]) Процесс 193-х, стр. 43—51.
[5]) Процесс 193-х, стр. 53—54.
[6]) Плеханов, Русский рабочий в революционном движении.
[7]) Процесс 193-х, стр. 56.

На основании сказанного никак нельзя согласиться, что при хождении в народ «лавристы стушевались», и что «из них никто не был привлечен к процессу 193-х» [1]). Может быть, участие лавристов в хождении в народ 1873—74 годов было меньшим, чем участие бакунистов, но во всяком случае оно было немалым, весьма заметным, и отрицать его нельзя.

У лавристов того времени было кроме того другое большое дело, исторически для будущего более важное, чем хождение в крестьянскую массу: это—пропаганда среди рабочих. Сейчас было уже указано, что ею много занимался Комов из кружка Городецкого. Но фактов, сюда относящихся, очень много. Как только у мемуаристов или в обвинительных актах заходит речь о кружках лавристов-пропагандистов, — неизменно отмечается их пропагандистская деятельность среди промышленных рабочих. Выше было в свое время указано на работу чайковцев среди пролетариата разных городов, и сейчас нет нужды повторять эти указания; так было и в Петербурге, и в Киеве, и в Одессе, и в Харькове.

Благодаря русским пропагандистам был основан не только «Вперед», знакомивший своих читателей с западно-европейским рабочим движением, но и «Работник», посвященный специально пропаганде среди рабочих [2]). Петербургский кружок артиллеристов имел для цели пропаганды среди рабочих свои слесарную мастерскую и кузницу [3]). В 1874—75 годах среди рабочих Петербурга вели пропаганду кружки Дьякова и Сирякова, а также Семяновского [4]).

Чрезвычайно замечателен был Южно-российский союз рабочих, существовавший в 1874 и 1875 г.г. в Одессе. Основателем его был Евгений Осипович Заславский. В его кружок первоначально входили рабочие: Осуховский, Изотов, двое Наддачиных, Гренко, Сикочин, Федоров, Эрманов, Вишневецкий, Павлов, Кравченко, Власенко и Ревицкий или Рыбицкий. У них существовала библиотека, ссудо-сберегательная касса, легальная типография на имя и средства Заславского. В 1873 году связи кружка Заславского распространились на ряд фаб-

[1]) Старик, Движение 70-х годов по большому процессу (193-х); «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 56.

[2]) В. Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 79.

[3]) Процесс 193-х, стр. 42.

[4]) Шишко, Общ. движ. 60-х и пер. пол. 70-х г.г., стр. 87.

рик и заводов, в нем с 1873—74 годах участвовал и Виктор Обнорский, будущий основатель Северного рабочего союза. К 1874 году относится слияние отдельных кружков в союз. Тогда же было организовано отделение союза в Ростове на Дону и сделана попытка организации отделения в Харькове. Всего к союзу в Одессе тяготело до 200 человек, а основное ядро состояло из 50 или 60 ч. Пропаганду вели рабочие. Интеллигентов было два—сам Заславский и Щербина, впоследствии известный статистик, мало участвовавший в деятельности союза. Союз устраивал и стачки. В «Уставе» союза определенно поставлена была целью борьба с существующим экономическим порядком посредством организации рабочих южного края и производства переворота. Осуждены были по этому делу 27 человек, из которых 25 было рабочих, причем 14 из рабочих были во всяком случае активными работниками союза [1]).

В 1875 г. в Москве открыта была и дала повод к известному процессу 50-ти большая пропагандистская революционная организация, действовавшая среди рабочих. Главными участниками в ней были Джабадари, Бардина, две сестры Любатович—Вера и Ольга, Каминская, рабочие Петр Алексеев, Пафнутий Николаев, Семен Агапов, Лидия Фигнер, Александр Лукашевич, Георгиевский, Чекоидзе, княгиня Цицианова-Хоржевская, Зунделевич, Гельфман, Субботина, Батюшкова, Медведева и др.

Пропаганда велась на семи московских фабриках и, кроме того, на фабриках Иваново-Вознесенска, Тулы и Киева [2]). Этот процесс ознаменовался знаменитой речью рабочего Петра Алексеева, которая стоила ему 10-ти лет каторги. Он начал с того, что не имел возможности получить образование, так как с девятилетнего возраста вынужден был работать. Продолжал он ярким описанием условий жизни и труда русского рабочего 70-х годов: непосильный труд, дурная пища, дурной воздух, сон на полу, полная оторванность от цивилизации, ненависть к капитализму, низкая заработная плата, грубая эксплоатация путем сдельной рабо-

---

[1]) Лавров, Народн. проп., стр. 252—255; Скверн, Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Од. 1921; Невский, Очерки из истории Р. К. П. (большевиков), стр. 159—166, 571—572.

[2]) Процесс 50-ти, изд. Саблина, стр. 3—38, 118, 131.

ты и штрафов, 17-часовой рабочий день, оплачиваемый всего 40 копейками, невозможность удовлетворить самым необходимым потребностям. Всему этому Петр Алексеев противопоставил положение рабочих на западе Европы: там не преследуют рабочего за чтение книг. А у нас за стачки ссылают, и крестьянину не легче: крестьянская реформа оставила его без куска хлеба с клочками никуда негодной земли и отдала его в зависимость от капитала. Грозно прозвучало заключение речи: только от интеллигентной молодежи нам остается ждать помощи: она братски протянула нам руку; она неразлучно с нами пойдет до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах [1]).

Такова была деятельность лавристов или пропагандистов в первой половине 70-х годов. Они, несомненно, подготовляли революцию, выполняли реальную работу и среди крестьянства и в особенности среди рабочего класса. Они не обольщали себя иллюзиями, не верили в немедленный переворот, пропаганда их требовала большого времени, чтобы принести плоды. Из речи Алексеева видно, что, по крайней мере, передовые рабочие в результате пропаганды начинали усваивать себе, по крайней мере отчасти, настоящую классовую точку зрения, пролетарскую сознательность.

Обратимся теперь к изучению агитации бунтарей-бакунистов в те же годы.

Среди них центральными фигурами являются в движении 1873—74 годов, прежде всего, Ковалик и Войнаральский.

Сергей Филиппович Ковалик в 1870 году выдержал в Киевском университете экзамен на степень кандидата математических наук и хотел получить кафедру в одном из высших учебных заведений Петербурга, но скоро, увлекшись общественной деятельностью, потом политикой, оставил это дело. В 1872 году он был сначала мировым судьей, потом председателем с'езда мировых судей в Черниговской губ. и там познакомился с Екатериной Константиновной Брешко-Брешковской, урожденной Вериго, принимавшей

[1]) Речь рабочего Петра Алексеева; Пекарский, Рабочий Петр Алексеев; «Былое» за 1922 г., № 19, стр. 81—83.

тогда участие в делах местного земства. Родители Брешковской были черниговскими помещиками. Ковалик, умный и способный, не был утвержден правительством в мировой службе и отдался революционной агитации. С'ездив заграницу, он вернулся оттуда бунтарем-бакунистом. Он побывал в Харькове, Киеве и Одессе и основал там, среди молодежи, бакунистские кружки. В Киеве он снял вместе с Дебогорием-Мокриевичем квартиру для устройства сапожной мастерской [1]), в Харькове в кружок Ковалика входили Говоруха-Отрок, Крутиков, Барков, Калюжный, Кац, Кулашко, Спесивцев. В марте в 1872 г. Ковалик приехал в Петербург. Будучи здесь еще в 1872 г., Ковалик основал кружок, в который входили еще: его старый знакомый Иван Павлович Блавдзевич, его сестра Клеопатра, Каблиц, Чернышев, Лемени-Македон, Фрост и Гриценков. Потом к этому кружку примкнули Паевский и Артамонов, а Каблиц и Чернышев ушли из него и основали свой кружок. В мае 1874 года сам Ковалик и весь его кружок, кроме Артамонова, ушли в народ [2]),—на Волгу. Ковалик по пути туда заехал в Москву, где вел агитацию среди студентов Петровской академии, а потом в Ярославль, Кострому, Нижний-Новгород и Казань и везде подбирал молодежь для целей агитации [3]). На Волге Ковалик и члены его кружка работали вместе с Войнаральским и Дм. Рогачевым. В Саратове он примкнул к мастерской Пельконена, в Самарской губ. был в Николаевске у врача Кадьяна, где кроме него вели агитацию: член киевской группы Судзиловский, Речицкий-Логинов, Ломоносов и Штемпелин. Члены кружка Ковалика Блавдзевич и Спесивцев работали в Пензенской губ. [4]).

Не менее широкой и энергичной была деятельность Порфирия Ивановича Войнаральского. Будучи студентом Московского университета, он был за участие в студенческих беспорядках сослан в Архангельскую губ., но в 1873 г. возвращен и выбран мировым судьей в Пензенской губернии. В октябре 1873 г. Войнаральский был в Петербурге и познакомился там с Кравчинским, которого снабдил паспортом, и

---

[1]) Дебогорий-Мокриевич, Воспом., стр. 118—119 и 129.
[2]) Процесс 193-х, стр. 33—35.
[3]) Дебогорий-Мокриевич, Воспомин., стр. 120.
[4]) Процесс 193-х, стр. 122, 151—152.

с Рогачевым, которого сделал своим письмоводителем. В феврале 1874 г. он сблизился с московским кружком Аносова и Фроленко и основал столярную мастерскую в Москве. Не будучи утвержден как мировой судья в Пензе, Войнаральский переехал в Москву [1]) и здесь, с помощью Ипполита Никитича Мышкина, устроил тайную типографию, где работали Супинская, Елена и Юлия Прушакевич, Софья Андреевна Иванова, Фетисова и Ермолаева. Брошюровка нелегальных изданий производилась сначала в квартире Аркадакского Зарудневой, а потом Войнаральский устроил брошюровочную мастерскую в Саратове, причем ему в этом деле помогали Фаресов, Ломоносов, Видденов, Палимпсестов и Тимофей Соловьев. В типографию Мышкина в Москве Аркадакский с женой ввели потом Нафанаила Скворцова и Ольгу Шевыреву, но 9 июня 1874 г. типография была арестована [2]). Войнаральский еще в мае основал в Саратове башмачную мастерскую Пельконена и привлек к делу Софинского, Мейера и Князевского, а в Самаре вел агитацию среди плотников и основал кружок для их обслуживания из Осташкина, Петропавловского и Пономарева, пока, наконец, не был арестован в Самаре в конце июля 1874 года [3]).

Важное значение в бунтарском движении 1873—74 годов имела затем Киевская коммуна [4]). В ней видную роль играла Брешковская, которая после попытки работать в земстве попробовала было устроить в Черниговской губернии земледельческую колонию, но потерпела неудачу и с конца 1873 года перешла к революционной деятельности [5]). Кроме нее там бывали Бенецкий, Коленкина, Рогачева, Каблиц, Тетельман, Чернышев, Стронский с женой, Дробыш-Дробышевский, Фрост, Лурье, сестры Каминер, Ильясевич, А. Волькенштейн, Стефанович [6]). Бывали и чайковцы П. Аксельрод и братья Левентали. К коммуне примкнул и

---

[1]) Лавров, Народники-проп., стр. 224.

[2]) Процесс 193-х, стр. 122—124, 140—141.

[3]) Там же, стр. 146—148, 168—172.

[4]) Дебогорий-Мокриевич, (Воспом., стр. 111) изображает Киевск. коммуну как нечто несложившееся, но это опровергается другими: ср. Дейч, С. М. Кравчинский, стр. 15.

[5]) Дебогорий-Мокриевич, Воспом., стр. 119.

[6]) Процесс 193-х, стр. 74—75.

Дебогорий-Мокриевич, «похожий на бомбу, готовую взорваться». Киевская коммуна была против пропагандистских методов и занятия наукой, теорией: по мнению ее членов, сама жизнь научит всему нужному, надо непосредственно браться за практическое дело, омужичиться, слиться с народной массой. Мокриевич сначала поступил в артель плотников, потом вместе с Коваликом снял квартиру и устроил сапожную мастерскую, где, между прочим, учились сапожному ремеслу и Аксельрод и братья Левентали, но сапоги шили так плохо, что никто их не покупал. Мастерскую закрыли, а весной 1874 г. вся Киевская коммуна пошла в народ: Мокриевич, Стефанович и еще трое были грузчиками на железной дороге, потом вчетвером (один отстал) красильщиками, втром (ушел второй) устроили в Корсуни поселение, но оно скоро распалось, а потом после странствий по Подольской и Киевской губерниям среди крестьян, узнав о провале Киевской коммуны, Мокриевич уехал заграницу. Стефанович, Брешковская и Коленкина агитировали среди крестьян на юге Киевской губернии [1]). К Киевской же коммуне принадлежал и кружок Каблица и Чернышева, познакомившийся с Брешковской и весной 1874 г. целиком переселившийся из Петербурга в Киев [2]). Киевская коммуна погибла, когда в нее вступили Ларионов, Польгейм и Горинович, выдавшие после ареста всех [3]).

В предшествующем изложении отмечены только главные кружки, принявшие участие в грандиозном, массовом хождении интеллигенции в народ в 1873—74 годах. Уже то, что сказано, свидетельствует о широком размахе движения. Укажем еще несколько второстепенных сравнительно кружков и одиночек-агитаторов, которые двинулись в то время в деревню.

В Петербурге был кружок Исаака и Аарона Павловских, Пумпянской, Зубкова и Иванишевича. Исаак Павловский в 1874 г. основал кружок в Таганроге, где участвовали еще Андреева, Иогансон, Корабельников и Юркевич [4]). В Харькове существовали кружки Андреевой и Шавердова [5]). В но-

---

[1]) Дебогорий-Мокриевич, Воспом., стр. 115, 129—162.
[2]) Процесс 193-х, стр. 39.
[3]) Дебогорий-Мокриевич. Восп., стр. 113.
[4]) Процесс 193-х, стр. 57—59.
[5]) Там же, стр. 65, 72 и след.

ябре 1873 г. был основан одесский кружок, в который входили Сергей Жебунев, Кобиев, Владимир Жебунев с женой, Франжоли и Кац. Потом, в 1874 г., к ним примкнули Петр Макаревич с женой, и была основана кузница, где работали также Шрейдер и Юрий Крыжановский. Эта кузница была потом переведена за 60 верст от Одессы в село. Костюрин, Дическул, Голиков, Глушков и Кац занимались доставкой нелегальной литературы [1]). В мае 1874 г. Александр Квятковский в селе Хотушах, Тульского уезда, открыл слесарную мастерскую, где работали еще его брат Тимофей, Пьянков, Соколов и несколько рабочих [2]). В Курской губернии революционную работу вели Субботина, Завадская и Шатикова [3]). В Петровской академии близ Москвы существовал кружок, состоявший из Фроленко, Знаменского, Аносова, Соловцовского, Малиновского, Цветкова и Дружинина. Этот кружок устраивал свои мастерские [4]). В селе Павлове, Нижегородской губ., Ливанов, живший вместе с Халтуриным, руководил кружком семинаристов—Грациановского, Александровского, Серебровского, Духовского и крестьянина Биткина; с'агитирован был в Павлове и мастер Личадеев [5]). В селе Ловати, Жиздринского уезда, вели агитацию земский врач Козачок, студент Введенский и кончивший курс гимназии Макаев [6]). Аптекман учился в деревне столярному ремеслу [7]). Ходил в народ — к молоканам—в качестве земледельческого рабочего Дейч, примыкавший к киевскому кружку Фесенко, где было до 20 чел. [8]).

Нам уже известно, что пропагандисты и бунтари пошли в народ с различными заданиями: первые—подготовлять революцию в будущем, вторые—делать ее в настоящем. На практике не получалось часто ни того ни другого: многие, как Дейч или Аптекман, просто учились тому делу, за которое брались в деревне, и часто учились без успеха. Они же и другие знакомились с деревней, узнавали народ, которого

---

1) Там же, стр. 92—98.
2) Там же, стр. 100.
3) Там же, стр. 163—164.
4) Там же, стр. 105—106.
5) Там же, стр. 109—112.
6) Там же, стр. 121.
7) Аптекман, Из ист. револ. народн., стр. 61—62.
8) Дейч, Хождение в народ.

раньше не знали. Попытки пропаганды и агитации сразу наталкивались, большею частью, на веру в то, что землю, в которой очень нуждались, и вопрос о которой принимали близко к сердцу, даст царь [1]). В общем не только прямо поднять восстание, но и подготовить к нему сколько-нибудь значительно или заметно в подавляющем большинстве случаев не удавалось. Тогда и решили, что пропаганда и агитация велись недостаточно глубоко, что нельзя вести их налетом, кочевым способом, что нужны прочные поселения и более правильная революционная организация: хотя прокуратура в процессе 193-х и стремилась доказать организованность ходивших в народ, но на деле, как известно, существовали большею частью лишь поверхностные и случайные связи, настоящей организации и никакого заговора не существовало. Опыт хождения в народ 1873—74 годов внушил, таким образом, новые организационные формы и новые тактические приемы.

Но прежде чем перейти к этим новым в истории русского революционного движения явлениям, необходимо уяснить себе хотя бы в самых общих чертах социальный состав участников хождения в народ 1873—74 годов и их психологию—ближайшие побудительные мотивы, вызвавшие их движение.

Выше мы намеренно перечисляли по возможности всех членов разных кружков, принимавших участие в движении 1873—74 годов. Это было сделано с целями, во-первых, дать возможно более конкретную, детальную картину движения, во-вторых, дать возможность читателю по сделанным ссылкам на источники, если бы он того пожелал, проверить тот учет классового положения участников хождения в народ, который нами произведен, и результаты которого будут сейчас изложены. Надо только помнить, что речь идет о классовом, а не о сословном составе.

Всего в 37 губерниях было арестовано по делу хождения в народ до 2.000 человек; к дознанию привлечены были 770 чел.: 612 мужчин и 158 женщин [2]). Мы, конечно, не можем и никогда не сможем определить классовое положение всех этих лиц: для этого нет данных. Но мемуары револю-

[1]) См., напр., Дебогорий-Мокриевич, Восп., стр. 137—138
[2]) Шишко, Общ. дв. в 60-х и перв. пол. 70-х г.г., стр. 86.

ционеров и процессы 193-х и 50-ти дают возможность, до известной степени, произвести классовый учет наиболее активных участников движения. Как ни условно, ни ограниченно значение этого учета,—оно все же несомненно. И мы его производим.

Нами зарегистрированы всего 272 человека участников пропагандистской и агитационной работы среди крестьян и рабочих в 1873, 1874 и 1875 годах. Из них только пятеро—Дм. Лизогуб [1]), Иванчин-Писарев, Ярцев, Субботина и Шатилова—были помещиками, землевладельцами, что составляет 1,8% процента. Очевидно, землевладельцы были белыми воронами в агитационно-пропагандистской среде того времени, что, разумеется, и понятно: немного найтись могло кающихся дворян-землевладельцев, покаянное настроение которых было бы так сильно, что вынуждало их порвать со своим классом, пойти против него. Еще меньше было крестьян в классовом (не в сословном) смысле этого слова: их насчитывалось всего двое,—менее 1%. Средняя буржуазия дала семь человек, правда, очень энергичных и видных деятелей: сюда принадлежали Ковалик, Войнаральский, Заславский, Мышкин и др. На долю этого класса приходилось, следовательно, 2½%. Рабочих было более 36-ти: говорим «более», потому что в кружке Александра Квятковского было «несколько рабочих» [2]), сколько—неизвестно. Рабочие составляли, значит, более 13%, может быть 15% всех агитаторов и пропагандистов, причем некоторые из них—меньшинство—действовали в деревне, оставаясь в то же время рабочими. Главную же массу активных революционеров составляла мелкобуржуазная, по своему происхождению, интеллигенция, выходившая из разных сословных и классовых групп: из мещан, чиновников, духовенства, дворян, крестьян. Этого рода элементы дали 222 человека—около 82%, более четырех пятых всего состава. Прокуратура и жандармерия старались постоянно доказать или, по крайней мере, указать, что вся эта масса принадлежала к числу неудачников, неокончивших курса учебных заведений, полуобразованных и т. д. Это совершенно не подтвер-

[1]) Участник кружка Фесенко: см. Дейч, Хожд. в народ.

[2]) Процесс 193-х, стр. 100. Мы причисляем сюда и 14 рабочих пропагандистов южно-русского союза Заславского.

ждается фактами: в ряды революционеров шли вовсе не неудачники, а наиболее способные, даровитые, подававшие большие надежды, молодые люди, которые из идейных побуждений, подобно Фесенко, Аптекману и др., бросали школу и науку чуть не накануне получения диплома и открывавшейся перед ними перспективы блестящей ученой карьеры. Конечно, в результате своего вступления в революционную работу, они оказывались оторванными от своего класса, деклассированными, но то был результат, последствия, а не причины их вступления на революционный путь.

При таких условиях становится ясной и психология большинства этих революционеров. Конечно, здесь отчасти и иногда очень сильно влияли и теории Лаврова о всесторонне-развитой личности, цене прогресса и долге перед народом. На это мы имеем достаточно указаний в наших источниках. Но едва ли мы ошибемся, если скажем, что избыток сил, не находивших себе выхода и приложения, живая и неутолимая потребность в жизненной практической работе, неудовлетворенность теорией, социальный, демократический протест против отсталых условий старорежимной государственности, ненависть к грубо-хищническому мещанству буржуазии и к крепостническим тенденциям землевладельческого дворянства были наиболее сильными мотивами, толкавшими на путь революции. Буржуазная демократия, ее передовые боевые элементы облекали свой демократический протест, как всегда и везде бывало, в формы утопического, народнического социализма, народнического максимализма. И, конечно, на этом пути, совершенно независимо от правительственных репрессий, революционное движение постигла неудача.

Масса участников движения, больно ушибленная и этой неудачей и репрессиями правительства, отошла от движения, так или иначе приспособилась к существующему строю, вошла снова в связь с теми классовыми группами, из которых временно вышла. Но более передовое, энергичное, активное, талантливое меньшинство, поскольку оно успело избежать гибели от судебной расправы и особенно от жандармского произвола, только укрепилось на своих революционных позициях тем более, что репрессии правительства не давали никакого выхода: охваченные безумным страхом перед массовым революционным движением демократической

интеллигенции, правящие круги не только томили целые годы в предварительном заключении перед создаваемыми специально огромными процессами (193-х, 50-ти), но, когда, как в деле 193-х, не удовлетворялись приговором, который казался им слишком мягким,—не стеснялись усугублять кару в административном порядке. Эти свирепость и беззаконие только подливали масло в огонь.

Как вести дальше дело революции? Таков был основной вопрос, волновавший тех, кто не устал, не приспособился к существующему строю и хотел продолжать революционную борьбу, учтя опыт недавнего прошлого.

Были, конечно, отдельные проявления отчаяния, безнадежности, прострации даже у тех, кто не хотел мириться с действительностью: «лучше умереть»,—вот что думали некоторые [1]). Сердюков через две недели после освобождения из тюрьмы кончил жизнь самоубийством. Но это было или мимолетное настроение или не характерное, не типичное явление, исключение из общего правила.

Большинство нашло в себе силы для нового организационного и тактического творчества. Из практики прошлого делались поучительные выводы: «пропаганда социализма отодвинулась на задний план», а «насущные» злободневные вопросы крестьянства выдвигались все более и более на авансцену»; о социализме крестьяне слушали, как слушают занятную сказку; один молодой крестьянин, выслушав проект раздела помещичьей земли, поразил агитатора прямо в сердце. воскликнув: «как разделим землю, я принайму двух работников и заживу хорошо» [2]).

Осенью 1876 г. в Петербурге три чайковца—Богданович, Иванчин-Писарев и Дриго—выработали программу нового общества «Земля и Воля». Программа обсуждалась на сходках революционеров в Петербурге, в обсуждении участвовали человек 30—40; программа была дополнена, и в новую организацию вступило до 120 человек. В основу приема членов в это общество поставлены были два требования: полезность и честность. Но рядом с ним независимо от него возникла другая организация, требовавшая от своих членов взаимной симпатии и дружбы, т.-е. более тесная по составу, чем

---

[1]) В. Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 82.

[2]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 76, 72

«Земля и Воля». Эта вторая организация была группой Веры Фигнер; сюда входили кроме нее Богданович, Иванчин-Писарев, Энкуватов, Мария Лешерн, Веймар, Грибоедов, Субботина, Дриго, Корнилова. Эта группа ставила своей задачей проникать с целью влияния и пропаганды во все слои общества—в войско, администрацию, земство, литературные круги [1]).

Что касается «Земли и Воли» или, как она называлась до половины 1878 г., «Северной народническо-революционной группы», то ее программа сводилась к следующему: основная цель—экономическая революция снизу, при посредстве народа; для этого необходимы, во-первых, организация в народе сознательной боевой дружины, во-вторых, агитационная деятельность—пассивная (подача прошений, отправление ходоков, устройство забастовок, организация отказа от платежа податей) и активная (возбуждение бунтов); в третьих, связи с организациями раскольников и сектантов, в четвертых, пропаганда народнически-революционных идей среди общества, молодежи и городских рабочих. Устав «Земли и Воли» формулировал новые организационные принципы централизации и конспирации: учреждался основной кружок, куда принимали по рекомендации трех его членов, и который представлял собою административный центр всего общества и являлся бюро справок, а также имел в своих руках паспортное дело; затем должны были существовать группы со специальными назначениями: интеллигентская — для пропаганды среди учащейся молодежи, рабочая—для пропаганды в рабочей среде, деревенщина, имевшая целью пропаганду в крестьянстве, и дезорганизаторская группа, старавшаяся, чтобы члены общества занимали влиятельные и полезные для общества государственные должности, освобождавшая политических заключенных, ведавшая самозащиту от администрации и шпионов [2]). В выработке программы и организационного устава принимали участие и некоторые южные революционные группы, представителями которых были Валериан Осинский, Аптекман, Титыч, Никандр и Мощенко [3]). На местах в тех губерниях, где пойдет дере-

---

[1]) В. Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 89, 90.

[2]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 96—98.

[3]) Там же, стр. 85, 92.

венская работа, предположено было организовать местные автономные во внутренних делах центры, которые устраивали бы среди крестьян не летучую, а постоянную, оседлую пропаганду. Первоначальный состав основного или центрального кружка был таков: Марк Натансон, Ольга Натансон, Оболешев, Адриан Михайлов, Александр Михайлов, Дм. Лизогуб, Осинский, Александр Квятковский, Андреич (Боголюбов-Емельянов), Мих. Род, Попов, Плеханов, Преображенский, Трощанский, Зунделевич, Баранников, Титыч (Тищенко, известный потом нефтепромышленник), Сергей Андреев, Леонид Буланов, Егорыч, Хотинский, Мощенко, Тютчев, Аптекман, Игнатов и Бердников. Сразу же образовались местные группы—южная и уральская, в которой работал Смецкой [1]). Александр Михайлов, имевший также кличку «Дворник», был особенно горячим сторонником «полной кружковой обязательности, дисциплины и некоторой централизованности [2]). Имелось в виду также, что в случае, если бы удалось поднять крестьянское восстание, основной кружок и дезорганизаторская группа подготовят удар, путем напр., взрыва Зимнего дворца и всей царской фамилии [3]).

Раз новая организация была создана, необходимо было, чтобы она перешла к действиям и в деревне и в городе.

Первенство по времени принадлежало пропаганде и агитации среди городских рабочих. Благодаря пропаганде бакунистов и лавристов в 1873—74 годах в Петербурге было уже много рабочих-революционеров. Уже к концу 1876 г., когда поселения в деревне только что начались, велась широкая пропаганда среди рабочих в городе. У землевольцев была особая организация пропагандистов в рабочей среде, состоявшая из 4 или 5 человек [1]). Виднейшую роль среди них играл Плеханов. Он, как было уже указано, участвовал и в основном кружке землевольцев, бравшем на себя центральное руководство и инициативу во всех практических выступлениях партии и собиравшемся на Бассейной в такой строгой кон-

---

[1]) Там же, стр. 99, 100.

[2]) Лавров, Народн.-пропаг., стр. 286.

[3]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 88.

[1]) Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. М. 1919, стр. 25—27.

спирации, что Клеменц дал его членам насмешливое прозвище троглодитов, пещерных людей. Там кроме Плеханова чаще всего собирались Натансон, Харизоменов, Тищенко, Преображенский и Александр Михайлов [1]).

Георгий Валентинович Плеханов происходил из мелкопоместных дворян Пензенской губ.; мать его была племянницей Белинского. Он учился в военной гимназии и Константиновском военном училище, но в 1873 г. поступил в Горный институт и в 1875 г. блестяще перешел на третий курс. В перспективе рисовалась профессура, но настроение кающегося дворянства, «чувство жалости и неловкости перед народом», пиэтет к пострадавшим за народ деятелям, настойчивый и независимый характер, жажда деятельности сделали его революционером. В 1876 году Плеханов был уже очень образован и начитан. Он познакомился с рабочим Митрофановым — первым рабочим, которого он знал близко, — через студентов братьев Воскресенских, через рабочих и студентов он сблизился с Натансоном. В конце 1875 и в начале 1876 г. Плеханов примкнул окончательно к революционному движению, а зимой 1876 г. вступил в основной кружок «Земли и Воли». Фесенко привлек внимание Плеханова к политической экономии, к «Капиталу» Маркса и к занятию с рабочими [2]) В конце 1875 г. Плеханов хотел итти в народ, был бакунистом, читал Чернышевского, Бакунина, Лаврова, критически относился к марксистскому течению в Интернационале и считал лавровскую газету «Вперед» недостаточно революционной. Настроение Митрофанова, первого рабочего, с которым он сошелся, гармонировало с его настроением: настоящий народ, по Митрофанову, это--крестьяне, а рабочие развращены, проникнуты буржуазным духом. Но скоро впечатления от общения с рабочими замутили народническую чистоту первоначальных революционных взглядов Плеханова. Вопреки бунтарям, рабочие твердо стояли за необходимость самообразования, горячо и убежденно возражали против мысли, что пропаганда не имеет значения. Они имели значительное умственное развитие и отличались сравнительно высоким уровнем жизненных потребностей, имели огромную жажду

[1]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 96.
[2]) Дейч, Молодость Г. В. Плеханова: «Былое», № 13, стр. 126—141.

знания, много читали, сравнительно хорошо одевались, были культурны, бойки, речисты, критически настроены; крестьян считали и называли «серыми». Рабочие сами додумывались до классовых задач пролетариата, да еще отчасти лавристы возбуждали их внимание к немецкой социал-демократии. Большую пользу приносили рабочим лекции по политической экономии, которые читал, впрочем недолго, Фесенко [1]).

«Земля и Воля» впервые проявила себя демонстративным участием в похоронах студента Чернышева, умершего в 1876 году после трехлетнего заключения в тюрьме. В этой демонстрации рабочие не участвовали, но они частично приняли участие в другой землевольческой демонстрации, устроенной в Петербурге на Казанской площади 6 (18) декабря, 1876 года. Эта демонстрация вышла из потребности жизненной агитации, переходя от теории к практике и от подпольной работы к внешнему яркому обнаружению с агитационными целями [2]). Предполагалось придать ей широкий пролетарский характер, говорить на ней о положении рабочих [3]). Но вышло несколько иначе: хотя рабочие и явились в значительном по тому времени числе—200—250 ч., но преобладала все же революционная интеллигенция. Рабочий Потапов выкинул красное знамя с надписью «Земля и Воля», Плеханов сказал речь об участии Чернышевского и о политических преследованиях. Митрофанов распоряжался, чтобы не допустить полицию к оратору и по окончании речи надел ему другую шапку. Полиция и дворники избили и захватили 35 чел., между прочим студента Емельянова-Боголюбова, не участвовавшего в демонстрации; Потапова Вера и Евгения Фигнер пригласили к себе обедать, но шпионы арестовали его на углу Б. Садовой, а сестры Фигнер успели уехать на извозчике. Плеханов избежал ареста. Правительство намеренно жестоко покарало арестованную интеллигенцию, наказывая ее за демонстрацию каторгой, но рабочих щадило; даже Потапов осужден был только на церковное покаяние [4]).

---

[1]) Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, стр. 4, 6, 9, 10, 18, 19.

[2]) Там же, стр. 27, 28.

[3]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 92.

[4]) Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, стр. 28—33; Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 91—92.

После того агитация, пропаганда в рабочей среде продолжалась. Этому помогли и события в жизни фабрично-заводского Петербурга. Произошел взрыв пороха на Васильеостровском патронном заводе. За ним последовало воззвание рабочего революционного кружка, там бывшего, и демонстрация на похоронах убитых при взрыве, причем один рабочий обвинял во взрыве в своей речи на кладбище начальство, и рабочие не допустили полицию его арестовать. В марте 1878 года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильне; этой стачкой руководил организатор революционной группы на фабрике, нелегальный унтер-офицер Гоббст, в июне 1879 г. повешенный в Киеве. Бастовали 2.000 рабочих, большею частью серые. Сначала они верили в начальство, но скоро разочаровались. Землевольцы раздавали стачечникам пособия и для поддержания их энергии сделали им смотр. По просьбе рабочих, революционеры составили от их имени прошение наследнику, и когда оно осталось без результата, это убедило рабочих, что верховная власть стоит за капиталистов. Стачка прекратилась после некоторых уступок со стороны предпринимателей. В конце ноября 1878 года на прядильной фабрике Кёнига за Нарвской заставой также возникла стачка, кончившаяся локаутом, причем революционеры пристроили расчитанных рабочих на другие фабрики. Удачны были прошедшие при содействии революционеров стачки на фортепианной фабрике Беккера и на табачной фабрике Шапшала.

В начале 1879 г. снова вспыхнула забастовка на Новой Бумагопрядильне и, по желанию рабочих, в газете «Земля и Воля» оглашены были их требования. Во время возникшей затем стачки на ткацкой фабрике Шау за Невской заставой революционерами были организованы на всех петербургских фабриках и заводах сборы в пользу стачечников. В редакции «Земли и Воли» были исправлены и в типографии ее напечатаны воззвания рабочих фабрики Макселля. Передовая статья № 4-го «Земли и Воли» выдвинула рабочий вопрос как важную революционную задачу. Но этим и ограничилась агитация и пропаганда общества «Земля и Воля» среди рабочих: она не перешла пределов Петербурга, и если рабочее движение, как увидим в свое время, совершалось и в провинции, то помимо влияния «Земли и Воли» [1]), мало того: мы скоро

[1]) Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, стр. 35--59, 71.

убедимся, что и в Петербурге главная рабочая организация того времени возникла вне воздействия землевольцев.

Марк Натансон остался во главе центрального, основного кружка в Петербурге, когда с конца 1876 г. началась в «Земле и Воле» организация поселений в деревне, для пропаганды и агитации среди крестьян. Главным центром революционной работы этого рода был у землевольцев Саратов, поселения были в Саратовской, Самарской, Астраханской губерниях, на Урале, на Кубани [1]), в Нижегородской и Тамбовской губерниях [2]). Ольга Натансон и Трощанский в 1877 году отправились в Саратов для организации там поволжских поселений. В то же время Аптекман, по решению центрального кружка, заводил местную секцию «Земли и Воли» в Борисоглебском уезде Тамбовской губ., где его поддерживал земский врач Троицкий и где работал в качестве фельдшера и в то же время вел революционную агитацию бывший студент 4-го курса медико-хирургической академии Архангельский. В начале июня 1877 года Марк Натансон был арестован, и Ольга Натансон поспешила ему на смену в центральный кружок в Петербурге, где работала очень энергично и в зиму 1877—78 годов привлекла в состав общества «Земля и Воля» Перовскую, Кравчинского, Клеменца, Тихомирова, Морозова, Тулисова. В виду от'езда О. Натансон из Саратова в Петербург, центральный кружок вызвал Аптекмана из Тамбовской губ. в Саратов. Там Аптекман застал Александра Михайлова, Плеханова, Мощенка, Егорыча и Брешинскую и была организована местная группа, структура и функции которой представляли собою сколок с организации центральной группы. Решено было направлять революционеров в деревню не в качестве бездомных батраков, к которым крестьяне относятся пренебрежительно, а в качестве содержателей и хозяев ферм, мельниц, маслобоен, сельских и волостных писарей, фельдшеров, учителей. Новицкий отправился в деревню мастеровым, ремесленником, Сергеев, Короткевич, Егоров, Андреев с женой, Федоров как учителя, писаря, торговцы. И Плеханов хотел итти в деревню в качестве народного учителя, но помешал исправник, и он остался в Саратове для работы среди интеллигенции и рабочих, вместе с тремя петербургскими рабочими

[1]) Лавров, Народники-пропаг., стр. 286—287.
[2]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 105, 122.

Николаем Слесаревым, Иваном Егоровым и Корсаком. В Саратове же Александр Михайлов провел Короткевича в центральный кружок [1]). Сам Михайлов увлекся было пропагандой среди раскольников в селе Малые Синенькие, но арест Ольги Натансон, Оболешева и др. членов центрального кружка в Петербурге заставил его бросить это и уехать в Петербург [2]). Едва Михайлов, Аптекман и Мощенко успели уехать из Саратова, как саратовская коммуна провалилась, были арестованы хозяйка квартиры Богомаз, Новицкая, Бураков, Брещинская, Хотинский, Корсак. Правда, кроме Новицкой и Корсака, все скоро были освобождены, но саратовский местный центр после того так и не был восстановлен, а скоро затем погибли и нижегородское поселение Квятковского и И. Л. Линева и самарское. Весной 1879 г. и воронежское и тамбовское поселения были ликвидированы [3]). Деревенская работа «Земли и Воли» таким образом к весне 1879 года свелась на нет, была уничтожена полицейскими репрессиями.

Но во второй половине 70-х годов революционная работа в деревне велась не одной «Землей и Волей». На севере существовал кружок Веры Фигнер, прозванный «сепаратистами», потому что он не примкнул к «Земле и Воле». Из членов этого кружка два — Энкуватов и Дриго — уехали в Одессу; из них первый был случайно убит, а второй отошел от революции; остальные — Иванчин-Писарев, Богданович, Лешерн, московский рабочий Грязнов, потом Вера и Евгения Фигнер, Александр Константинович Соловьев — отправились в Самарскую губернию. Здесь В. Фигнер работала сначала в с. Студенцах, потом в Петровском уезде. Но и эта группа работала не более года: и ее выгнали из деревни полицейские преследования [4]).

Как велась вся эта работа землевольцев и сепаратистов? В. Фигнер во время своего трехмесячнаго пребывания в Студенцах совсем не вела пропаганды; в Петровском уезде сестры Фигнер не только уже занимались медицинской практикой, но и читали по крестьянским избам Некрасова, Лермонтова, Щедрина, Наумова, Левитова, журналы, говорили о кресть-

---

[1]) Там же, стр. 102—119.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд. I, стр. 105.

[3]) Аптекман. Из истории революцион. народн., стр. 119—122, 172.

[4]) Фигнер. Запечатленный труд, I, стр. 103, 107, 115, 118.

янской жизни, о земле, властях и проч., завели школу [1]). Иванин-Писарев также пропагандировал и агитировал, «внушал», по выражению его деревенских учеников. Но характерно, что эти ученики действовали не так, как их учителя из революционной интеллигенции; по поводу агитации они выражались так: «нам откуда взять? вытрясешь все потроха сразу и опять мели то же: бар не надо, чиновников по шее... и говорить-то неохота!» Другие, вопреки интеллигенции, проповедывали атеизм, находя, что нельзя пропагандировать, пока крестьяне находятся в сетях религиозных предрассудков, третьи, опять-таки наперекор революционерам, настаивали на участии в общественных делах—сельских, волостных и земских; «мирские дела всех свяжут, а одно внушение, когда его не к чему пристроить, не больно-то склеивает народ» [2]). Эти уроки направили деятельность Иванчина-Писарева и его друзей не на «внушение», а на борьбу с кулаками, управляющими, взяточничеством, полицией [3]),—словом, не на социалистическую и даже не на революционную а на либерально-демократическую пропаганду. Конечно, возможностей восстания отсюда по крайней мере в ближайшем будущем не получалось, и революционеры с каждым днем начинали это понимать все яснее и яснее.

Так было на севере. На юге движение было менее организовано, но не менее, может быть даже более интенсивно.

Дебогорий-Мокриевич и Стефанович к началу 1875 года основали кружок в Одессе, привлекли в него шестерых других, в числе которых был Виктор Малинка. Они решили сконцентрировать свои силы в Корсуни и ее окрестностях и вести агитацию на почве вопроса о переделе земли. После поездки Мокриевича в Петербург и Москву, где он узнал, что крестьяне везде ждут милости от царя, он и Стефанович решили распространять подложные царские манифесты. В 1875 году в кружок вошли Мария Ковалевская, Вера Засулич, Рохальский и Чубаров, причем последний дал средства на работу [4]).

---

[1]) Там же, стр. 110.

[2]) Иванчин-Писарев. Из воспоминаний о хождении в народ. Спб. 1914, стр. 7, 8, 11—12.

[3]) Там же, стр. 20 и след.

[4]) Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, стр. 201, 204, 207.

В это время среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губ. происходили волнения независимо от революционеров. С начала 70-х годов в семи или восьми волостях Чигиринского уезда, среди бывших государственных крестьян возникли два течения—«душевики», требовавшие душевого передела земли, и актовики, подписавшие акты о разделе земли в подворно-участковое владение без переделов. Мировой посредник и волостные власти были за актовиков, и душевики волновались, отказывались подписывать акты о разделе. Коноводом душевиков был Хома Прядко, который будто бы был у царя, и царь обещал ему помощь душевикам, дал ему записку, разорвав ее пополам: половину оставил себе, а другую отдал Хоме. Стефанович решил воспользоваться этим, остальные не пошли за ним, стали работать особо [1]).

Они рассеялись по деревням около Корсуни, причем к ним присоединились также Костюрин, Анна Макаревич, Дробязгин и Фроленко. Расселились большею частью в качестве мелких торговцев в 10—15 верстах друг от друга, часто с'езжались. Хотели, по бакунинскому плану, создать заговор и действовать, поднимая вооруженное восстание. Вооружившись револьверами и кинжалами, упражнялись в стрельбе, изучали местность будущего восстания. Всех членов кружка было до 50-ти человек, но только четверо сближались с крестьянами. Сборным пунктом для общих совещаний сначала была Смела Черкасского уезда, а потом Елисаветград Херсонской губ. На совещаниях поделились на две группы: одна должна была добывать деньги и оружие, другая заводить связи с крестьянами. Анну Макаревич послали в Швейцарию купить типографский станок, который и был доставлен. Средства доставляли Чубаров и Малинка. Хотели приготовить оружие сначала для 10-ти тысяч человек, потом хотя бы для одной тысячи. Мокриевич и Дробязгин нашли одну местность, где крестьяне не страдали царистскими иллюзиями. Составили собрание из 20-ти человек крестьян и предложили учредить тайную организацию для подготовки бунта, а пока кассу взаимопомощи. Послали делегата в Петербург и Москву просить оружия, но оттуда прислали только 30 плохих револьверов. Все эти приготовления мало обнадеживали большинство и вызывали даже ироническое отно-

[1]) Там же, стр. 207—208, 210, 215.

шение. Наконец, провалился Елисаветградский притон, и это повело к распаду всего дела; все раз'ехались, условились с'ехаться в Харькове, но харьковский с'езд кончился молчаливым распадением кружка, и в результате всего этого крушения у участников дела создалось очень тяжелое нравственное состояние [1]).

Типографский станок был оставлен Стефановичу, не оставившему своего чигиринского предприятия. Он вместе с Дейчем и Бохановским составил подложный манифест от имени царя, Бохановский его набрал и отпечатал, а Стефанович и Дейч организовали для восстания до 1½ тысячи крестьян-душевиков в Чигиринском уезде.

Царская грамота повелевала крестьянам организоваться в тайные дружины для восстания на панов, а царский же «Устав тайных дружин» предписывал каждым 25-ти дружинникам выбрать старосту, 20-ти старостам — атамана, во главе же всех дружин стоял совет комиссаров.

Стефанович с товарищами имели конспиративную квартиру в Киеве, но она была открыта, там арестованы Малавский и Бохановский, а затем в деревне Стефанович и Дейч [2]). И их попытка таким образом кончилась неудачей.

Самой важной из организаций, существовавших в последние годы действия «Земли и Воли» совершенно независимо от нее, был, конечно, Северный рабочий союз [3]).

Основателями и главными деятелями этого союза были двое выдающихся петербургских рабочих Виктор Обнорский и Степан Халтурин. Благодаря воспоминаниям современников, мы можем составить себе довольно ясное представление об обоих этих рабочих.

Степан Халтурин родился 21 декабря 1856 года в Вятской губ., в деревне Халевинской, впоследствии переименованной в Верхние Журавли, в семье богатого крестьянина, состоявшей из двух дочерей и шести сыновей. Он кончил курс уездного училища в городе Орлове в 1871 году. Затем в 1873 г. он пробыл год в вятском земском училище для распространения сельскохозяйственных знаний и приготовления

---

[1]) Там же, стр. 218—288.

[2]) Там же, стр. 286, 299, 323.

[3]) Так надо называть этот союз, потому что сам он себя так назвал в своей газете «Рабочая Заря», о которой ниже.

учителей, откуда из первого же класса вышел. В 1875 г. он собрался было и поехал в Америку, но вернулся, так как дорогой у него украли деньги и документы [1]). В 1875—76 годах Халтурин жил и работал уже в Петербурге и как фабричный рабочий и как деятельный пропагандист в рабочей среде. Он участвовал, между прочим, с Плехановым в организации демонстрации на похоронах рабочих, погибших от взрыва на Патронном заводе. В рабочих он уже тогда видел надежных, прирожденных революционеров, отличался сильным характером, говорил не часто, но горячо, толково и убедительно, с необыкновенным вниманием относился ко всякому делу, за которое брался. Халтурин был очень начитан, изучил европейские конституции и не стоял за «крестьянские устои». В сравнении с землевольцами он являлся крайним западником. С лавристами он познакомился раньше, чем с бунтарями, и лавристы пробудили у него интерес к немецкой социал-демократии. Он мечтал об одновременной всеобщей стачке всех петербургских рабочих и о всероссийской рабочей организации [2]).

Виктору Павловичу Обнорскому было 27 лет, когда он судился в 1880 году [3]); следовательно, он родился в 1853 г. и был на три года старше Халтурина. Он родился в семье кронштадтского мещанина, кончил курс уездного училища и учился затем слесарному ремеслу. После обучения он переехал в Петербург и поступил рабочим на завод. Обнорский стал посещать здесь одну из квартир, на которых собирались рабочие для занятий, организованных кружком чайковцев. Спасшись от полицейского разгрома, Обнорский перешел на нелегальное положение и уехал для пропаганды в Архангельскую губернию, был в Одессе, участвовал там в союзе Заславского, потом вернулся в Петербург, пропагандировал и здесь в рабочей среде и принял деятельное участие в стачках 1877 года. Вместе с Халтуриным и некоторыми другими рабочими он задумал основать рабочий союз и для приобретения тайной типографии летом 1878 года поехал заграницу. Он был серь-

[1]) Маркушевич, Детство и отрочество Степана Халтурина, «Пролетарская Революция». № 3, стр. 39—43.

[2]) Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, стр. 78—84.

[3]) Кантор, К биографии Виктора Обнорского, «Красная Летопись» за 1923 г., № 5, стр. 348.

езен, вдумчив, наблюдателен, сдержан, побывал в Берлине, Париже, Лондоне, Женеве, познакомился близко с немецкой социал-демократией и пригласил к участию в организации Северного рабочего союза и в редакции его газеты П. Б. Аксельрода. Зимой 1878 года Обнорский вернулся в Петербург и здесь вместе с Халтуриным и другими товарищами организовал Северный рабочий союз, об'единявший до 200 рабочих [1]).

Союз этот был устроен следующим образом: в каждом рабочем районе у него была своя ветвь с кассой и конспиративной квартирой. Районом заведывал местный комитет. Члены местных комитетов составляли центральный кружок. У центрального кружка была своя особая касса и библиотека. Потом для ускорения действий центральным кружком был выбран особый распорядительный комитет. Одной из важнейших особенностей Северного рабочего союза было то, что он стоял за приобретение политических прав, за политическую борьбу [2]). Редакция «Земли и Воли» видела в этом буржуазность союза; тогда члены союза прислали письмо в редакцию, которое и было напечатано в № 5 «Земли и Воли», вышедшем в апреле 1879 г. [3]); здесь авторы письма— по всей вероятности Обнорский и Халтурин—отстаивали соединение социалистических требований с конституционными; они не находили тут противоречия; отмечали, что социализм основное, конечное требование, а требование политической свободы не имеет такого основного значения; соглашались, что в аграрном вопросе необходимо увеличение наделов на счет незанятых и помещичьих земель и назначение крестьянских повинностей на нужды крестьянства и на школы; тут же попутно отмечено, что число членов союза доходит до 200 человек [4]).

Северный рабочий союз поставил свою типографию и 15 февраля 1879 г. приготовил там к выходу 1 № газеты

[1]) Дейч, Виктор Обнорский: «Пролетарская Революция», № 3, стр. 48—53.

[2]) Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, стр. 65—67.

[3]) В издании Богучарского: «Революц. журналистика 70-х годов», стр. 235, 5-й № «Земли и Воли» ошибочно помечен февралем 1879 г., тогда как передовая статья имеет дату «4 апреля 1879 г.»

[4]) Революционная журналистика 70-х годов, стр. 257—259.

«Рабочая Заря». Здесь изображается тяжелое положение рабочего класса: «без надежды на лучшее коротаем мы свой век и тот скудный заработок, на который мы живем, и тот легко может быть отнят расчетом хозяина или нашей болезнью». На правительство нельзя надеяться; оно «во всем поддерживает наших хозяев, безнаказанно дозволяет им обирать нас, подавляет всякое наше противодействие, всякое желание хоть немного улучшить свое положение, запрещает нам стачки, запрещает вступление в союзы и за участие в стачках и союзах и по одному только подозрению заключает нас в тюрьмы и ссылает в каторгу, выдумывает паспорта, чтобы нас еще легче можно было закрепостить хозяину». Так, за забастовку на Новой Бумагопрядильне сослали 40 рабочих, а позднее выслали 700 рабочих. Нечего надеяться и на фабрикантов: они «на наши трудовые копейки наживаются, нашим потом питаются, нашей кровью напиваются». Положение рабочих все ухудшается: лет 10—15 тому назад можно было заработать 100 руб. в месяц, в 1870 г. 200 р., «а теперь еле 30 на заводах и 16 на фабриках, а иногда и того меньше; а подати увеличились, и жизнь вздорожала, и не всегда теперь работу найдешь». «Мы сами должны себе помочь»; «на нашей стороне право, на нашей сила». «Сначала не было ни панов, ни хозяев, ни чиновников; вся земля русская принадлежала мирам вольного русского народа»; право на нее у нас; на подати, которые мы платим, содержится все государство; «на наши трудовые деньги сооружены фабрики и заводы», и содержится армия; «мы дали возможность всем, за исключением самих себя, жить и пользоваться всеми радостями жизни». «Мы и только мы выработали себе право на существование; кругом себя мы видим хищность правительства, продажность чиновничества, роскошь и распутство других классов общества». «Наши интересы, как обнимающие интересы всего народа, должны покорить все сословия, должны уничтожить все то, что было и есть неправильного. Мы, вместо существующей ныне в человеческих отношениях борьбы всех против всех, провозглашаем братство, равенство и свободу для всех». «Мы должны вместе со всем народом русским получить в общее пользование землю». «Мы должны сделаться обладателями фабрик и заводов». Для этого необходимо сплотиться в союзы, как рабочим Англии, Франции, Америки и Германии, представлявшие собою грозную силу

и близкие к победе, потому что об'единены в союзы, насчитывающие миллионы членов. Номер кончается призывом к об'единению в союзы и к борьбе, призывом не бояться жертв. «Будущее в наших руках, оно нам принадлежит, не выпустим же его! Смело вперед, в борьбу с правительством и хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь!» [1]).

Эта прекрасная и красноречивая популяризация классовых задач пролетариата была практическим выражением программы Северного рабочего союза, основные пункты которой были таковы: Северный союз, «примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада», стоит: за 1) ниспровержение существующего политического и экономического строя, 2) учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением, 3) уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным замлевладением, 4) правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства». Такова программа—максимум. Программа—минимум определяется тем, что «политической свободой» «обеспечивается решение социального вопроса»; поэтому «непосредственными требованиями союза должны быть: 1) свобода слова, печати, право собраний и сходок, 2) уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям, 3) уничтожение сословных прав и преимуществ, 4) обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях, 5) уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением, 6) право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления, 7) уничтожение паспортной системы и свобода передвижений, 8) отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству, 9) ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда и 10) учреждение производительных ассоциаций, ссуд-

---

[1]) Текст «Рабочей Зари» в «Пролетарской Революции», № 3, стр. 122—124, и в «Красной Летописи», № 2—3, стр. 286—288, где он хорошо исправлен, кроме одного места в конце: напечатано—«пустим», надо—«не выпустим», как правильно в «Прол. Рев.»

ных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам» [1]).

Эта программа была выработана на собраниях петербургских рабочих 23 и 30 декабря 1878 г. [2]). Нет сомнения, что в ней еще немало анархических, народнических и утопически-социалистических элементов, но в то же время она представляет собою тем более знаменательное проявление роста классового сознания русского пролетариата, что она выработана была самими рабочими, и в ней налицо важные элементы научно-социалистического подхода к решению основной социальной проблемы капиталистического общества. Во многих отношениях программа Северного рабочего союза опережала «Землю и Волю» и другие современные ей революционно-народнические организации.

Нет сомнения, таким образом, что Северный рабочий союз сложился вполне к концу 1878 года. Но просуществовал он недолго. В феврале 1879 г. арестована была его типография, и приготовленный первый номер «Рабочей Зари» не успел выйти, а к весне 1879 г. аресты рабочих фактически уничтожили и самый союз [3]). Важной причиной гибели союза было предательство Рейнштейна, который и был за то убит рабочими. Обнорский был потом арестован и за участие в кружке чайковцев и пропаганду в Архангельской губ. осужден в 1880 г. на десятилетнюю каторгу, причем он и другие его товарищи по процессу просили Лорис-Меликова о смягчении их участи, но Лорис-Меликов этой просьбы не уважил. Есть основания думать, что здесь было произведено давление на подсудимых из желания продемонстрировать раскаяние трех рабочих [4]). Обнорский отбыл каторгу и жил потом на поселении в Чите, но к политической деятельности, повидимому, более не возвращался [5]). Халтурин тогда арестован не был, и мы еще встретимся с его выдающейся революционной работой позднее.

Отметим, наконец, что в 1879—80 годах была сделана в Киеве попытка основать Южно-русский союз, впрочем,

---

[1]) «Пролетарская Революция», № 3, стр. 55—56.

[2]) Там же, стр. 56.

[3]) Там же, стр. 56—57.

[4]) Кантор, К биографии Виктора Обнорского: «Красная Летопись», № 5, стр. 353.

[5]) Дейч, Виктор Обнорский: «Пролет. Рев.», № 3, стр. 60, 61.

с террористическим направлением. Она принадлежала Г. Н. Ковальской, Н. П. Щедрину и др. Пытался устроить союз на юге и П. Б. Аксельрод, который приехал в Россию из заграницы весной 1879 г., когда Северный рабочий союз, в котором он предполагал участвовать, был уже разгромлен. Южно-русский союз Ковальской существовал недолго и не был сколько-нибудь значительной организацией [1]). Кружок Аксельрода был еще слабее.

К числу особенностей Северного рабочего союза принадлежит, как мы только что убедились, то, что в программе—минимум он выдвигал наряду с экономическими и финансовыми вопросами также проблему политической борьбы. То было важным для конца 70-х годов знамением времени: политическая борьба все повелительнее диктовалась самой жизнью. В эту борьбу, против своей воли в значительной степени, вовлекались и деятели «Земли и Воли». Функции дезорганизаторской группы постепенно все осложнялись и расширялись, пока, наконец, не приобрели самостоятельного, потом даже и первенствующего значения. Это выразилось сначала в самой жизни и деятельности «Земли и Воли», потом также и в революционной литературе и опять-таки, главным образом, в литературе землевольческой.

Начнем с уроков и фактов жизни. Они были многочисленны и поучительны.

Еще в 1873—74 г.г. южные бунтари взяли на себя инициативу употребления динамита в борьбе с самодержавием, они задумали взорвать Александра II в Николаеве, за что впоследствии были казнены Витенберг и Логовенко [2]). Затем за борьбу при помощи динамита в 1876—77 г.г. высказывался Каблиц, не входивший, впрочем, в общество «Земля и Воля», а только вращавшийся в близких к нему кругах[3]). Весной 1877 года землевольцы убили предателя рабочего Финогенова [4]). Когда петербургский градоначальник генерал Трепов велел подвергнуть телесному наказанию студента Емельянова-Боголюбова, то 24 января 1878 г. в него

[1]) М. Попов, Н. П. Щедрин: «Былое» за 1906 г. декабрь, стр. 123; «Пролет. Рев.», 3, стр. 90, прим.; Мартов, История росс. соц.-дем., стр. 8; Невский, стр. 194, 214.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд. I, стр. 94.

[3]) Там же, I, стр. 96.

[4]) Там же, I, стр. 98.

стреляла и его ранила Вера Ивановна Засулич. 30 января 1878 г. произошло вооруженное сопротивление при аресте Ковальского и его товарищей в Одессе [1]). 23 февраля 1878 г. Осинский, Ивачевич и еще третье лицо совершили покушение на киевского прокурора Котляревского [2]). Потом Осинский организовал в Киеве убийство жандармского офицера Гейкинга, которого поразил кинжалом Попко [3]). Через два дня после этого Фроленко с помощью Осинского устроил побег из тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановского, поступив под чужим именем в тюремные служители [4]). В том же году шпион Горинович был ранен и облит серной кислотой в Одессе Дейчем и Малинкой [5]). Весной 1878 г. Осинский на юге основал террористический Исполнительный Комитет [6]). 4 августа 1878 г. убит Кравчинским в Петербурге шеф жандармов Мезенцов [7]). В октябре 1878 г. в Киеве на квартире Коленкиной при аресте оказано было землевольцами вооруженное сопротивление [8]). В декабре того же года Дубровин оказал в Старой Руссе вооруженное сопротивление при аресте [9]), в то же время такие же вооруженные сопротивления оказаны были в Харькове Сентяниным и в Архангельской губ. Бобоховым [10]). Январь и февраль 1879 г. дали опять подобные же факты: в январе в Киеве вооруженной рукой защищались Осинский и Лешерн, а в феврале там же Брантнер и Антонов с товарищами и землевольцы, арестованные на Жилянской улице [11]). В феврале 1879 г. убит предатель и шпион Рейнштейн [12]), а 9 февраля Гольденберг убил в Харькове губернатора кн. Кропоткина [13]).

---

[1]) Виташевский, Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд: «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 219 и след.

[2]) Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, стр. 333.

[3]) Там же, стр. 357.

[4]) Там же, стр. 328, 352, 357.

[5]) Там же, стр. 268—269.

[6]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 86.

[7]) Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, стр. 363.

[8]) Там же, стр. 366.

[9]) Там же, стр. 366.

[10]) Там же, стр. 366.

[11]) Аптекман, Из истории революцион. народничества, стр. 170; Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, стр. 366, 377—378.

[12]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 174.

[13]) Там же, стр. 171; Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания стр. 366.

13 марта 1879 г. Мирский в Петербурге стрелял в шефа жандармов Дрентельна [1]). Наконец, 2 апреля 1879 г. Соловьев безрезультатно покушался на жизнь Александра II, чему предшествовало обсуждение вопроса, следует ли ему помогать, и было решено, что партия в целом не помогает, но отдельные лица содействовать могут, что они и сделали. Еще в начале 1879 г. «Земля и Воля» устроила динамитную мастерскую, которая работала под руководством Кибальчича, освобожденного из заключения по делу 193-х и при помощи Ширяева, Исаева и Якимовой, которая была и хозяйкой квартиры [2]).

Так постепенно, но неуклонно, с неумолимой логикой дезорганизаторская деятельность из средства самозащиты превращалась в орудие нападения, соответствующая группа преобразовалась в Исполнительный Комитет, для которого борьба с самодержавием, политическая борьба явилась ближайшей, первоочередной задачей, а террор необходимым средством, ведущим к осуществлению цели—уничтожению самодержавия.

И эти новые тенденции, ярко наметившиеся в жизни, отразились и в литературе. Уже четыре номера «Начала», этого первого по времени революционно-народнического органа 70-х годов, выходившего с марта по май 1878 г., содержат в себе некоторые признаки поворота. Правда, утверждается попрежнему, что «русский народ анархичен и не имеет буржуазных инстинктов» [3]), что фактическая замена самодержавного правительства конституционным совершенно безразлична для социалистов [4]), но наряду с этим отстаивается «политическое равенство, свобода совести, слова, научных исследований, сходок и собраний» [5]), и даже утверждается, что «политический переворот, неизбежно внося элемент политической свободы в государственную жизнь, несколько облегчает пропаганду социалистических идей в народе [6]).

---

[1]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 174

[2]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 129.

[3]) «Начало», № 1: Рев. журнал. 70-х годов, стр. 3.

[4]) Тоже, № 4, стр. 53.

[5]) Тоже, № 1, стр. 4.

[6]) Тоже, № 4, стр. 54.

В народнических кругах было и чисто конституционное течение, представленное в 1878 г. в «Летучем Листке», написанном Михайловским [1]). Но всего знаменательнее та эволюция, какую пережила литература самой партии «Земля и Воля».

Еще в 1877 г. Зунделевич устроил для «Земли и Воли» в Петербурге тайную типографию, которая действовала непрерывно четыре года. Это дало возможность землевольцам развернуть весьма значительную подпольно-литературную деятельность. Главным делом в этом отношении было, конечно, издание периодического органа партии — газеты «Земля и Воля», которая начала выходить с 25 октября 1878 года. Редактором этой газеты должны были быть Кравчинский, Адриан Михайлов, Плеханов и Клеменц, бывший до того в Швейцарии и редактировавший там вместе с Аксельродом заграничный орган партии «Общину». Но Адр. Михайлов был скоро арестован, Плеханов был на Дону, и в редакции оказались Клеменц, Морозов и Кравчинский, который скоро уехал заграницу. Видная роль естественно выпала на долю Клеменца. В «Общине» Клеменц отстаивал то, что составляло основы новой деревенской тактики землевольцев: он требовал оседлой пропаганды, ведения работы не по книжкам, а на фактах текущей действительности, на основе насущных конкретных нужд крестьянства; наконец, он настаивал на связях с «мирскими людьми», с протестующим элементом деревни [2]).

Передовая статья № 1-го «Земли и Воли» написана Кравчинским в народнически-бакунистских тонах: редакция и представляемая ею партия отгораживаются и от пропагандистов-лавристов и от якобинизма Ткачева. Высказывается лишь сочувствие якобинцам «как дезорганизаторам власти». Основа программы партии—народные идеалы, потому что «только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс». Поэтому девиз—«земля и воля»: земля—

---

[1]) Рев. журн. 40-х годов, стр. 66—67.

[2]) Дейч, Один из последних семидесятников: «Голос Минувшего» за 1914 г., № 6, стр. 94—95, 98; редакторами № 1 «Земля и Воля» были Кравчинский, Клеменц и Морозов. Плеханов, вопреки Дейчу, не был в редакции.

общее достояние всех, кто на ней работает, воля—«право всех людей самим распоряжаться своими делами». Фабричный вопрос, важный для запада Европы, у нас заменяется вопросом аграрным. Главная работа—в народе. А террор имеет только вспомогательное, дезорганизующее значение и как средство самозащиты революционеров. Революционеры должны быть сами народными людьми: «оставьте катехизисы и учебники, погрузитесь в великое море народное».

Однако, в статье есть одна новая нотка: признается неизбежность конституции: «если бы мы,—говорит автор,—увлеклись террором, то не приобрели бы корней в народе для борьбы с либералами после завоевания конституции».

Характерна затем статья «По поводу подвигов прессы», обличающая лицемерие либералов. Эта статья, как и фельетон, написана Клеменцем, и фельетон содержит совсем уже еретическую для бакунистов мысль о важности конституции, хотя в нем и отстаивается мысль, что «надо добыть конституцию, а не ждать пожалования [1]). Выходит, что конституция не только неизбежна, но и важна, и надо ее добывать.

Передовая статья второго номера «Земли и Воли», вышедшего 15 декабря 1878 г., трактует о террористических актах этого года в прежнем тоне: они предприняты были «для спасения жизни и свободы собратий» [2]). Фельетон Клеменца как будто также стоит на старой почве: при социализме политическая свобода явится побочным продуктом, как и кокс при добыче светильного газа, как дым при топке печи; когда крестьянин получит землю и волю, он тем самым обеспечит и политическую свободу [3]). Но характерно, что автор полемизирует с кем-то, кто хочет сделать борьбу за политическую свободу самостоятельной задачей.

Номер 3 «Земли и Воли», от 15 января 1879 г., имеет главным фондом своего содержания рабочий вопрос,—тоже порядочная новость в обычной практике землевольцев. Ему посвящены передовая и корреспонденция с фабрики Кёнига,—обе написанные Плехановым. Но точка зрения старая, народ-

---

[1]) Рев. журн. 70-х годов, стр. 67, 77, 83.
[2]) Там же, стр. 104, 105.
[3]) Там же, стр. 119.

ническая: у нас сохранилась община, имеется коллективность владения, почему Россия не вступила на путь закона капиталистического развития, и остается ввести коллективизм труда, землю и волю по примеру Болотникова, Булавина, Разина и Пугачева [1]).

И в № 4 (20 февраля 1879 г.) главным действующим лицом является Плеханов, и главной темой остается рабочий вопрос, причем правильно указывается на необходимость массовой агитации во время стачек, хотя и ей придается значение лишь в том смысле, что «городские рабочие—те же крестьяне и разнесут социализм в деревни [2])». Но в статье о волнениях рабочих тот же Плеханов отмечает: «действия полиции популяризуют идею бунта и политических преступлений в России [3])».

В апреле 1879 г., после выстрела Соловьева, решено было, что все нелегальные должны были уехать; должен был уехать и Плеханов. Клеменц был арестован еще в феврале. В редакции оставались Тихомиров и Морозов [4]). Они в это время уже составляли внутри партии особую группу—ядро будущего Исполнительного Комитета—вместе с Александром Михайловым, Квятковским, Ошаниной, Баранниковым, к которым примкнули также Кибальчич, Якимова, Софья Иванова, Исаев, Арончик и Ширяев; эта группа выставляла лозунгом политический террор [5]). Тогда в редакцию стоять на страже старых народническо-анархических традиций поставлен был Аптекман [6]).

Это не спасло положения. В марте под редакцией Морозова вышли № 1 и №№ 2—3 «Листка Земли и Воли», где открыто и прямо выступил Исполнительный Комитет. В №№ 2—3 (22 марта 1879 г.) прямо заявляется, что политическое убийство не только акт мести, самозащита и агитационный прием, но и «осуществление революции в настоящем, самое страшное оружие для наших врагов, одно из

---

1) Рев. журн. 70-х годов, стр. 146 и след.; Сочинения Г. В. Плеханова, т. I, Петроград 1920, стр. 7—15.

2) Рев. журн., стр. 194 и след.; Сочинения Плеханова, I, стр. 23—28.

3) Рев. журн., стр. 214; Сочинения Плеханова, I, стр. 38.

4) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 184.

5) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 128.

6) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 184.

главных средств борьбы с деспотизмом»[1]). Это был настоящий переворот в тактике, и он нашел себе подтверждение в дальнейших литературных выступлениях Морозова и Тихомирова, продолжавшихся несмотря на протесты Аптекмана.

Передовая статья № 5-го «Земли и Воли» (апрель 1879 г.) написана Тихомировым в народническом духе, но с одним важным добавлением: и в крестьянстве революционеры должны быть террористами; пусть крестьянство верит, что они—сила; поэтому надо убивать виновных в погромах, порках и расстрелах[2]). В «Листке Земли и Воли», № 4, об'явлено, что царь—абсолютный повелитель, почему он ответствен за всю политику[3]). В № 6 «Листка» (от 14 июня 1879 г.) помещено письмо-завещание казненного Осинского; здесь прямо и ясно намечен новый тактический путь: «мы не сомневаемся, что ваша деятельность *теперь* будет направлена в *одну* сторону»; «для того, чтобы серьезно повести дело террора, вам необходимы люди и средства»...[4]).

Оставалось закрепить совершившийся тактический перелом. Это и было сделано на съездах в Липецке и Воронеже.

Съезд в Липецке продолжался четыре дня—с 17-го по 20 июня 1879 г.[5]). Это было предварительное совещание тех членов партии «Земля и Воля», которые встали на террористическую платформу, с добавлением южан-единомышленников, специально приглашенных. Всего в Липецке присутствовало 11 человек: Морозов, Александр Михайлов, Ошанина-Оловенникова, Баранников, Квятковский, Тихомиров, Ширяев, Гольденберг и южане Колодкевич, Желябов и Фроленко[6]). Квятковский и Михайлов прочли составленные Морозовым и дополненные ими проекты новых программы и устава, где центральными пунктами были полити-

[1]) Рев. журн. 70-х годов. стр. 277—278, 282—283.

[2]) Там же, стр. 238, 239.

[3]) Там же, стр. 293.

[4]) Там же, стр. 305.

[5]) Морозов, Возникновение Народной Воли: «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 10; его же «Повести моей жизни»; Богучарский (Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х г.г. XIX в. Партия Народной Воли, ее происхождение и гибель, М. 1912, стр. 34) едва-ли прав, распространяя продолжительность с'езда и на 21 июня.

[6]) «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 10.

ческие убийства и конфискация казенного имущества. Оба проекта были приняты единогласно [1]). Редакторами органа решено было выбрать Тихомирова и Морозова, членами распорядительной комиссии Фроленко, Александра Михайлова и Тихомирова, а секретарем Морозова [2]). Затем два участника съезда—Морозов и Фроленко—впадают в разногласие, состоящее в следующем: по Морозову [3]), Александр Михайлов произнес на Липецком съезде обвинительную речь против Александра II, и было решено организовать покушение на его жизнь; по словам Фроленко [4]), «вопрос об Александре II был решен в Питере до Липецкого съезда и на это мне (Фроленку) было поручено пригласить Желябова, Колодкевича, Баранникова».

Общий съезд партии «Земля и Воля», с участием вновь принятых на нем членов, происходил в Воронеже между 21 и 24 июня 1879 года [5]). Относительно состава и количества его участников в наших источниках существуют значительные разногласия. Число присутствующих определяют то в 24 [6]), то в 25 человек [7]), но когда начинают перечислять по именам,—выходит меньше. Постараемся определить состав несомненных участников съезда.

Сюда принадлежали, по единогласному свидетельству всех наших источников, Титыч-Тищенко, Александр Михайлов, А. Квятковский, Морозов, Баранников, Тихомиров, Ошанина-Оловенникова, Фроленко, Желябов, Колодкевич, Перовская, Вера Фигнер, Ширяев, Мих. Род, Попов, Плеханов и Аптекман,—всего 16 человек. Дальше начинаются разногласия: В. Н. Фигнер указывает в качестве членов Воронежского съезда еще Преображенского, Харизоменова, Хотинского, Мощенко и Николаева [8]), О. В. Аптекман — Сергея Андреева, Егорыча и Сергееву и вместе с тем замечает, что Мощенко и Хотинский, не дождавшись съезда, уехали в деревни, где пропагандировали, а Преображенский и Пресняков

[1]) Там же, стр. 10—11.
[2]) Там же, стр. 14.
[3]) «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 15.
[4]) Там же, стр. 32.
[5]) Там же, стр. 15.
[6]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 132.
[7]) Морозов, «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 16.
[8]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 132.

не успели прибыть на с'езд [1]). Мощенко, Хотинского и Преображенского, в виду этих категорических утверждений О. В. Аптекмана, очевидно, отчетливо помнящего их отсутствие, тем более, что он указывает и конкретные обстоятельства, с этим отсутствием связанные,—надо исключить из списка В. Н. Фигнер: они на съезде не были. Если таким образом допустить, что оба наших главных источника каждый сохранили нам в своей памяти то, что забылось у другого, то к вышеприведенному списку из 16-ти человек придется прибавить еще пятерых: Харизоменева и Николаева (из списка В. Н. Фигнер), Сергея Андреева, Егорыча и Сергееву (из списка О. В. Аптекмана). Всего, выходит, было на съезде в Воронеже 21 человек. Правда, в литературе [2]) встречается указание, будто на этом съезде присутствовали еще трое: Девель, Евгения Фигнер и Исаев. Но нам неизвестно, откуда это взято, и представляется сомнительным, чтобы так было: В. Н Фигнер никак не могла бы забыть о присутствии своей сестры и Исаева, которого она знала хорошо и с которым потом много работала.

Итак, надо думать, что на воронежском съезде присутствовал 21 человек, из которых некоторые были вновь приняты. Кто же именно был принят вновь?

Несомненно, Желябов и Колодкевич, а также, повидимому, Ширяев, бывший до того членом особой террористической группы «Победа или смерть», хотя и работавший уже в динамитной мастерской «Земли и Воли», в качестве одного из помощников Кибальчича, и Сергеева, на которую определенно указывает О. В. Аптекман. Приняты были и бывшие тогда заграницей Стефанович, Засулич, Дейч и Бохановский [3]). Но Н. А. Морозов указывает еще на принятие Фроленко [4]), с чем едва-ли можно согласиться, потому что он раньше был членом «Земли и Воли».

На воронежском съезде Плеханов предложил Морозову прочитать его статью из «Листка Земли и Воли». Морозов прочитал. Никто ее не отверг. Плеханов удалился демонстративно. Решено считать его добровольно выбывшим из «Земли

[1]) Аптекман, Из истории революц. народн., стр. 189.
[2]) Богучарский, Из истории политической борьбы, стр. 35.
[3]) Фигнер, Запечатленный труд, стр. 130.
[4]) «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 16.

и Воли». Воронежский съезд утвердил то, что выработано было на липецком съезде. Такова одна версия, имеющаяся в источниках наших о воронежском съезде [1]).

Другая версия отмечает напряженную атмосферу на съезде, но вместе и миролюбие и терпимость, желание соглашения, стремления к компромиссу, сохранению единства, за что особенно стояли Перовская и Фигнер. И программа и устав «Земли и Воли» были сохранены в целости, только дополнены в новом духе: решено продолжать деятельность в народе, но включить в деревенскую работу и аграрный террор; точно также решено продолжать террор и ввести цареубийство и в городской работе. Плеханов ушел из собрания, бывшего на лужайке в Ботаническом саду за городом, сказав: «мне нечего здесь больше делать». Фигнер пыталась его удержать, но Александр Михайлов сказал: «оставьте его». Желябов указывал на съезде, что если опираться на либералов, то нельзя проводить тактику аграрного и фабричного террора; было решено: опираться не на либералов, а на народ. Морозов уговаривал Фигнер войти в его террористическую группу, но она отказалась, находя, что группа действует по-нечаевски [2]).

Наконец, есть и третий рассказ, еще более подробный и не во всем согласный с первыми двумя. Всех заседаний съезда было от восьми до десяти, по два в день. Они происходили то в Ботаническом саду (чаще всего), то в архиерейской роще, то в лодках на реке Воронеже. Заседания происходили под председательством Титыча-Тищенко. Морозов прочитал письмо-завещание Осинского, напечатанное в № 6 «Листка Земли и Воли». Землевольческая программа была сохранена, сделано лишь добавление об аграрном терроре. Плеханов высказался против политического террора и утверждал, что, вопреки А. Михайлову, надеявшемуся путем террора завоевать конституцию, окажется только смена Александра II Александром III. Тихомиров старался примирить оба течения. Решено было: политический террор—крайняя, исключительная мера в определенных конкретных случаях. Затем рассматривался вопрос о лиге цареубийства, со-

---

[1]) Морозов, Возникновение Народной Воли: «Былое» за 1906 г., декабрь, стр. 16—19.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 130—133.

стоявшей из Исполнительного Комитета и других сторонников цареубийства; большинство съезда высказалось за цареубийство, так как оно представляет собою исключительный, специальный случай, единственный исход в данных условиях; аграрный террор немыслим при военном положении; поэтому большинство решило оказать содействие лиге цареубийства деньгами и людьми. Затем обсуждался вопрос о печатном органе партии. Плеханов цитировал статью Морозова в «Листке Земли и Воли» (вероятно, в № 2—3) и спросил, имеет ли право редакция выступать так от имени партии. Большинство съезда ответило на этот вопрос утвердительно, ссылаясь опять-таки на данные исключительные условия. Тогда Плеханов сказал: «если политические убийства—осуществление революции в настоящем, то Земля и Воля перестала существовать; мне нечего здесь делать, потому что я—народник»,—и ушел со съезда. После его ухода выбрана была редакция в составе Морозова, Тихомирова и Аптекмана, а за отказом последнего он был замещен Преображенским. Наконец, внесли в устав постановление о том, что на террор тратится не более одной трети всех средств партии, а две трети идут на деревенскую работу [1]).

Последняя, третья версия передачи событий воронежского съезда имеет все признаки достоверности и восстановляет в конкретных подробностях весь ход работы съезда. Она подтверждается в целом и в некоторых деталях и рассказом В. Н. Фигнер—второй версией. Эта вторая версия дает и несколько любопытных фактических дополнений; таковы компромиссное положение Перовской и Фигнер, попытка Фигнер удержать Плеханова, выступление Желябова о либералах, уговоры Морозова вступить в террористическую группу и отказ Фигнер.

Таким образом, в общем работа воронежского съезда пошла все же по линии соглашения; несмотря на уход Плеханова, раскола не получилось, установлен был пока худой мир, который, по пословице, лучше доброй ссоры.

Эта пословица, однако, редко оправдывается в крупных общественных делах. Так случилось и в данном случае.

Осенью 1879 года раскол стал неизбежен. Квятковский, Морозов и Александр Михайлов жаловались, что деревен

[1]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 187—195.

ские работники тормозят террор. Перовская и Фигнер перестали сопротивляться расколу, и он стал фактом [1]). «Земля и Воля» перестала существовать. Она разделилась на две новых революционных организации: террористы составили партию Народной Воли, Плеханов и его единомышленники—партию Черного Передела. Старую землевольческую типографию отдали чернопередельцам, а народовольцы завели свою новую типографию—в Саперном переулке. Хозяином типографии стал Бух, а Цукерман и «Пташка» наборщиками. Деньги или, точнее, надежды на деньги казненного Лизогуба поделили поровну, причем эти надежды так и не осуществились, так как доверенное лицо Лизогуба Дриго не только не отдал денег, но едва не предал Александра Михайлова [2]).

Прежде чем обратиться к истории этих новых организаций — последних в 70-х годах,—необходимо на минуту остановиться и бросить взгляд назад, подвести итоги деятельности «Земли и Воли» и параллельных ей групп.

Она была, конечно, несравненно более организованной, чем хождение в народ 1873—75 годов, но массовой землевольческая организация не была. Движение первой половины 70-х годов было более массовым. Чем дальше шло дело, тем меньше приливало в деревенскую работу новых сил, и под конец этот приток свежих, молодых сил совсем прекратился. Почему?

Потому что деревенская работа не только по агитации, но и по пропаганде социализма оказались безуспешной, безрезультатной. Ослепленные народнической идеологией, землевольцы склонны были объяснять эту неудачу «маленькими недостатками механизма»: недостаточной организованностью и конспиративностью, малыми материальными средствами, больше же всего полицейскими преследованиями. Конечно, все это, особенно последнее, имело место, было реальностью и известное влияние оказывало, но при всем том землевольцы не замечали главного—неподатливости крестьянства на социалистическую пропаганду. Вернее, они и это замечали, но объясняли опять-таки мелочами: своим неумелым подходом к делу. И потому правильно рекомендовали исходить из повседневных крестьянских нужд, злоб деревен-

---

1) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 135—136.
2) Там же, I, стр. 136—137.

ского дня. Так и делали более энергичные из них, но что же в результате получалось? Получалась культурно-либеральная работа, насаждение в крестьянской среде тенденций к правовому порядку, к гарантиям культурно-буржуазной государственности. Таков был, напр., результат большой деревенской работы Иванчина-Писарева: он и отошел от революции, превратился в культурного буржуа, либерального народника, в тип переходный к будущим «народным социалистам», в мещанского мелкобуржуазного социалиста.

И так случилось не с ним одним. После раскола многие отошли от революции и перешли в лагерь буржуазных либералов и радикалов. Ушел Тищенко-Титыч и стал крупным нефтепромышленником и культурным земцем. Легализовался в ноябре 1879 г. Сергей Андреев в Петербурге. Не пристали ни к Народной Воле, ни к Черному Переделу сосланные административно в Сибирь Клеменц и Мощенко [1]). Ушли и некоторые другие: супруги А., напр., давшие Народной Воле 23 тысячи рублей [2]).

В деятельности «Земли и Воли» и особенно одновременно с ней существовавшего Северного рабочего союза развилась значительно революционная пропаганда среди фабричных рабочих, основу которой положили раньше в особенности чайковцы и лавристы. Но она все еще не стала не только первостепенной, но даже и самодовлеющей, рассматривалась большею частью только как подсобная для пропаганды в крестьянстве. Только Северный рабочий союз здесь пошел дальше, вступил на новый путь.

И в сущности терроризм и политическая борьба народовольцев были ближайшими соседками слева мирно-культурному и конституционному либерализму. Верно сказано, что «народовольцы были народниками, изверившимися в народ», пришедшими к выводу, что народ собственными силами ничего не может сделать, главное — революционеры [3]). Недаром либералы так сочувствовали и теперь сочувствуют народовольчеству: тут сказывается близость, сродство психологии и даже классовой подкладки: и в том и в другом слу-

---

[1]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 202—203.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 137.

[3]) Плеханов, Неудачная история партии Народной Воли: «Совр. Мир» за 1912 г., май, стр. 163.

чаях она была буржуазная, в одном—крупнобуржуазная, в другом—мелкобуржуазная, «разночинческая».

Чернопередельцы сделали последнее отчаянное усилие удержаться на старой народнической платформе. К Черному Переделу примкнули кроме Плеханова М. Р. Попов, Стефанович, Дейч, Аптекман, Засулич, Преображенский, Козлов, Козлова, Аксельрод, Ковальская, Шевырева, Крылова, Щедрин, Переплетчиков, Приходько-Тесленко, Пьянков, Игнатов, Егорыч, Гартман, скоро, впрочем, перешедший в Народную Волю [1]). М. Р. Попов энергично работал в Киеве среди молодежи и рабочих, но и он не только оказывал содействие народовольцам, но даже собирался перейти в их организацию, да арест помешал этому. Существовала значительная группа чернопередельцев в Москве, в Одессе работал Дейч. Плеханов действовал сначала в Харькове, потом среди рабочих в Петербурге. Егорыч, Щедрин, Аптекман также пропагандировали в рабочей среде. Деревенской работы и в «Черном Переделе» не было. Правда, Стефанович и Дейч снова по старой памяти попытались основать поселение в Чигиринском уезде, но их постигла полная неудача. В типографии Черного Передела работали Крылова, Жарков, Приходько, Пьянков и Шевырева, в редакции газеты—Плеханов и Аптекман. Приехавший в декабре Аксельрод был западником и находил чернопередельцев славянофилами. Но скоро нелегальные Дейч, Стефанович, Засулич и Плеханов должны были уехать заграницу: был арестован работавший в типографии Жарков, скоро затем освобожден, и через Клеточникова, который уж с января 1879 г. по указаниюАлександра Михайлова работал для «Земли и Воли» в департаменте полиции, чернопередельцы узнали, что Жарков — предатель. Действительно Жарков скоро выдал типографию Черного Передела, где были арестованы Крылова, Приходько и Пьянков, а 24 января 1880 г. арестован был и Аптекман, Черный Передел зачах спустя три месяца после его основания [2]).

Такова была внешняя несложная история чернопередельческой группы. Что же эта группа представляла из себя в идейном отношении? На это дают ответ выпущенные ею че-

---

[1]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 201—202.
[2]) Аптекман, Из истории революцион. народн., стр. 204—219.

тыре номера газеты «Черный Передел», главным образом статьи Плеханова.

Экономическая программа «Черного Передела» сводилась к социалистическому максимализму: «рабочий, бери фабрику, крестьянин—землю»—вот лозунг, который дал Плеханов в одной из своих передовиц [1]). В аграрном вопросе отстаивается черный передел казенных и барских земель с обычной ссылкой на идеалы Разина и Пугачева [2]). Любопытно здесь, однако, одно добавление, как будто отодвигающее перспективы не черного передела, конечно, но аграрного социализма в некоторое не очень близкое будущее: «социализация общественного труда может явиться естественным следствием обширного землевладения лишь на известном уровне сельскохозяйственной культуры» — при улучшенных орудиях, лучшей обработке почвы. Именно при этих условиях и «ставится на очередь вопрос об артельной эксплоатации мирских полей» [2]).

Характернее всего, однако, в «Черном Переделе» то, что властно выдвигается политический вопрос и требует ответа и решения. И партия ясно и точно высказывается за федерацию, особенно целесообразную в разноплеменной России [3]), обличает «шулерство Лорис-Меликова», «одряхление самодержавия» [4]), заявляет, что «мы восстаем против политической борьбы не безусловно, а ставим ее в зависимость от предварительной революционной работы в народе» [5]): это, конечно, очень уже далеко от принципиального аполитизма. Захват власти представляется заманчивым и полезным, потому что «политическая свобода важна», но малочисленность интеллигенции, несвязанность ее с массами ведет не к захвату власти, а к террору, результатом которого в лучшем случае будет выгодная для одной только буржуазии конституция. Отсюда и проистекает примат экономической революции [6]).

[1]) «Черный Передел», № 2 («Лондон, 2 сентября»); ср. Сочинения Плеханова, I, стр. 62.

[2]) № 1: статья под заглавием «Черный Передел», а также «Спб. 14 декабря; ср. Соч. Плеханова, I, стр. 43 и след., 53.

[3]) «Черный Передел», № 1; Соч. Плеханова, I, стр. 42.

[4]) «Черный Передел», № 2; Соч. Плеханова, I, стр. 54.

[5]) Статья Аптекмана: см. его «Из истории революцион. народн.», стр. 232.

[6]) Там же, стр. 233—235.

«Черный Передел» исторически важен в качестве связующего, промежуточного звена, соединяющего бывших землевольцев с марксизмом, с социал-демократией. Практическое значение эта группа в свое время имела очень небольшое. На авансцене революционной борьбы действовала в конце 70-х и начале 80-х годов, несомненно, Народная Воля, пользовавшаяся огромным сочувствием либералов, молодежи, даже многих революционных и социалистически-сознательных рабочих, к ней нередко и примыкавших и проявлявших себя активно.

Новой партии в начале ее деятельности необходимо было самоопределиться. Компромиссные решения, принятые на воронежском съезде, не могли остаться в силе. Но не вернулись и к программе и уставу, принятым было в Липецке. На квартире В. Фигнер и А. Квятковского, где происходили собрания народовольцев, был обсужден проект программы, составленный Тихомировым. Он сводился к следующему: 1) народовольцы — народники-социалисты; 2) вся земля должна быть передана крестьянской общине, 3) необходима замена самодержавия царя самодержавием народа, 4) средство для этого — государственный переворот, подготовляемый заговором, 5) промежуточное звено между ниспровержением самодержавия и народным правлением — временное правительство [1]). Захват власти партией был формулирован позднее — в особой записке, озаглавленной «Подготовительная работа партии». За этот захват высказался Желябов, а Перовская и Ланганс упрекали его за это в якобинизме. Якобинкой была кроме Желябова еще Ошанина-Оловенникова, подвергшаяся на родине, в Орле, влиянию Зайчневского, жившего там после каторги под надзором полиции. Но подавляющее большинство народовольцев высказалось против якобинизма, против декретирования, навязывания своей воли меньшинством большинству [2]).

На основании тихомировского проекта выработана и принята была программа Исполнительного Комитета. Здесь заявлялось, что новая партия — партия социалистов и народников, желающая все проводить в согласии с народной волей. Принципы ее — народное благо и народная воля. На-

1) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 142—143.
2) Там же, стр. 143—145.

род находится в экономическом и политическом рабстве: он трудится для прокормления и содержания паразитных слоев общества, впадает в физическое вырождение, отупелость, забитость, нищенство; государство создает и защищает эксплоататоров и само является крупнейшей капиталистической силой; оно — политический притеснитель народа, благодаря ему держатся мелкие хищники, оно — буржуазный нарост, держащийся только насилием — военной, полицейской и чиновничьей организацией. Народу свойственны понятия о праве его на землю, об общем и местном самоуправлении, о свободе совести и слова. Задача социалистов и народников — снять с народа гнет государства и произвести переворот для передачи власти народу. Народная воля выразится в учредительном собрании, основанном на всеобщей подаче голосов и инструкциях от избирателей. Хотя народовольцы и подчиняются во всем народной воле, но перед народом они выступают с такой программой: 1) постоянное народное представительство на основе всеобщего избирательного права с инструкциями от избирателей; 2) областное самоуправление, выборные должности, самостоятельность мира и экономическая независимость народа; 3) самостоятельность мира как экономической и административной единицы; 4) земля народу; 5) система мер для передачи фабрик народу; 6) свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации; 7) замена постоянной армии территориальной. Деятельность партии заключается, во-первых, в пропаганде и агитации — в критике существующего, пропаганде программы, в агитации с целью вызвать протест — сходки, демонстрации, петиции, адресы, отказ от уплаты податей и проч.; во-вторых, в разрушительной и террористической деятельности — уничтожении наиболее вредных лиц правительства, защите партии от шпионства, наказании за насилия и произвол — для подрыва обаяния правительственной силы, для доказательства возможности борьбы с правительством, для подъема революционного духа в народе и веры в успех, для формирования годных к бою сил; в третьих, в организации тайных обществ и сплочении их около одного центра; в четвертых, в приобретении влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе, — в народе, с целью подготовки его содействия перевороту и сознательного участия в выборах после

переворота, а также с целью защиты народных интересов; в пятых, в организации и совершении переворота, который, в виду придавленности народа, должен произойти по почину партии; в шестых, в избирательной агитации при созыве учредительного собрания [1]). К этой программе потом сделаны были такие дополнения о принципах деятельности Исполнительного Комитета: во-первых, по отношению к правительству — дозволительны все средства, ведущие к цели; во-вторых, по отношению к оппозиции: все оппозиционные элементы будут поддерживаться; в третьих, личность и имущество нейтральных лиц неприкосновенны; в четвертых, лица и общественные группы, помогающие правительству,— враги партии [2]).

Эта программа вполне подтверждает ту общую характеристику новой позиции господствующего течения в революционном движении, которая сделана выше.

В дополнение к программе принят был Устав партии Народной Воли: здесь проведены были строгая централизация и всероссийский масштаб деятельности партии; центр— Исполнительный Комитет; местные группы все силы и средства отдают в его распоряжение; пока ближайшая цель— организация заговора, дальнейшая — восстание; террор— средство обороны, агитации и организации; цареубийство— не главная цель, а только очередное проявление террора; наряду с террором необходимы пропаганда среди интеллигенции и рабочих и работа в крестьянстве; члены партии должны отдать революции все духовные силы — забыть родство, любовь и дружбу, отдать жизнь, не иметь частной собственности, отказаться от личной воли, соблюдать полную тайну, называть себя не членами, а агентами Исполнительного Комитета и при выходе из общества молчать обо всем, что знали, будучи членами [3]).

Мы должны теперь перейти к характеристике практической работы партии Народной Воли за все время ее существования.

Партия Народной Воли теоретически высоко ценила деревенскую работу среди крестьян. Но она фактически не

---

[1]) «Народная Воля» № 3; Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 333—337: Программа Народной Воли была издана и особо.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 337.

[3]) Там же, стр. 150—151.

вела ее: не было людей[1]), да и опыт прошлого, неудачный и малоплодотворный, особенно полицейские репрессии, естественно, отодвигали эту работу на второй план, сводили на нет. Впрочем, Перовская говорила впоследствии Фигнер, что желала бы вернуться к этой работе и просила принять ее в случае возобновления деревенской пропаганды[2]).

Некоторой реальностью была народовольческая пропаганда среди рабочих. Ею занимались Желябов—в Харькове, Колодкевич и Фигнер—в Одессе, Александр Михайлов—в Москве, Квятковский, Корба и др.—в Петербурге[3]). Была также работа в Саратове[4]), Ростове-на-Дону и в Казани. В Ростове-на-Дону пропаганда народовольцев в рабочей среде велась систематически, причем, собиралось несколько десятков рабочих уже в 1882—84 г.[5]). В Казани А. Н. Бах читал лекции, из которых потом составилась книга «Царь-Голод», изданная заграницей[6]). В Петербурге, в 1881 году, в рабочей организации участвовали—Желябов, Перовская, Рысаков и Гриневицкий. Собрания происходили на квартире рабочего Гаврилова и студента Подбельского. В организации участвовало 19 рабочих. Студент Нагорный в июне и июле 1881 года читал здесь рабочим Лассаля и программу Народной Воли[7]). В 1881 году издана была «Программа рабочих членов партии Народной Воли», где много было социалистического утопизма и анархизма, и между прочим отстаивалось постепенное завоевание социалистического строя путем расширения политической свободы. 15 декабря 1880 г. вышел № 1 «Рабочей Газеты» со статьями Желябова, Саблина и др., 27 января 1881 года № 2 этой газеты. Больше она не выходила[8]). Среди петербургских рабочих-народовольцев замечательны — Кирилл Ильин, Андрей Корявов, Иван Гаврилов, Алексей и Егор Скворцовы, Тихон Долбилкин и друг.[9]). В Москве, в 1881 г., рабочую группу обра-

---

[1]) Там же, стр. 151.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 150—151.

[4]) Волков, Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.: «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 176.

[5]) Богучарский, Из истории политической борьбы, стр. 137,

[6]) Там же, стр. 139—140.

[7]) Там же, стр. 141.

[8]) Там же, стр. 129, 131—132.

[9]) «Былое», № 10—11, стр. 45.

зовал Теллалов. Он вызвал также для этой цели студента Технологического института Борейшу и Крылова, крестьянина-сектанта, служившего сначала приказчиком, потом управляющим домом в Петербурге и пытавшегося обосновать социализм на евангелии. Приехал из Петербурга и рабочий-котельщик А. В. Скворцов и студент петербургского университета Л. М. Коган-Бернштейн. Из живших в Москве хотел было вступить в группу студент Старынкевич, но был арестован раньше, чем группа начала действовать. Работали в группе студенты: Дьяконов, Г., А. В. Кирхнер и учительница городской школы А. В. Орлова. В 1882 г. в группе работали также студент университета Н. Е. Лавров и нелегальные Лисовская, Калюжный, Смирницкая, Панкратьев и Чекоидзе. Весьма влиятельными среди московских рабочих членами группы были наборщик Масленников и переплетчик Логунов. К осени 1881 года пропаганда велась в 30-ти пунктах города Москвы. Калюжный сблизил группу с кружком народников, у которых тоже были распропагандированные рабочие. Читались, главным образом, легальные книги: «Пролетариат во Франции» А. Михайлова, статьи Шелгунова в «Отечественных Записках», посвященные чартизму, «Рабочий вопрос» Бехера, «Труд» Торнтона, сочинения по истории России Костомарова, Карновича, Беляева, Семевского, Мордовцева, знакомили рабочих с историей великой французской революции, теорией ценности Маркса (по рукописным конспектам), сочинением Лассаля «Труд и капитал». В июле 1881 года Телаллов уехал в Петербург и передал руководство работой Халтурину, который, впрочем, также уехал в декабре для террористической работы. В апреле 1882 года группа была ликвидирована арестами [1]).

Народовольцы имели связи и влияние в среде студенчества. Под влиянием Желябова составился в Петербурге центральный студенческий кружок. Этот кружок устроил демонстрацию на акте петербургского университета 8 февраля 1881 года: студент Подбельский нанес оскорбление действием министру народного просвещения Сабурову, а студент Коган-Бернштейн произнес речь и разбросал экземпляры прокламации, составленной при участии Желябова.

---

[1]) Волков, Народовольческая пропаганда среди московских рабочих: «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 177—182.

Целью демонстрации было возбудить политическую активность студенчества. 15 ноября 1881 года распространялся также листок с призывом студенчества к организации и борьбе за свободу. Существовал в 1882 году гектографированный журнал «Студенчество». Центральный студенческий кружок в Петербурге выпустил 18 января 1882 года прокламацию, где высказался за политическую организацию, против студенческих беспорядков по академическим вопросам.

С 1883 года возник союз московской народовольческой молодежи. В 1882 году киевская организация народовольцев приветствовала политический характер волнений киевского студенчества. Такую же точку зрения отстаивал общестуденческий союз в Москве в листке, выпущенном им во время ноябрских беспорядков 1884 года. В феврале 1884 г. образовался центральный кружок союза молодежи партии Народной Воли, доказывавший в воззвании «К юношеству», что интеллигенция — единственная сила, могущая помочь народу, но скоро этот союз распался. Студенчеством Петербурга, уже без участия Исполнительного Комитета, которого более не было, в 1884 году организовано было покушение на императора Александра III, не удавшееся вследствие предательства, причем пятеро студентов—Генералов, Осипанов, Шевырев, Александр Ульянов и Андреюшкин — были казнены, а двое — Лукашевич и Новорусский — были заключены в Шлиссельбург [1]).

Народная Воля заводила далее связи и вела революционную работу в армии и флоте. Зимой 1879—80 годов начались сношения с морскими офицерами в Кронштадте через лейтенанта Суханова и с петербургскими артиллеристами через Сергея Дегаева. Еще в 1878 году в Кронштадте существовал кружок офицеров и гардемаринов с участием Буланова, Вырубова, Лаврова и друг. Из военных высших учебных заведений к Народной Воле примкнули: Рогачев, Похитонов, Буцевич и др. На первом собрании морских офицеров у Суханова огромное впечатление произвел Желябов; на следующих, кроме Желябова, присутствовал еще Колодкевич. Суханов долгое время был противником террора и

---

1) Богучарский, Из истории политической борьбы, стр. 166—178.

окончательно примкнул к партии только осенью 1880 года. Раньше Суханова вступил в партию Штромберг.

Было решено, что военная организация должна строиться сверху и особо от партии; должен существовать центральный комитет из офицеров, подобранных Исполнительным Комитетом; цель военной организации — вооруженное восстание с подчиненными частями по указанию Исполнительного Комитета; в центральном комитете военной организации имелись два представителя Исполнительного Комитета— Желябов и Колодкевич, а Суханов входил от центрального комитета в Исполнительный. Военный центральный комитет состоял из Суханова, Штромберга и Николая Рогачева. Н. Рогачев, Похитонов и С. Дегаев основали группу артиллеристов. В группе моряков было 30 человек, в том числе, кроме Суханова и Штромберга, Серебряков, Юнг, Гласко, Прокофьев, Разумов и др. Артиллеристов было человек шесть, в том числе Папин, Николаев и др. [1]). Распропагандированных матросов считалось от 80 до 100 чел. [2]). После ареста Желябова и Колодкевича их в качестве представителей Исполнительного Комитета заменили Савелий Златопольский и Корба [3]).

Конечно, вся эта пропагандистская, агитационная и организационная работа не делала еще Народную Волю массовою партией. Но напрасно Богучарский [4]) признает правильным мнение, отстаивавшееся обвинителем в деле 1 марта Муравьевым, будто вся партия состояла из нескольких человек, входивших в Исполнительный Комитет. Уже из сказанного видно, что под непосредственным влиянием партии находились сотни рабочих, студентов, офицеров и матросов. Ее посредствующее влияние было во много раз больше [5]).

Прежде, чем перейти к фактически важнейшей террористической деятельности народовольцев, приведем список состава Исполнительного Комитета до 1 марта 1881 года. В Комитет тогда входили 28 человек: Желябов, Перовская, Морозов, Фроленко, Колодкевич, Зунделевич, А. Квятковский, М. Ошанина-Оловенникова, Александр Михайлов,

---

[1]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 176—185.

[2]) Богучарский, Из истории политической борьбы, стр. 146.

[4]) Там же, стр. 148.

[5]) Там же, стр. 42, 47—48.

[6]) Ср. Покровский, Русская история, V, стр. 246.

С. Иванова, Ширяев, Баранников, Исаев, В. Фигнер, Корба, Тихомиров, Якимова, Ланганс, Теллалов, Суханов, Лебедева, Богданович, Любатович, Златопольский, Усачев, Тригони, Н. Оловенникова и Тихомирова-Сергеева[1]). Члены комитета постепенно убывали вследствие арестов. Арестованы были: Морозов и Любатович, Александр Михайлов, Фроленко, Колодкевич и осужденные по делу 16-ти народовольцев в октябре 1880 года Квятковский, Зунделевич, Ширяев и С. Иванова; Желябов и Тригони были арестованы накануне 1 марта 1881 года. 1-го марта 1881 года оставались на свободе и действовали 18 членов Исполнительного Комитета.

Террористическая деятельность партии Народной Воли началась организацией покушений на императора Александра II при его возвращении из Крыма осенью 1879 года. В то же время в строгой тайне Комитет подготовлял взрыв Зимнего дворца; это дело было поручено особой распорядительной комиссии из трех лиц — Александра Михайлова, Тихомирова и Квятковского[2]).

Покушения при возвращении Александра II из Крыма задуманы были в трех местах. С этою целью были отправлены агенты Исполнительного Комитета в Москву, Харьков и Одессу с поручением самим составить план и представить на утверждение Комитета. В Одессу послана была с динамитом Вера Фигнер. Она приехала туда в сентябре 1879 г., сняла общую квартиру с Кибальчичем, а затем прибыли Колодкевич и Фроленко и спустя немного Лебедева. Все помогали Кибальчичу в приготовлении мины. Фигнер помогла Фроленко устроиться железнодорожным сторожем на линии в 13 верстах от Одессы, а Лебедева поселилась в будке сторожа в качестве его жены и стали подготовлять подкоп для взрыва железнодорожного полотна при проходе царского поезда. Но приехал Гольденберг взять часть динамита для Москвы, взял, повез, но дорогой был арестован, а скоро затем пришло известие, что Александр II через Одессу не поедет. Тогда подкоп под Одессой был брошен, и Фроленко и Лебедева, ближайше к нему прикосновенные, уехали.

---

[1]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 348. прим.; ср. Богучарского («Из истории политической борьбы», стр. 42 и след.), где не мало путаницы.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 152—153.

Покушение около Харькова (точнее около Александровска), где дело вели Желябов, Якимова и Окладский, не удалось: электроды были неправильно соединены, искры не дали, и взрыва не получилось. Около Москвы, где Гартман снял дом на линии под фамилией Сухорукова, а взрывом ближайшим образом ведали Перовская и Ширяев, взрыв произошел 19 ноября: шло два поезда; Перовская дала сигнал при проходе первого поезда, но Ширяев не соединил электродов, сигнал и соединение произошли при проходе второго поезда, который сошел с рельс без человеческих жертв; в нем ехала свита и прислуга[1]).

Хотя предприятие, таким образом, потерпело неудачу, но самый факт покушения произвел на современников в России и заграницей сильное впечатление.

Еще сильнее было впечатление от взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, произведенного Халтуриным. После разгрома Северного рабочего союза Халтурин, как было уже сказано, был в Москве и руководил около полугода там пропагандой среди рабочих, но правительственные репрессии окончательно толкнули его на террористический путь. Он поступил под чужим именем в столяры в Зимний дворец и, помещаясь в подвальном этаже в общей спальне для дворцовых рабочих, находившейся под кордегардией, где помещалась дворцовая стража, а еще этажем выше — царская столовая, постепенно приносил динамит и складывал его в сундук, стоявший у него в изголовье. Не раз он, производя работы во дворце, видел близко Александра II, который разговаривал с ним. 5 февраля должен был происходить в назначенный час в столовой Зимнего дворца завтрак с участием всех членов императорской фамилии по случаю приезда в Петербург принца баттенбергского. Зная об этом, расчитав время и улучив момент, когда он остался один в спальне, Халтурин зажег запал и ушел из дворца. Точно в то время, на которое назначен был завтрак, произошел взрыв. Но поезд опоздал на полчаса, задержался и завтрак. С другой стороны, динамита оказалось недостаточно, и пострадали только стража в кордегардии, и пол в столовой осел, опустился вниз[2]).

---

[1]) Фигнер, Запечатленный труд, I.

[2]) Там же, I, стр. 162—163; В подполье (Л. Тихомирова), М. 1907, стр. 166—174.

Несмотря на неудачу, впечатление от этого события было огромно. Плеханов писал из заграницы народовольцам: «остановить на себе зрачок мира разве не значит уже победить»? [1]).

В марте или апреле 1880 года в Одессу к Фигнер явились Саблин и Перовская для приготовления нового взрыва. Фигнер вынуждена была отказаться от подготовлявшегося ею убийства Панютина, правителя канцелярии одесского генерал-губернатора гр. Тотлебена, Саблин и Перовская сняли лавочку, чтобы провести подкоп под улицу, через которую предполагался проезд Александра II. Но он через Одессу не поехал [2]). Замышлялось затем, но тоже не осуществилось за отъездом Александра II покушение на него путем взрыва мины на Гороховой, под Каменным мостом [3]).

Лавров, которого мы оставили на пороге основания партии Земля и Воля, эволюционировал в своих воззрениях после того далее: он встал сначала на точку зрения Земли и Воли и прекратил издание «Вперед», а затем, с основанием Народной Воли, примкнул и к тактике террора. Теперь, в 1880 году, партия поручила ему и бежавшему заграницу Гартману, хозяину квартиры близ Москвы при взрыве 19 ноября 1879 года, не выданному Францией, вести агитацию в духе народовольческой программы: читать лекции, созывать собрания, выпускать брошюры и листки, писать журнальные статьи. Маркс прислал Исполнительному Комитету свой портрет с надписью [4]).

Еще до ареста А. Михайлова, последовавшего в октябре 1880 года, зашла речь о том, чтобы снять магазин в Петербурге и устроить из него подкоп. Потом это было осуществлено: Богданович и Якимова, под фамилией Кобозевых, сняли магазин сыров в доме Менгдена по Малой Садовой улице и начали подготовлять подкоп [5]).

В январе 1881 года партия потерпела большой урон арестованы были Колодкевич, Баранников и на квартире Баранникова Клеточников, который целый год служил в департаменте полиции, был там делопроизводителем и оказы-

---

[1]) Фигнер. Запечатленный труд. I. стр. 164.
[2]) Фигнер. Запечатленный труд, I. стр. 165—168.
[3]) Там же, I, стр. 170—171.
[4]) Там же, I, стр. 188.
[5]) Там же, стр. 189—190.

вал неоценимые услуги партии — спасал многих от ареста, спас динамитную мастерскую, открывал шпионов и предателей [1]).

В первой половине февраля 1881 года состоялось на квартире Фигнер и Исаева на Вознесенском проспекте совещание членов Исполнительного Комитета, где решено было устроить покушение через подкоп из лавки Кобозевых и вместе с тем, в дополнение к этому, путем бомбометания. Обсуждался здесь и вопрос об одновременном с этим возбуждении военного восстания, но решен в отрицательном смысле. Намечены были и бомбометатели — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов, Емельянов и кроме того в резерве на случай нужды оставался Желябов с кинжалом. 27 февраля были арестованы приехавший из Одессы Тригони на своей квартире и бывший у него Желябов. В магазине Кобозевых был произведен полицией санитарный осмотр, кончившийся, однако, благополучно [2]). Положение становилось опасным, тем более, что Гольденберг, после его ареста в ноябре 1879 года в Елисаветграде с динамитом, который он вез из Одессы в Москву, поддался на увещания жандармского офицера Судейкина, искренне [3]) поверил, что от политических убийств происходят реакция и вред для народнической пропаганды и, ожидая ужасного будущего для всего движения, решил открыть организацию и тем предупредить будущие казни и репрессии [4]). Предательство совершил и один из подсудимых по процессу 16-ти народовольцев (Квятковского, Ширяева, Преснякова и др.) Окладский [5]).

К концу февраля 1881 года благодаря Гольденбергу и Окладскому правительству было известно все, оно «почти держало в своих руках главных вождей партии» [6]). Медлить было нельзя: все грозило полным развалом.

---

[1]) Фигнер. Запечатленный труд, I, стр. 202—205.

[2]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 202—205.

[3]) Об этом писал товарищам-подсудимым в процессе 16-ти.

[4]) Процесс 16-ти террористов, под редакцией и с примеч. В. Бурцева, стр. 86—87.

[5]) Тютчев, Судьба Ивана Окладского: «Былое», № 10—11, стр. 221 и след.

[6]) «Былое», № 10—11 (1918 г., кн. 4—5), стр. 13.

Между тем, еще 28 февраля мина из магазина Кобозевых не была заложена, и ни один из четырех снарядов не был готов. На собрании этого числа, состоявшем из Фигнер, Исаева, Перовской, Корбы, Суханова, Грачевского, Фроленко, Лебедевой, было решено и мину, и снаряды изготовить к 1 марта. Исаев отправился в магазин Кобозевых заложить мину, Суханов, Кибальчич и Грачевский остались на квартире Фигнер и Исаева, где происходило собрание, чтобы изготовить снаряды. Они должны были работать с 5-ти часов вечера всю ночь. Перовская легла отдохнуть. Фигнер помогала работе над снарядами и в 2 часа ночи также легла. В 7 часов утра, 1 марта, два снаряда были готовы, и их унесла Перовская на Тележную, в квартиру Саблина и Гельфман. Потом ушел Суханов, а Фигнер помогла Грачевскому и Кибальчичу наполнить две остальные жестянки гремучим студнем, и их унес на Тележную Кибальчич. В 8 часов утра, 1 марта, готовы были четыре снаряда, после 15-ти часов работы трех человек. В 10 часов утра на Тележную пришли четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов, и Перовская, которая давно вместе с Желябовым ими руководила, дала им точные указания, как действовать.

Александр II не поехал по Садовой, и взрыв из лавки Кобозевых произведен не был. Перовская правильно сообразила, что обратный путь император будет держать по набережной Екатерининского канала, быстро изменила план, поставила метальщиков на новые места и в надлежащее время подала знак платком. Первый снаряд бросил Рысаков под карету императора, разбив ее, но Александр II остался невредим. Он вышел из разбитой кареты, подошел к Рысакову, сказал: «слава богу, я уцелел». В это время Гриневицкий бросил второй снаряд, смертельно ранивший и Александра II, и самого Гриневицкого. Это было в начале 3-го часа дня 1 марта 1881 года [1]).

После этого события его участники, оставшиеся на свободе, верили, что реакция кончится, и Россия обновится, радовались, обнимались, поздравляли друг друга с будущим [2]).

---

[1]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 207—209.
[2]) Там же, стр. 210.

Несколько дней спустя, Тихомиров написал, а Михайловский слегка исправил письмо Исполнительного Комитета Александру III. Здесь указывалось, что преследования революционеров и революционных партий нецелесообразны: все дело в недовольстве народа, в стремлении России к новым общественным формам. Если политика правительства не изменится, революция будет неизбежна. Правительство должно выражать народную волю, а оно является узурпаторской шайкой, его действия не имеют ничего общего с народной волей и народными стремлениями. Правительство подчинило народ крепостному нраву, отдало его дворянству, а теперь создает вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы приводят к тому, что народ впадает во все большее рабство, все больше эксплоатируется. Закон и право покровительствуют эксплоататорам. Поэтому, у русского правительства нет нравственного влияния в народе, и цареубийство популярно. Существуют два выхода: или революция или добровольное обращение верховной власти к народу. Исполнительный Комитет советует императору выбрать второй путь во избежание жертв, которые приносит революция. Тогда Исполнительный Комитет прекратит свою деятельность, и его члены пойдут в культурную работу, будет мирная, идейная борьба. Исполнительный Комитет обращается к императору как к гражданину и честному человеку. Два условия даны историей: во-первых, общая амнистия, во-вторых, созыв представителей всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями. Но выборы должны быть свободны, поэтому депутаты должны быть от всех классов и сословий без различия и пропорционально числу жителей, никаких ограничений не должно быть ни для избирателей, ни для депутатов, должна быть свободная агитация и свободные выборы, следовательно, и свобода печати, слова, сходок и избирательных программ. Это — единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Исполнительный Комитет, безусловно, подчинится решению Народного Собрания, откажется от насильственного сопротивления правительству, им созданному. Кончалось письмо такими словами: «перед вами два пути; мы можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и со-

весть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родной страной». Письмо помечено 10-м марта 1881 года [1]).

В этом обращении к самодержцу, преемнику Александра II, поражает наивность его: безнадежно было просить существующую власть, опирающуюся на известную классовую основу, о самоликвидации; с другой стороны, как агитационное средство, письмо слишком слабо и умеренно: оно свидетельствует не о силе, а о слабости революционной партии. Объясняется все это, во-первых, тем, что народовольцы не имели достаточно ясного понятия о классовой государственности, во-вторых, они не являлись массовой партией, и в третьих, их опьянил успех среди интеллигенции: он был, действительно, опьяняющим, сыпался ряд предложений содействия [2]).

Это последнее обстоятельство было одною из важнейших причин, поведших к нарушению самых элементарных правил конспирации, — к тому, что все остались на месте, несмотря на то, что скоро догадались о предательстве Рысакова. Конечно, тут влияли и другие причины: после первой, казалось, решительной победы нельзя было оставить поле сражения; в частности, Перовская не могла уехать после ареста Желябова по личным своим чувствам к нему, — в силу «великой, первой и единственной своей любви» [3]). Но все же, главным образом, успех захватывал и увлекал: верилось в конечную победу, и чувствовалась потребность тут же на месте сделать все для ее достижения.

Тогда последовала катастрофа, произошло крушение. 19-летний, примитивный и грубый Рысаков испугался смерти и, не понимая, что ее все-таки ему не миновать, стал со 2-го марта давать искренние показания, предавать товарищей: он сказал, что получил снаряд на квартире по Тележной улице, и тем выдал Саблина и Гельфман. Прокурор, жандармы и городовые явились туда в ночь с 2 на 3 марта, Саблин, отстреливаясь, ранил трех городовых и, наконец, сам застрелился последней пулей своего револьвера; Гельф-

---

1) Там же, I, стр. 339—343.
2) Там же, I, стр. 212.
3) Степняк, Подпольная Россия, стр. 121.

ман была арестована. Утром, в 11 часов, на квартиру явился Тимофей Михайлов, попал в засаду, отстреливался, ранил городового и агента и контузил помощника пристава, но затем был арестован [1]). 3-го марта, Желябов, узнав о смерти Александра II, показал, что со времени казни Квятковского и Преснякова решено было убить его, что арест помешал ему, Желябову, участвовать в этом деле, но, что он нравственно за него ответствен [2]). Он не хотел чтобы вышел процесс, лишенный агитационного значения, и потому дал это показание [3]). Впрочем, по записке прокурора судебной палаты Плеве, Рысаков указал на Желябова как на лицо, уговорившее его участвовать в цареубийстве [4]).

Все меры предосторожности свелись лишь к тому, что ликвидировали магазин Кобозевых, и Богданович и Якимова уехали из Петербурга.

К 9 марта предварительное следствие было закончено, и составлен был обвинительный акт, но 10-го, на Невском, против памятника Екатерине II, была, по указанию шпионки, арестована Перовская, и следствие возобновилось. Рысаков выдал и ее. 17 марта арестован был на Лиговке Кибальчич, роль которого в деле 1 марта также раскрыта была Рысаковым. Через несколько часов после ареста Кибальчича на его квартире был арестован Фроленко, а потом Арончик, и Окладский открыл личность и деятельность Фроленка. 1 апреля арестован Исаев, 28 апреля Суханов [5]).

По делу 1-го марта судились Рысаков, Михайлов, Гельфман, Кибальчич, Перовская и Желябов. Обвинителем был Н. В. Муравьев, товарищ детских игр Перовской во Пскове. Процесс вели в агитационном духе, с большим чувством собственного достоинства и правоты Перовская и в особенности Желябов. Все были приговорены к смертной казни; только Гельфман, как беременной, казнь была отсрочена и заменена бессрочной каторгой, но она и ребенок скоро умерли: Гельфман—от чахотки.

---

1) «Былое», № 10—11, стр. 22, 25.
2) Там же, стр. 23.
3) Фигнер, Запечатленный труд. I.
4) «Былое», № 10—11, стр. 25.
5) «Былое», № 10—11, стр. 30, 31, 33, 41—42, 50, 64.

Цареубийство было совершено, но оно повело не к перевороту и даже не к реформам, а к реакции: исполнилось предсказание Плеханова на воронежском с'езде: ничего не будет, только Александр III заменит Александра II.

Нам остается сжато указать факты, знаменовавшие собою ликвидацию Народной Воли в 80-х годах.

3 апреля Фигнер уехала из Петербурга. Вместо нее вызван был в Петербург из Москвы Теллалов. В Исполнительном Комитете остались только Фигнер, Корба, Якимова, Богданович, Тихомиров, Теллалов, Лебедева, Златопольский, Сергеева, Тихомирова. Вновь приняты были Халтурин, Жебунев, Мартыновский, Лебедев, Романенко, Стефанович [1]). Силы были разбиты, надо было снова собирать их и строить организацию. Вопрос о цареубийстве больше ни разу не поднимался в Комитете [2]). Единственным террористическим актом, совершенным затем, в 1882 г., Исполнительным Комитетом, было убийство одесского прокурора Стрельникова Желваковым и Халтуриным, за которое оба были казнены [3]). Скоро затем или уехали заграницу, как Тихомиров с женой и другие, или были арестованы все другие члены Исполнительного Комитета, кроме Фигнер. Она поселилась в Харькове и там попыталась снова восстановить Исполнительный Комитет. Она привлекла в Комитет Спандони, Дегаева и из военной группы, бывшей на юге, Рогачева и Ашенбреннера. Перед коронацией Александра III к Фигнер в Харьков приезжал Михайловский, передавший полученное им через литератора Николадзе предложение министра двора гр. Воронцова-Дашкова Исполнительному Комитету прекратить террор до коронации: Воронцов-Дашков обещал будто бы за это полную амнистию и свободу печати и мирной пропаганды социализма. Фигнер ответила отказом, но созналась Михайловскому, что террор для партии в данный момент уже невозможен. Потом всех выдал Дегаев, ставший агентом Судейкина, а предатель Меркулов указал для ареста в 1883 году Фигнер [4]).

---

[1]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 248, прим.

[2]) Там же, I, стр. 250.

[3]) Н. Надин, Стрельниковский процесс: «Былое» за 1906 г. апрель, стр. 87 и след.

[4]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 268 и след.

В начале 1884 года в Исполнительный Комитет вступил В. Караулов и деятельно работали не вступавшие в Комитет, но фактически исполнявшие обязанности членов центра Н. Караулова, П. Ф. Якубович (известный поэт П. Я.) и Усова. После убийства Судейкина, совершившегося 13 декабря 1883 года, заграницей составился новый Исполнительный Комитет, членами которого в России были Герман Лопатин, В. Караулов, Н. Салова, В. Сухомлин; потом кооптированы Бах и С. Иванов. В 1884—85 годах, по от'езде заграницу Баха, все остальные члены Исполнительного Комитета, бывшие в России, были арестованы [1]. После того Исполнительный Комитет не возобновлялся, существовали только отдельные группы народовольцев, некоторые из которых стали потом перерождаться в группы марксистские, социал-демократические. О них удобнее говорить позднее, в другой связи.

Семидесятые годы в истории революционного движения в России представляли собою романтическую эпоху этого движения. Всякому романтизму свойствен в той или другой мере утопизм. Он окрашивает и движение 70-х годов. В народовольчестве этот утопический романтизм приобрел героический оттенок, и крушение Народной Воли приобретает поэтому особо-трагический характер. Разлетелись все иллюзии, похоронены были героические порывы. Что за люди были их носителями?

Чтобы дать на этот вопрос хотя бы некоторый частичный ответ, приведем краткие характеристики Александра Михайлова, Желябова и Перовской. Все они, как и большинство их товарищей, были крупными, яркими и сильными индивидуальностями, не находившими надлежащего приложения своих сил и энергии в тусклой действительности, и так как всем им свойственны были также горячие демократические чувства, ненависть к гнету и насилию, то им и уготован был, естественно, революционный путь.

Александр Дмитриевич Михайлов был сын землемера и дочери небогатого помещика, имевшего небольшой дом с садом на окраине уездного городка Курской губернии, Путивля. У отца его был веселый безмятежный характер, у матери любящая натура и большая сила воли. Мать

---

[1]) Богучарский, Из истории политической борьбы, стр. 45—46.

читала книги по воспитанию и много внимания уделяла воспитанию детей, не производя, впрочем, никакой ломки их жизни, предоставляя полную свободу. Детство было счастливое, проводилось в атмосфере любви и заботливости. Михайлов был особенно дружен с сестрой и всю жизнь с А. И. Баранниковым, с которым был и осужден по одному процессу. В детстве любил шалости и борьбу, любил природу; в юности был деистом. В гимназии в Новгород-Северске для чтения и бесед собирались на берегу Десны. В гимназии впервые почувствовался гнет русской жизни. В 1876 г. Михайлов полюбил в первый и единственный раз в жизни Ольгу Натансон, но она страстно любила своего мужа, Марка Натансона, и потому их отношения не пошли дальше дружбы, тем более, что и Михайлов любил и чтил Марка [1]). С тех именно пор Михайлов, подобно лермонтовскому Мцыри, «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»,—революцию [2]). Еще в пятом классе гимназии он проявил организаторские способности: устроил издание ученического журнала, кружок самообразования, тайную библиотеку; в седьмом классе устраивал протесты против учителей, организовал кружок для помощи пропагандистам и для издания популярных книг для народа; в 8-м классе читались запрещенные книги. Поступив в Технологический институт, Михайлов и там организует кружки саморазвития и помощи пропагандистам. Не был склонен видеть пользу в студенческих волнениях, но когда после беспорядков заставляли подавать прошения о приеме, не подал прошения вместе с товарищами, был выслан на родину, а оттуда уехал в Киев, где и попал в радикальную и революционную среду, познакомился с пропагандистами, бунтарями и якобинцами, но не пристал ни к одному из этих направлений, видя в них «теории» и «личные отношения», тогда как он искал солидной силы, определенной и энергической деятельности и строил планы общерусской революционной организации. В Киеве Михайлов познакомился с Давиденко, Лизогубом, Гольденбергом, Стефановичем, Чубаровым. Летом 1876 года в Петербурге

---

[1]) А. Д. Михайлов, (Материалы для биографии): «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 158—160.

[2]) Плеханов, Воспоминания об А. Д. Михайлове: Сочинения Плеханова, т. I.

был знаком с Натансонами, Мих. Поповым, Оболешевым, Адр. Михайловым. В 1877 году ходил в народ к раскольникам [1]). В «Земле и Воле» и «Народной Воле» исполнял массу организаторских функций,—был «сдержанным организатором, взвешивающим каждый свой шаг и дорожащим каждой минутой». Прилично одевался и требовал этого в интересах конспирации от товарищей. Имел квартиру, обеспечивающую все предосторожности: окна удобны для знаков о неблагополучии, толстая стена, отделяющая от других квартир и пр. Михайлов ведал в центральной организации паспортами, типографией, распространением литературы, перепиской с провинцией, финансами, по его указаниям осуществил свою деятельность Клеточников. Единственным развлечением для него были рюмка коньяку и чай с печеньем в редакции «Земли и Воли» в день выхода номера [2]). Арестован был в Петербурге, получая в фотографии заказанные карточки казненных революционеров 28 ноября 1880 г., осужден был на каторгу и умер после двухлетнего заключения в Петропавловской крепости [3]).

Андрей Иванович Желябов был сын крестьянина, учился в Новороссийском университете, откуда был за неблагонадежность исключен. В Одессе сразу отдался политике. Ходил в народ без успеха: уставал на крестьянской работе до крайности и понял, откуда происходит консерватизм деревни. Много занимался пропагандой среди рабочих в Одессе и Петербурге. Он был женат на старшей дочери одесского либерала Яхненко, но скоро разошелся с женой, хотевшей, чтобы он сделал обычную карьеру. Он был великим организатором и особенно агитатором. «Что-то театральное, аффектированное прорывалось иногда, но это было искреннее, а не деланное. Речь у него была пламенная, красивая, пластичная, она действовала заразительно на слушателей». Отличительной его чертой была жизнерадостность [4]).

Софья Львовна Перовская была правнучка последнего в XVIII в. гетмана Украины Кирилла Разумовского, внучка

---

[1]) «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 161—165.
[2]) Сочинения Плеханова, т. I, стр. 77, 83—85.
[3]) «Былое» за 1906 г., февраль, стр. 171, 175.
[4]) Фигнер, Запечатленный труд, I, стр. 214—215.

губернатора в Крыму при Александре I и дочь губернатора Петербурга при Александре II. Долго жила в Пскове. С детства в ней проявлялись чувства человечности и чести. Отец был крепостник, самодур, угнетавший мать, которую Перовская очень любила, — и отсюда произошла в Перовской ненависть к угнетателям и любовь к слабым[1]). Она рано бросила семью, ушла учиться на курсы. Была фельдшерицей и учительницей в деревне, вела пропаганду среди городских рабочих. Любила детей, была хороша собой, смешлива, одевалась просто, но любила до страсти чистоту. Обладала трезвым умом, искусством в спорах, твердостью убеждений. Не берегла себя, была руководителем, организатором и первая шла в огонь. Была человеком революционного долга и исполнительности[2]).

---

[1]) Степняк, Подпольная Россия, стр. 97, 98.
[2]) Там же, стр. 102, 109, 120, 122.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Россия с начала восьмидесятых годов XIX века до 1905 года.

I.

Народное и государственное хозяйство

Чтобы понять положение русского сельского хозяйства в последние два десятилетия XIX века и в первые пять лет XX столетия, необходимо прежде всего исследовать состояние внешнего и внутреннего рынка, главным образом, рынка хлебного. Ежегодный внешний, заграничный вывоз хлебов из России в 80-х годах равнялся 360 миллионам пудов, в 90-х 442½ милл. пудов, в 1901—1905 г.г. 609 милл. пудов[1]). Значит, за все 25 лет заграничный хлебный экспорт России вырос на 69%, а от 80-х к 90-м годам только на 23%. Причина этой разницы в темпе роста вывоза хлеба заграницу ближайшим образом заключались в том, что цены на хлеб на мировом рынке в 80-х годах падали, а с 90-х пошли на повышение; от 1880 года до начала 90-х г.г. цены на пшеницу понизились на 21,6%, а на рожь на 14%. Значит, от добавочного вывоза хлеба русские производители получили немного прибыли, но все же ее получили, убытка не было. Откуда получилось такое понижение цен,—известно: то было время мирового сельскохозяйственного кризиса, возникшего вследствие заокеанской конкуренции больше всего Америки, а также Аргентины, Австралии,

[1]) См. «Обзоры внешней торговли России» за эти годы.

Южной Африки Таким образом, этот кризис, несомненно, оказал известное задерживающее влияние на русский хлебный экспорт, однако, это влияние не следует преувеличивать: оно было, сравнительно. не так велико, как можно было бы ожидать.

И это тем более, что с 90-х годов к 1905 году хлебные цены выросли на 41,2%, а к 1909 году даже на 66%. Внешний рынок в последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. создавал, следовательно, предпосылки, благоприятные для развития сельскохозяйственного капитализма в России.

Что касается рынка внутреннего, то на нем падение цен на хлеб оказалось колоссальным. Здесь до 1896 года цена на пшеницу упала на 40,3%, а на рожь на 40,6%. С 1897 г. и на внутреннем рынке началось повышение, но медленное и незначительное, не превысившее к 1905 году 10-ти процентов. Очевидно, и в 90-е годы, не говоря уже о 80-х, русская индустрия развивалась недостаточно для потребления всего хлеба, предназначавшегося для сбыта внутри страны.

Вторая черта, характеризующая состояние внутреннего хлебного рынка в России за то же время, заключается в росте перевозки хлебов по железным дорогам с 1876 по 1902 г.г. на 99% [1]),—почти вдвое. Надо, однако, сейчас же заметить, что этот рост хлебных железнодорожных перевозок, кажущийся на первый взгляд значительным, далеко уступал в своей напряженности увеличению железнодорожного транспорта других товаров: перевозка по железным дорогам всех товаров малой скорости за то же время увеличилась на 273% [2]).

Третьей чертой было то, что с 1896 года по 1905 внутренний и внешний рынки поглощали почти все производство овса и ячменя, а от производства ржи и особенно пшеницы получались остатки, не имевшие сбыта [3]).

Наконец, в четвертых, внутренний рынок для хлебов, перевозимых по железным дорогам, был несколько важнее внешнего: в 1898—1902 годах по железным дорогам было

---

[1]) Билимович, Товарное движение на русских железных дорогах, Киев, 1902, стр. 12.

[2]) Там же.

[3]) Лященко, Очерки аграрной эволюции России, I, стр. 303.

перевезено хлеба на внешний рынок 249,2 миллиона пудов, а на рынок внутренний 264 мил. пудов).

В общем, таким образом, приходится признать значительную вялость внутреннего хлебного рынка, задержку в его расширении. Лучше становится его состояние только с 90-х годов, особенно с конца их.

Условия рынка, несомненно, представляют собою важнейшее обстоятельство, влияющее на самую организацию сельского хозяйства. Они, однако, не являются единственным влияющим в данном отношении обстоятельством. Наряду с ними имеет большое значение также аграрная политика правительства.

Первое, что обращает на себя внимание в этой политике,—это деятельность Государственного Крестьянского Земельного банка, начавшаяся в 1884—1886 годах. Несомненно, что основатель Крестьянского банка министр финансов Бунге в значительной степени понимал важность и остроту аграрного вопроса в России и в идее рассматривал Крестьянский банк, как средство помочь малоземельным крестьянам по соображениям совершенно консервативным—в интересах сохранения порядка и спокойствия. Но неустранимые и неотвратимые общественные условия делали из этого банка нечто совершенно иное, превратили его в средство для разорившихся помещиков ликвидировать свои поместья и в одно из вспомогательных средств для роста и развития богатой деревенской буржуазии.

Прежде всего, устав Крестьянского банка предоставил богатым крестьянам некоторые прямые, непосредственные преимущества перед бедными: деревенская беднота фактически могла покупать землю почти только тогда, когда она приобреталась целыми крестьянскими обществами; крестьяне-середняки, настоящие крестьяне в классовом смысле этого слова, чаще всего составляли товарищества для покупки земли; и обыкновенно только богатые крестьяне могли покупать землю в одиночку, между тем, по уставу банка при покупке земли отдельными крестьянами открывался кредит в 500 рублей на каждого, а при покупке обществами лишь до 150 р. на каждого.

) Там же, I, стр. 333.

Затем банк выдавал не все деньги, какие нужны были для покупки земли, а обыкновенно сначала лишь 75% и только потом, при изменении устава, до 90% покупной суммы, так что часть денег должна была доплачиваться самими крестьянами, что, конечно, сплошь и рядом было не под силу бедноте, во всяком случае заставляло ее попадать в лапы к ростовщикам-кулакам, которым, таким образом, в конце концов, часто и доставалась земля, даже купленная и бедными крестьянами.

Далее: платежи заемщиков Крестьянского банка были очень высоки — они простирались, считая погашение долга и проценты, до 7% в год на занятую сумму, что ставило бедных крестьян часто в полную невозможность пользоваться займом в банке. Непомерная высота этих платежей особенно ясна из сравнения с ирландским аграрным законом Уиндгэма, по которому ежегодные платежи процентов с погашением за выкупаемую фермерами у лэндлордов землю не превышали 2¾ процента.

Наконец, деятельность Крестьянского земельного банка способствовала земельной спекуляции и связанному с ней огромному и быстрому повышению цен на землю, что тоже затрудняло ее покупку наиболее малоземельными крестьянами: с 35—40 рублей, в среднем, за десятину в эпоху основания банка цены к началу XX века повысились до 100, 120, 150 руб. и более за десятину. Это дало возможность разорившимся помещикам выгодно, по высоким ценам, продавать свои имения.

Если к этому прибавить, что вскоре за Крестьянским банком учрежден был в 1885 г. еще Государственный Дворянский земельный банк, снабжавший деньгами дворян под залог их земель на льготных условиях, и что в 1895 году Крестьянскому банку разрешена была покупка за свой счет дворянских имений для последующей перепродажи крестьянам враздробь, причем покупались крупные имения по весьма выгодной для их владельцев цене,—то будет ясно, что аграрная политика русского правительства в отношении государственного поземельного кредита вся фактически направлялась в интересах землевладельческого дворянства и отчасти также—производным от этого классового задания путем—в интересах богатой крестьянской буржуазии. Следовательно, она ни в каком случае не способствовала

хотя бы частичному решению все более обострявшегося аграрного вопроса.

Мыслимо было другое средство для такого разрешения—переселение малоземельных крестьян в Сибирь и Среднюю Азию. Это переселение, возникшее стихийно среди самого крестьянства, сначала, однако, задерживалось и преследовалось властями: оно внушало землевладельцам опасение остаться без рабочих, во всяком случае, без дешевых рабочих, и нарушало чиновничий, бюрократический порядок. Но жизнь делала переселение необходимым и неустранимым, и в конце-концов пришлось оказать ему содействие. Потом это содействие стали развивать в надежде на то, что переселение притупит аграрный вопрос, ослабит его значение, успокоит наиболее нуждающихся в земле крестьян. В 1896 г. число переселенцев превысило 178 тысяч человек, в 1900 дошло до 186 слишком тысяч человек, в 1907 году даже до 427 тысяч человек. Но ежегодный прирост населения России и даже прирост земледельческого населения в губерниях, где нужда в земле была особенно велика, не покрывался числом переселенцев из этих губерний. Таким образом, и переселение не приводило к смягчению крестьянского земельного голода; самое большее, что им достигалось,—это некоторая задержка в росте крестьянской земельной нужды, уменьшение быстроты этого роста.

Нельзя, наконец, пройти молчанием третью сторону русской аграрной политики конца XIX века,—отношение к крестьянской земельной общине. Опасения «язвы пролетарства», которой думали избежать при помощи земельной общины не одни реакционеры, как мы знаем, а либералы и даже революционеры, и интересы полицейского и финансового порядка здесь сказались во всей полноте. Круговая порука в уплате податей, право мира исключать и ссылать своих членов в Сибирь, телесное наказание по приговорам волостных судов, деревенские выборные власти (старшины, старосты, сотские, десятские) с полицейскими, главным образом, обязанностями—все это было удобным и привычным административным орудием, которым правящее дворянство и бюрократия дорожили. И потому еще в Положении 19 февраля 1861 года было установлено, что раздел мирской земли в подворное владение может быть произведен по решению не простого, а квалифицированного боль-

шинства—не менее, чем двух третей всего числа членов мирского схода, а закон 14 декабря 1893 г. установил, что по уплате выкупной суммы крестьяне не становятся собственниками наделов,—земля остается мирской. Любопытно, что бюрократическое усердие в деле охраны общины приводило иногда к обратным результатам, способствовало ее разложению: закон 8 июня 1893 г., лишивший сельские сходы права производить скидку и накидку душ, т.-е. частичную переверстку земли, и установивший срочность переделов—раз в 12 лет,—несомненно имел целью укрепление общины, но об'ективно, независимо от суб'ективных заданий законодателя, он вел к ее разложению, потому что ограничивал ее права и вводил казенный шаблон, делавший мирское землевладение нечувствительным к жизненным требованиям, точнее ставивший его даже в противоречие с этими требованиями, т.-е. подрезывавший связь общины с явлениями и потребностями действительности, данного ее момента.

Таковы были главные условия—условия рынка и аграрной политики, которые необходимо учесть при характеристике самой организации сельскохозяйственного производства. Переходим к этой характеристике.

Прежде всего, здесь важное значение имеет учет среднего годичного чистого сбора, т.-е. сбора за вычетом семян для посева. Оказывается, что с 1880 г. по 1892 г. этот чистый сбор не увеличился [1]), чему, конечно, способствовали грандиозные неурожай и голод в 1891 и 1892 годах, но наряду с этим, очевидно, влияли и другие обстоятельства: мировой сельскохозяйственный кризис и технический застой в сельском хозяйстве, тесно связанный с крепостническими формами его ведения. Рост чистого сбора начинается только с 1893 г. и достигает к 1905 году 62,8% [2]), так что технические успехи становятся заметными только с 90-х годов.

Эти успехи сказались в севооборотах, как видно, с одной стороны, из распределения земель по угодьям, с другой—из распределения засеваемой площади между отдельными

---

[1]) В. Покровский, Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, стр. 7.

[2]) Там же.

видами хлебов. По угодьям земля распределялась так: в 1881 году посевная площадь занимала 60,6% всей земли, а пар и залежь вместе 39,4%, причем на пар приходилось 24,5%, а на залежь 14,9%, а в 1901 г. под посевной площадью было 64,4%, а под паром и залежью вместе 35,6% [1]); прогресс заметен, хотя и не быстрый, медленный. Распределение посевной площади между отдельными видами хлебов представляется в таком виде: в 1881 году под зерновыми хлебами было 92% всей площади, под льном и коноплей 3%, под кормовыми травами 0,9%, под картофелем 2%, под сахарной свекловицей 0,3%, остальное—под стручковыми растениями; в 1901 г. зерновые хлеба занимали уже только 89,9%, лен и конопля 2,8%, кормовые травы 1,5%, картофель 3,5%, сахарная свекловица 0,6%, остальное было под стручковыми растениями[2]). Итак: относительно увеличилась площадь под корнеплодами и кормовыми травами, т.-е. сделало успехи плодосменное и травопольное хозяйство—высшие системы сельскохозяйственной техники. Особенно большое значение усовершенствованные севообороты приобрели в Прибалтийском и Западном крае, в Польше, на Украине. В Московской губернии, по земским исследованиям, в начале XX века 20% надельной крестьянской земли перешли к травопольному хозяйству.

Этому соответствовало и увеличение потребления сельскохозяйственных машин. В 1876 г. их куплено было в русские сельскохозяйственные предприятия всего на 4 милл. руб., в 1890 на 5½ милл., в 1907 г. заграничный привоз сельскохозяйственных машин достиг в своей ценности 17 милл. р., а искусственных удобрений—2-х милл. рублей.

Наконец, число лошадей в России с 1882 г. по 1904 г. увеличилось на 8,3% [3]).

Более конкретное знакомство с организацией сельского хозяйства получается, если рассматривать ее в связи с формами и размерами землевладения.

Общие данные о распределении площади земли между разными видами владения сводятся к следующему:

---

[1]) Ден, Очерки по экономической географии, ч. I, стр. 318.
[2]) Там же, I, стр. 322.
[3]) Там же, I, стр. 332.

Годы.	Частная собственность.	Надельная земля.	Госуд. и удел. земли.	Земли учрежден. (церкви, городов и пр.).
1877[1])	24,9%	31,0%	41,8%	2,3%
1905[2])	25,8%	35,1%	36,8%	2,3%

Несомненно, что относительный рост частной земельной собственности и относительное сокращение земель государственных знаменуют собою обуржуажение землевладения в России к 1905 году. Особое положение занимает надельная земля, по закону не отчуждаемая, не подлежащая продаже и залогу. Правда, на деле, на практике отчуждение происходило и здесь: наделы можно было сдавать в аренду на долгий срок, что фактически равнялось продаже. Но все же существование юридически-неотчуждаемой надельной земли является несомненным остатком крепостного времени.

Обращаясь к подробному анализу частного личного землевладения, мы наблюдаем такое его распределение в 1905 году между сословиями: у дворян было 61,9% всего личного частного владения, у купцов и почетных граждан 15%, у крестьян 15,4% и у прочих (мещан, духовенства, иностранных подданных) 7,7% [3]). Дворянство в 1877 г. имело свыше 73-х милл. десятин[4]), а в 1905 г. у него осталось немногим более 53 милл. дес. [5]), так что оно за это время потеряло почти 20 мил. дес., свыше 27%. Если к этому прибавить, что с 1863 по 1877 г. оно лишилось еще 6 мил. 943 тыс. дес. [6]), то окажется, что за все время с реформы 19 февраля по 1905 год дворянское землевладение в России сократилось почти на 27 миллионов десятин. При этом уменьшение дворянского землевладения было наименьшим в прибалтийских (на 1,2%) и северо-западных (11,4%) губерниях, а больше всего в южных степных губерниях и в центральных черноземных [7]). Первые губернии, как скоро

---

1) Статистика поземельной собственности 1877 г.

2) Статистика землевладения 1905 г.

3) Статистика землевладения 1905 г.

4) Статистика поземельной собственности 1877 г.

5) Статистика землевладения 1905 г.

6) Лященко, Мобилизация землевладения в России и его статистика: «Русская Мысль» за 1905 г., кн. I, стр. 51.

7) Статистика землевладения 1905 г.

увидим, являются капиталистическими, вторые крепостнические. Отсюда ясен вывод: падение дворянского землевладения — один из признаков роста капиталистического хозяйства и упадка крепостнического.

Сколько земли приобрели другие классы?

Городская буржуазия имела в 1905 г. 19½ милл. дес. в личной собственности и 4½ милл. дес. в коллективной, т.-е. в собственности общества и товариществ. У крестьянства было 13½ мил. дес. в личной собственности и 11½ милл. в коллективной [1]). Всего, таким образом, первые имели 24 мил. дес., вторые 25 мил. дес. частной земельной собственности. Конечно, часть этих земель была приобретена еще при крепостном праве, другая часть после его отмены, но не из дворянских, а из казенных земель. Из дворянских земель около 16 мил.—менее 60%—достались городской буржуазии и свыше 11 мил.—более 40%—крестьянству, причем до 1880 г. сильно преобладала в покупках городская буржуазия, приобретшая тогда 5 мил. дес., тогда как крестьянство 2 мил., а после того это преобладание уменьшилось: на долю городской буржуазии пришлось свыше 10 мил. дес., а на долю крестьянства более 9 мил. [2]).

Насколько нуждались крестьяне в земле,—видно из размеров их аренды: по вычислению Карышева, они арендовали до 50 мил. десятин [3]); в этом же, приблизительно, размере определяли крестьянский земельный голод и сельскохозяйственные комитеты 1903—1904 годов.

Вся площадь личной частной собственности распределялась по размерам владения между разными его разрядами следующим образом:

Годы	Менее 50 дес.	от 51 до 100 дес.	от 101 до 1000 дес.	Свыше 1000 дес.
1877 [4])	4,6%	6,2%	18,8%	70,4%
1905 [5])	7,6%	3,8%	27,8%	60,8%

Итак, первый вывод отсюда—увеличение самого мелкого владения—ниже 50 дес.—насчет мелкого (51—100 дес.),

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) Россия в конце XIX в., изд. м-ва фин., под ред. В. И. Ковалевского, стр. 116—117.

[4]) Статистика поземельной собственности 1877 г.

[5]) Статистика землевладения 1905 г.

т.-е. разложение или падение мелкого землевладения, переход его в мельчайшее, обеднение мелкого частновладельческого хозяйства. Несомненно, это — черта свойственная процессу развития капиталистического сельского хозяйства.

Затем важен второй вывод: среднее (101—1.000 дес.) землевладение преуспевало и расширялось насчет и мелкого и крупного. Почему? Потому что, как общее правило, среднее хозяйство было более капиталистическим, чем крупное, в котором крепостнический элемент был выражен сильнее. Очевидно, в общем и целом русское капиталистическое сельское хозяйство переживало еще в изучаемое время процесс капитализации, концентрация же только должна была за ним последовать в будущем.

Впрочем, этот вывод справедлив именно только в общем и целом—для большей части территории страны. Были два района, сравнительно передовых,—именно Прибалтийский край и северо-западные губернии (литовские и белорусские). В них до 1887 г. совершалась только капитализация, размеры же хозяйств уменьшались: в прибалтийских губерниях от 1877 по 1887 г. они уменьшились в среднем на 550—600 дес., а в северо-западных на 450 дес. После 1887 г. в обоих районах началась уже и концентрация: средние размеры владений к концу века увеличились на 64%, 80%, даже 200% по разным губерниям [1]).

Огромное значение для понимания организации сельскохозяйственного производства имеет вопрос о состоянии сельскохозяйственного кредита или о залоге земли. Вопрос этот особенно важен с двух точек зрения: во-первых, его освещение дает частично материал, касающийся снабжения сельских хозяев капиталами, во-вторых, оно показывает, в какой мере в земле заинтересованы были не только землевладельцы и сельские хозяева, но и обладатели денежных капиталов.

Сравнительно небольшое значение в обоих отношениях имели операции специального мелиоративного кредита, назначенного прямо на определенные улучшения (осушение, орошение, постройки, племенный скот, специальные культуры и проч.). Этого рода кредит, оказываемый государством, был невелик и возник поздно. Вот результаты его за

---

[1]) Дояренко, Движение русского землевладения 1877—87 г.г.: «Известия Моск. Сел.-Хоз. Института» за 1899 г., кн. IV.

1897—1902 годы: в 1897—1901 годах была разрешена 281 ссуда на 1 миллион 88 тысяч 447 руб. и семи земствам открыт кредит на 150 тыс. р. В 1902 году разрешены 280 ссуд на 635.398 р. и восьми земствам открыт посреднический кредит в 234.400 руб.[1]). Как ни малы эти цифры, они имеют значение лишнего показателя капитализации сельского хозяйства, под'ема его техники.

Важнее цифры ипотечного кредита. В 1904 г. в 68 губерниях заложено было свыше 59 милл. 450 тыс. дес. или 49%, почти половина частновладельческой земли, на которую выдано более 2 миллиардов 213½ милл. руб. ссуд, составлявших почти 60% оценки этой земли[2]). Задолженность огромная, капитал значительный, дававший возможность капиталистически строить хозяйство и в то же время свидетельствующий, что в заложенной земле денежный капитал был заинтересован более, чем наполовину. Если даже взять всю землю,—и не заложенную,—то в ней он был заинтересован на 30%. Если принять во внимание, что к 1 января 1887 года всех ссуд под залог земли было выдано на сумму около 574 мил. руб.[3]), то окажется, что за 17 лет задолженность частного землевладения увеличилась на 287%—почти вчетверо.

Кроме личной частной собственности была еще частная собственность коллективная — купеческая, мещанская и крестьянская. Здесь в первую очередь обращают на себя внимание земельные владения торгово-промышленных товариществ. Их всего было 3 мил. 760 тыс. дес.; 96½% этой площади составляли владения свыше 1.000 десятин[4]): очевидно, мы здесь имеем перед собой крупное капиталистическое хозяйство. У мещан было 650 тыс. дес., у крестьян 11½ милл. дес. В этих обществах и товариществах 30—40% площади занимали владения в 1.000 и более десятин, 46—55% владения от 100 до 1.000 дес.[5]); это—товарищества зажиточных элементов города и деревни, хозяйства с капи-

---

[1]) Операции мелиоративного кредита в 1902 г.: «Вестник Финансов» за 1903 г, № 37.

[2]) Статистика долгосрочного кредита, 1904 г., вып. III, стр. II и III.

[3]) Комитет с'ездов представителей учреждений русского земельного кредита. Статистика долгосрочного кредита в России. 1898 г., вып. II, Спб. 1898, стр 10.

[4]) Статистика землевладения 1905 г.

[5]) Там же.

талистическими возможностями и тенденциями. Крестьянское надельное землевладение (не считая 15 милл. дес. казачьих земель) составляло в 1905 году площадь около 124 милл. десятин, которая распределялась между 12 миллионами крестьянских дворов, так что в среднем приходилось по 10,2 дес. на двор [1]). Более двух третей дворов (66,1%) имели каждый менее 10-ти десятин, в том числе 23,8% менее 5-ти десятин и 1,9% менее одной десятины.

Средние размеры наделов были чрезвычайно разнообразны в разных губерниях. С этой точки зрения все 50 губерний, о которых идет речь, можно разделить на три разряда: к первому принадлежат губернии с малым средним наделом — менее 10-ти десятин на двор, ко второму — губернии с средним наделом близким к общероссийскому среднему—от 10-ти до 15-ти дес. на двор; губернии, имеющие крупный надел,—свыше 15 дес.,—составляют третий разряд. Первый разряд в 1905 году составляли 33 губернии (66%), второй 5 губерний (10%), третий 12 губерний (24%). Определяя количество дворов с наделом ниже среднего погубернского надела, затем с близким к среднему погубернскому и, наконец, выше среднего погубернского, мы получам следующие соотношения:

	Относит. колич. дворов с наделом ниже среднего погубернского.	Отн. кол. дворов с наделом, близким к сред. погубернск.	Отн. кол. дворов с наделом выше средн. погубернск.
В губерниях с малым наделом	51,2%	28,8%	20,0%
В губерниях со средним наделом . .	35,5%	38,7%	25,8%
В губерниях с крупным наделом . .	49,2%	23,1%	27,7%
Во всех 50-ти губерниях	49,9%	28,3%	21,8%

Крестьяне владели надельной землей на общинном и подворном праве, причем 76,7% всех крестьянских дворов

---

[1]) Здесь и в последующем изложении все вычисления произведены, когда нет специальных ссылок, по «Статистике землевладения 1905 г.», изд. Центр. Статист. Комит.

имели в мирском или общинном владении 81,4% всей надельной земли, а 23% дворов имели в подворном владении 18,6% надельной земли.

В 1877 году средний размер надельной земли на двор равнялся 13,2 дес.[1]); следовательно, с тех пор к 1905 году он уменьшился на 3 десятины или на 22,7%. В 80-х годах XIX в. близкий к среднему погубернскому надел имело всего около 20—30% населения, 10—15% имели надел менее среднего и около 60% населения имели надел выше среднего погубернского[2]). Сопоставляя этот вывод с приведенной выше таблицей, основанной на данных 1905 года, мы видим, что процент дворов с наделом близким к среднему за 20 лет не изменился, но за то в двух других разрядах наблюдаются огромные изменения: уже не 10—15% населения, а 49,9% — половина всех дворов имели надел ниже среднего погубернского, а с наделом выше среднего погубернского оказывалось не 60% населения, а только 21,8%. Правда, в 80-х годах исчислялись средние размеры надельной земли не на двор, как в 1905 году, а на душу мужского пола, так что указанные сейчас различия должны быть несколько смягчены, но они все-таки настолько велики, что факт весьма сильного измельчания наделов не подлежит сомнению.

В связи с этим происходил процесс и обезземеления крестьянства, его пролетаризации. По данным центрального статистического комитета, относящимся к 1893 году и охватывающим 46 губерний, число безземельных крестьянских дворов доходило до 7%. Та же цифра (7,1%) получена и земскими статистическими исследованиями. Сверх того, по земским исследованиям, из числа получивших надел 10% дворов были бесхозяйные, 4,7% бездомовые; 9,4% всех домохозяев сдавали в 80-х годах свою надельную землю в аренду, и земля эта составляла 12% всей надельной земли. Наконец, безлошадных дворов, т.-е. хозяйств падающих, погибающих, считалось, по данным военно-конских переписей, 26,9% в 1882 году, 27,8% в 1888—91 годах, 32,2% в 1893—96 годах и 28,7% в 1899—

---

[1]) Статистика поземельной собственности 1877 г.

[2]) Статистический Временник Центрального Статистического Комитета, серия III, вып. 10, Спб. 1886; Лященко, Мобилизация землевладения: «Русская Мысль» за 1905 г., кн. II, стр. 5.

1900 годах. В 1905 году все крестьянское население в 50-ти губерниях Европейской России составляло 90,5 милл. человек, из которых 17 миллионов (18,7%) уже совершенно бросили сельское хозяйство, 11 милл. (12,1%) хотя и занимались сельским хозяйством, но не имели собственной земли, а на собственной земле—надельной и находившейся в их частной собственности—хозяйствовали только 62,5 миллионов человек или 69,2%. Следовательно, общее количество безземельных лиц крестьянского сословия доходило в 50-ти губерниях до 28 миллионов или до 30,8% численности этого сословия.

Нет сомнения также, что в то же время уменьшалось относительное значение общинного или мирского землевладения, а подворное владение все более распространялось. В 1877 г. 89,5% земельной площади наделов было в общинном владении и 10,5% в подворном. Соответствующие процентные отношения в 1905 году были, как нам известно, 81,4% для общинной земли и 18,6% для подворной.

Перейдем теперь к подробному изучению отдельных важных в сельскохозяйственном отношении частей страны

Здесь в 1905 г. прежде всего выделялись губернии передовые в отношении развития сельскохозяйственного капитализма—три прибалтийские — Эстляндская, Лифляндская и Курляндская. В соответствии с этим в них частная собственность преобладала над надельной землей, составляя от 52 до 75½% всей площади, причем площадь надельной земли с 1877 г. по 1905 г. сократилась на 30—40%, тем более, что надельная земля здесь, в отличие от других губерний, являлась отчуждаемой, т.-е. тоже частной собственностью. Все это весьма характерно для капитализма. Не менее характерно и то, что не только, как мы видели, личное землевладение крупное и среднее концентрировалось с 80-х годов по 1905 г., но и крестьянская надельная земля подвергалась той же концентрации: средний размер крестьянской земли на двор увеличился в Лифляндской губ. на 7,4%, а в Эстляндской даже более, чем на 24%. К этому надо прибавить, что прибалтийские губернии были странами крепкого, богатого крестьянства, проникнутого буржуазными, собственническими инстинктами: средние размеры земли на двор здесь были от 33 до 43½ дес., количество дворов с наделом ниже 10 дес. было ничтожно (0,7%, 0,9%,

7,8%), до 55% дворов и более имели надел более 40 дес. И в личном землевладении крупные хозяйства—свыше 1.000 десят.—составляли в Лифляндской губ. 70,7% всей площади, в Курляндской 89,8%, в Эстляндской 93,3%. Понятно, наконец, что в 1905 г. 85,6% всех крестьянских семей в крае оказались обезземеленными, пролетаризованными. Трудно вообще не только в России, но и где бы то ни было найти более чистый тип сельскохозяйственного капитализма.

Мы видели уже в свое время, что в отношении частного землевладения северо-западные губернии были весьма похожи на прибалтийские. Много сходного между этими районами наблюдается и в отношении крестьянской надельной земли.

Так и здесь во всех губерниях, кроме Гродненской, личная земельная собственность была более распространена, чем надельная,—не то, значит, что в остальной России. Затем число безземельных пролетариев огромно: в Гродненской и Виленской губ. оно доходит до $^2/_3$, в Ковенской и Витебской оно более или около половины, в Минской и Могилевской две пятых. Везде, наконец, шел процесс сильного измельчания наделов, предшествующий их концентрации, образованию крепкого крестьянства, а в Гродненской губ., как и в прибалтийских, совершалась уже и концентрация: средний размер надела на двор вырос с 1877 по 1905 г. на 10%. Наконец, в большинстве северо-западных губерний неудержимо разлагалось общинное землевладение: его было меньше, чем подворного, в Витебской и Виленской губ., совсем не было в Ковенской, в Гродненской и Минской сохранялись лишь последние его обломки, и даже в Могилевской, сравнительно отсталой, оно шло на убыль. Таким образом и северо-западные губернии являлись районом сельскохозяйственного капитализма, только менее развитого, чем прибалтийские.

Вся остальная Россия представляла собою в 1905 году огромную территорию, на которой сочетались в комбинациях разной степени крепостническое и капиталистическое сельское хозяйство. Не вдаваясь в подробности, отметим здесь лишь две особенности, свойственные отдельным частям этой территории. Первая состоит в том, что наибольшие тенденции в сторону буржуазных усовершенствований наблюдались как раз в промышленных губерниях или в губер-

ниях со специальными культурами. Так, мы уже отмечали, что в промышленной Московской губ. 20% надельной земли перешли уже к травопольному хозяйству. Точно также в Псковской губ., где первенствующее значение имела культура льна, в семи волостях плуг совершенно вытеснил соху, а в сорока волостях он занял положение равное с сохой.

Другая особенность—наличность района особо-развитого, преобладающего крепостнического хозяйства. Это—главным образом так-называемые центральные черноземные губернии—Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская и пр.

Остается отметить результат сельскохозяйственной деятельности изучаемой нами четверти века. Нам уже известно, как выросли цены на землю: к началу XX в. от 80-х годов они поднялись вдрое, втрое, даже вчетверо. В арендных ценах наблюдаются соответствующие явления: с половины 70-х до половины 80-х г.г. они повысились в среднем вдвое, а с 60-х в 2½ раза [1]). Надо прибавить, что, как твердо установлено в специальной литературе, фактически аренда за отработки и исполу обходилась крестьянам вдвое дороже денежной.

Все это, несомненно, обогащало землевладельцев, продававших свои земли или сдававших их в аренду, особенно, если последняя была крепостнической. Соответственно этому материально обделенными, экономически угнетенными оказывались крестьяне. И это тем более, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих повышалась гораздо меньше: плата годовым рабочим с 1890 по 1910 г. увеличилась только на 44,2%.

Одним из самых ярких признаков крайнего обеднения крестьянской массы являлась ее колоссальная недоимочность. По всем казенным сборам недоимки уже в 1891 г. достигали 79,2% годового оклада, а в 1899 г. они достигли 121.1%. Недоимки по выкупным платежам были еще более велики; в 1902 г. в Воронежской губ. они достигали 214.6% оклада, в Московской 220,4%, в Пензенской 223,7%, в Орловской 260,2%, в Рязанской 261,3%, в Тульской 274,1%, в Симбирской 332,1%, в Самарской 385%, в

---

[1]) Карышев, Крестьянские вненадельные аренды, Дерпт, 1892, особ. стр. 332.

Нижегородской 420,7%, в Оренбургской 456,5%, в Казанской 463,4% и в Уфимской губ. 507,8% годового оклада [1]). Иными словами, были губернии, где крестьяне фактически не платили выкупных платежей два слишним, три, четыре с половиной и даже пять лет.

Бюджеты крестьянского населения обследованы сколько нибудь основательно лишь по отдельным местностям: таковы исследования бюджетов Воронежской губении [2]) и Полтавской [3]). Первые, воронежские, в большинстве своем создают впечатление крайней бедности, вторые несколько лучше, но если и здесь взять среднее хозяйство, то окажется, что от земледелия получалось 63% дохода, от скотоводства 28%, от личного заработка 9%; съемка земли поглощала 20% дохода, подати 18½%, на хозяйственные расходы шло 42,4% и на личные потребности оставалось менее 20%.

Эти наблюдения, резюмирующие организацию сельского хозяйства в России за 25 лет, предшествующих революции 1905 года, ценны для нас и в другом отношении: они характеризуют покупательную способность крестьянства за это время и, следовательно, в значительной степени также емкость внутреннего рынка продуктов фабричной промышленности, индустрии. К изучению русской капиталистической индустрии за те же 25 лет мы теперь и переходим.

Капиталы вновь учреждаемых акционерных предприятий являются чрезвычайно чувствительным измерителем состояния промышленности, обычной в капиталистическом хозяйстве смены кризиса и депрессии благоприятной конъюнктурой, экономическим подъемом. Вновь учрежденные в 1880 г. акционерные предприятия имели капитал в 51 миллион руб.; позднее, до 1887 г., наблюдается кризис; капиталы вновь учреждаемых акционерных предприятий понижаются до сорока слишком, 38-ми, даже 20 милл. 600 тысяч (в 1886 г.) и 24 слишком миллионов в 1887 г. Далее два года депрессии— 46 милл. р. в год — и в 1890 г. подъем: 63 милл. 415 тыс. р. Этот подъем был прерван кризисом 1891 и 1892 годов,

---

1) Кашкаров, Финансовые итоги последнего десятилетия, Спб., 1903 г.

2) Щербина, Крестьянские бюджеты.

3) Падалка, Пять бюджетов крестьян Полтавской губ., села Демьяновки, Хорольского у., Полтава, 1903.

когда капиталы вновь основанных акционерных обществ равнялись 24 и 25 милл. р.; этот кризис находился, вероятно, в связи с колоссальным неурожаем и голодом этих годов и сопровождался депрессией двух следующих лет — 1893 и 1894, когда вновь основанные акционерные предприятия имели капитал около 60 милл. р.; далее—до 1900 года—шли годы чрезвычайного, все увеличивающегося подъема, достигшего высшей точки своего развития в 1899 г.: в 1895 г.—129 милл. 360 тыс. р., в 1896 г.—232 милл. 640 тыс. р., в 1897 г.—239 милл. 324 тыс. р., в 1898 г.—256 милл. 237 тыс. р., в 1899 г.—430 милл. 879 тыс. р. и в 1900 г.—336 милл. 833 тыс. р. [1]). Это был апогей развития русского промышленного капитализма. Затем начался опять кризис.

Таким образом, в первые 13 лет (1880—1892) все вновь основанные акционерные предприятия имели основной капитал в 523 милл. руб., а за последние семь лет (1893—1900) в 1 миллиард 410 миллионов, почти втрое более, чем за первые 13 лет. Это значит, что новые акционерные предприятия стали расти почти вшестеро быстрее за эти семь лет, чем за предыдущие 13.

Присмотримся теперь к отдельным отраслям производства, прежде всего к добыванию пищи промышленности—нефти и каменного угля.

Между началом 80-х годов и началом 90-х среднее годичное количество добытого в России каменного угля возросло более, чем на 36% — с 237 милл. пудов почти до 334, а в следующее затем десятилетие уже почти на 92% — с 324 до 769½ милл. пудов. В 1901—05 годах средняя годичная добыча равнялась 1 миллиарду 88½ милл. пудов [2]), т.-е. увеличилась еще на 43% — медленнее, чем раньше: сказалось влияние кризиса; в 1902 году добыто было даже лишь 1 миллиард 5 милл. пудов [3]).

Нефти в 1880 году добыто было всего 20 милл. пудов; 10 лет спустя — в 11¼ раз больше: 225 милл. пудов. В 1901 году около 692 милл. пудов—больше, чем втрое

---

[1]) Статистика акционерного дела в России, вып. 2-й, Харьков, 1900, стр. 18; вып. 3-й, Харьков, 1901 г., стр. 10.

[2]) Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность, стр. 24.

[3]) Там же.

более сравнительно с 1890 г.; потом началось понижение, пока, наконец, в 1905 году добыча нефти не свелась к 455 милл. пуд. [1]). Огромный рост добывания нефти объясняется потребностями не одной русской промышленности, но также и иностранной: нефть являлась одним из важнейших предметов русского вывоза заграницу.

Соотношение между тремя главными отраслями промышленности — текстильной, горной и металлической в 1897 г. выражается следующими цифрами: стоимость выработанных продуктов первой из них доходила до 946 милл. 300 тыс. р., второй почти до 396 милл. руб., третьей—свыше 310½ милл. рублей [2]).

Обращаемся к частностям, к характеристике процесса развития отдельных главных отраслей индустрии.

Выплавка чугуна между 1881 и 1891 годами возросла с 30-ти до 73-х милл. пудов, т.-е. почти в 2½ раза. В 1901 г чугуна выплавлено было уже 175 милл. пудов—в 2⅓ раза больше, чем 10 лет тому назад; последующие годы дали понижение на 10 и более процентов [3]): признак кризиса.

Стали в 1880 году выработано было всего 8,3 милл. пуд., в 1890 году — 16,2 милл. пудов—вдвое более; это—эпоха создания русской сталелитейной промышленности; в 1900 г. выработка стали достигла почти 100 милл. пудов, т.-е. увеличилась более, чем вшестеро. В 1901 году стали выработано было 136 милл. пудов, в 1902 году—133 (кризис), в 1903 г.—свыше 148 милл. пудов [4]).

Стоимость продукта в хлопчатобумажной промышленности за десятилетие с 1880 по 1890 г. увеличилась на 50%, а за следующие 10 лет еще на 60%, дойдя в 1900 г. до 470 милл. руб.

Любопытны и очень важны цифры, указывающие накопление русского и приток иностранного промышленного капитала. Оказывается, что за время с 1893 по 1904 год русских капиталов притекло в промышленность около 425 мил-

---

[1]) Ден, Положение России в мировом хозяйстве, Петроград, 1922, стр. 16.

[2]) Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год, Спб. 1900.

[3]) Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность, стр. 86.

) Там же, стр. 88.

лионов рублей, а иностранных 777 милл. рублей [1]). Таким образом, капиталы русской индустрии оказываются на 64%, почти на две трети, иностранными. Особенно велик был приток иностранных капиталов в трехлетие 1894—1900 годов; тогда их помещено было в русской промышленности на сумму в 450 милл. 700 тыс. рублей [2]).

Параллельно росту фабричной индустрии гибла кустарная промышленность: в 1895 году было 242 тыс. человек рабочих на хлопчатобумажных фабриках, а кустарей— всего 20 тысяч человек [3]).

Первостепенное значение принадлежит вопросу о капитализации и концентрации фабричного производства: здесь ключ к решению вопроса о степени высоты капиталистического развития.

Рост техники (капитализация) не подлежит сомнению. Так, в каменноугольной промышленности выработка на одного рабочего, равная в 1880 г. всего 8.600 слишком пуд. в год. увеличилась в 1903 году до 10.300 пудов [4]), т.-е. почти на 20%. Кокса добывалось в 1891 году только 25½ милл. пудов, а в 1901 году же 117 милл. пудов [5]) — в 4½ раза больше. В 1880 году на древесном топливе было выплавлено 90,8% всего русского чугуна, 8,8% было выплавлено на минеральном топливе и 0,4% на смешанном, а соответствующие цифры 1903 года 30,2% для древесного топлива, 67,7% для минерального и 2,1% для смешанного [6]); так как высшая техника в чугуноплавильном производстве связана с применением минерального топлива, то большой технический прогресс в данном случае несомненен. Далее: число доменных печей с 1881 по 1901 г. увеличилось почти на 42%, а выработка чугуна на печь с 1881 по 1903 год возросла почти на 330%, гораздо более, чем вчетверо; процент печей с холодным дутьем в 1880 году был 50% и столько же с горячим дутьем, а в 1903 г. с холодным дутьем было уже только 9% печей; а с горячим 91% [7]), стали на один бессемеровский

---

[1]) Покровский, Очерк истории русской культуры, I. стр. 176.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность, стр. 29.
[5]) Там же, стр. 56.
[6]) Там же, стр. 93.
[7]) Там же, стр. 95.

конвертер в 1886 г. вырабатывалось всего 358 тыс. пудов, а в 1902 г.—1 милл. 115 тыс. пудов—втрое больше; на одну мартеновскую печь в 1886 г добыто было стали 136 тыс. пудов, а в 1903 г.—581 тыс. пудов—более, чем вчетверо, больше [1]). Наконец, в бумагопрядильном производстве с 1890 по 1899 г. число фабрик возросло только на 65%, а продукт увеличился почти вдвое, а в бумаготкацком— число фабрик увеличилось на 42%, а производительность их на 74% [2]).

Итак, техника производства в русской капиталистической индустрии 90-х годов, несомненно, росла и росла быстро и сильно, капитализация была ярким, характерным явлением. Для того, однако, чтобы определить степень этой капитализации, необходимо прибегнуть к сравнительному методу.

И вот что тогда окажется: один русский рабочий в среднем вырабатывал 10.300 пуд. каменного угля в год в 1903 г.; в то же время один немецкий рабочий вырабатывал 15 тыс. пудов [3]), т.-е. почти на 50% больше. Кокса в России в 1901 г. было добыто 117 милл. пуд., а в Англии 600 милл. 300 тыс. пудов — впятеро больше, в Германии—870 милл. 900 тыс. пудов — в семь с половиной раз больше, в Соединенных Штатах—1 миллиард 229 милл. 800 тыс. пудов [4]), т.-е. более, чем в 10 раз больше, чем в России. Далее: чугуна на одну доменную печь в России было выработано в 1903 г. 649 тыс. пудов, а в Англии—1 милл. 550 тыс. пудов— в 2,4 раза больше, в Соединенных же Штатах даже 3 милл. 800 тыс. пудов [5]) — чуть не вшестеро больше, чем в России. Наконец, максимальная выработка стали на один бессемеровский конвертер у нас достигнута была в 1902 году и равнялась 1 милл. 115 тыс. пудов; в то же время в Англии вырабатывалось на конвертер 1 милл. 900 тыс. пудов [6]) стали, больше русского на 70%.

---

[1]) Там же, стр. 88.

[2]) Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России, Спб. 1901.

[3]) Деп. Каменноугольная и железоделательная промышленность, стр. 60.

[4]) Там же, стр. 27

[5]) Там же, стр. 93.

[6]) Там же, стр. 95.

Из сопоставления всех этих данных надо сделать тот вывод, что в начале XX века техника русской индустрии была ниже промышленной техники передовых стран мира в лучшем случае на 50—70%, чаще же всего на 100, 500, 600, 650%. Россия являлась сравнительно с передовыми капиталистическими странами мира технически чрезвычайно отсталой страной даже тогда, когда техника ее достигла высшей степени своего развития.

Только имея в виду этот бесспорный, прочно обоснованный вывод, можно правильно понять цифры, характеризующие концентрацию русской промышленности.

Цифры эти следующие [1]):

Год	Число рабочих на фабриках, где их менее 100 чел.	Число рабочих на фабриках со 100—500 р.	Число рабочих на фабриках со 500—1000 р.	Число рабочих на фабриках где свыше 1000 р.
1901	418.700 ч.	495.300 ч.	272.000 ч.	525,600 ч.
1908	402.700 »	550.600 »	286.300 »	655.200 »
Процент увеличения (+) или уменьшения (—)	— 4%	+ 11%	+ 5%	+ 25%

Таким образом, 34,6% всего числа русских рабочих работало в 1908 году на крупнейших фабриках, каждая из которых имела свыше 1.000 человек рабочих, и почти 50% работали на фабриках, где число рабочих было не ниже 500.

Концентрация, очевидно, огромная. Ее развитие кажется тем более поразительным, что подтверждается как-будто применением сравнительного метода: в Германии на фабриках с числом рабочих свыше 1.000, относительное число рабочих было не больше, чем в России, а в Бельгии число рабочих на фабриках, где их не меньше 500, составляло только 28% общего числа всех фабричных рабочих страны [2]). На этом основании как-будто можно сделать вывод, что Россия по своему промышленному развитию в на-

---

[1]) Цифры эти установлены обменом мнений между Туган-Барановским и Мигулиным в «Речи» за 1909 г., №№ 305 и 319.

[2]) Там же.

чале XX в. была не ниже таких европейских стран, как Германия, и едва-ли не выше, чем Бельгия.

Вывод этот, однако, был бы возможен лишь для того, кто страдает фетишизмом цифр. Дело в том, что так как техника русской индустрии обычно несравненно ниже техники индустрии передовых капиталистических стран мира, то и сравнивать наши фабрики с 500 и более или с 1.000 и более рабочими с соответствующими по числу рабочих фабриками немецкими или бельгийскими ни в коем случае нельзя; русские фабрики технически в несколько раз ниже, чем иностранные; поэтому, например, наши фабрики с 1.000 рабочих могут быть сравниваемы в лучшем случае с немецкими фабриками в 500 рабочих, а то и в 200 и менее. Экономическое или техническое равенство важнее равенства по числу рабочих. Мы еще увидим впоследствии, в последнем томе нашей работы, какую огромную важность имеют эти правильно проводимые сравнительно-исторические параллели.

Состояние индустриального рынка — внешнего и внутреннего — также соответствует представленной характеристике степени русского промышленно-капиталистического развития в начале XX века.

Вот цифры, касающиеся русской внешней торговли:

Годы.	Вывоз.	Ввоз.	Весь оборот.
1880	527 мил. руб.	518 мил. руб.	1.045 мил. руб.
1894	700 м. р. (+33%)	570 м. р. (+10%)	1.270 м. р. (+21.5%)
1903	793 „ „ (+13%)	630 м. р. (+11%)	1.523 м. р. (+18%).

Из этой таблицы вытекают следующие выводы: 1) в русской внешней торговле вывоз по ценности преобладал над ввозом, существовал благоприятный торговый баланс, совершенно необходимый и характерный именно для экономически отсталой страны; 2) в ней происходил несомненный, но медленный и не ускорявшийся процесс развития, что опять-таки служит признаком отсталости; подавляющее большинство европейского ввоза, надо заметить, состояло из фабрикатов и машин или вообще средств производства, чем снова подтверждается факт промышленной отсталости России; наконец, за то же говорит и общее сравнительное изучение ценности оборотов внешней торговли: в Англии

еще в 90-х годах XVIII века общий оборот внешней торговли составлял 91 милл. ф. ст. или около 910 милл. руб. золотом при населении в 20 милл. человек, так что на одного человека приходилось 45 рублей; в начале XX в. обороты внешней торговли Англии достигли 1.100 миллионов фунтов стерлингов или 11-ти миллиардов рублей при 40 миллионах человек населения, т.-е. 275 руб. на человека; в России в 1903 году, как указано в вышеприведенной таблице, обороты внешней торговли равнялись 1 миллиарду 523 милл. рублей при 150 милл. человек населения, так что приходится по 10 руб. на человека — в 4½ раза меньше, чем в Англии конца XVIII в. и в 27½ раз меньше, чем в Англии начала XX века.

Не менее характерны в том же смысле и наблюдения над внутренней торговлей. Характерной чертой ее в отношении к индустриальному сбыту являлось прежде всего обилие посредников, причем самым употребительным способом сбыта была сдача фабриками товара в кредит крупным торговым фирмам, которые распространяли его через мелких торговцев и офеней [1]). Вторая черта внутренней торговли, являющаяся тоже, как и первая, признаком значительной отсталости, — это ее ярмарочный по преимуществу характер: хотя уже существовало и развивалось коммивояжерство, но наряду с ним главную роль играли ярмарки; их в 1894 году было в России 16.600, из которых 87% являлись сельскохозяйственными торжками, 12% ярмарками среднего размера и 1%—крупными [2]).

Идя дальше в характеристике русского промышленного капитализма конца XIX и начала XX века, необходимо отметить, что он в общем и целом продолжал оставаться хищническим, малокультурным. Правда, стачечная борьба рабочих, о которой у нас еще пойдет речь особо, вызвала появление фабричного законодательства, но это законодательство было очень бледно и узко и на практике почти не сопровождалось сколько-нибудь реальными результатами.

К фабричному законодательству в России того времени относятся следующие меры: 1) закон 1 июня 1882 года о ра-

---

[1]) Мурашкинцев, Характеристика внутренней торговли: «Россия в конце XIX в.», стр. 584 и след.

[2]) Там же.

боте малолетних; 2) закон 3 июня 1885 года о воспрещении ночной работы подростков и женщин в прядильных и ткацких фабриках; 3) закон 3 июня 1886 года о найме рабочих и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих; 4) закон 24 апреля 1890 года о работе малолетних, подростков и женщин; 5) закон 2 июня 1897 года о продолжительности рабочего дня; 6) закон 2 июня 1903 года о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев на фабриках: и 7) закон 10 июня 1903 года о фабричных старостах.

В выработке этих законов рабочие, конечно, не принимали никакого участия: законы были или плодом чисто-бюрократического творчества, или вырабатывались иногда при участии представителей промышленности, т.-е. фабрикантов. Понятны были жалкие результаты такой законодательной работы.

Но этого мало: законы сверх того еще «линяли» под влиянием административных циркуляров. Так, по закону 1882 г. малолетние до 12 лет не должны были совсем приниматься на фабрики, подросткам от 12 до 15 лет запрещена была ночная работа, а дневная не должна была превышать 8 часов, причем сряду, без перерыва они должны были работать не более четырех часов. Но уже текст самого закона разрешил министрам финансов и внутренних дел временно, на 2 года, допускать на фабриках работу малолетних, начиная с 10 лет, и ночную четырехчасовую работу подростков от 12 до 15 лет. Потом в 1884 г. последовал циркуляр, разрешивший временно, на два года, дневную работу этих же подростков от 12 до 15 лет в течение шести часов без перерыва. От закона при таких условиях не осталось почти ничего.

По закону 1890 г. снова запрещена была работа малолетних до 12 лет, но положение подростков от 12 до 15 лет было хуже, чем раньше: для них установлен в тех фабриках, где работа идет 18 часов в две смены, девятичасовой рабочий день по 4½ часа сряду, в других фабриках продолжительность их работы не определялась, только сряду, без отдыха, их нельзя было заставлять работать более шести часов; наконец, во вредном для здоровья рабочих стеклянном производстве они не должны были работать ночью более 6-ти часов. Затем, вопреки закону 1885 г., разрешена была ночная работа подростков и женщин «в случаях особо уважительных при совместной работе с главами семейств».

Нужно ли прибавлять, что такую «совместную работу» к выгоде фабриканта можно было создать всегда, и что «особо уважительные случаи» также не заставляли себя ждать?

Закон 1897 г. установил воскресный и праздничный отдых рабочих. Однако, по взаимному соглашению заведующего фабрикой и рабочих разрешалось работать в воскресный день вместо будничного. Затем закон этот определил максимальный рабочий день в 11½ часов в сутки, но продолжительность сверхурочных работ не была установлена, и циркуляром, изданным в 1901 году, они были разрешены даже в воскресные дни.

Закон 1903 года об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими был полон целого ряда недостатков. Он установил пособие по день выздоровления в случае потери трудоспособности более, чем на три дня; значит, потеря на три и менее дней ничем не оплачивалась. При полной потере трудоспособности назначалась пенсия, равная максимум лишь двум третям получавшейся заработной платы, а то и меньше, смотря по степени потери. При смерти рабочего от увечья вдова его получала пенсию, равную только трети его заработка, и другие родственники по 1/6 каждый, но все вместе с вдовой не более двух третей. Притом предоставлено было право обеим сторонам по взаимному соглашению заменять пенсию единовременной выдачей, равной десятикратной годовой пенсии; не трудно понять, что на практике тут действовала воля фабриканта. Далее: по этому закону установлена была лишь индивидуальная ответственность каждого отдельного фабриканта, так что в случае его разорения или закрытия фабрики за смертью его, изувеченный рабочий и его семья оказывались необеспеченными. Наконец, ряд отраслей промышленности не подлежали действию этого закона: таковы были промышленность ремесленная, строительная, сельское хозяйство, мастерские железных дорог и казенных управлений [1]).

Бледность и урезанность наших фабричных законов XIX и первых лет XX века особенно бросается в глаза, если сравнить их с далеко несовершенными также, но все же бо-

---

[1]) Все вышеизложенное превосходно освещено М. Г. Лунцем, Сборник статей, М. 1909, стр. 1 и след., 114 и след

лее серьезными фабричными законами Англии и Германии [1]). Но если такое состояние фабричного законодательства в России свидетельствовало о сохранении русским промышленным капитализмом того времени грубо хищнического, элементарного характера, то еще более в этом смысле красноречивым и знаменательным было отсутствие права коалиции у рабочих, т.-е. свободы собраний, союзов и стачек. Применение этого права, нормальное и законное в культурно-капиталистических странах, в России каралось как уголовное преступление, а так как в этом «преступлении» усматривался политический элемент, то здесь невозбранно действовали также административные кары—тюрьма, высылка и ссылка без суда.

Прибыли капиталистов, наконец, и заработная плата рабочих служили также яркими свидетельствами существования грубо-хищнического, некультурного промышленного капитализма в России. Самые отсталые, технически жалкие предприятия давали не меньше 6% в год. Обычной прибылью являлись чистые доходы в 40% на капитал, подчас 70% и более. В 1906 г. средняя заработная плата рабочего на фабрике равнялась 167 руб. в год, минимум в южных губерниях доходил до 108 р., в северных равнялся 283 руб. В Иваново-Вознесенске взрослый мужчина зарабатывал 10—15 р. в месяц, а женщина 6—10 р. в месяц. Русский рабочий получал вдвое меньше английского и производил в 1,7 раза его менее, он производил ежегодно почти впятеро меньше американского и получал в 3¾ раза меньше его [2]). По выражению одного исследователя, наиболее высокая плата русского углекопа ниже того минимального среднего заработка, какой получали нортумберлэндские забойщики в самый неблагоприятный для них год между 1878 и 1899 годами [3]).

Этот низкий уровень оплаты труда характерен, как было сейчас указано, для организации производства как признак хищнического капитализма. Но он не менее характерен и важен еще в другом отношении — с точки зрения обмена и

---

[1]) См. о них в IX томе «Русск. ист. в ср.-ист. осв.».

[2]) По Карролю Райту: см. Железнов, Очерки политическ. экон., стр. 160.

[3]) Зотов, Соглашение и третейский суд между рабочими и предпринимателями в английской промышленности.

потребления: получая жалкие гроши, рабочие в большинстве своем и притом большинстве подавляющем отличались весьма слабой покупательной способностью. А так как и крестьянство, как нам уже известно, отличалось тою же чертой, то в результате получался крайне узкий внутренний рынок для фабрикатов, и русская индустрия страдала бледной немочью, малокровием и худосочием, развитие ее не имело достаточно прочной почвы и широких перспектив.

Картину народного хозяйства пополняет хозяйство государственное.

Рассматривая обыкновенный бюджет России, прежде всего доходный, в 1880 году, мы видели, что прямые налоги тогда составляли 30,8% государственных доходов, косвенные 60,9% и государственные имущества 8,3%. Исполнение росписи 1902 года [1]) дало такие цифры: 12% всех государственных доходов приходилось на прямые налоги, 31% на косвенные и 57% на доходы от государственных имуществ и монополий, причем в том числе 52% составляли доходы от казенной винной монополии и от казенных железных дорог. Винная монополия одна давала около 30% всех доходов. Принимая во внимание, что ее введение, хотя и мотивировалось лицемерно борьбой с народным пьянством [2]), но на самом деле вытекало из чисто-фискальных соображений—потребности увеличить государственные доходы во что бы то ни стало и невозможности дальнейшего возвышения акциза на спирт, причем казна потом постепенно повышала свой питейный доход, увеличивая цену на вино, следует признать и винную монополию с бюджетной точки зрения одним из видов косвенного обложения, так что тогда выйдет, что косвенные налоги составляли в 1902 г. 61% — относительно больше, чем в 1880 г. Следовательно, в налоговой системе за эти 22 года произошел весьма заметный регресс: относительное значение прямого обложения уменьшилось, а удельный вес обложения косвенного возрос. При свете вышеприведенных данных о состоянии народного хозяйства такая перемена в хозяйстве государственном не представляет собою чего-либо удивительного или неожидан-

---

[1]) Исполнение госуд. росписи за 1902 год: «Вестник Финансов» за 1903 г., № 42.

[2]) См., наприм., гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, т. I.

ного: грубо-хищническому, полукрепостническому народному хозяйству соответствовало такое же состояние и хозяйства государственного. Вычислено, что в 90-х годах крестьянство переплачивало на косвенных налогах до 300 милл. руб. в год [1]). Огромный рост дохода от государственных имуществ и монополий имеет еще свой особый смысл, также характерный для изучаемого двадцатипятилетия: это — признак роста государственного капитализма, капиталистически-предпринимательской деятельности государства, создавшей финансовую и экономическую централизацию, которая материально поддерживала существовавшую тогда государственную власть, являлась одним из самых существенных средств самозащиты колебавшегося старого режима.

Во всех отношениях весьма замечательны и характерны перемены в отдельных ветвях прямого обложения: этот вид обложения был более прогрессивным, более чувствительным к экономическим новшевствам и вместе с тем ясно и точно выражал меру развития этих новшевств и степень воздействия остатков крепостной старины. В 1880 г. прямое обложение было на девять десятых крепостническим, состояло из подушной подати и выкупных платежей, так что только $^1/_{10}$ прямых налогов имела буржуазный характер. Подушная подать была отменена в 1886 году, так что из крепостных налогов в 1902 году остались только выкупные платежи, которые составляли 36% всех поступлений от прямого обложения. Значит, крепостное обложение составляло тогда уже только несколько более трети всех прямых поступлений, обыкновенные прямые налоги почти на две трети стали буржуазными. Обложены были теперь специальными прямыми налогами, далекими, однако, от прогрессивно-подоходного, сельское хозяйство или, точнее, землевладение и городская недвижимость, индустрия и денежные капиталы. Поземельный налог и налог на недвижимое имущество дал в 1902 г. 22% всего прямого обложения, индустрия около 30%, денежные капиталы около 12%. В общем можно сказать, что сельское хозяйство и денежные капиталы были обложены легче, чем индустрия, т.-е. правительство щадило убежища наиболее хищнического капитализма и сильнее налегало на те отрасли хозяйства, где, правда, тоже преобладало грубое

[1]) Шванебах, Наше податное дело, Спб. 1903.

хищничество, но имелись уже некоторые ростки и зачатки культурного капитализма: так именно было в индустрии, тогда как сельское хозяйство было наполовину крепостническим, а движимые капиталы направлялись по преимуществу на спекуляцию, т.-е. также грубое хищничество.

Обращаясь к более детальному анализу обыкновенного доходного бюджета, надо прежде всего отметить в виде наиболее яркого проявления остатков старины неравномерность раскладки поземельного налога. Налог этот ложился на десятину крестьянской земли в среднем вдвое большей тяжестью, чем на десятину частновладельческой. Причина этой неравномерности, фактической сословности поземельного налога заключалась в способе его раскладки: общий оклад государственного поземельного налога и раскладка его по губерниям устанавливались в законодательном порядке, т.-е. путем утверждения предположений министра финансов государственным советом и верховной властью. В губерниях назначенные на них оклады разверстывались между уездами губернскими земскими собраниями, уездные земские собрания раскладывали налог между частными землевладельцами и крестьянскими обществами. Классовый состав земств, преобладание в них частных землевладельцев над крестьянами в конечном счете и приводил к тому, что частновладельческие земли платили вдвое меньше крестьянских.

Если взять не один поземельный налог, а все вообще казенные сборы, падавшие на землю (т.-е. и выкупные платежи), то окажется, что в 1899 г. на десятину крестьянской земли они ложились в размере 80 коп., а на десятину частновладельческой в количестве лишь 20 коп., т.-е. вчетверо легче, причем тут по отношению к частновладельческой земле взяты все сборы, и земские и страховые, а если и для крестьянской земли взять все эти сборы, то окажется что ее десятина обложена была в 1 р. 51 к., а частновладельческая в 20 к., т.-е. крестьянская земля была обложена в 7½ раз тяжелее [1]). Понятно, что в результате получилась огромная крестьянская недоимочность: в 1899 г. по одним казенным платежам в недоимке состояло 121% оклада, т.-е. фактически налоги не оплатились уже один год и около двух меся-

[1]) Боголепов, «История России XIX в.», вып. 29, стр. 25.

цев. Недоимочность по выкупным платежам достигала 420% оклада [2]), т.-е. они не платились уже 4 года и почти два месяца. Поэтому понятно, почему прямое обложение, так архаически построенное, давало мало, и относительное значение его в бюджете уменьшалось: платежные силы масс населения были страшно обременены и напряжены до последней крайности.

В высшей степени показательные результаты в смысле вскрытия классовой подкладки финансовой политики дает детальный анализ питейного дохода, получавшегося от винной монополии. Питейный акциз повышали до чрезвычайности: с 4 рублей на ведро, каким он был в 60-х годах, его довели к началу XX века до 11 руб. Но этого было мало, надо было увеличить питейный доход гораздо больше. Этим и мотивировалась монополия в государственном совете: «только путем монополии государство может извлечь из налога на спирт необходимый ему и значительно больший, чем ныне, доход». Вместе с тем имелось в виду создать покровительство и сельскохозяйственному, т.-е., по преимуществу, дворянскому, винокурению: сельскохозяйственное винокурение казна предпочитала промышленному, хотя бы спирт, полученный от сельского хозяйства, обходился ей дороже спирта, выработанного индустриальным способом. 4 июня 1890 г. был издан закон о безакцизных отчислениях спирта в пользу заводчиков, явно покровительствующий мелким сельскохозяйственным заводам в ущерб крупным промышленным. По этому закону чем меньше спирта выкуривалось на данном заводе, тем больший процент спирта получал заводчик в виде безакцизного отчисления: на первый миллион градусов выкуренного на заводе спирта заводчику отчислялось для безакцизной продажи 2%, выше—до 3 миллионов градусов—только полтора процента, свыше трех миллионов—полпроцента, а при выкурке более 12 миллионов градусов отчисление не производилось совсем. Для сельскохозяйственного винокурения этим законом были установлены, кроме того, еще дополнительные отчисления: при выкурке до полумиллиона градусов отчислялось 4%, от ½ миллиона до 1 миллиона—2%, до 3 миллионов 1½%, с 3 до 6—0,5%. Сверх того казна брала сна-

---

[2]) Кашкаров, Финансовые итоги истекшего десятилетия.

чала для целей монополии весь спирт, приготовленный на сельскохозяйственных заводах, а на промышленных забирала лишь то, чего не хватало ей за исчерпанием сельскохозяйственного производства спирта. Наконец, казна намеренно переплачивала за спирт, вырабатываемый на технически отсталых сельскохозяйственных заводах: ведро спирта обходилось на казенных винокуренных заводах в 9, даже в 5 коп., а казна платила 15—20 коп. В 1899 г. казенные цены на спирт были выше рыночных на 67%.

Из косвенных налогов обращают на себя внимание таможенные пошлины. Таможенная политика Вышнеградского и творца винной монополии Витте приняла окраску крайнего, неумеренного покровительства. Таможенные тарифы 1892 и 1903 г.г.—яркие выражения этого нигде еще до того не достигавшего таких размеров протекционизма. Несмотря на высокие ставки тарифа 1892 г., пошлины повышались и далее: с 1892 по 1901 год доходы от пошлины на чай выросли на 56%, на хлопок-сырец на 118%, на машины на 92½%, на железо на 70%, на шерсть на 190%, на железные и стальные изделия на 98%. В среднем все пошлины за то же время выросли на 76% [1]). В Англии пошлины составляли в начале XX века 4% цены ввозимых иностранных товаров, во Франции—8%, в Германии—14%, в Соединенных Штатах—24%, в России—42%.

Но, может быть, еще более ярким выражением хищнической, грубо-классовой финансовой политики являются сахарный акциз и сахарная нормировка. Акциз на сахар был очень высок, равнялся—38,8% предельной (высшей) продажной цены сахара. Но, кроме акциза, существовала еще нормировка, история которой весьма поучительна.

Дело началось с установления в 1885 г. вывозной премии в 80 коп. с пуда, выдававшейся каждому сахарозаводчику, вывозившему сахар заграницу. Цель здесь была та, чтобы улучшить русский торговый баланс, обеспечить возможно большее превышение ценности вывоза над ввозом. Вторым шагом к нормировке было учреждение в 1887 г. синдиката сахарозаводчиков. Но все это были пока еще первые робкие шаги. В 1887 г. цены на сахар в Киеве были максимум 2 р. 99 к. пуд. Это и вызвало образование синдиката, ко-

---

[1]) Там же, стр. 35.

торый цены повысил. Но сахарозаводчики были недовольны этим повышением, оно казалось им слишком незначительным. И в 1895 г. последовала сахарная нормировка, построенная на следующих основаниях: во-первых, ежегодно государством в законодательном порядке определяется количество сахара, которое сахарозаводчики могут выпустить на внутренний рынок с оплатой акцизом в 1 р. 75 к. с пуда; сахар, выпущенный сверх этой нормы, облагается двойным акцизом, т.-е. фактически не может продаваться, так как является слишком дорогим; во-вторых, комитет министров ежегодно определяет: 1) предельную цену сахара; 2) неприкосновенный запас для регулирования цен на сахар; если цены на рынке окажутся выше предельной цены, то министр финансов приказывает для их понижения выпустить на рынок известную часть неприкосновенного запаса, необходимую для их понижения; 3) свободные запасы на заводах для безакцизного вывоза заграницу в любом количестве. Так как вывозившийся заграницу сахар освобождался от акциза, то в этом освобождении, очевидно, скрывалась вывозная премия.

Рассматривая эту нормировку, мы наблюдаем в высшей степени характерные ее последствия. Первым из них является искусственное съужение внутреннего рынка с целью подъема цен на нем. В этом отношении государство становилось в противоречие интересам массы населения: сахар— важный и полезный продукт питания, и его вздорожание, следовательно, и уменьшение его потребления вредно отражается на здоровье населения. За то выгоду получали сахарозаводчики: государство служило их интересам и тем лишний раз обнаруживало свою классовую природу. Сахар, действительно, сильно вздорожал на внутреннем рынке вследствие нормировки: вместо 2 р. 99 к. пуд. он стал стоить 4 р. 45 к., т.-е. вздорожал на 50%. Поэтому потребление оказалось отстающим от производства: с 1895 по 1902 год производство выросло на 126%, а потребление—только на 50%. Наконец, доход казны от акциза и прибыли сахарозаводчиков весьма сильно увеличились, достигли огромных размеров: казна брала 40% цены каждого пуда сахара, а сахарозаводчики получали со своих предприятий до 70% прибыли в год. Капиталисты-хищники и их классовый, также хищнический, государственный аппарат наживались на счет массового потребителя сахара.

Таков был первый ряд последствий сахарной нормировки 1895 г. Второй категорией этих последствий явилась чрезвычайная дешевизна русского сахара заграницей: ради достижения благоприятного торгового баланса экономически и политически отсталая русская государственность освободила вывозимый заграницу русский сахар от акциза и тем сделала его дешевым и доступным не только массовому потребителю в Англии, но и английским свиньям, которых откармливали русским сахаром.

Мы покончили с обыкновенным доходным бюджетом изучаемого времени. Обратимся теперь к бюджету расходному— сначала к общей его характеристике, потом к детальному анализу.

Мы видели, что в 1880 г. феодальные старорежимные расходы на двор и церковь составляли 3,4% всего обыкновенного расходного бюджета. В 1902 г. доля этих расходов несколько понизилась—до 3,1%. Внешняя и внутренняя самозащита государственного аппарата поглощала в 1880 году 36,5% всех расходов, а в 1902 г.—32,5%. Эта самозащита требовала слишком многого, но она все же требовала относительно меньше, чем прежде. Почему?

Потому, что росли расходы на обслуживание хозяйственно-капиталистических нужд (пути сообщения, финансы, государственный контроль, государственный кредит): в 1880 г. они составляли 57,2% всех расходов, в 1903 г.—62,4%; государство становилось, хотя и медленно, все более буржуазным.

Ничтожны были попрежнему и не только не увеличивались, но даже уменьшались расходы на народное образование: в 1880 г. на это дело тратилось 2,9% расходного бюджета, в 1902 г.—только 2%.

Анализируя в подробностях расходный бюджет, надо остановиться на железнодорожном хозяйстве.

Известно, что в теории признается имеющим огромные преимущества государственное железнодорожное хозяйство перед частным: железные дороги должны быть государственными, и железнодорожное строительство должно производиться на государственные средства и распоряжением государства [1]).

---

[1]) А. И. Чупров, Железнодорожное хозяйство.

Мы видели, что в 60-х и 70-х годах железные дороги формально строили и казна и частные предприниматели, но фактически все делала казна, государство: государство добывало деньги, строило линии, давало гарантии и субсидии, в сущности, служило орудием для обогащения грюндеров, спекулянтов, вообще—хищнической буржуазии. Как дело обстояло в течение двадцатипятилетия от 1880 по 1905 г.?

За это время было сооружено 35.700 верст новых железных дорог; из них 17.900 верст на счет казны и 17.800 на счет частных железнодорожных обществ. В министерство Бунге (1881—1886 г.г.) преобладало казенное железнодорожное строительство: тогда казной было построено 3.400 верст, а частными обществами 800 верст. При Вышнеградском (1886—1892) и Витте (1892—1903) казна и частные предприниматели строили дороги почти одинаково: при Вышнеградском на казенное строительство приходилось 2.500 в., а на частные—2 000 в.; при Витте соответствующие цифры 12 тысяч и 15 тысяч верст.

Стоимость постройки железных дорог была высока, особенно с 1899 года: до этого года сооружение версты железнодорожного пути обходилось в среднем в 40 слишком тыс. руб.; в 1899—1903 г.г. 65 тыс. руб., т.-е. на 62% более. Причины этой дороговизны тесно связаны с хищнической системой капитализма. Первоначальные подрядчики выговаривали себе путем обмана, взяточничества и иных приемов того же рода столь высокие подрядные цены, что могли тотчас же, не приступая к работам, сдавать подряды во вторые и третьи руки со скидкой в 40—60%, составлявших, таким образом, их совершенно даровую, хищническую прибыль. Затем за рельсы платили очень дорого: в 1903 г.—1 р. 23 к. за пуд, в 1904 г.—1 р. 17 к., в 1905 г.—1 р. 12 к., тогда как заводы с прибылью для себя могли их изготовлять самое большее—по 92 к. с пуда, а то и меньше: по 89, 85, 79 и даже 78 коп. за пуд. Это было одним из уродливых проявлений протекционизма. Далее: подрядчикам часто давались огромные суммы за неисполненные работы: были случаи, когда подрядчик работ выполнил всего на 316 тыс. руб., а получил 491 тысячу, так что перебор составлял 174 тыс.; другой подрядчик исполнил работ на 1 миллион 956 тыс. руб., а получил 3 милл. 165 тыс. руб.,—на 1 милл. 209 тыс. более, чем следовало. Затем инженеры получали огромные жалованья

и, сверх того, еще специальные выдачи за якобы особые работы и т. д. За землю, наконец, под линии железных дорог платились огромные суммы: один землевладелец просил 200 рублей за квадратную сажень, а ему дали 1.200 р. [1]).

Частные железные дороги выкупались казной. Всего их было выкуплено за 25 лет 23 тысячи верст. Но выкуп обыкновенно производился по очень высокой цене, невыгодной для казны и дававшей огромные капиталы акционерам. Для этого акционеры старались вздувать и притом непомерно поверстную стоимость выкупаемых дорог: так, вместо 108 тысяч нормальных, действительно затраченных на сооружение, брали 152 тыс. на версту, т.-е. почти 39% лишних[2]).

Эксплоатация железных дорог, две трети которых в 1904 г. были казенными, а одна треть находилась в руках частных обществ, фактически была убыточной. Правда, в 1904 г. казенные железные дороги дали около 108 милл. руб. чистой прибыли, а в 1903 г.—даже 144 милл., но проценты по займам, заключенным для их постройки, поглощали ежегодно больше 172 миллионов рублей, так что фактически получился убыток в 28 милл. в 1903 г. и в 64 милл. в 1904 г. Частные железнодорожные компании в 1901 г. выдали в дивиденд акционерам 6 милл. рублей, но на деле дороги дали убыток, а не прибыль, потому что возможность такого дивидента получилась лишь вследствие приплат казны по гарантии, достигших тогда 11½ милл. руб. Только в 1904 г. частное железнодорожное хозяйство несколько улучшилось [3]). В общем, таким образом, и железнодорожное хозяйство носило на себе печать хищничества. Лучше всего обстояло дело с тарифной железнодорожной политикой: Витте в начале 90-х годов выработал и осуществил продуманный единый и невысокий железнодорожный тариф, сильно содействовавший развитию железнодорожного движения и перевозок в России. Разумеется, и этот тариф носил на себе печать служения определенным классовым интересам. Одним из проявлений этого являлось удешевление перевозки хлеба из центральных черноземных губерний к черноморским портам, дававшее возможность этому хлебу кон-

---

[1]) Озеров, Как расходуются народные деньги в России.
[2]) Мигулин, Русский государственный кредит.
[3]) Там же.

курировать в цене с хлебом губерний, непосредственно прилегавших к берегам Черного моря.

Расходный бюджет и в других своих частях—не только в железнодорожном хозяйстве, отличался грубо-хищническим характером. Особенно это надо сказать о государственном капитализме того времени. Все почти государственные промышленные предприятия давали огромный убыток, служили фактически личной наживе, частно-капиталистическому хищничеству. Особенно сильно было хищничество при казенных постройках разного рода. Смета на постройку гинекологического института была составлена в 2½ миллиона рублей, а фактически постройка его обошлась в 3 миллиона 400 тысяч рублей, при чем некоторые расходы здесь оказались превышающими обычные цены вдвое, втрое, вшестеро и даже иногда в 10 раз. Миноноски обходились казне вдвое дороже действительной стоимости. Казенные заводы получали казенные же заказы не иначе, как уплачивая 4% их стоимости посредникам, которые умели устраивать эти заказы в морском ведомстве и министерстве путей сообщения; один такой посредник доставил заказов на 25 милл. рублей и «заработал» на этом 1 миллион. Работы по уничтожению волжских перекатов казенным способом обошлись государству в 12 раз дороже, чем предлагали их выполнить частные подрядчики-инженеры. Казенная заготовка мяса для флота обошлась в 1905 г. по 2 р. 20 к. за пуд, а Бландовы в то же время готовы были поставить и действительно поставляли по 80 коп. за пуд. Всякий казенный ремонт обходился на 50—80% дороже действительной его стоимости. В 1902 г. петербургская портовая контора купила еловые жерди по 90 к. за штуку, тогда как высшая действительная их рыночная цена равнялась 20 коп. за штуку. Земля под петербургским политехническим институтом обошлась втрое дороже рыночной ее цены в данной местности. За перевозку грузов артиллерийского ведомства переплачивалось втрое [1]).

Все вышеизложенное о государственном хозяйстве России в последние два десятилетия XIX в. и в первые годы XX столетия характеризует обыкновенный бюджет. Но, кроме того, был еще бюджет чрезвычайный, который между 1893

---

[1]) Озеров, Как расходуются народные деньги в России.

и 1903 г.г. составил около 3 миллиардов рублей, из которых только 56% были покрыты избытками обыкновенных доходов над обыкновенными расходами, а 44% новыми займами, так что дефицит только за эти 10 лет составил 1 миллиард 218 миллионов рублей, в среднем в год свыше 120 миллионов рублей [1]). Это приводит нас к изучению государственного кредита.

Сумма общего и железнодорожного долга России к 1903 г. достигла 7 миллиардов 921 миллиона рублей [2]). Выручалось по вновь заключавшимся займам в 80-х годах 89—90% номинальной их суммы, в 90-х—до 95%. Реальный процент, по государственному долгу уплачивавшийся за вырученные суммы, был в 80-х годах около 5%, а позднее—около 4%. Расход по системе государственного кредита в 1886 г. равнялся уже почти 300 миллионам рублей в год. а в 1903 г. он дошел почти до 308½ милл. руб.

Рассматривая эти цифры, мы наблюдаем целый ряд важных и в значительной мере новых явлений в системе русского государственного кредита, особенно в 90-х годах XIX века. Во-первых, долг не так сильно возрос, как можно было ожидать по опыту прошлого. Во-вторых, выручка от займов постепенно повышалась. В третьих, реальный процент понизился. И, наконец, в четвертых, расход по системе государственного кредита увеличился сравнительно немного.

Таким образом, в системе русского государственного кредита с 90-х годов наблюдается несомненное улучшение Не следует преувеличивать это улучшение, но нельзя его и отрицать. Надо его об'яснить.

Факты, ближайшим образом его об'ясняющие, заключаются, во-первых, в том, что значительная часть старых долгов была уплачена: с половины 80-х годов до 1903 года общая сумма погашенных долгов дошла до 5 миллиардов 660 миллионов рублей; во-вторых, в конверсиях, т.-е. в уменьшении процентов по долгам, производившихся со времен министерства Вышнеградского; в третьих, в том, что обыкновенный бюджет в 90-х годах сводился не только без дефицитов, но обыкновенно и с значительными остатками. Эти ближайшие, чисто финансовые, обстоятельства, при всей их важности,

---

[1]) Богол е п о в, «История России XIX в.», вып. 29, стр. 10.
[2]) Мигулин, Русский госуд. кредит, т. II.

однако, не дают еще достаточного объяснения улучшения условий и проявлений государственного кредита в 90-х годах. Чтобы во всей полноте объяснить это улучшение, надо обратить внимание на экономические условия, в каких находился должник—Россия, и какие были характерны в то время для его кредиторов, главным образом, для заграничного денежного капитала.

Франция издавна, со времен поражения Наполеона I, когда исчезла надежда на ее мировую или, по крайней мере, европейскую промышленную гегемонию, стала развивать финансовый, денежный капитализм, сделалась европейским банкиром. Задержка в развитии ее индустрии в конце XIX в. и неудачи колониальной политики обращали также капиталы французской буржуазии в область кредита. Политические соображения — стремление к реваншу после поражения 1870—71 г.г. и наличность грозной немецкой опасности — действовали в направлении поисков союзников. И в финансовом и военно-политическом отношениях Россия представляла собою подходящего контрагента с точки зрения французской буржуазии. И потому финансовая поддержка России была оказана на сравнительно льготных условиях.

Это сделать было тем легче, что в лице Вышнеградского и, особенно, Витте русский старый режим приобрел достаточно умных и ловких финансовых техников, которые, не производя никаких существенных финансовых реформ, осуществление которых, несомненно, означало бы и отступление от традиционных начал старорежимной государственности, сумели достигнуть возможного максимума фискальных выгод одними частичными поправками и поделками. Протекционизм увеличил значение русской индустрии. Повышение хлебных цен на мировом рынке с 1894 г. дало выгоды частновладельческому хозяйству и создало большой хлебный вывоз и благоприятный для России торговый баланс. Развитие государственного капитализма и экономически и политически усилило государственную власть. Наконец, была проведена Витте реформа денежного обращения, введена золотая валюта. Такова была сложная и длинная цепь условий, улучшивших русский государственный кредит, по крайней мере, на некоторое время.

Последнее из этих условий—введение золотой валюты—и является той единственной сколько-нибудь существенной

реформой, которая была проведена в 90-х годах. Она предпринята была в интересах русской капиталистической буржуазии. Но так как русская государственность продолжала оставаться в гораздо большей степени дворянско-землевладельческой, чем буржуазной, — то золотая валюта введена была непоследовательно, не явилась чисто-золотой. Денежная система в России была хромающей, отводящей значительную и довольно самостоятельную роль полновесной серебряной монете. Другим проявлением того же влияния самодержавной дворянской государственности было то, что кредитные билеты выпускались не так, как это делалось в передовых капиталистических странах запада Европы,—не эмиссионным банком, независимым от правительства, а самим правительством, которое хотело все сохранить в своих руках, не подчинять себя всецело капиталистической буржуазии в денежном обращении, как и в других сферах государственной жизни, а служить по преимуществу интересам дворянства. Дело не изменилось бы, если бы выпуск кредитных билетов был передан государственному банку, так как он всецело подчинен был министру финансов и совершенно не походил на эмиссионные заграничные банки—Английский, Французский, Германский—Имперский.

Реформа осуществлена была в соответствии с экономической и финансовой отсталостью России. Именно по этой причине введение золотой валюты сопровождалось девальвацией, понижением веса и цены нового золотого рубля сравнительно со старым, т.-е. частичным банкротством государства; государство стало платить долг свой, выраженный в бумажных деньгах, не полным рублем, а рублем, равным двум третям старого. Новый золотой рубль равнялся $66^2/_3$ коп. старого золотого рубля. По указам 1897 года установлен был именно этот новый рубль, и определено было, что первые 600 мил. р. кредитных билетов, находящихся в обращении, обеспечиваются золотым запасом наполовину, т.-е. в размере 300 милл. руб. золотом, следующие затем суммы кредитных билетов должны были быть обеспечены золотом полностью, рубль на рубль. В то время, как совершена была реформа, кредитные билеты были обеспечены золотом больше, чем требовала эта норма; их в обращении было тогда 1 миллиард 121 миллион рублей. а разменный фонд равнялся 900 миллионам рублей.

Отсталость России делала очень трудным сохранение золотой валюты. Всячески стремились сохранить благоприятный торговый баланс, но расчетный баланс сохранить было невозможно, так как русские тратили значительные суммы заграницей и, главное, приходилось платить огромные деньги в виде процентов по заграничным займам. Поэтому золото уплывало заграницу, и чтобы поддержать золотую валюту, приходилось заключать новые займы. Таким образом даже и здесь, в этой в значительной степени буржуазно-капиталистической реформе, сказалась общая экономическая отсталость России, несомненная, несмотря на все ее капиталистические успехи, которые, как мы видели выше, ни в каком случае не следует преувеличивать.

Экономическая отсталость, грубо-хищнический характер русского капитализма в 1880—1905 годах нашли себе весьма яркое выражение и в деятельности русского финансового капитала—банков и биржи. Но этот вопрос удобнее трактовать позднее, в связи с теми переменами, которые в XX веке обнаружились в европейском капитализме. Обо всем этом у нас пойдет речь уже в следующем, последнем, томе нашего труда.

II.

Верховная власть и высшее управление.

Обзор экономической и финансовой истории России с 1880 по 1905 год в достаточной мере уясняет, какие классы общества оказывались господствующими в то время. Львиная доля власти принадлежала попрежнему крупноземлевладельческому, полукрепостническому дворянству, которое лишь частично и медленно перерождалось в производственно-капиталистическую буржуазию. Средние землевладельцы—дворяне и недворяне, процесс перерождения которых в буржуазию зашел гораздо далее, были в оппозиции и, как увидим в свое время, проявляли стремление к буржуазному правовому порядку. Что касается промышленной буржуазии, то, руководящаяся инстинктом грубого хищничества, стремившаяся к обогащению во что бы то ни стало, взлелеянная доведенным до крайности протекционизмом, она в главной своей массе не испытывала гнета абсолютизма и находила в нем опору для защиты своих интересов и достижения своих целей. Она не была у власти, но и не стремилась пока к ней, являясь в то же время дополнительным к крупно-землевладельческому дворянству устоем старого порядка, под покровом которого можно было безудержно хищничать в обеих формах капитализма—частной и государственной.

При таких условиях старорежимный абсолютизм имел все данные для своего существования. Он и сохранял его все время. И в этом отношении очень любопытны и показательны судьбы официальных попыток сойти с почвы самодержавия, как бы ни были сами по себе робки и ничтожны эти попытки

и как бы ни прикрывались они верностью тому же самодержавию.

Нам уже известен проект Лорис-Меликова, составленный в самом конце царствования Александра II. 17 февраля 1881 года Александр II написал на окончательном проекте, обсужденном в особом совещании,—«исполнить». Подготовлялось правительственное сообщение о новой реформе, которое было написано товарищем министра внутренних дел Кахановым. Предполагалось проект этого сообщения представить 4 марта на обсуждение совета министров. Убийство Александра II 1 марта заставило Лорис-Меликова обратиться к Александру III с вопросом, как поступить с этим делом Первоначальный ответ Александра III был таков: «ничего не меняй в приказаниях моего отца, пусть это будет его завещанием». Но ночью того же дня император послал Лорис-Меликову приказ задержать опубликование правительственного сообщения. Затем проявилось влияние Победоносцева и Каткова, и Александр III, созвав 8 марта заседание совета министров, заявил при открытии его, что вопрос не следует считать предрешенным. Тогда дело снова стали обсуждать по существу. По словам одного из участников совещания графа Валуева в его «Дневнике», было ясно, что Александр III стоял на точке зрения Победоносцева, и было решено созвать особую комиссию для окончательного обсуждения вопроса. Чувствуя зыбкость своего положения Лорис-Меликов в особом докладе 12 апреля смягчил свой проект; он лишь часть законопроектов стал теперь относить к ведению «общей комиссии», т.-е. выборных, другая часть не должна была подлежать их компетенции, должна была проходить через чисто - бюрократический государственный совет. 21 апреля в Гатчине Александр III созвал особое совещание для обсуждения общей правительственной программы. На совещании, под председательством императора, присутствовали: Победоносцев, Лорис - Меликов, Абаза, Милютин, Николаи, великий князь Владимир и Набоков. То, что говорили Лорис - Меликов, Абаза и Милютин. очень не понравилось Александру III, и об этом своем впечатлении он написал Победоносцеву. Тогда Победоносцев стал писать проект манифеста, который был им закончен 25 апреля и представлен 26-го императору с советом, ни с кем не совещаясь, его опубликовать. Александр III при-

звал Победоносцева, имел с ним полуторачасовую беседу, одобрил проект манифеста, и он был опубликован 29 апреля 1881 года [1]). То было окончательное решение сохранить самодержавие без всяких изменений в духе лорис-меликовского проекта.

Результатом этого манифеста была отставка Лорис-Меликова, Абазы и Милютина. Военным министром был назначен Ванновский, министром финансов—Бунге, а министром внутренних дел—граф Игнатьев.

6 мая 1881 г. граф Игнатьев издал циркуляр, в котором об'явил, что правительство стоит за живое общение со страной. Во исполнение этого в 1881 г. состоялись две сессии собрания специально приглашенных правительством по его назначению сведущих людей, в числе которых было много земцев. На обсуждение сведущих людей поставлены были три вопроса—о понижении выкупных платежей, о переселении и об устройстве питейного дела. Важнее всего был первый из них, и правительство, предполагавшее понизить выкупные платежи всего на 9 миллионов, решило его согласно мнению сведущих людей, — понизило выкупные платежи на 12 милл. р. по закону 28 декабря 1881 г. [2]).

Созыв сведущих людей для совещания по законодательным вопросам является как бы прецедентом законосовещательного представительства. Граф Игнатьев действительно скоро выступил с проектом учреждения совещательного земского собора из 3000 человек. Проект этот был выработан Голохвастовым, и Александр III сначала на него согласился, но Победоносцев убедил его, что и земский собор опасен для самодержавия и явился бы зародышем конституции и парламента. Поэтому в мае 1882 года граф Игнатьев вышел в отставку, и тогда был назначен министром внутренних дел граф Д. А. Толстой. Только с этого времени вопрос о сохранении самодержавия без всяких изменений был окончательно решен. Со второй половины 80-х годов правителем канцелярии министра внутренних дел был назначен бывший алатырский (Симбирской губ.) предводитель дворянства Пазухин, ставший главным составителем реакционных законодательных актов царствования Александра III [3]).

---

[1]) «Былое», № 10—11, стр. 133—150.

[2]) Корнилов, Курс истории России в XIX в., III, стр. 273—278.

[3]) Там же, III, стр. 292 и след.

Вопрос о положении верховной власти снова возник в 1894 году, с началом нового царствования. Последовали адресы земств, вольно-экономического и других обществ, в которых заявлялось ходатайство о созыве народных представителей. Но Победоносцев попрежнему стоял на страже самодержавия и внушил Николаю II речь, в которой эти ходатайства должны были быть названы «беспочвенными мечтаниями», а Николай II ошибочно прочитал в записке «бессмысленные мечтания». Единственным признаком некоторой минимальной уступки либеральным земцам, т.-е. обуржуазившейся части землевладельческого дворянства, было то, что в 1901 г. во вновь изданном Положении государственного совета оказалась новая статья, которая отметила, что в государственный совет могут быть призываемы, по особому высочайшему повелению, сведущие люди из общества.

Сохранение самодержавия неразрывно связано было с экономическими и социальными условиями времени. Способ и результаты проведения крестьянской реформы сохранили в значительной силе крепостническое хозяйство и преобладание крупного полукрепостнического дворянства, поддерживавшегося еще более крепостническим в большинстве своем мелкопоместным дворянством. Промышленный капитализм, развившийся к концу века, имел по преимуществу грубо хищнический характер и нуждался в покровительстве самодержавной государственности. Правда, между полукрепостническим дворянством и полухищнической промышленной буржуазией была некоторая политическая разница: первое было прямо реакционно, стояло фактически за реакционную диктатуру, вторая была только консервативной. Но перевес был за первым. Притом реакционная диктатура диктовалась и общим положением дел, соотношением общественных сил, так как приходилось бороться с сильным оппозиционным и революционным движением, и потому восторжествовала именно реакционная диктатура. Прежде чем перейти к ее конкретной характеристике, необходимо присмотреться к классовой организации русского общества.

III.

Классовая организация общества.

Нам известно уже, что реформы Александра II сохранили в России сословный строй—этот важнейший социальный устой старого порядка. Однако, как ни половинчаты были эти реформы, они несомненно, как мы видели, все же создали некоторую возможность капиталистического развития. А капитализм, несмотря на покров сословности, вносил классовое разложение под этот покров, создавал новую классовую организацию общества. Социальные результаты этого важного процесса, совершавшегося с неумолимой последовательностью, несмотря на все препятствия, выразились во всероссийской переписи 1897 года. Необходимо эти результаты формулировать [1]).

Выражая результаты переписи в круглых цифрах, можно определить численность населения России без Финляндии и Польши в 1897 г. в 130 милл. человек. Это население в классовом (не сословном) отношении группировались следующим бразом:

Свыше 83-х миллионов человек обоих полов — 64% всего населения—составляли крестьяне в классовом смысле этого слова, крестьяне-середняки, имевшие собственную землю—надельную и частную—и обрабатывавшие ее, как общее правило, силами собственной семьи, без наемного труда, и крестьяне-полупролетарии.

---

[1]) Всеобщая перепись населения России 1897 года, вып. 8-й. Результаты переписи в отношении классового состава населения критически разработаны Лосицким в «Совр. Мире» за 1905 г.

22 миллиона—17%—приходилось на пролетариат разных видов, в том числе 10 милл.—на фабричных рабочих (с их семьями), 3 милл.—на транспортных и ремесленных, 3 милл.—на сельскохозяйственных рабочих или батраков, 3 милл.—на торговый пролетариат (приказчиков и конторщиков), и 3 миллиона составляла прислуга.

Остальные 25 миллионов человек приходилось на буржуазию — городскую деревенскую, крупную, среднюю и мелкую [1]). Так как всех лиц крестьянского сословия считалось 98 милл. чел., то, вычитая отсюда 83 милл. бедняков и середняков, получаем 15 милл. чел. — цифру деревенской по преимуществу буржуазии, а 10 милл. приходится на остальную часть буржуазии.

Социальный вес отдельных классовых групп определяется, конечно, не их численностью, а количеством богатств и орудий, средств и материалов производства, сосредоточиваемых ими в своих руках. Конечно, в этом отношении крупное землевладение, под которым в 1905 г. было свыше 60% территории частного землевладения, тогда как средние владельцы имели менее 28%, было сильнее среднего. Зато среднее было экономически большею частью культурнее крупного. Крупный промышленный капитал был не только сильнее количественно, но и качественно выше — культурнее среднего промышленного капитала. Промышленный рабочий, имевший в среднем годовой заработок в 167 р., будучи очень слаб сравнительно с буржуазией, как единица, имел, однако, два преимущества перед крестьянином: во-первых, он имел средний доход более, чем в 2½ раза высший, чем крестьянин, у которого этот доход тогда не превышал 64 рублей [2]), во-вторых, процесс капиталистического производства в индустрии, соединяя массы рабочих в огромных фабриках, организовал их, делал из единиц целое, тогда как крестьянское мелкое производство распыляло крестьян.

Рост капиталистической буржуазии и пролетариата—вот то новое социальное явление, которое, несмотря на все задерживающие влияния, сказалось ясно к концу XIX века.

---

[1]) Крестьянин-середняк, конечно, по своим тенденциям и психологии тоже мелкий буржуа, но с оговорками: мы эту категорию поэтому и выделили особо.

[2]) По вычислению Прокоповича.

Приведенные данные поэтому конкретно иллюстрируют необходимость реакционной диктатуры: элементы культурно-капиталистической буржуазии, все усиливающиеся, были настроены оппозиционно в отношении старого порядка; пролетариат, также умножавшийся и организовавшийся, не мог не быть революционным; крестьяне пауперы и середняки, вследствие малоземелья, черезполосицы и невыносимой податной тяготы, представляли собою горючий материал. Победоносцев, Катков, Леонтьев, Пазухин были с своей точки зрения правы, сопротивляясь хотя бы малейшей политической уступке: уступки могли быть безопасными лишь в том случае, если бы предварительно создано было зажиточное, проникнутое собственническими инстинктами, крестьянство. Реформа 19 февраля этого не сделала, и, чтобы предотвратить революцию, правящим классам оставалось одно: проводить реакционную диктатуру. Это они и делали.

IV

Реакцио ная диктатура.

Одним из важнейших и нагляднейших признаков реакционной диктатуры было то, что в течение последних 25 лет перед революцией 1905 года Россия жила при режиме усиленной охраны; недостаточным для поддержания существовавшего порядка оказался обычный жандармский аппарат бывшего 3-го отделения, превратившийся со времен Лорис-Меликова в департамент полиции министерства внутренних дел с его местными органами—жандармскими округами и управлениями. Им в помощь, вернее даже в качестве главного механизма политической полиции, выдвинуты были охранные отделения, которые, опираясь на положение об усиленной охране, под руководством департамента полиции, ввели в повседневную практику произвольные аресты и обыски, тюремные заключения и административные кары—высылки и ссылки без суда «вредных» или просто подозрительных с точки зрения реакции лиц.

Оффициальным и в значительной мере фактическим руководителем реакционной политики был министр внутренних дел граф Дмитрий Толстой. Ближайшими его помощниками являлись—правитель его канцелярии Пазухин, вырабатывавший главные законопроекты, и товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново, после смерти Толстого ставший министром. Дмитрий Толстой знал, что большинство государственного совета настроено против его политики; поэтому он сам туда редко ездил, а обыкновенно посылал туда Дурново, который таким образом замещал Дмитрия Толстого в совете и которого члены совета поэтому в насмешку прозвали

Лжедмитрием; Щедрин-Салтыков выводил Толстого в своих сатирах под именем графа Твердоонто.

В 1884 году Толстой ликвидировал один из преобразовательных проектов, доставшихся ему по наследству от лорис-меликовской эпохи,—проект всесословной волости. Этот проект разрабатывался в так-называемой кахановской комиссии, названной так потому, что председателем ее был Каханов, бывший при Лорис-Меликове товарищем министра внутренних дел. Реакционеры боялись всесословной волости, так как в ней приняла бы участие интеллигенция, и такая волость не могла бы уже служить орудием в руках реакции: в ней правосознание было бы выше. Несомненно, с своей точки зрения, они были правы. Но замечательно то, что и народнические элементы в земстве боялись всесословной волости, опасаясь подчинения в ней крестьян помещикам, как будто односословная крестьянская волость, всецело подчиненная бюрократии, была гарантирована от этого подчинения. Ошибочны были, а может быть даже и лицемерны, опасения, будто крестьянская масса подавит интеллигенцию. Несомненно, что эти опасения слева помогли Толстому расправиться с кахановским проектом; он вызвал в Петербург в 1884 г. губернаторов и дворян-реакционеров, и те отвергли проект кахановской комиссии, хотя он был далеко не демократичен: во главе волости ставился выбранный уездным земским собранием волостель, волостной сход предполагалось уничтожить, а бессословное или сословное, смотря по местным условиям, сельское общество имелось в виду связать с уездным земством непосредственно [1]).

12 июля 1889 г. проведено было Положение о земских начальниках.

Смысл этого положения в том виде, как его проектировали Пазухин и Толстой, заключался в установлении из среды местного землевладельческого дворянства, по рекомендации предводителя и с утверждения министра, должностного лица, имевшего в своем участке административную и судебную власть. Земский начальник должен был явиться некоторым подобием старого английского мирового судьи и олицетворять собою помещичье-государственную опеку над крестьянским населением. То было возрождение в новом виде, с необходи-

---

[1]) Корнилов, Курс ист. Рос. в XIX в., III, стр. 288—291.

мыми и неизбежными изменениями, прежней крепостной вотчинной юстиции и полиции.

Жизнь, однако, показала, что изменения должны были быть более существенными, чем первоначально предполагалось. По смерти Толстого, Дурново вынужден был допустить в законе, им предложенном и проведенном, назначение земских начальников не только не из местных дворян - землевладельцев, но и вообще не из дворян; правда, это было допущено лишь в виде исключения, но практически, на деле, исключение перешло в правило; среди местных дворян-землевладельцев находилось мало охотников взять на себя новую должность. В результате сюда пошли главным образом разорившиеся дворяне, деклассированный элемент, и земские начальники стали обычными чиновниками, с прибавкой большею частью грубых тенденций, свойственных общественному положению тех лиц, из которых, главным образом, рекрутировался их состав.

Административные функции земских начальников по закону 12 июля 1889 года по отношению к крестьянским учреждениям были чрезвычайно широки. Приговоры волостных и сельских сходов по целому ряду наиболее важных дел подлежали обязательному утверждению земского начальника и без такого утверждения силы не имели. Но и вообще приговоры сходов могли быть представлены земским начальником в уездные съезды к отмене и в случае, если он их считал нарушающими закон, и в том случае, если он считал их по существу вредными для общества; при этом земские начальники не были стеснены никаким сроком такого представления; жаловаться на постановления губернских присутствий и уездных съездов крестьянские сходы не имели права по закону. Волостной сход лишился и права свободного выбора волостного старшины; он выбирал лишь двух кандидатов, из которых один утверждался в качестве старшины земским начальником. Назначение жалованья старшине, волостному писарю с помощником и сельскому старосте зависеть стало также не от схода, а от постановления уездного съезда с утверждения губернского присутствия. По отношению к крестьянам земские начальники получили широкие права административной расправы; в случае неисполнения законных требований и распоряжений, земские начальники могли подвергнуть без суда аресту до 3 дней или

штрафу до шести рублей. Земские начальники имели также право временно устранить от должности волостного старшину и сельского старосту и представить в уездный съезд о совершенном их устранении от должности. Кроме того, всех должностных лиц крестьянского управления земские начальники могли подвергнуть замечаниям, выговорам, штрафу до пяти руб. и аресту до семи дней. Наконец, и выбор волостного суда стал несвободным: сельские сходы волости должны были выбирать не менее восьми кандидатов в волостные суды, а земский начальник утверждал четверых из них волостными судьями на три года, причем одного из них или волостного старшину уездный съезд назначал председателем волостного суда. Жалованье судьям назначалось уездным съездом земских начальников. И волостных судей земский начальник мог подвергать замечанию, штрафу и аресту. Приговоры волостных судов могли быть отменены, и дела вновь решены уездными съездами.

С этими широкими административными функциями земские начальники совмещали функции судебные. Мировые судьи были уничтожены везде, кроме нескольких крупных городов, в городах некрупных установлены были назначаемые правительством городские судьи, в уездах по некоторым более важным делам, подсудным мировым судьям, судить стали уездные члены окружного суда, а по мелким делам суд стали ведать земские начальники, апелляционной инстанцией на приговоры которых были уездные съезды, а кассационными судами являлись губернские присутствия. В этих постановлениях закона 12 июля 1889 г. выражалось соединение в руках одного должностного лица судебных и административных функций, и, кроме того, создано было много кассационных судов, которые, естественно, несогласно между собою установляли законные формы судопроизводства; во избежание этого кассационный суд должен быть один для всей страны, что в данном случае именно и было нарушено.

Через год после издания закона о земских начальниках, 12 июля 1890 года, последовала новая реакционная законодательная мера, выработанная тем же Пазухиным, — Положение о земских учреждениях.

Уже в составе старых уездных земских собраний, существовавших по закону 1 января 1864 г., дворяне преобладали над крестьянами: из общего числа уездных земских гласных

42,4% приходилось на дворян и чиновников, только 38,5% — на крестьян и 19,1% на прочие сословия. В губернских земских собраниях 81,5% гласных принадлежали к числу дворян и чиновников, 6,9% были крестьяне, 11,6% лица остальных сословий.

Таким образом, дворянство в земстве, особенно губернском, преобладало. Установлено [1]), что это было дворянство не крупное, а средне-землевладельческое, в очень значительной мере, даже почти целиком обуржуазившееся, проникнутое конституционными тенденциями.

Земские учреждения 1864 г. стремились увеличить свой бюджет; уже в 1871 г. в 31 губернии земские расходы превысили 20 милл. руб., в 1890 г. они достигли почти 44 милл. 123 тыс. р. [2]).

Буржуазный характер земского хозяйства давал себя знать постоянным увеличением расходов на народное образование и медицину и переводом натуральных повинностей в денежные. В начале 90-х годов земские губернии оказались вдвое лучше обеспеченными медицинской помощью, чем неземские. Расходы на народное образование на душу населения в земских губерниях были вшестеро выше, чем в неземских. Правда, эти успехи оказывались значительными лишь относительно, по сравнению с неземскими губерниями, сами же по себе они были невелики: и в земских губерниях обучались в школах менее половины детей школьного возраста [3]), не говоря уже о крайней ограниченности программ обучения.

Нам уже известно, что классовые интересы преобладавших в земстве частных землевладельцев привели к неравномерной раскладке государственного поземельного налога, производившейся земствами: крестьянская земля обложена была тяжелее частновладельческой. То же надо повторить и о земских сборах; они тяжелее ложились на крестьян, чем на частных владельцев. В общем можно признать, что тяжесть эта для крестьян была вдвое большей, чем для частных землевладельцев, а в некоторых земствах она была большей втрое и вчетверо [4]).

---

[1]) Б. Веселовский, История земства.
[2]) Там же; Цейтлин — «Ист. Росс. XIX в.», изд. бр. Гранат.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

Но при всем классовом своем характере земские учреждения 1864 г. являлись все-таки организующим центром земского либерализма, и потому реакционная диктатура не могла оставить их в прежнем положении. Ответом на эту потребность и явилась земская контр-реформа 1890 года.

В основу ее были положены прямо и откровенно сословность земского представительства и прямое подчинение земства правительству так, чтобы земство было «союзником правительства, облегчающим достижение его предначертаний в области хозяйственного управления».

Первоначальные предположения Пазухина, принятые гр. Толстым и Дурново во исполнение указанных сейчас основных начал, привели бы, в случае их проведения в жизнь, фактически к полному уничтожению земств: предполагалось создать назначенные правительством присутствия вместо выборных земских управ, дать губернатору право утверждать или не утверждать все постановления земских собраний, заполнять назначенными или присутствующими по должности лицами значительную часть земских собраний и т. д. Победоносцев предлагал даже, чтобы выбирались не гласные, а кандидаты, из которых по жребию и с утверждения губернатора намечались бы гласные. Но государственный совет все же значительно смягчил эти предположения и приблизил Земское Положение 1890 г. к Положению 1864 г.

Во исполнение принципа сословности все земские избиратели — частные землевладельцы — были разделены на два избирательных собрания: первое избирательное собрание было строго-сословным, дворянским и давало в уездные земские собрания 30-ти губерний 57,1% всех гласных, так что дворянство приобрело в земстве абсолютное большинство; второе избирательное собрание состояло из городской и сельской буржуазии и давало 13,3% уездных гласных. Крестьянские общества составляли, как и прежде, особую избирательную курию, дававшую по Положению 1890 года всего лишь 29,6% уездных гласных, причем крестьяне выбирали не гласных, а кандидатов в гласные в тройном числе сравнительно с числом гласных от крестьянских обществ, а из этих кандидатов губернатор назначал гласных.

Прямое подчинение земства правительству выразилось в целом ряде частностей земского Положения 1890 года. Губернатору дано право приостанавливать постановления

земских собраний не только по формальным основаниям, т.-е. в случае их несогласия, по его мнению, с законом, но и по существу, «если они не соответствуют общим государственным пользам и нуждам или явно нарушают интересы местного населения», причем для его протеста установлен был двухнедельный срок, и протест этот проводился губернатором через губернские по земским делам присутствия, где под председательством губернатора заседали: вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда и два представителя от земства, в числе которых одним является председатель губернской земской управы, а другим специально выбранное губернским земским собранием из своей среды лицо. В случае разногласия губернатора с присутствием вопрос решался министром внутренних дел, который возбуждал вопрос об отмене решений присутствия перед сенатом. Разногласия между губернатором и земством разрешались или губернским присутствием или комитетом министров. Но на решения присутствий земства могли жаловаться министру, который должен был представить эти жалобы в трехмесячный срок в сенат. В случае, если выборы гласных были отменены два раза или не состоялись дважды, администрация могла или продолжить полномочия старых гласных на новое трехлетие, или же назначить председателя и членов земской управы, которые в необходимых случаях заменяли земские собрания. Председатели и члены земских управ после выбора их земскими собраниями подлежали утверждению администрации, причем неутвержденные лица не могли баллотироваться вторично, а в случае вторичного неутверждения выборов председатели и члены управ могли быть назначаемы правительством. Членами губернского земского собрания по должности, без выборов, были все предводители дворянства губернии [1]).

В 1892 году было введено новое Городовое Положение, реорганизовавшее Городовое положение 1870 года по типу Положения о земских учреждениях 1890 года. Из состава избирателей в городские думы исключены были мелкие домовладельцы. Городское управление так же подчинено было администрации, как и земское.

---

[1]) Цейтлин. В. Ист. Рос. XIX в., вып. 18 и 19; Б. Веселовский. История земства.

В одном только отношении в новом устройстве земского и городского самоуправления сделан был шаг вперед: земские и городские учреждения перестали трактоваться как частные общества, они были признаны государственными учреждениями, введены были в систему публично-правовых институтов. Несомненно, этим было признано в русском государственном праве старого порядка начало, противоречащее абсолютизму: начало представительства по выборам населения.

Это противоречие чувствовалось и вызывало реакционное противодействие. В начале XX века прямо возбужден был вопрос об уничтожении губернских земств, снятый с очереди только революцией. В 1903 году был проведен закон о предельности земского обложения: земства потеряли право повышать в любом пределе свои сборы; ежегодное повышение их не могло превышать 3% оклада. Всего ярче противоречие выборного, несмотря на все ограничения, земства с самодержавно-полицейской государственностью сказалось в известной «Записке» Витте, направленной против проекта Горемыкина о распространении земских учреждений на всю Россию. В этом столкновении двух администраторов сказалось и весьма любопытное соотношение общественных сил. Реакционные вожделения не раз в истории рядились в тогу общественной самодеятельности и самоуправления. Классические тому примеры: — парламентаризм Шатобриана и chambre introuvable во Франции при Людовике XVIII и адрес московского дворянства 1865 года, где крепостники представляли самодержавному императору о необходимости созыва «выборных от всей земли», имея в виду найти в этих выборных опору для возможно большего возврата к прошлому. После издания Положения 1890 года многое изменилось: дворянская реакция, отсталые слои дворянского сословия не могли уже расчитывать на численное преобладание в центральном выборном представительстве, но они прочно встали на ноги в местном самоуправлении. И вот эти слои, преданные в центре самодержавию, которое неусыпно блюло их интересы, стали искать опоры против аграрного движения и против *социального* своего соперника — промышленной буржуазии — в земстве. Отсюда и возник проект Горемыкина о распространении земских учреждений на всю Россию с принципиально-еретической при самодер-

жавии, но в данном сочетании условий практически-целесо образной мыслью о необходимости организации «людской пыли». Витте, представитель промышленной буржуазии, державшейся еще пока за абсолютизм, категорически и резко высказался против проекта Горемыкина, заявив в своей «Записке», что земское самоуправление, практически полезное, — несовместимо с самодержавием, что оно или предшествует конституционализму, центральному представительству, или следует за последним. Проект Горемыкина не имел успеха и привел к его отставке, но и земство уничтожено не было. Его существование, как ни был уродливо-реакционен его вид, свидетельствовало только лишний раз о кризисе и разложении самодержавного режима, несмотря на всю яркость реакционной диктатуры.

От Пазухина исходили, наконец, два закона, имевших ближайшее отношение к крестьянству, закон о найме на сельскохозяйственные работы и закон о семейных разделах. Оба эти закона также чрезвычайно характерны для реакционной диктатуры. Нарушение сделки (большею частью вынужденной крепостническими условиями хозяйства) крестьянами трактовалось в первом законе как уголовное преступление, а не только гражданское правонарушение, и вело за собой административное воздействие и уголовную кару, помимо гражданской ответственности, так что крепостные традиции фактически оживали. Закон о семейных разделах имел в виду сохранение старой, свойственной крепостной эпохе, патриархальной семьи и борьбу против индивидуализма, который, несмотря на все препоны, властно проникал в деревню. Соответственно этому увеличивался авторитет старших, и открывался простор для вмешательства администрации в бытовые отношения деревни. Практически оба закона были бесплодными попытками повернуть назад колесо истории, и их применение увеличивало только болезненность той ломки, того перехода к новым отношениям, которые, хотя и с большими препятствиями и медленно, но все же совершались в деревне.

Реакционной диктатуре показались далее стеснительными и те правила о печати, которые были заимствованы с ухудшениями у режима второй империи во Франции, и 27 августа 1882 года изданы были новые «временные правила», еще более связавшие печать: ими установлено было, что приоста-

новленные после трех предостережений органы печати отдаются под предварительную цензуру, и сверх того министрам внутренних дел, просвещения, юстиции и обер-прокурору синода дано было право совместно прекращать навсегда периодические издания. То было настоящее возрождение цензурного террора.

Преследованиям стали подвергаться сектанты и иноверцы, в особенности евреи. В 1894 году запрещены были молитвенные собрания штундистов Антисемитизм имел целый ряд небывало-ярких проявлений. В 1882 г. евреям было запрещено селиться в деревнях — даже в черте оседлости Черта оседлости и по отношению к городам была с'ужена: из нее исключены в 1887 году Ростов на Дону и Таганрог; в 1891 г. евреи - ремесленники потеряли право жить в Москве. В 1887 году установлена была процентная норма для приема еврейских детей в учебные заведения. В 1889 г. издано распоряжение, по которому закрыт был евреям доступ в присяжные поверенные: евреи—помощники присяжных поверенных — должны были всю жизнь оставаться помощниками. Но—главное—правительство возбуждало и устраивало еврейские погромы, в лучшем случае потакало стихийному движению темных масс. Это было ясно давно, но теперь засвидетельствовано такими лицами, которые, сами не участвуя в этом деле, по своему административному положению были, однако, в данном отношении в достаточной мере осведомлены [1]).

Во всех изложенных выше мероприятиях реакционная диктатура пользовалась в качестве орудия, главным образом, министерством внутренних дел, причем сменившие один другого министры — граф Д. А. Толстой, И. Н. Дурново, И. Л. Горемыкин, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве, — можно сказать, соперничали друг с другом в реакционной ревности и напряженности диктаторской энергии. Но и другие ведомства проявляли такие же ревность и энергию.

Министр юстиции Н. В. Муравьев продолжал практику назначения исполняющих должность следователей, чтобы иметь возможность их сменять, и провел назначение председателя московской судебной палаты Арнольда в сенат, чтобы

---

[1]) См. напр., гр. С. Ю. Витте. Воспоминания. изд. 1923 г., т. I, стр. 176. 288; т. II, стр. 68 и след.

удалить его с занимаемого поста за независимость. Он издал также распоряжение 20 мая 1885 года, по которому министр мог делать указания и напоминания судьям, а старший председатель судебной палаты являлся начальником всего состава магистратуры. 12 февраля 1887 г. установлено было право министра юстиции ограничивать публичность, гласность суда, закрывать двери судебных заседаний для публики, и Муравьев впоследствии пользовался этим правом чрезвычайно беззастенчиво.

Министерство народного просвещения при Делянове в 1884 году осуществило давно вырабатывавшийся новый университетский устав, по которому профессура лишилась автономии: профессора, деканы и ректоры стали назначаться правительством, попечители округов сделались ближайшими начальниками университетов; студенты об'явлены были «отдельными посетителями университета», уничтожена и запрещена была всякая тень их корпоративной связи, и они были подчинены особой инспекции — университетской полиции по назначению правительства. В 1887 году последовали циркуляры Делянова, затруднявшие доступ в средние учебные заведения детям рабочих, крестьян, прислуги и т. д.

Обер-прокурор синода Победоносцев проектировал передачу всего начального обучения духовенству, предполагая, что оно будет проводить религиозность и верность существующему строю. Целиком этот план провести не удалось, но на церковно-приходские школы и школы грамоты, подчиненные духовенству, назначены были некоторые суммы из средств казны, большие, чем те казенные ассигнования, которые получало на начальное образование министерство просвещения, и некоторые (немногие, впрочем) уездные земства даже передали все свои школы духовному ведомству, ограничившись ассигнованием средств из земских доходов на их содержание.

Но самым ярким проявлением и реакционной диктатуры и, вместе с тем, ее слабых пунктов и сторон была так-называемая зубатовщина.

Зубатовщина, как все в истории, имела свои исторические параллели и должна быть понята с сравнительно-исторической точки зрения.

Во Франции при Наполеоне III, когда вторая империя почувствовала, что почва под ее ногами колеблется, прави-

тельство начало оказывать рабочим материальную помощь, — организовало общественные работы, устраивало рабочие квартиры. Затем в 1860 г. за границей Франции стал издаваться журнал „L'Esperance" («Надежда»), вдохновлявшийся двоюродным братом Наполеона III принцем Наполеоном и провозгласивший союз империи с рабочим классом. В этом же духе во Франции выпускались брошюры для рабочих. «Довольно с нас политических декламаций! мы хотим хлеба»,— вот основной лозунг всей этой литературы; буржуазия, предприниматели обвинялись в том, что они «сеют раздор между народом и императором»; указывалось, что Наполеон III разрешает общества взаимопомощи, кооперативные товарищества, предпринял грандиозные общественные работы и вскоре приступит к реформам, которых желают рабочие [1]). Но, конечно, союз второй империи с рабочим классом был бы явлением противоестественным: империя была государственной организацией буржуазии и лишь лицемерно надевала на себя маску рабочелюбия, чтобы отвлечь рабочих от революционного движения.

То же повторилось в Пруссии в 1862 году. Тогда прусскому правительству казались опасными либеральные гирш-дункеровские рабочие союзы, в сущности даже не боевые, а задававшиеся целями взаимопомощи. В противовес им полиция направила агитацию рабочего Эйхлера, который заявлял, что рабочие ничего не получают от взаимопомощи, и что вся их надежда—на помощь правительства: Бисмарк готов дать 30 тысяч талеров на устройство производительного товарищества. Но, как и во Франции, противоестественный союз буржуазного прусского правительства с рабочим классом не удался [2]).

Повидимому, экономическое забастовочное движение рабочих в 90-х годах XIX века, явившееся результатом развития промышленного капитализма и экономического под'ема того времени, заставило задуматься прежде всего покровителя новорожденной русской крупной индустрии, министерство финансов, не столько реакционное, сколько консервативное по своим связям с фабричной промышленностью.

---

[1]) Weill, Histoire du mouvement social en France, P. 1904, стр. 55 — 58.

[2]) См. предисловие Бернштейна к немецкому изданию сочинений Лассаля; Лунп, Сборник статей. стр. 253—254.

В 1897 году министр финансов Витте командировал проф. Озерова в Англию и Америку для изучения трэд-юнионизма, и Озеров заключил свой доклад о командировке заявлением: «еще лет через десять придется санкционировать профессиональные рабочие союзы в России» [1]).

Это семя, как оказалось, упало в министерстве финансов на бесплодную почву: там заняты были покровительством промышленникам и, конечно, не подумали покровительствовать профессиональным союзам рабочих.

Но оно взошло на иной почве, — на почве жандармской, в московском охранном отделении, этом орудии реакционной диктатуры. Инициатором так-называемого полицейского социализма в России явился именно начальник московского охранного отделения Зубатов.

Начало деятельности Зубатова в духе полицейского социализма относится к 1897 году. Тогда московским генерал-губернатором был великий князь Сергей Александрович, который был в Москве настоящим удельным князем, совершенно независимым фактически от министерства внутренних дел. При нем всесилен был московский обер-полицеймейстер генерал Трепов. Зубатов, опираясь на доверие великого князя и Трепова, осенью 1897 г. начал беседовать с политическими заключенными на тему о легализации экономического рабочего движения. Он сам сообщал об этих беседах начальнику особого отдела департамента полиции Ратаеву следующее: «Я с успехом убеждаю публику, что рабочее движение — одно, а социал-демократическое — другое. Там целью является копейка, здесь — идеологическая теория. Рабочий должен стремиться к гражданскому уравнению с так-называемыми «привилегированными» классами (что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы, а также ни ума, знания и самодеятельности), он не должен упускать синицу из рук и гнаться за журавлем в небе» [2]). Зубатов требовал, чтобы неполитические забастовки не преследовались, и стоял за проповедь в рабочей среде трэд-юнио-

---

[1]) Записка Шаевича: Бухбиндер. О Зубатовщине: «Красная Летопись», 1922 г., № 4, стр. 317.

[2]) Бухбиндер, Независимая еврейская рабочая партия: «Красная Летопись», 1922 г., № 2—3, стр. 208—209.

низма [1]. Программа Зубатова была им самим формулирована следующим образом: 1) «замена революционного учения эволюционным, а, следовательно, отрицание, в противоположность революционерам, всех форм и видов насилия, 2) проповедь преимущества самодержавной формы правления в области социальных отношений как формы, по внеклассовости своей заключающей в себе начало третейское, а следовательно враждебной насильственным приемам, и склонной к справедливости, 3) раз'яснение разницы между революционным рабочим движением, исходящим из социалистических начал, и профессиональным, покоящимся на принципах капиталистического строя [2]: первое занято реформою всех классов общества, а второе—своими непосредственными интересами, 4) твердое уяснение того положения, что границы самодеятельности оканчиваются там, где начинаются права власти, переход за эту черту был признан недопустимым своеволием,—все должно направляться к власти и через власть» [3]).

Агитацию в этом смысле вели на фабриках Москвы и ее района рабочие, ставшие агентами Зубатова, — Афанасьев, Слепов, Красивский, Жилкин, Чибриков, Янченко и мн. др. 14 февраля 1902 года утвержден был устав общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве. К участию в этом обществе не допускались лица, состоящие под надзором полиции. Членами-соревнователями могли быть члены фабричной инспекции и полиции, лица медицинского персонала, служащие на фабриках и заводах механического производства, лица, принадлежащие к составу администрации фабрик и заводов, а также и священно-и церковно-служители. Члены общества не получают пособия, если потеряли заработок «вследствие принятых по отношению к ним каких-либо административных мер». Общее собрание общества избирало 12 кандидатов в члены правления по каждому отделу общества; из них московский обер-полицеймейстер утверждал по своему выбору 8 человек. Обер полицеймейстеру принадлежало право ревизии дел и сумм

---

[1]) Зубатов, Зубатовщина: «Былое», № 4 (26), окт. 1917 г., стр. 160.

[2]) Говоря так, Зубатов тем самым вскрывая классовую природу мнимо-внеклассового самодержавия.

[3]) «Красная Летопись», № 2—3, стр. 210.

общества, он же мог вносить вопросы на обсуждение общего собрания, и его утверждению подлежали инструкции, даваемые общим собранием правлению. Митрополит московский первым вступил в члены-соревнователи, а обер-полицеймейстер пожертвовал печатный станок, на котором печатались листки и брошюры [1]).

Но еще с мая 1901 года начались общие собрания рабочих в Москве, в аудитории Исторического музея, и порайонные — в отдельных частях города. Привлечены были для чтения лекций рабочим профессора Московского университета, которые, впрочем, узнав, что делом руководит охранное отделение, отказались от сотрудничества с ним все, за исключением проф. Озерова. 19 февраля 1902 года организовано было возложение венков на памятник Александру II в Кремле пятьюдесятью тысячами рабочих. На фабриках агенты Зубатова из рабочих вели агитацию за экономические требования. На фабрике французского гражданина Гужона весной 1902 года была организована агентами Зубатова забастовка, и полиция стала угрожать Гужону арестом и высылкой, если он не исполнит требований рабочих, и только вмешательство французского посла спасло Гужона от репрессий [2]).

Осенью 1902 года Зубатов организовал легальное рабочее движение в Петербурге под покровительством Плеве и при участии и санкции реакционного «Русского Собрания». Устраивались беседы и конфликты рабочих с предпринимателями. Петербургская администрация свела Зубатова со священником Гапоном, ставшим его агентом и получавшим по его ходатайству постоянное жалованье. В августе 1903 года Плеве, под влиянием жалоб фабрикантов и полиции, порвал с Зубатовым, но Гапон продолжал свою работу, которая не нравилась Зубатову, потому что строилась вне прямой зависимости от администрации и полиции: при таких условиях Зубатов предвидел обязательное подчинение рабочих влиянию революционеров.

---

[1]) Лунц, Сборник статей, стр. 255, 261—263.

[2]) Там же, стр. 254, 264—266.

[3]) Зубатов, Зубатовщина: «Былое», № 4 (22), окт. 1917, стр. 169—172; Мартов, Развитие промышленности и раб. движение — в «Ист. Рос. XIX в.», вып. 31, стр. 148—149.

Еще раньше московского и петербургского опытов Зубатов и его единомышленники проявили свою деятельность среди еврейских рабочих Западного края.

Летом 1901 года в Минске зубатовцы Мария Вильбушевич, Волин, Гольдберг, Чемерисский и др. выпустили манифест и программу еврейской независимой рабочей партии. В манифесте партия отвергала социалистическую теорию, об'являла преступным вести рабочих к политическим целям и настаивала на том, чтобы дать еврейским рабочим «хлеба и знаний», создать для них легальные экономические и культурные организации; резко высказывалась новая партия в своем манифесте против политической и экономической деятельности Бунда. Программа партии изложена была в следующих четырех пунктах: 1) цель партии — поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством учреждения трэд-юнионов, касс, клубов, ассоциаций, 2) партия не выставляет никаких политических целей, 3) об'единяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых, 4) организована демократически.

Независимцы стали устраивать в Минске в зале «Париж» еженедельно совершенно открыто большие рабочие собрания и устраивали стачки. Выступавшие против них бундовцы подвергались арестам. Действовали независимцы в постоянном контакте с начальником минского жандармского управления Васильевым и с Зубатовым. Васильев сам непосредственно устроил собрание готовившихся к забастовке приказчиков, убеждал их во вреде политической борьбы и являлся третейским судьей между ними и хозяевами. Независимцы имели сначала успех среди минских каменщиков, переплетчиков и слесарей, а также отчасти среди столяров, приказчиков и жестяников. 20 октября 1901 г. они устроили праздник и вечер независимой партии, весь прошедший под знаком легализации. На вечере присутствовало до 1½ тыс. рабочих. Но праздник 30 мая 1903 г. был сорван бундовцами. В июле 1903 г. деятельность независимой рабочей партии в Минске прекратилась вследствие того, что рабочая масса ушла от независимцев в Бунд, и что Плеве прямо приказал приостановить легальное еврейское рабочее движение [1]).

---

[1]) Бухбиндер, Независ. раб. п.: «Крас. Лет.». № 2—3, 1922 г., ст. 207 и след., 242—243.

В мае 1902 г. Мария Вильбушевич была вызвана в Петербург и получила от Плеве поручение организовать еврейское легальное рабочее движение в Вильне. Туда отправлен был Чемерисский, но потерпел неудачу, так как после избиения первомайской демонстрации полицией и казни Лекерта, покушавшегося на генерал-губернатора фон-Валя, рабочие трактовали независимцев, как провокаторов. Напрасно посылали ему помощников, — через полгода пришлось бросить[1]).

В Одессе в 1902 г. начал работу независимец Меер Коган, к которому на помощь послан был скоро Волин. Там дело пошло сначала успешно. Независимость поддерживал градоначальник гр. Шувалов. Содействовали им и сионисты из еврейской интеллигенции. Особенно успешной стала здесь работа независимцев, когда во главе их встал Шаевич. Он образовал в Одессе союз машиностроительных и механических рабочих. Директор департамента полиции Лопухин разрешил одесским независимцам открытые собрания. Но забастовка портовых рабочих, начатая не без содействия независимцев, разгорелась в нечто из ряда вон выходящее по своей грандиозности, приняла политический характер, и Плеве разрешил местным властям арестовать Шаевича и выслать его. Это было концом одесской организации независимцев[2]).

Были попытки организации легального правительственного движения также в Киеве, Гродне, Екатеринославе, Бобруйске[3]). Везде дело кончилось неудачей.

Витте назвал зубатовщину «вредным и глупым экспериментом»[4]). Она несомненно была вредна для реакционной диктатуры, так как организовала рабочих и будила их сознание, и она была глупа в том смысле, что в основе ее лежала нелепая мысль лишить классовое рабочее движение его действительной природы. Зубатовщина таким образом явилась ярким свидетельством и напряженности, достигнутой реакционной диктатурой, и слабых сторон этой диктатуры, которая, стремясь уничтожить своих врагов, собственными своими действиями их только усиливала.

---

[1]) Бухбиндер. О Зубатовщине: «Кр. Лет.», № 4, стр. 289 и след.

[2]) «Крас. Лет.», № 2—3, стр. 230 и след., № 4, стр. 311 и след.

[3]) Там же, № 4, стр. 319; Мартов — в «Ист. Рос. XIX в.», вып. 31, стр. 147 и след.

[4]) Гр. С. Ю. Витте. Воспоминания, I, стр. 178.

V.

Внешняя политика.

Русская внешняя политика 80-х годов XIX в. представляла собою продолжение политики предшествовавшего десятилетия.

Первый вопрос, который здесь обращает на себя внимание, это вопрос болгарский, составлявший наследие русско-турецкой войны 1877—78 г.г. Хотя Болгария формально и была признана после войны вассалом Турции, но Россия—ее реакционные силы—имели в виду сделать ее своей губернией, и русские дипломатические агенты в Болгарии склонны были, согласно директивам из Петербурга, распоряжаться там так же реакционно-диктаторски, как это делали у себя дома русские администраторы. Болгарская буржуазия, которая рассматривала закончившуюся войну, как буржуазную революцию, отдавшую власть в Болгарии в ее руки, вовсе не расположена была подчиняться русской реакции. Отсюда произошли низложение князя Александра Баттенбергского, призыв на болгарский престол Фердинанда Кобургского, что означало ориентацию болгарской политики на Австрию, и полная потеря русского влияния в Болгарии, сопровождавшаяся временно даже совершенным прекращением дипломатических сношений. Несомненно, то была крупная неудача русской внешней политики, тяжкое поражение русской дипломатии, руководимой Александром III.

Продолжением прошлого были и последние акты завоевательной политики в Средней Азии: в 1881 г. заняты были Геок-Тепе и Асхабад, и образована была Закаспийская область; в 1884 г. взят был Мерв, а в 1885 г. после боя с афганцами на реке Кушке занято Пенде. Россия оконча-

тельно придвинулась к границам Индии, что обострило старинные опасения Англии. Опасения эти, однако, несколько утихли после работ по соглашению о памирской границе между английскими и русскими владениями, происходивших уже в первой половине 90-х годов.

В 80-х годах поддерживался еще и старый, традиционный союз России с Германией, которым так дорожил Бисмарк, как залогом безопасности Германии. Только в 1890 г., после отставки Бисмарка, союз этот не был возобновлен Вильгельмом II. Между Германией и Россией уже тогда пробежала черная кошка в виде таможенных пошлин на русский хлеб, которых требовали и добились немецкие аграрии. Усиленный русский протекционизм 1892 г. повел было даже к таможенной войне между Россией и Германией, которая прекращена была лишь в 1893 г. торговым договором, заключенным Витте. Конвенционный таможенный тариф, введенный на основании этого договора, несколько разрядил атмосферу и создал мир, хотя уже и худой, но все же лучший, чем добрая ссора.

90-е годы принесли много нового. Первой важной новостью был русско-французский союз, окончательно заключенный 22 августа 1891 г. и дополненный в июне 1892 г. военной конвенцией.

Происхождение этого союза можно теперь считать выясненным достаточно хорошо. Разрыв старого союза с Германией был естественен как потому, что Германия обложила пошлиной русский хлеб, что больно ударило по помещичьему карману, так и вследствие развития русского промышленного капитализма и связанного с ним протекционизма, который, не смотря на все смягчения конвенционного таможенного тарифа, стеснял ввоз немецких фабрикатов в Россию. Франция покупала русский хлеб в известной небольшой мере через русские черноморские и французские средиземноморские порты и не облагала его высокими пошлинами. С другой стороны, она не ввозила в большом количестве своих фабрикатов в Россию, и русский протекционизм не имел для нее большого значения. Слабость развития в ней промышленного капитализма приводила к перевесу финансового, кредитного капитала, который искал выгодного помещения. С другой стороны, и русская казна и русская промышленность жаждали кредита и прилива иностранных капи-

талов тем более, что берлинский денежный рынок становился для России все менее благоприятным. И вот в 1889—1891 г.г. на парижском денежном рынке заключен был ряд займов в общем на сумму около 4 миллиардов франков. Русские ценности, обращавшиеся на берлинской бирже, перешли в Париж. Наконец, французское республиканско-буржуазное правительство в 1890 г. арестовало русских революционеров, подготовлявших на территории Франции террористический акт, и открыло пути и возможности действия при помощи французской полиции тайному русскому политическому сыску во Франции, во главе которого скоро оказался Рачковский. Все препятствия к союзу исчезли, а интересы обоих правительств достаточно сильно и громко говорили за союз в виду немецкой опасности, чтобы он долее не откладывался.

Союз с Францией, несомненно, приковывал главное внимание русского правительства и русской дипломатии к Европе. Война с Германией и Австро-Венгрией в союзе с Францией сделалась теперь ближайшей возможностью тем более, что австрийская политика и немецкий капитал на Ближнем Востоке стали постепенно занимать господствующее положение, и вожделения захвата проливов—Босфора и Дарданелл,—питавшиеся русской буржуазией, натыкались на австро-германское препятствие. Но русский капитализм, как мы видели, вследствие хищнической финансовой политики, которая отражала на себе и экономическое хищничество, господствовавшее в России, приводил к узости внутреннего рынка, так как с'ужал покупательную способность масс населения. Отсюда вышел уродливый русский империализм: несмотря на свою отсталость, русский капитализм искал внешних рынков. В Европе и, в частности, на Ближнем Востоке, на Балканском полуострове и в Малой Азии, пути ему были заказаны конкуренцией английской и особенно немецкой промышленности; в Персии дело кончилось некоторым преобладанием только в северной части страны, где, впрочем, тоже пришлось считаться с английской, главным образом, отчасти и немецкой конкуренцией. Поэтому в 90-х годах, особенно с наступлением нового царствования, взоры правительства и разных слоев буржуазии направляются на Дальний Восток. Еще при Александре III начинает строиться сибирская железная дорога, конечным

пунктом которой должен был стать порт на Тихом океане— Владивосток. Вместе с тем русская политика поставила себе задачей подчинить своему влиянию Китай. Здесь неизбежно было столкновение с Японией, новой промышленно-капиталистической страной, которая задыхалась на своих островах и испытывала империалистические вожделения по отношению к Корее и Китаю. И, конечно, не только свойственное Николаю II «стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами» [1]), но и вся русская дальневосточная политика — проявление уродливого русского империализма — привели к войне с Японией, чему содействовали также и внутренние события, и бюрократические интриги, и, наконец, личная политика Николая II.

Япония пошла войной на Китай, победила его и по симоносекскому миру 1894 г. получила Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Даляньванем. Витте высказался за вмешательство в этот договор, за отмену его и сохранение территориальной целости Китая. Русский министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский, по соглашению с Германией и Францией, провел предложение Витте: Япония вместо Ляодуна получила с Китая контрибуцию, для уплаты которой Витте заключил для Китая заем во Франции с гарантией России и основал русско-китайский банк, главными акционерами которого были французские капиталисты. На коронацию Николая II в Россию приехал первый китайский сановник Ли-Хун-Чан, и Витте заключил с ним соглашение о проведении Сибирской железной дороги через северную Манчжурию, причем Ли-Хун-Чан в обмен на разрешение Китая провести железную дорогу через его владения выговорил обязательство России защищать Китай от Японии [2]).

Витте, как известно, во всем этом еще не видел опасности близкого столкновения с Японией: происхождение японской войны он связывал с занятием Порт-Артура и с концессией на Ялу. В литературе высказано мнение, что уже проведение железной дороги через Манчжурию и инициатива России в отмене симоносекского договора сделала войну неизбежной [3]). Повидимому, это мнение совершенно правильно: вырвать у Японии главные плоды победы над Ки-

[1]) Гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, I, стр. 35.

[2]) Там же, стр. 35—44.

[3]) Романов, Концессия на Ялу: «Русское Прошлое», I, стр. 107.

таем значило сделаться ее врагом. И именно с тех пор Япония начала готовиться к войне с Россией.

В 1897 г. Вильгельм II, будучи в Петербурге, говорил Николаю II, что Германия займет Киао-Чао в Китае. Николай II не мог отказать ему из любезности, «как гостю», и согласился на это. Занятие немцами Киао-Чао и было осуществлено в том же году. Тогда министр иностранных дел граф Муравьев выступил с планом занятия Россией Порт-Артура и Даляньваня, и этот план, несмотря на возражение Витте, прошел вследствие сочувствия ему Николая II, и Витте стал ему содействовать: подкупил Ли-Хун-Чана за 500 тыс. рублей и Чан-Ин-Хуана за 250 тыс. руб. [1]).

Затем началась корейская авантюра. Мы не будем излагать ее во всех подробностях. Отметим только, что целью Русского Лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке, оформленного 31 мая 1903 г., было проникновение русских войск, под видом рабочих, в Корею с целью ее дальнейшего подчинения. Еще с 1898 г. со времени занятия Ляодуна Россией, с проектом кампании для эксплоатации естественных богатств Кореи выступил перед Николаем II Безобразов, и 6 мая Николай II отпустил ему из средств кабинета 70 тыс. руб.; в 1899 г. приобретена была тайком от министров концессия купца Бринера в Корее на кабинетские деньги за 200 тыс. руб. Дальнейшие попытки натолкнулись на сопротивление министров, особенно Витте. Но с назначением в 1902 г. министром внутренних дел Плеве дело изменилось: Плеве был за «маленькую войну» с Японией и за концессию на Ялу, тем более, что он думал тем и другим угодить Николаю II и свалить Витте. Витте, спасая свое положение, согласился отпустить из государственных средств 2 мил. руб. «на известное его императорскому величеству употребление», и лесная концессия на Ялу в 1903 году стала фактом. Это было каплей, переполнившей чашу терпения Японии, и когда русское правительство, вопреки Витте, военному министру Куропаткину, предвидевшему серьезную войну, и министру иностранных дел Ламсдорфу, не ответило на предложения Японии договориться о сферах влияния, то в январе 1904 года война началась. Много содействовала всему этому личная политика Николая II и учре-

---

[1]) Гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, I, стр. 99—115.

ждение подчиненного лично императору, помимо министров, наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Алексеевым [1]).

Известен ход русско-японской войны: на суше и на море Россия потерпела ряд решительных поражений. 23 августа 1905 года Витте заключил в Портсмуте в Соединенных Штатах Америки мир с Японией, по которому Япония получила южную половину Сахалина и Ляодунский полуостров на тех условиях, на каких его занимала Россия. Это было, конечно, наилучшей из всех возможных ликвидаций империалистически-реакционной авантюры, затеянной на Дальнем Востоке.

Несомненно, что русско-японская война имела важное значение в происхождении революции 1905 года: поражения усиливали оппозицию и давали ей смелость делать выступления. Но об этом придется еще говорить позднее, в другой связи.

---

1) Романов, в «Рус. Прошлом», I, стр. 87; 96—103.

VI.

Духовная культура, оппозиционное и революционное движение.

Чтобы понять психологию классов, проводивших реакционную диктатуру, необходимо анализировать характеры и воззрения монархов, царствовавших в России после 1881 года,—Александра III и Николая II, таких их помощников, как Победоносцев и Плеве, и литераторов реакции—Каткова, Константина Леонтьева, Льва Тихомирова.

Император Александр III в личной своей жизни был довольно типичным средним буржуа. Он был хорошим мужем и отцом, не в пример Александру II, отличавшемуся большой распущенностью нравов. Не походил он на своего отца и в том отношении, что не был расточителен, как он, напротив, был скуповат, прижимист: любил ходить в старом офицерском пальто вместо халата и ввел в моду офицерские тужурки, не любил роскошной обстановки, откупоренные и недопитые бутылки вина не списывались в расход, как прежде, а подавались к императорскому столу и на следующий день. Скуповатость, прижимистость у Александра III, как и у всякого доброго буржуа, соединялась с приобретательством, с жадностью: после завоевания Мерва он, ни мало не стесняясь, забрал в свою личную собственность богатейшее мургабское имение [1]). Александр III был и буржуазно-труслив, больше всего заботился о собственном самосохранении и жил затворником в Гатчине, «гатчинским сидельцем». Уже из случая с захватом мургабского

---

[1]) А. А. Лопухин, Отрывки из воспоминаний, изд. 1923 г., стр. 17.

имения видно, что и в Александре III жил человек старых вотчинных понятий, которому мало доступны были настоящие государственные идеи. Это обнаружилось с особенной яркостью тогда, когда исполнилось 10 лет со времени его вступления на престол: в России было далеко не хорошо, страшный голод свирепствовал среди крестьянства, а император в своей речи констатировал полное благополучие, имея в виду единственно то, что он уцелел от покушений террористов. Туповатый, с обыденным умом, по признанию даже его панегиристов [1]), Александр III сначала чуть было не согласился на проект Лорис-Меликова, потом на земский собор Игнатьева, и только Победоносцев убедил его твердо встать на путь самодержавия, по которому он и пошел, не щадя жертв, с традиционной жестокостью династии. Говорят, что он был знатоком иконографии. Он действительно составил хорошее собрание старинных икон, но едва ли это дает ему право на звание знатока: то было простое коллекционерство, к которому примешивалась традиционная набожность. Его художественные вкусы были вообще невысоки, шаблонны и окрашены в традиционные воззрения: в живописи он любил классицизм Жерома, барбизонца Руссо находил только «очень милым», ценил Семирадского, заказал Дмитриеву-Оренбургскому «Водосвятие», так как эскиз понравился «как по композиции, так и по сюжету»; Бегрову заказывал картины яхт, Боголюбову изображение фрегата в бурную погоду, а о Верещагине выражался так: неприятны «всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию» [2]). Грубы были и его музыкальные вкусы: еще наследником он играл на корнете, любил духовой оркестр, притом «сильный, могучий», «исполнял партию самого низкого баса на очень большом медном инструменте геликоне»; и будучи императором, играл иногда на волторне [3]). В чем Александр III был выше и отца и сына своих,—это в характере: у него было больше силы воли и самого обыкновенного здравого смысла, чем у обоих их.

---

[1]) Гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, I, стр. 14 и в др. местах.

[2]) Письма цесаревича Александра Александровича к проф. А. П. Боголюбову: «Старина и Новизна», книга III, Спб. 1900, стр. 3—6, 13.

[3]) Там же, стр. 319, 322—323, 337: Берс, Воспоминания об Александре III.

Высокоталантливому скульптору Трубецкому удалось создать яркий художественный образ реакционной диктатуры в памятнике Александра III в Петербурге: грузный, тяжелый всадник сдерживает своей рукой могучую лошадь, которая не рвется вперед бурно, но несомненно пошла бы туда быстро, если бы не железная рука.

О Константине Петровиче Победоносцеве приходилось говорить по разным случаям уже достаточно. Мы видели, что он был настоящим гением реакции. Человек умный, талантливый, ученый, хорошо понимавший ничтожество всех окружающих бюрократических столпов старого порядка,—вспомним один из его классических отзывов—«Плеве—подлец, Сипягин—дурак» [1]),—Победоносцев, связавший себя органически со старым порядком, был искренне убежден, что стоит сделать малейшее от него отступление,—и все погибнет: мысль, которую проводил в литературе на истории великой французской революции один из ближайших сотрудников Каткова Любимов. Сухой и холодный, смотревший сверху вниз на всех других, богомольный и оффициально-религиозный, но видевший в церкви не более как орудие управления— instrumentum regni, —узду вольномыслия, цепь традиции, Победоносцев художественно изображен, как личность, Л. Н. Толстым в лице Алексея Александровича Каренина в романе «Анна Каренина». Это художественное изображение избавляет от необходимости далее развивать его характеристику: оно достаточно ярко говорит само за себя.

Мы говорили уже о Каткове как о человеке, подделывавшемся к господам положения. В 80-х годах он стал публицистическим и даже вообще идейным вдохновителем реакционной диктатуры не меньше Победоносцева. «Встаньте, господа, правительство идет!»—вот лозунг, брошенный им тогда, когда курс на самодержавие взят был твердый. И прежний защитник судебной реформы стал теперь ее обличителем и отрицателем. Противник опеки над крестьянством превратился в энтузиаста власти земских начальников. Он открыл Пазухину страницы редактируемого им «Русского Вестника» для яростной защиты сословности. Когда наступила пора развития промышленного капита-

---

[1]) Гр. С. Ю. Витте, Воспом. I, стр. 28

лизма, Катков чутко схватил этот новый дух и стал ярым протекционистом, хотя раньше склонялся к фритредерству. Чин тайного советника, как нельзя более подходивший Каткову, так как он был действительно тайным советником реакции, и миллионное богатство увенчали оппортунистическую карьеру Каткова и показали, что он расчитывал верно.

Константин Леонтьев был человек иного типа: он был очень талантливым писателем, более талантливым, чем Катков, но в отличие от Каткова он был идейным, убежденным реакционером и, как все идейные люди, довольно бестактным, говорившим все до конца, не умалчивающим кое-о-чем стыдливо и дипломатически, донкихотствующим с полным убеждением в своей безусловной правоте. Леонтьев был откровенным и последовательным крепостником, с грустью, с отчаянием видел невозможность возврата к крепостному праву, неизбежные победы нового духа и судорожно цеплялся за мысль «подморозить» Россию: ему снился уют и покой старой крепостной вотчины, идиллия крепостного быта, эстетика барской неги и вишневого сада. И Леонтьев горячо и убежденно, но слишком уже обнаженно отстаивал самодержавие, православие и помещичье государственное господство, опекавшее и гнувшее народные массы. «Узда спасительного насилия» составляла, по Леонтьеву, необходимую принадлежность правительственной власти: эта фраза прямо символизировала реакционную диктатуру для подавления всякой новизны, для «подмораживания» России.

Мы познакомились с главными деятелями и идеологами реакции в царствование Александра III, к перечню которых надо прибавить только еще графа Д. А. Толстого, на котором мы здесь останавливаться особо не будем, так как его политическая роль при Александре II и Александре III освещена выше, отметим здесь только, что гр. Толстому принадлежит ликвидация организаций, возникших вскоре после 1-го марта 1881 г., известных под названиями «Добровольной Охраны» и «Священной Дружины». Эти организации, как и их уничтожение, чрезвычайно интересны как типические выразители реакционной диктатуры и ее социальной подкладки, и потому заслуживают того, чтобы на них ненадолго остановить внимание.

Целью «Добровольной Охраны» была охрана личности Александра III от террористических покушений и проникновение в тайны партии Народной Воли, «Священная Дружина» имела в виду активную борьбу с Народной Волей и в этом отношении являлась соперницей тайной политической полиции [1]). Священная Дружина издала особое обращение к обществу, в котором указывала на свою цель—«разрушать замыслы террористов», на состав свой из действительных членов, посвященных во все без исключения дела Общества, и из членов-сотрудников, знающих только одного действительного члена и лишь те дела, в которых они принимают непосредственное участие, на сохранение имен членов в тайне, на свободу выхода из Общества с обязательством сохранять в тайне все известное о действиях общества, на доставление Обществом легальных, оплачиваемых занятий и выдачу денежных пособий членам; гарантировалась свобода бывшим террористам, отказавшимся от революционной деятельности, обращение заканчивалось предложением вступать в Общество и приложением адреса жандарма Судейкина для письменного ответа [2]).

Главным руководителем Дружины был министр императорского двора граф Воронцов-Дашков—ее «набольший» [3]). Высшим учреждением ее был центральный комитет, ниже его стояла организационная комиссия, еще ниже исполнительная комиссия, которой подчинен был начальник агентуры, действовавший через трех или четырех бригадиров с руководимыми ими секретными агентами [4]). Что представляли собою Добровольная Охрана и Священная Дружина в действительности,—можно усмотреть из отзывов лиц, относившихся к их целям с несомненным сочувствием: в лучшем случае эти организации являлись орудием бюрократической интриги: «тут, повидимому, только к тому стараются притти, чтобы доказать бездеятельность Игнатьева с его органами, а вовсе не о том заботятся, чтобы уменьшить

---

[1]) Богучарский, Из истории полит. борьбы, стр. 270—271.

[2]) «Голос Минувшего» за 1916 г., № 5—6, стр. 103—105.

[3]) Священная Дружина (из дневника ее члена В. Н. Смельского); «Голос Мин.» за 1916 г., № 5—6, стр. 102; Богучарский, Из ист. пол. борьбы, стр. 323.

[4]) Свящ. Друж. (из дневника Смельского): «Гол. Мин.» за 1916 г., № 2, стр. 144 и друг.

число крамольников или парализовать их действия» [1]); в худшем случае то было простое разграбление казны: «эти оболтусы не захотят лишать себя хороших денег и будут всемерно доказывать необходимость их существования, сиречь грабить казну» [2]); тот самый Ф. Ф. Трепов, на которого покушалась Засулич, так отзывался о главных деятелях исполнительного комитета дружины: Шувалов—«ретивый, но молод, неопытен; он лишь как сотрудник, в числе золотой молодежи может быть при следственной комиссии, а никогда не распорядитель в столь важном деле; Сан-Донато-Демидов до нельзя глуп, но все же он лучше князя Щербатова—заведомого вора» [3]); понятно, что и Смельский, одно время начальник агентуры, констатировал бесплодность работы и «высшую глупость агентов» [4]) и приходил к такому справедливому заключению: «экая чушь-то какая! Это—не охрана, а что-то темное, непонятное и даже оскорбительное и зловредное» [5]).

Священная Дружина под именем Земской лиги вела заграницей переговоры с Исполнительным Комитетом Народной Воли через Нивинского, потом через Николадзе. Нивинский требовал прекращения террора во время коронации Александра III и обещал за это освобождение Чернышевского, амнистию, свободу печати и земский собор. Потом по этому же вопросу ездили заграницу Бороздин и Николадзе. В мае 1882 года Победоносцев, Катков и Островский устранили с поста министра внутренних дел графа Игнатьева и провели вместо него графа Д. Толстого. В «Новом Времени» Суворина появилась статья, квалифицировавшая обращение Священной Дружины к обществу как «политическое шутовство» [6]). Тогда Александр III через близкого к нему генерала Черевина повелел графу Толстому немедленно упразднить Священную Дружину, что и было исполнено по докладам Толстого и министра юстиции Набокова [7]).

---

[1]) Там же, № 3, стр. 173.

[2]) Там же, № 5—6, стр. 95.

[3]) Там же, № 5—6, стр. 89.

[4]) Там же, № 3, стр. 159.

[5]) Там же, № 3, стр. 161.

[6]) Богучарский, Из ист. полит. борьбы, стр. 319, 333, 316, 367, 370—383.

Св. Дружина (из дневн. Смельского): «Гол. Мин.» за 1916 г., № 5—6, стр. 101—102.

Стоит отметить еще одну дополнительную черту в деятельности мнимой «Земской лиги»,—ее связи с заграничной и внутренней земской оппозицией, но об этом мы будем говорить ниже, в другой связи.

Эпоха Александра III дала еще даровитых или, по крайней мере, не совершенно бездарных представителей науки и литературы, реакционно-настроенных. Даровит был знаменитый врач, профессор Московского университета Захарьин, реакционер по взглядам. Талантливым поэтом являлся граф Голенищев-Кутузов. Не совершенно бездарны были романисты Маркевич и князь Голицын-Муравлин. Но характерно, что Захарьин держался своих взглядов и цинически наживался, беря огромные гонорары, вследствие чувства злобы за нужду и лишения, которые он претерпел, будучи бедняком-студентом: он как бы мстил обществу за свое тяжелое прошлое, стал миллионером и поклонником золотого тельца и существующей власти, в которой видел охрану своего богатства; Голенищев-Кутузов в своей поэзии выражал грусть, отчаяние, стремление к нирване; Маркевич, в конце-концов, стал писать злобные и грязные и потому ни для кого неубедительные литературные карикатуры на революционеров и, подобно суздальским богомазам, сусально расписывать своего патрона—Каткова под видом богатого и добродетельно-консервативного помещика, а Голицын-Муравлин в своих великосветских романах фактически обратился, помимо своей воли, в обличителя аристократических нравов. На всем этом—и талантливом и только не бездарном—видна была, таким образом, печать вырождения и упадка.

Эти вырождение и упадок доходят, поскольку речь может итти о представителях крайней реакции, до последней степени в царствование Николая II до 1905 года. И самым ярким примером этого является сам император.

Что такое представлял собою Николай II—об этом свидетельствуют ярче всего конкретные факты его действий в тех или иных более важных или характерных случаях.

Витте никак нельзя заподозрить в пристрастии в пользу Николая II, и потому особенное значение имеют такие его замечания: «я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II»; «Николай II обладает особым даром очарования» — сердечной манерою, обхождением,

особенно своей воспитанностью [1]). Эти воспитанность и дар очарования напоминают Александра I. И, как и у последнего, они были маской, личиной, внешним прикрытием: Николай II был не меньшим лицемером, «византийцем», чем Александр I; обоим были свойственны «хитрость и даже коварство» [2]); по словам князя Святополк-Мирского, Николаю II нельзя верить: что он сегодня одобряет, от того завтра отказывается [3]).

И другая черта роднила Николая II с Александром I: это—мистицизм [4]). С его ведома и согласия жена его купалась в целительном источнике Серафима Саровского [5]), с его же одобрения происходили ночные сеансы с французским шарлатаном Филиппом [6]). На мистицизме, вырождавшемся в грубое суеверие, построены были все отношения императорской четы к Григорию Распутину. Записки Илиодора—мутный источник, и мы берем из них только два факта, имеющих подтверждение со стороны. Они оба характеризуют и суеверие и наивность последнего русского самодержца. По словам Феофана, впоследствии епископа и ректора петербургской духовной академии, он и Распутин были раз во дворце, «сидели и беседовали о политическом положении России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну, что? Где екнуло? Здеся али туто?»—при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце:—«Здесь: сердце забилось!»—то-то же, — продолжал старец, — «коли что будешь делать для России, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума»... Государь сказал: «хорошо», а государыня, поцеловав его руку, произнесла:—«спасибо, спасибо, учитель» [7]).

---

[1]) Гр. С. Ю. Витте, Воспом., I, стр. 3, 64.
[2]) Там же, I, стр. 3.
[3]) Там же, I, стр. 283.
[4]) Там же, I, стр. 3.
[5]) Там же, I, стр. 221.
[6]) Там же, I, стр. 224.
[7]) Илиодор (С. Труфанов), Святой чорт: «Гол. Минувшего» за 1917 г., № 3, стр. 7.

Сам Распутин рассказывал: «Царь раз упал предо мною на колени и говорит:—Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель. А почему? Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались. А тут Антоний Волынский где-то сказал проповедь, что наступили последние времена. Они и давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться Позвали меня и спросили. А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на них начал топать ногою и кричать, чтобы они меня послушались. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Когда я пришел к ним после успокоения, они оба упали передо мною на колени, стали целовать мои руки и ноги. Царица подняла кверху руки свои и со слезами говорила:—Григорий, если все люди на земле восстанут на тебя, то я не оставлю тебя и никого не послушаюсь. А царь тоже поднявши руки, закричал:—Григорий, ты Христос!» [1]).

Не знаешь, чего в этих случаях больше: грубого шарлатанства Распутина, или нелепого суеверия и непроходимой наивности самодержца и его жены.

В самом начале царствования Николая II старый сановник его отца И. Н Дурново—«Лжедимитрий», как его прозвали в государственном совете, где он замещал в докладах от министерства графа Дмитрия Толстого,—обмолвился метким замечанием о новом императоре: «это», сказал он,—«копия Павла I» [2]). И действительно он напоминал Павла склонностью к личному самовластию, к личной политике и неустойчивостью, зигзагами политической линии, а также нелюбовью к людям с характером и убеждениями, склонностью к слугам бездарным, но покорным, идущим туда, куда он им укажет, без всяких прекословий. Вот почему Николай II удалил Воронцова-Дашкова и приблизил Фредерикса, не имевшего ни ума, ни таланта, ни влияния [3]). По той же причине уволил он Ванновского [4]). Система Николая II действительно походила, как и у Павла, на «качание на политических качелях то в одну, то в другую сторону» [5]). Известна его личная политика на Дальнем Востоке

---

[1]) Там же, стр. 25.

[2]) Гр. С. Ю. Витте, Воспом., I, стр. 3.

[3]) Там же, I, стр. 92—93.

[4]) Там же, I, стр. 121.

[5]) Там же, I, стр. 101 и след.

в истории с дальне-восточным наместничеством и концессией на Ялу. Но нет ничего более яркого в смысле шатания и вместе убожества мысли и полного отсутствия государственного сознания при голом, ничем не прикрытом проявлении личного произвола, как отношения Николая II к двум предложениям Вильгельма II. В 1897 году Вильгельм приехал в Петербург и без всякого труда вырвал лично у Николая, без ведома его министров, согласие на занятие Германией Киао-Чао в Китае: Николай дал это согласие, несмотря на то, что Россия обязалась оберегать целость Китая, и—это особенно характерно—сделал это потому, что Вильгельм был его гостем, и отказать гостю в чем-либо он считал невежливым. В другой раз на свидании в Биорках Вильгельм II убедил Николая заключить, без ведома министра иностранных дел Ламсдорфа, оборонительный союз между Россией и Германией, фактически направленный против союзницы России—Франции; Николай велел подписать этот удивительный документ своему морскому министру Бирилеву с тем, чтобы Бирилев не читал его, а поверил безусловно императору на слово, что подписать надо [1]. Этот поступок нельзя назвать иначе, как совершенно чудовищным, феноменальным, а того, кто его совершил, надо признать совершенно лишенным малейших элементов государственного сознания, самой элементарной моральной чистоплотности и всякого здравого смысла.

Декаданс реакции, столь ярко представленный личностью суверена, выражался также вполне определенно и в личностях его ближайших верноподданных помощников реакционного направления. Среди них, кроме Победоносцева, который являлся обломком прошлого, не было при Николае II до 1905 года ни одного талантливого человека,—все эти Горемыкины, Сипягины e tutti quanti являлись круглыми бездарностями. Исключение представляли только Муравьев и Плеве, имена которых связаны с процессом по делу 1-го марта. Но оба они были вовсе не идейными людьми, а типичными чистыми карьеристами, которые ради высокого поста и хорошего достатка готовы были быть и действительно были сегодня богу свечкой, а завтра чорту кочергой. И может быть никто не был таким роковым человеком для

[1]) Там же, I, стр. 391 и след.

реакции, как именно Плеве с его гапоновщиной, сохраненной даже после разрыва с Зубатовым, с борьбой против сельскохозяйственных комитетов и совещания Витте и с «маленькой войной», которая больше всего подточила силы реакции.

И литературные слуги реакции знаменовали собою ее упадок. Живший всецело насчет казенных субсидий гомосексуалист князь Мещерский со своим «Гражданином» не имел и не мог иметь никакого идейного влияния на общество. Литературная лавочка «Нового Времени» с Сувориным и его молодцами, продававшими реакционный товар оптом и в розницу, распивочно и навынос, не могла итти ни в какое сравнение с катковскими «Московскими Ведомостями»: последние все же были и крупнее и умнее. Банкротство реакции ни в чем, может быть, не выразилось так ярко, как в том, что после долгих и бесплодных, кончавшихся неизменной неудачей, поисков наследника Каткову, не могли найти ничего лучшего, как соблазнить через Рачковского перспективой этого поста, а потом и действительно возвести на него не кого иного, как старого участника хождения в народ, потом землевольца, наконец, идеолога и литератора терроризма и Народной Воли Льва Тихомирова.

Едва ли кто-нибудь будет серьезно утверждать, что бывший «Тигрыч», перед умом и выдержкой которого преклонялись землевольцы, чернопередельцы и народовольцы, мог искренне перевернуть вверх дном все свое мировоззрение. Надо считать несомненным, что этот умный и талантливый человек превратился из Савла реакции в ее Павла не по идейным причинам, а по соображениям совершенно иного порядка. Он был честолюбив непомерно и издавна отличался очень слишком развитым инстинктом самосохранения, заставлявшим его страдать шпиономанией и носить траур по Александре II [1]). Его революционная карьера была блестяща, и, конечно, если бы революция победила, перед ним открылись бы широкие перспективы и в смысле высокого, почетного и властного положения, и в отношении соответствующей обеспеченности. Но он увидел, что надежды на победу, по крайней мере скорую, нет, а Мефистофель—Рачковский говорил ему, как Фауст Маргарите, «почти то

---

[1]) В Фигнер, Запечатленный труд, I.

же самое, что и пастор, только иными словами». Соблазн покоя, безопасности и обеспеченности был слишком велик, и Тихомиров его не выдержал, «сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал». Всякий беспристрастный человек должен признать, что ренегатство Тихомирова бесконечно далеко от искреннего отступничества Достоевского. И расстояние, отделяющее Тихомирова от Достоевского в этом отношении, лучше всего показывает ту бездну падения, которая открылась в последнюю четверть века перед 1905 годом для реакционной диктатуры.

На грани между чистой реакцией и «консерваторами с прогрессом» стояли неославянофилы 80-х и 90-х годов. Старых славянофилов мы причисляли к консерваторам с прогрессом. Этого нельзя сделать с их идейными потомками: они стали почти совершенно чистыми реакционерами. Самым талантливым представителем этого реакционного неославянофильства был Н. Я. Данилевский, когда-то имевший некоторое, довольно отдаленное, впрочем, касательство к петрашевцам, а потом все силы и талант отдавший борьбе с дарвинизмом, сведшейся, впрочем, по справедливому замечанию К. А. Тимирязева, к повторению и сведению воедино ходячих, вульгарных возражений против теории Дарвина, и защите теории культурно-исторических типов в книге «Россия и Европа». Задача этой теории заключалась в том, чтобы подвести новые подпорки под ветхое здание идеи абсолютного своеобразия славянской и в частности русской культуры, причем идеолог этого своеобразия не постеснялся взять оружие из немецкого идейного арсенала, тоже устарелого, представленного Рюккертом. Если бы Данилевский прожил дальше, он, вероятно, смог бы несколько подновить свое оружие, заимствовав его тоже у немца—неокантианца Риккерта, который вдохновляет и теперь идеологов религиозного и метафизического как консервативного, так и либерального умонастроения.

Славянофилы, однако, не только вырождались в реакционное дворянство, но и перерождались в консервативную буржуазию, не чуждую уже в значительной степени прогрессивных стремлений. В этом отношении Сергей Юльевич Витте представлял собою удивительно колоритную, яркую, типичную фигуру.

Не случайно было то, что он рос и воспитывался в дво-

рянской славянофильской семье, на славянофильских симпатиях и идеях. Он верно говорил о себе: «как по моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие» [1]). Но этому самодержавию, по его представлению, не должно быть чуждо движение вперед, как думали и старые славянофилы.

Так, уже воспитание наложило неизгладимую печать некоторой, весьма еще робкой и слабой, новизны на личность Витте.

Талантливый юноша мечтал о научной деятельности, о кафедре. Это сочтено было «недворянским». Он не пошел, однако, обычной бюрократической дорогой. Вместо этой рутины он выбрал нечто более новое и живое — железнодорожную службу. И здесь он обнаружил и знание, и талант, и чутье к требованиям жизни, и широкий взгляд на железнодорожное дело, как одно из важнейших колес в огромной и сложной машине капиталистического хозяйства. С наибольшим блеском это выразилось в его книге «Принципы железнодорожных тарифов». Здесь формулированы те основные начала, которые прочно утвердились потом в русской железнодорожной политике и много содействовали развитию в России капитализма не только промышленного, но и сельскохозяйственного.

Дворянин по происхождению, славянофил по воспитанию, математик по образованию, Витте чутьем угадал потребности времени и рано, задолго до достижения им высших ступеней бюрократической лестницы, пошел навстречу удовлетворению этих потребностей — разумеется, в духе того оппортунизма, который так естественен был для социальной среды, его вскормившей, — той части русского дворянства, которая перерождалась медленно и постепенно в буржуазию.

И его финансовая политика соответствовала этому духу приспособления и перерождения: она направлена была к подъему производительных сил без разрушения, однако, старых политических традиций и к укреплению старого порядка экономической централизацией, без которой — без винной монополии, казенных железных дорог, сахарной нормировки—пришлось бы тронуть старый порядок и начать его раз-

---

[1]) Гр. С. Ю. Витте, Воспом., I, стр. 251.

рушение. Оппортунистическое примирение и взаимное приспособление капитализма и абсолютизма — вот политический смысл деятельности Витте, как министра финансов.

Но финансы — это политика: кто ведет финансовое хозяйство страны, тот соприкасается с целым рядом вопросов внутренней и внешней политики. И здесь Витте остался верен своему оппортунизму. Он защищал самодержавие и противопоставлял его земству. Он противился личной политике Николая II, но в то же время услужливо выдавал деньги и на концессию в Корее, и на подкуп китайских сановников для приобретения Порт-Артура. Он был великим мастером интриги.

Мы встретимся с Витте еще в дальнейшем ходе нашего изложения, в следующем томе нашего труда, и тогда увидим, что он и позднее не изменил себе, остался по существу тем же, чем был раньше. Являясь живым олицетворением перерождения русского дворянства в буржуазию, он не был, однако, двойственной натурой, не отличался внутренним разладом, в его груди вовсе не жили две души. Нет, он был цельной личностью, как цельна и внутренно едина была и психология представляемого им класса. В чем же состояли отличительные черты этой психологии?

Типично здесь, прежде всего — стремление к власти, могуществу, то упоение господством, которое проходит красной нитью через всю деятельность Витте.

Типична также энергия, жажда деятельности, выдающаяся трудоспособность.

Типично чутье действительности, уменье практически схватывать жизнь и безбоязненно, без самообмана и иллюзий, констатировать и воспринимать ее уроки,—практичность, приспособляемость, оппортунизм.

Типична дипломатическая тонкость, искусство скрывать свои мысли с видом откровенности, искренности, простоты.

Типична упорная, неуклонная, последовательная защита определенных классовых интересов.

Эстетика? Не ищите ее у таких людей: они любят красивое лишь постольку, поскольку оно нужно им в жизни, они по настоящему ценят только прикладное искусство и технику. Способностью к художественному творчеству они не обладают.

Этика, мораль? Она — служебное орудие, удобное при-

крытие истинных мотивов, щит от суждений толпы и нападений врагов, — не более.

Знаний немного, но сила знания уважается и ценится, особенно с точки зрения ее практической приложимости.

Политическая идеология вся подчинена жажде власти и классовым интересам, вся насквозь проникнута приспособляемостью.

Да и все подчинено этому и проникнуто этим. Перед нами во весь рост рисуется типичный индивидуалист, твердо помнящий об элементарных земных личных благах, но не сводящий уже к грубому наслаждению ими всего, чем красна жизнь, а наслаждающийся также властью и борьбой как самоцелью.

Мы достигли в своем изложении духовной культуры 80-х и 90-х годов точки перелома, перехода к оппозиционному и революционному движению. Уместно, остановившись на этом перевале, бросить взгляд на главные, наиболее характерные явления в развитии русской науки того времени.

Капиталистическое хозяйство не может успешно развиваться без научного понимания окружающей действительности, без установления объективной истины, по крайней мере, без стремления к ней. Позитивизм—самая подходящая философия для буржуазии, пока она не почувствовала близкой опасности слева и снизу. И позитивизм, отодвигая в область научно-непознаваемого ряд «проклятых» вопросов, доводит в известных пределах научное развитие и обобщение до значительной высоты. И это проявилось в развитии русской науки — естествознания и обществознания в 80-х и 90-х годах.

Столетов и Хвольсон в физике, Тимирязев в ботанике, Бредихин в астрономии, Жуковский в механике — имена, давшие русскому естествознанию и его представителям мировую известность. Достаточно, не стремясь к полноте перечня, назвать только их, чтобы показать, какой значительной высоты достигла в 80-х и 90-х годах разработка естественных наук в России.

В политической экономии и статистике замечательны были в особенности работы и школа А. И. Чупрова, в истории М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова, И. В. Лучицкого, В. О. Ключевского.

Ковалевский дал по существу ряд глубоких и ярких со-

циологических построений и выставил в качестве основного фактора, из которого последовательно выводилось все остальное, соотношение между пространством и населением страны. Виноградов в ряде исследований на основании богатого, главным образом, архивного материала, осветил историю феодального хозяйства и общества в Англии и Италии. Лучицкий также на архивном материале обосновал историю аграрных отношений и крестьянское землевладение во Франции накануне великой революции.

Несколько дольше мы остановимся на значении работы и личности Ключевского, особенно характерных для своего времени.

В молодости Ключевский был революционно настроен. Товарищи прозвали его даже Робеспьером. Но это прозвище мало ему подходило: он был не идейный борец, а скорее— скептик, отрицатель, с острым критическим умом. Это сделало его в сущности неверующим и в религии, и в политике, но вместе и отрицающим свое неверие, вечно сомневающимся, нигилистом в настоящем, подлинном смысле этого слова. Он готов был одинаково и смеяться над обрядами и религией, и соблюдать посты, говеть и молиться. Он издевался над русскими самодержцами и произнес панегирик Александру III.

Ключевский был совершенно исключительный лектор, обладавший тайной всецело покорять себе аудиторию—не только приковывать ее внимание к каждому своему слову, но и подчинять ее своей мысли, внушать слушателям даже то, что противоречило их убеждениям. В своей лекции «Добрые люди древней Руси», которая увлекала и трогала до слез, он в сущности доказывал, что раздача хлеба по кусочкам и денег по копеечкам лучше и выше, чем общественная помощь нуждающимся. Из другой лекции «Два воспитания» вытекало, что древне-русское воспитание и образование по Псалтырю и Часослову лучше системы воспитания XVIII в., времен Екатерины II. Слушатель, очарованный талантом лектора, под обаянием его изложения неистово апплодировал тому, что слышал, и только на следующий день, хладнокровно разобравшись в деле, начинал понимать, что он приветствовал мысли, противоположные своим убеждениям. То же попробовал Ключевский сделать тогда, когда, в связи с «октябрьскими днями ливадийских страда-

ний» (болезнью и смертью Александра III в Ливадии, близ Ялты в октябре 1894 года) вздумал произнести свой панегирик предпоследнему русскому самодержцу, но на этот раз сорвался, успеха не имел и впоследствии сам признал это свое выступление ошибкой, которую он искупил своим принципиальным отказом вступить в реформированный во время революции 1905 года государственный совет.

Естественно, что не было выдержанности и цельности и в его исторических взглядах. Но острота критического анализа, точность мельчайших наблюдений, высокая способность к широким обобщениям помогли ему здесь притти к целому ряду новых выводов и проложить новые пути, по которым следует итти и теперь. Его «Боярская дума древней Руси» имеет подзаголовок: «опыт исследования учреждения *в связи с историей общества*», а обобщающая глава так формулирует главный вывод исследования: «в боярской думе сидели представители того класса, который в данное время руководил народным трудом». В своей работе о происхождении крепостного права в России Ключевский дал не только блестящий образец тончайшего критического анализа источников и литературы, но и разрушил старую теорию о создании в России общества государством, показав, какие экономические причины создали крепостное право в России. В той же «Боярской Думе» Ключевский впервые вскрыл классовую подкладку отдельных моментов Смутного времени и разных кандидатур на царский престол. Ключевский был, следовательно, вовсе не только комментатором и последователем юридической школы, как иногда его несправедливо именуют, но пролагателем путей к историческому материализму в обработке русской истории.

Но приближение революции и развитие рабочего и крестьянского движения испугало русских либерально-буржуазных ученых. Метафизика и мистика стали противопоставляться бесстрашному, доходящему до конца в своей работе научному анализу. И в 1903 году это выразилось особенно ярко в неокантианстве и риккертианстве сборника «Проблемы идеализма». Истинным родоначальником этого нового уклона философской мысли, ограничивавшего компетенцию научного знания, был Владимир Сергеевич Соловьев, автор «Критики отвлеченных начал» и «Оправдания добра».

Философия Соловьева представляет собою метафизиче-

ское обоснование абсолютного индивидуализма, абсолютной истины, абсолютного добра и абсолютной красоты, буржуазной онтологии, этики и эстетики, социальная природа которых сводится к попытке идейного утверждения и укрепления вечности господства буржуазии. Поэтому, философия Соловьева характерна и по существу — как выражение миросозерцания буржуазной интеллигенции, и по методу— чистому, логическому умозрению, изящно-схоластическому, чуждому всякого эмпиризма. Чтобы дать представление и о миросозерцании, и о методе, приведем некоторые основные мысли из его «Критики отвлеченных начал».

«Истина есть сущее всеединое», ибо «если истина не есть сущее, то она становится вымыслом, следовательно, перестает быть истиной. С отнятием предиката «единое» истина теряет свое тождество и, распадаясь во внутренннем противоречии, уничтожается. Если, наконец, мы отнимем предикат «*всего*», то лишим истину реального содержания» [1]. «Обособляя познающий субъект и безусловно противополагая его познаваемому, мы теряем возможность истинного познания» [2]. «Истина не ощущение, не понятие, а то, что *есть* в ощущении и понятии..., т.-е. *сущее*» [3]. «Безусловно сущее или абсолютное первоначало есть то, что имеет в себе положительную силу (возможность) всякого бытия»; оно «единично, не может представлять собою ни конкретной множественности, ни отвлеченной общности». «Будучи субстанцией всего», безусловно — сущее «есть первоначальная субстанция и нас самих, и таким образом, оно может и должно быть нам дано не только в своих многообразно-отраженных проявлениях, образующих наш предметный мир, но и внутри нас самих как наша собственная основа, непосредственно нами воспринимаемая» [4]. «Абсолютное есть *ничто* и все—ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь [5]. Отсюда оно — любовь, ибо «любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем, этим само-

---

[1]) Вл. Соловьев, Критика отвлеченных начал, глава XLII.
[2]) Там же, та же глава.
[3]) Там же, та же глава.
[4]) Там же, глава XLIII.
[5]) Там же, та же глава.

отрицанием осуществляется его высшее самоутверждение»[1]). Бог (или любовь) *есть* всеединое, а человек только *становится* всеединым[2]). Абсолютно-сущее познается верой[3]). Традиционная теология «обладает истинным содержанием, но без той полноты и действительности, какие требуются истиной абсолютною»; эта полнота и действительность достигаются свободной теософией, которая «ставит теологию во внутреннюю связь с философией и наукой»[4]). Реализация всеединства совершается посредством людей, есть задача человека, «и исполнение ее есть искусство», а результат — абсолютная красота[5]).

Во всех этих рассуждениях положительной стороной является, несомненно, обличение непоследовательности и интеллектуальной робости позитивизма и агностицизма: Соловьев, как и последователи научной философии, хочет знать все до конца. Отрицательной стороной надо признать, помимо отсутствия всякого опыта и наблюдения и вследствие такого отсутствия, непонимание того, что существует не дилемма — истина или конкретная множественность или отвлеченная общность, а разрешение этой дилеммы в утверждении, что истина есть конкретное единство, тот единый элемент всего существующего—электрическая энергия, из которой современная наука — электронная теория и учение о природе вещества, а следовательно, и научная философия выводят всю мировую жизнь. Но, конечно, Соловьев не мог встать на точку зрения современной научной философии, потому что он был человеком своего времени и своего класса и сойти с его философской позиции, обосновывавшей буржуазный абсолютный индивидуализм, значило бы открыть пути к социалистическому мировоззрению, т.-е. отречься от самого себя: он не был и не мог быть социалистом.

Соловьев был не только философом, но также и поэтом. Его поэзия была эстетическим комментарием его философии. Поэтому, она справедливо характеризуется, как ми-

---

[1]) Там же, та же глава.
[2]) Там же, глава XLIV.
[3]) Там же, глава XLV.
[4]) Там же, глава XLVI.
[5]) Там же, заключение.

стический символизм [1]). Политическая ее сторона также характерна для ее буржуазной сущности: Соловьев видел в Руси — восток и задавал ей вопрос: «каким же хочешь быть востоком,—востоком Ксеркса иль Христа?» Он и здесь не допускал третьего исхода. Между тем, позднейшая действительность русской жизни показала и отчасти еще Герцен высказал, что, если даже Россия и останется востоком,— для нее открывается путь социалистического или коммунистического мессианизма, опять-таки, конечно, неприемлемый для буржуазного индивидуалиста Владимира Соловьева.

Философия и поэзия Соловьева подводят нас вплотную к изучению оппозиционных настроений и течений, поскольку они проявились, прежде всего, в художественной литературе, этом чувствительном барометре общественного настроения.

Сначала в оппозиционных настроениях 80-х и 90-х годов надо отметить остатки прошлого. Главный из них, поскольку речь пока идет только об оппозиционном, а не революционном, движении, — это толстовство. Лев Толстой, в творчестве которого уже раньше наблюдались ярко выраженные уклоны в сторону покаянно-дворянского настроения, окончательно встал на путь «опрощения», мирного христианского анархизма, выставляющего идеалом непротивление злу насилием, физический труд, скромность потребностей, простоту жизни. Лучшими художественными выражениями этого протестующего, оппозиционного направления были в творчестве Толстого «Хозяин и работник», «Воскресение», «Власть тьмы», «Плоды просвещения». Толстой в этом отношении в наше предреволюционное время был представителем течения, родственного одной струе в мировоззрении Руссо — той, которая выразилась в его рассуждениях о влиянии просвещения на нравы и о происхождении неравенства. Уход Толстого из семьи перед смертью, снимающий с него всякое подозрение в каком-либо лицемерии и тем ставящий его на большую идейную и моральную высоту, был, однако, по справедливому замечанию Плеханова, отступлением от его теории непротивления: уйдя от семьи, Толстой внешним образом, самим уходом, т.-е., по его собственной

---

[1]) Лукьянов, Поэзия Вл. С. Соловьева: «Вестник Европы» за 1901 год, март, стр. 142.

квалификации, насилием воспротивился злу, его угнетавшему, и тем практически, на деле показал нецелесообразность и неосуществимость последовательного непротивления. Жизнь диктовала не пассивность, а борьбу.

Была-ли, однако, возможна для буржуазии настоящая борьба? На этот вопрос своим художественным творчеством отвечал такой крупный талант, как Антон Павлович Чехов.

Буржуазный индивидуализм в самом широком, культурном понимании этого слова составлял несомненный и вместе с тем, не надуманный, а, так сказать, нутряной, органический, стихийный идеал Чехова. «Мое святое святых», писал Чехов Плещееву, «это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода,—свобода от силы и лжи, в чем бы последние ни выражались». В одном из рассказов Чехова тот же идеал находит себе такое выражение: «принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь эти три аршина нужны трупу, а не человеку. Человеку нужен весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

И вот, прилагая эту мерку к действительности, Чехов обнаруживал поразительное несовпадение,—культурное убожество русского общества, то самое убожество, которое, как мы видели, было результатом экономической отсталости и без которого не могла бы осуществиться и реакционная диктатура. И вся литературная деятельность Чехова представляла собою художественное изображение некультурности и пошлости разных классов русского общества. В дворянстве и интеллигенции он видел или самодовольных, сухих и пошлых эгоистов и пустых болтунов, или усталых и расслабленных людей, большею частью работающих на этих эгоистов, в буржуазии—городской и сельской, жадность и пресмыкательство перед богатством, крестьяне «живут хуже скотов», «они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга», и причину этого Чехов видел в тяжком деревенском труде, бедности, притеснениях. И над всем этим царили во всей России распыленность, духовное одиночество, и интеллигенция, ее лучшие

представители не имели «общей идеи или бога живого человека».

Но все же капиталистическая культура проникала в Россию, и она-то и, разумеется, также выдающийся талант Чехова — сделали его новатором в области художественной формы. Новшества, им в этом отношении введенные, «все шли по направлению экономии художественных средств и концентрированной силы впечатления». Отсюда и произошли «импрессионизм и драматическая форма повествования», а также «синтетическое толкование личности и среды, фигуры и обстановки»[1]. Чехов «перенес к нам европейскую технику очерка, так удивительно разработанную Мопассаном», который «являлся, до известной степени, учителем Чехова»[2].

Настроения, родственные чеховскому, выразились и в музыке, и в живописи: в музыке их представителем был Чайковский, в живописи—Левитан.

Оппозиционным настроением стихийного, органического, не политического характера отличался в художественной литературе 80-х и 90-х годов не один Чехов. Конец века дал еще протестующих индивидуалистов другого типа—символистов и декадентов. Для художников слова этого направления все — в культе личности и эстетике[3]. Пионерами этого литературного направления были в России два поэта, начавшие свою литературную деятельность гражданскими мотивами,—Мережковский и Минский. Но наиболее яркими представителями символизма явились Гиппиус, Соллогуб и Брюсов, из которых последний потом превратился в уравновешенного парнасца, мастера формы. Наконец, сюда же принадлежал Бальмонт с его звучной, музыкальной формой стиха и популяризацией бунтующего против морали индивидуализма[4].

Но все эти художественные новшества были оппозиционны лишь бессознательно, стихийно. Чем позднее, тем сильнее, однако, росло и крепло и сознательное, идейное оппозиционное, либерально-буржуазное течение.

---

[1]) Неведомский, Зачинатели и продолжатели, Петр. 1919, стр. 275.

[2]) Там же, стр. 276.

[3]) Там же, стр. 296.

[4]) Там же, стр. 297 и след.

Мы видели в свое время, что в самом начале изучаемой четверти века, в 1881 году, состоялся земский съезд и был основан земский союз с либерально-конституционной программой. В печати земскую программу проводили «Земство» Скалона, основанное в декабре 1880 года, и также общие органы либеральной прессы, как «Русские Ведомости», «Вестник Европы» и «Русская Мысль». Виднейшими либеральными публицистами были Стасюлевич, Арсеньев, Чупров, Соболевский, Анучин, Гольцев, Иоллос. Программа земцев представляла собою в то время смесь либерально-буржуазных требований с элементами народничества и немецкого катедер-социализма [1]).

Тяжелая рука реакционной диктатуры придавила земское движение. К лету 1882 г. «Земство» Скалона закрылось. Съездов больше не было, хотя земцы в 80-х годах не раз подымали вопрос о необходимости организации либеральной земской партии [2]).

Чтобы обезвредить земцев, реакционные круги прибегли в начале 80-х годов к провокации. Член Священной Дружины граф П. П. Шувалов выработал проект конституции с двухпалатной системой, причем верхняя палата должна была быть некоторым подобием палаты лордов, и вступил в 1882 г. в сношения с одним из земских лидеров И. И. Петрункевичем [3]). Богучарский считал Шувалова искренним конституционалистом, но едва ли это было так: Шувалов имел сношения не с одним Петрункевичем, а также и с Гольцевым, через которого передавал деньги на издание в Женеве газеты «Вольное Слово» [4]). Между тем эта газета была несомненным провокационным предприятием. Ее с августа 1881 года издавал и редактировал в Женеве Мальшинский, несомненный агент Священной Дружины. Мальшинский выдавал «Вольное Слово» за орган Земского союза и пригласил участвовать в нем эмигранта, бывшего профессора всеобщей истории в Киевском университете Драгоманова. В конце 1882 г. специальный делегат Земского союза пред-

---

[1]) Иорданский, Земское движение.

[2]) Иорданский, Из переписки земских деятелей: «Голос Мин.» за 1915 г., № 12, стр. 211 и сл.

[3]) Богучарский, Из ист. пол. борьбы, стр. 405.

[4]) Там же, стр. 404.

ложил Драгоманову редактировать эту газету, и он согласился: и Гольцев, и Земский союз, фактически, впрочем, бездействовавший уже в России, и Драгоманов были введены в обман Шуваловым, который нарочно для этого передавал и деньги на «Вольное Слово» через Гольцева, и Драгоманов так и умер в уверенности, что он редактировал газету Земского союза. «Вольное Слово» было прекращено 1 января 1883 года [1]): в нем не настояло более нужды, так как Земский союз на деле уже не существовал, и обезвреживать его было незачем. Известно, как Мальшинский пользовался этим мнимым органом Земского союза, чтобы резко нападать на революционеров [2]). Был, кстати сказать, и выходил также в Женеве одновременно с «Вольным Словом» другой провокационный орган, редактировавшийся Климовым, ультратеррористический, под названием «Правда» [3]).

И в 90-х годах делались не раз попытки создать организацию либеральной земской оппозиции, но сколько-нибудь прочное политическое целое так и не удалось тогда составить. Пользовались только разными поводами, чтобы собрать под прикрытием земских выставок, совещаний по специальным вопросам земского дела, курсов для учителей—тайные съезды земских либералов, где неизменно выдвигались конституционные проекты.

Были в 90-х годах и попытки организации «третьего элемента» в земстве, т.-е. земских служащих — статистиков, врачей, учителей. IX сезд естествоиспытателей и врачей в Москве в 1894 году объединил статистиков, для чего при секции географии создана была специальная подсекция статистики. То же продолжено было на X съезде естествоиспытателей и врачей, происходившем в Киеве в 1898 г. На обоих съездах в тайных заседаниях рассматривались конституционные проекты, поддерживались съездами и земские ходатайства, напр., об отмене телесных наказаний. Пироговские съезды объединяли врачей. Были и два постоянных учрежде-

---

[1]) Там же, стр. 387 и сл.; см. также статьи Богучарского в «Русской Мысли» за 1912 г., № 9, «Современник» за 1913 г., № 4 и в «Юбилейном Земском Сборнике» 1914 г.; ср. «Священная дружина» (дневник Смельского) в «Голосе Минувшего» за 1916 г., № 2, стр. 157; Автобиография Драгоманова: «Былое» за 1906 г., № VI.

[2]) См., напр., Дейч, С. М. Кравчинский.

[3]) Богучарский, Из ист. пол. борьбы, стр. 433.

ния, которые организовали вместе и передовых земцев и земских служащих: это—Вольно-экономическое общество, особенно с тех пор, как в 1898 г. президентом его стал граф Гейден, и петербургский комитет грамотности [1]). Этот способ использования существующих организаций для оппозиционных заявлений был перенесен и в XX столетие: 22 марта 1902 г. учреждено было под председательством Витте особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, причем им организованы местные комитеты; в этих местных комитетах особенно замечательны были три оппозиционных выступления: одно было сделано известным педагогом Бунаковым, высказавшимся в воронежском комитете за все свободы, другое доктором Мартыновым там же—он выставил требование представительного собрания; третьим было выступление череповецкого комитета—также за выборное представительство [2]).

Задачу политического объединения либеральной и радикальной оппозиции поставила себе в первой половине 90-х годов партия Народного Права. Организаторами ее были бывшие чайковцы и землевольцы Натансон, Тютчев и др. Отказ от социализма как программного требования и борьба за конституцию—вот та платформа, на которую встали народоправцы и о которой они оповестили в своем манифесте 1893 года. К Народному Праву примыкали кружки либеральной интеллигенции в Петербурге, Москве, Орле, Саратове, Харькове и Перми. В 1894 г. партия Народного Права была ликвидирована арестами и высылками [3]).

Более или менее оформленную либеральную политическую организацию дало только начало XX века. С июня 1902 года стал выходить заграничный орган либеральной оппозиции «Освобождение» под редакцией Струве. Он основан был земцами и земскими служащими во время кустарно-промышленной выставки в Петербурге. При этом между обоими социальными элементами, составившими в данном случае политическую коалицию, сразу обнаружились разногласия: когда речь зашла о программе «Освобождения», зем-

[1]) «Общ. движение в России в начале XX в.», т. I, стр. 270—276: статья Череванина.

[2]) Там же, т I, стр. 286—287 (статья Череванина).

[3]) Там же, I, стр. 373—374 (статья Егорова)

ские служащие настаивали на учредительном собрании, основанном на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании, но земцы, как экономически более сильный в коалиции элемент, как притом же более умеренный и потому по преимуществу окрашивавший ее в свой цвет, провели учредительное собрание из представителей земств [1]. При этом в № 1 «Освобождения» в программной статье отстаивался именно только такой состав учредительного собрания, ни слова не говорилось не об избирательном праве при выборах в будущее конституционное представительное собрание, ни о каких-либо социальных реформах [2]. Строго говоря, таким образом, «Освобождение» сразу сделалось органом группы земцев-конституционалистов, собиравшихся на тайные съезды, первый из которых состоялся 8 ноября 1903 года.

Но земцы нуждались хоть в какой-нибудь массовой поддержке. С другой стороны, в радикально-буржуазной интеллигенции сильны были народоправческие традиции и вкусы. Отсюда вышел Союз Освобождения.

Первый съезд Союза Освобождения состоялся в Шафгаузене в июле 1903 года, второй в Харькове в сентябре 1903 года. Но окончательно Союз был основан на учредительном съезде, происходившем 3, 4 и 5 января 1904 года. Тут объединились левое крыло земских либералов (будущие ка-деты). ревизионисты-бернштейнианцы типа Прокоповича и Кусковой и будущие народные социалисты—Анненский, Пешехонов, Короленко и др. Соответственно этому и программа Союза Освобождения вышла более левой. чем программа земцев-конституционалистов: в ней значились и учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, и восьмичасовой рабочий день, и принудительное отчуждение части частновладельческих земель [3]. Так получились две параллельных организации либеральной и радикальной оппозиции. Связью между ними было левое крыло земских либералов, будущие к.-д., которые принимали участие в обеих организациях

Союз Освобождения сделал попытку усилить себя и соглашением с революционными организациями. С этою целью

[1]) Там же, I. стр. 285 (статья Егорова).
[2]) Там же, III. стр. 1—2 (статья Мартынова).
[3]) Там же, III, стр. 4.

летом 1904 г. в Париже созвана была конференция. На нее отказались явиться социал-демократы, но пошли армянские дрошакисты, грузинские социалисты-федералисты, польская партия социалистов и социалисты-революционеры. Между этими партиями и освобожденцами был заключен блок на основе следующей платформы: 1) уничтожение самодержавия и ограждение конституционных прав Финляндии, 2) всеобщее избирательное право, 3) национальное самоопределение [1]). Оппозиция, несомненно, твердо и обдуманно вела свою линию, надеясь своими действиями и соглашениями себя усилить в глазах правительства, вынудить последнее к уступкам и тем избежать революции.

В начале ноября 1904 г. был созван не разрешенный правительством, но терпимый им земский съезд. Перед этим съездом, 20 октября 1904 г., состоялся новый съезд Союза Освобождения, посвященный, главным образом, вопросу об участии в земском съезде. Здесь решено было принять участие в земском съезде и, кроме того, поднять на земских собраниях вопрос о конституции и организовать во всех городах России, особенно в столицах, банкетную кампанию [2])

Ноябрьский земский съезд 1904 года замечателен, как известно, тем, что на нем окончательно определились левое большинство и правое меньшинство земцев. Во главе первого были Милюков, князья Долгоруковы, князь Львов и пр., второе возглавлялось Шиповым и Гучковым. Обе групппы сошлись на выборном представительстве, но большинство стояло за участие этого представительства в законодательной власти, т.-е. за конституцию, а меньшинство только за участие в законодательстве, что предполагало возможность и совещательного представительства. Освобожденцы опять оказались в поводу у земцев.

Последними выступлениями русской либеральной оппозиции в 1904 году были банкетная кампания и заявление черниговского губернского земского собрания о необходимости народного представительства, за что председатель собрания, губернский предводитель дворянства Муханов, допустивший такое постановление, получил высочайший выговор. Остальные земские собрания ограничились весьма неопределен-

---

[1]) Там же, I, стр. 286 (статья Егорова).

[2]) Там же, III, стр. 6 (статья Мартынова).

ными, туманными формулами [1]), так что план земской кампании, задуманный освобожденцами, в общем на удался. Удачнее были банкеты. Но и им в декабре 1904 года правительство положило конец. Министр внутренних дел князь Святополк-Мирский, деятельность которого во второй половине 1904 г. истолковывалась как проявление политической «весны», готов был на уступки и представил проект созыва выборных от земств и дарования всех свобод, изготовленный для него Крыжановским и Лопухиным. На особом совещании, созванном Николаем II для обсуждения этого проекта, Победоносцев высказался против него и был поддержан великим князем Сергеем Александровичем, вел. князь Владимир Александрович подал голос за проект. Витте перехватил из проекта все свободы и отсек выборное представительство. Так увидел свет указ 12 декабря 1904 г. [2]). То было несомненным поражением либеральной оппозиции: ее соглашательские стремления потерпели крушение, правительство не пошло на уступку в основном, главном. Конституционные планы без революции не могли быть осуществлены. Мирная конституционная реформа к концу 1904 года не удалась. Революция стала необходимой и неизбежной.

Мы и должны теперь перейти к изучению революционного движения.

Мы наблюдали уже главные моменты гибели Народной Воли. Эта гибель и связанные с ней настроения нашли себе выражение в поэзии Якубовича и Надсона и в художественной прозе Гаршина.

Якубович еще верил, боролся, действовал. Но с какими чувствами? С чувством отчаяния, с сознанием товарищеского долга, обязанности погибнуть, но не бросить дело погибших борцов. Эти именно мотивы и звучали громче всего в его искренней, преисполненной глубокого чувства поэзии, вызывающей горячую симпатию к удивительной по своему светлому любвеобилию личности поэта, давшего и очерки каторги в его «Мире отверженных»).

Надсон начал призывами в стиле Якубовича к «усталому, страдающему брату» с увещанием «верить», что «настанет

---

[1]) Там же, III, стр. 1—2 (статья Веселовского).

[2]) Лопухин, Отрывки из воспоминаний, стр. 44—52.

[3]) Неведомский, Зачинатели и продолжатели, стр. 199—205.

пора, и погибнет Ваал, и вернется на землю любовь». Характерно, однако, и тут увещание «верить»: очевидно, уже вера поколеблена. Не менее характерно, что обращение адресовано не к бестрепетным борцам, а к «усталым» и «страдающим». А потом наступило время отчаянья, тоски и неверия. Нет стихотворения, которое для поэта, умершего 24-х лет от роду, было бы более характерным, чем следующее:

Да, молодость прошла... Прошла не потому,
Что время ей пройти, что время есть всему...
Нет, молодость прошла до срока,
Замерла, как сдержанный напев...
На время унесло с собой ее расцвет,—
Жизнь унесла его, развеял опыт жадный,
Яд затаенных слез, боль незакрытых ран,
Ведь гнет последних дней—пустой и безотрадный...

Идеалы погибли, борцы устали, выхода нет.

То же говорил, наконец, в своей художественной прозе Гаршин. С чарующей простотой и искренностью Гаршин выражал те же порывы, отравленные ядом сомнения, и утешения искал лишь в недавнем героическом прошлом, не видя впереди ничего хорошего [1]).

И, однако, то был лишь один момент. Неумирающая жизнь осудила не революцию, а реакцию и создала новые живые формы революционного движения. Чуткие художники конца XIX и начала XX века это новое схватили и претворили в художественные образы. Но понять их можно только в связи с тем, что совершалось в самой действительности.

А совершалось в ней массовое революционное движение, — то самое, которого жаждали и которое старались возбудить и разжечь землевольцы и народовольцы, — движение учащейся молодежи, крестьян и рабочих.

После введения нового университетского устава 1884 г., студенческие беспорядки не только не прекратились, но стали постоянным явлением, повторялись каждые два-три года. Беспорядки 80-х годов — 1887 года, когда закрыты были 5 университетов, 1889—90 г.г., когда они происходили во всех высших учебных заведениях,—протекали под лозунгом борьбы за чисто-академические порядки,--за корпоративную связь студенчества главным образом. Но понятно, что эта корпора-

---

[1]) Там же, стр. 190 и след.

тивная организация при реакционной диктатуре сама по себе была противоречием существующему строю и кроме того, несомненно, явилась бы прикрытием революционных организаций в студенческой среде. Таким образом и борьба по академическим причинам об'ективно приобрела политическое значение.

Нелегально землячества среди студентов—напр., в Москве—продолжали существовать в 80-х и 90-х годах. В первой половине 90-х годов в Москве образовался союз землячеств, об'единявший до 1.700 чел. студентов. В связи с союзом землячеств находились и выбиравшиеся всем студенчеством курсовые старосты. Наконец, были и кружки саморазвития и студенческая библиотека. Землячества имели целью не только материальную взаимопомощь, но умственный и нравственный под'ем студенчества. Союзный совет старался предотвращать студенческие беспорядки, но 82 профессора из усердия перед начальством высказались в декабре 1894 г. против Союзного совета и тем толкнули его на путь протеста и оппозиции. По случаю ходынской катастрофы—гибели на Ходынском поле во время коронационных празднеств по оффициальным данным 1389-ти человек, 600 студентов, помимо Союзного совета, устроили демонстративную панихиду по погибшим. Союзный совет руководил студенческой забастовкой с требованиями изменения устава, уничтожения произвола и освобождения арестованных. В результате были высланы 200 студентов.

В Петербурге с начала 90-х годов существовала касса взаимопомощи радикального студенчества, где участвовало 300—400 человек. Она здесь явилась таким же централизующим землячества учреждением, как Союзный совет в Москве. В 1897 г. и в Петербурге образовался Союз землячеств, но он не был силен. Были и здесь политические выступления по случаю ходынской катастрофы и самоубийства политической заключенной в Петропавловской крепости Ветровой, подвергшейся насилию со стороны офицера.

В 1899 г. в Петербурге начались беспорядки по случаю угроз карами со стороны ректора университета Сергеевича, который был освистан. К студентам петербургского университета присоединились 30 высших учебных заведений, в которых протест выразили 25 тыс. студентов, организованных для этого особым организационным комитетом и студенческой

всероссийской кассой взаимопомощи. Тогда правительство решило в министерство Боголепова наказывать за студенческие забастовки отдачей в солдаты и впервые применило изданное об этом Положение к киевским студентам в 1900 г. Тогда в Петербурге, Москве и Харькове студенческие беспорядки естественно приняли политический характер. Репрессии только подливали масла в огонь, и потому учреждена была особая комиссия под председательством генерала Ванновского, которая высказалась за разрешение студенческих организаций. Но было уже поздно: атмосфера стала накаляться вследствие развития рабочего и крестьянского движения, революционная волна поднималась, и студенческие беспорядки 1902 и 1903 г.г. приняли явно-политическую окраску [1]).

Студенческое движение было важно тем, что студенты представляли собою кадры буржуазно-демократической интеллигенции, и часть их пополняла собою ряды профессиональных революционеров, деятелей новых революционных партий. Его развитие и приобретение им политической окраски в такой степени, в какой это не бывало прежде, явилось первой новостью конца XIX и начала XX века.

Второю новостью был рост крестьянского аграрного движения. В русской нелегальной печати 80-х и 90-х годов появлялось много сведений о крестьянских беспорядках в разных губерниях. Эти известия нашли себе оффициальное подтверждение в циркуляре министра внутренних дел 17 июля 1898 года, где прямо указывалось, что крестьяне главным образом в южных и юго-восточных губерниях производят потравы помещичьих полей и лугов, порубки владельческих лесов, нападения на усадьбы и раздел имущества, избиения помещиков и убийства чинов полиции. В 1901 г. аграрные волнения охватили 16 губерний. Опять пришлось признать, что репрессиями, реакционной диктатурой нельзя уничтожить и аграрное движение. С большим опозданием, в январе 1902 г., правительство учредило особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности с его местными комитетами. Но было поздно: весной 1902 г. волнения захватили по несколько десятков тысяч крестьян в Украине, Саратовской губ., в Гурии на Кавказе; в Тамбовской, Воронеж-

---

[1]) Обществ. движ. в России в начале XX в., I, стр. 263 и след. (статья Череванина).

ской и Волынской губерниях начался аграрный террор; в Страврупольской губ. и в Кубанской области произошли забастовки сельскохозяйственных рабочих. В Гурии крестьяне отказались платить подати, потребовали уменьшения арендной платы с половины урожая до $^1/_{10}$ и вооружились; часть помещиков уехала из своих имений, другие уступили, и так дело обстояло там до 1905 года. В 1903 году сильнее всего аграрное движение разгорелось в губерниях Саратовской, Воронежской, Херсонской, Киевской и Черниговской, но оно существовало сверх того в ряде других губерний. Поджоги, аграрный террор, захват помещичьей земли стали явлениями все более частыми [1]).

Наконец, если первой новостью конца века и начала нового столетия надо было считать разгар студенческого движения, а второй — рост аграрных волнений, то третьей было развитие движения рабочих.

Нам известны уже зачатки рабочего движения в предшествующее время. Движение первой половины 80-х годов было так же стихийно, слабо организовано и малосознательно, как и раньше. Оно отличалось от прежнего только своими размерами, количеством, причем это количество пока не переходило в качество. Считают, что с 1878 по 1880 г. бастовало всего до 35 тысяч рабочих в 29-ти случаях, а между 1881 и 1886 годами насчитывают 48 стачек с 80-ю тысячами участников [2]). По новейшему обследованию стачечного движения 1880 — 1883 годов за это время было 25 больших рабочих забастовок [3]). Стачки происходили главным образом из-за понижения расценок и направлены были также против штрафов, но были также стачки и против увеличения рабочего дня; иногда забастовки сопровождались разгромом фабрик [4]). В течение 1884 года движение охватило несравненно большие, чем в предыдущие годы, круги рабочих [5]).

1885 год отмечается как поворотный пункт русского рабочего движения вследствие того, что в этом году произошла

---

[1]) Там же, I, стр. 235 и след. (статья Горна).

[2]) Мартов, Развитие крупной промышленности и рабочее движение—в «Ист. Рос. XIX в.», вып. 23-й, стр. 123, 126.

[3]) Власова, Материалы для истории русского рабочего движения. «Крас. Лет.» № 5, стр. 394—401.

[4]) Мартов,—в «Ист. Рос. XIX в.»; вып. 23-й, стр. 126—127.

[5]) Невский, Оч. из ист. Р. К. П., I, стр. 200.

огромная забастовка на фабрике Морозова в Орехове. Главным поводом для нее послужили штрафы, налагавшиеся самим хозяином и фабричной администрацией на рабочих: они нередко достигали 20, 30, иногда даже 50% заработка и доставляли хозяину, в прибавок к получавшейся им огромной прибыли в 45% годовых, солидный дополнительный доход в 20 тыс. руб. в год. В организации этой стачки деятельное участие принимали трое рабочих ткачей — Моисеенок, Волков и Иванов, из которых первый имел уже за собой политическое прошлое. Моисеенок вращался еще в начале 70-х годов в рабочих кружках землевольцев, учился народническому социализму у Плеханова, участвовал в стачках на Новой Бумагопрядильне и в подаче прошения наследнику, в 1879 — 83 годах был в ссылке в Канском уезде, Енисейской губернии.

На морозовской фабрике бастовали 8 тысяч рабочих. Вопреки стараниям Моисеенка, дело не обошлось без разгрома конторы, квартир директора, мастера и бухгалтера, пекарни, с'естной лавки и розничного магазина. Но главное— здесь самими рабочими были выработаны и пред'явлены весьма осмысленные требования: штрафы не должны быть выше 5% заработка, вычет за прогул не выше 1 рубля, а прогул по вине администрации оплачивался бы как рабочее время; при отказе от работы обе стороны должны предупреждать за две недели; материал (пряжа) должен быть доброкачественным, и выдача заработка должна производиться в срок, без задержек. Характернее всего то, что требования рабочих были признаны правильными и умеренными и положение их невыносимым даже судом без присяжных, к которому привлечены были 19 главных участников в стачке во главе с Моисеенком и Волковым, и они осуждены были только на непродолжительный арест, а суд присяжных, судивший 33 человека, по всем 101 вопросам, ему поставленным, признал их невиновными, так что Катков в «Московских Ведомостях» писал: «раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», — и рекомендовал в случае забастовок не суд, а простую административную расправу, даже находил, что лучше закрыть все фабрики, чтобы избежать рабочего движения. Конечно, мечтания Каткова были безнадежной утопией, и результатом морозовской стачки было не закрытие всех фабрик, а издание

закона 1886 г. о штрафах. Плеханов был прав, когда писал во французской социал-демократической газете Гэда и Лафарга «Социалист», что морозовская стачка и процесс о ней являются исходным пунктом нового фазиса рабочего движения в России [1]).

Дальнейшее развитие рабочего движения совершалось в тесной связи с марксистским, социал-демократическим движением. Поэтому и раздельное изложение этих двух процессов невозможно. Мы должны теперь обратиться прямо к росту и видоизменениям революционного движения, чтобы понять дальнейший ход событий.

Мы видели, что к концу 80-х годов окончательно исчез народовольческий центр, Исполнительный Комитет, и остались одни отдельные кружки, и их идеология стала терять прежнюю народовольческую чистоту и меняться. Деревенской работы попрежнему не было, шла пропаганда только среди рабочих и интеллигенции, главным образом, среди учащейся молодежи. Студенческое, крестьянское и рабочее движения требовали новых работников и новых лозунгов. И вот началось перерождение народовольческих групп в двух направлениях: одно повело к образованию партии социалистов-революционеров, другое—к слиянию с социал-демократией.

Нам уже известна та идейная эволюция, которую пережил Лавров: из идеолога пропагандизма он стал сначала землевольцем, потом принял народовольческий терроризм, что поставило его во главе «Вестника Народной Воли» вместе с Тихомировым. Таким образом, революционные воззрения Лаврова явились смесью народничества с терроризмом и элементами теории классовой борьбы Маркса. Таково было идейное наследство Лаврова, когда он умер в 1901 году. Это наследство делало его, несомненно, идейным вождем и основателем нового революционного народничества, — партии социалистов-революционеров.

В западной России в 1899 — 1901 годах Гершуни основал и стал укреплять «Рабочую партию освобождения России», где вся идеология Лаврова в ее последней формации была воспринята целиком. Практически эта партия ставила на первую очередь завоевание политической свободы и тем

---

[1]) Мартов.— в «Ист. Рос. XIX в.», вып. 23, стр. 128; Невский, Очерки из ист. Р. К. П., I, стр. 200—209.

сближалась со старыми народоправцами. То был первый элемент будущей партии социалистов-революционеров.

Вторым ее элементом явилась заграничная группа старых народовольцев, которая в 1901 году выпустила первый номер «Вестника Русской Революции». Здесь заметны значительные отступления от старого народовольчества: социалистичность русского крестьянства, правда, не отрицалась, но не крестьянству отводилась главная боевая роль в ходе революционного движения в России; все надежды в этом отношении возлагались на рабочих и революционную интеллигенцию; поэтому и новая партия должна была быть вместе и рабочей, и терррористической.

В 1899 году там же, заграницей, возник Союз социалистов-революционеров, признававший две главных массовых опоры социализма и революции в России—крестьянство и рабочий класс. В 1901 г. появился заграницей орган Союза—«Революционная Россия».

В 1900 году на юге России образовалась группа, выпустившая манифест от имени партии социалистов-революционеров: здесь отрицалось крестьянство как нечто социально-единое, различалась уже классовая группировка в деревне; на первый план выдвигался союз буржуазии и пролетариата для завоевания политической свободы.

В то же время заграницей Житловский, Шишко, Волховской, Чайковский основали аграрно-социалистическую лигу, которая держалась ближе к старому народничеству, центр тяжести полагала в крестьянстве, отстаивала аграрный социализм, представлявший собою сочетание русского народничества с западно-европейским ревизионизмом. Одновременно с этим группа Тарасова, Гоца и Рубановича выпустила первый номер «Вестника Русской Революции».

Все эти отдельные группы и союзы консолидировались, слились в единую партию социалистов-революционеров в конце 1901 года. Организатором партии, главным ее практическим руководителем, стал Гершуни, а теоретиком — Чернов, выступавший под псевдонимом Гарденина. С начала 1902 года и «Революционная Россия», и «Вестник Русской Революции» становятся органами новой партии [1]).

---

[1]) Обществ. движ. в России в нач. XX в., I, стр. 415—416 (статья Егорова); Слетов, К истории возникновения партии соц.-революционеров.

Что она собою представляла и какова была ее революционная работа?

Ставя своей конечной целью завоевание социализма и видя в рабочем классе одну из основных социальных сил, которая может эту цель осуществить, социалисты-революционеры другой такой силой считали мелкое и среднее крестьянство с их общиной и артелью. Таким образом, хотя они уже научились у марксизма различать классовые группы в крестьянстве, но от народничества унаследовали убеждение в социалистической природе крестьянина-бедняка и середняка. Особенно крестьянин-середняк казался им основным столпом социалистического движения в деревне. Кооперация мелкого и среднего крестьянства — вот основа будущего, по мнению теоретиков партии. Соответственно тому, эти теоретики, вслед за Бернштейном, Давидом, Гертцем, Гатти, отрицали развитие сельскохозяйственного капитализма и горячо отстаивали живучесть и будущность мелкого крестьянского хозяйства. На этой почве строился проект так-называемой социализации земли, сущность которой заключалась в том, что земля не должна быть ничьей собственностью — ни личной, ни государственной, ни коллективной и должна находиться в пользовании свободных союзов мелких сельскохозяйственных производителей, работающих лично, без применения наемного труда. С такого рода реформой сочетались в представлении социалистов-революционеров самые блестящие перспективы: и улучшение производительности сельского хозяйства, и повышение благосостояния деревни, и создание рынка для фабрикатов, и переход в недалеком будущем к социализации индустрии. Уничтожение частной собственности на землю должно было произойти без выкупа, но в отдельных случаях, при нужде, предполагалась возможность пособий и пенсий бывшим земельным собственникам. Путь к социализации земли, составляющей, таким образом, центральный пункт программы партии, должен был итти через установление демократической федеративной республики с референдумом по важнейшим законодательным вопросам. В программу-минимум входило и широкое рабочее законодательство и все свободы. Переходным моментом ко всему этому являлось учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, а учредительное собрание могло быть

завоевано только рабочим и крестьянским восстанием, причем вспомогательным тактическим средством должна явиться и террористическая борьба.

В этой программе, конечно, было больше марксистских элементов (напр., в некотором признании классового деления и классовой борьбы), чем в старом народничестве и народовольчестве. Но эти марксистские элементы не были в полной мере развиты и проведены последовательно. С другой стороны, не изжиты были старые народнические иллюзии по отношению к крестьянству, сохранена вера в террор, и заплачена щедрая дань ревизионизму. Поэтому остается справедливым старое крылатое изречение Плеханова: «социалисты-революционеры — это такие социалисты, социализм которых не революционен, и также революционеры, революционность которых не социалистична». И именно поэтому был возможен тот блок социалистов-революционеров с освобожденцами, который, как нам уже известно, был осуществлен на укороченной, обрезанной платформе на парижской конференции, куда не пошли социал-демократы. Мелкобуржуазная природа партии социалистов-революционеров влекла их к союзу с крупной и средней буржуазией и делала для последней эту партию несравненно более понятной и симпатичной, чем последовательный марксизм.

Деятельность социалистов-революционеров развивалась в среде интеллигенции, в крестьянстве (особенно с 1902 года) и в рабочем классе, преимущественно в тех его слоях, которые не порвали еще связи с деревней. Специально проявили себя они в террористических актах, главными из которых до конца 1904 года были: убийство Карповичем министра народного просвещения Боголепова, совершенное, впрочем, не по решению партии, а лично Карповичем по собственной инициативе, покушение на харьковского губернатора князя Оболенского, производившего массовые сечения крестьян за аграрные беспорядки, убийство уфимского губернатора Богдановича, расстрелявшего златоустовских рабочих—оно было организовано Гершуни,—убийство Сипягина Балмашовым и убийство Плеве — Сазоновым, совершенное 15-го июля 1904 года. Несомненно, эти террористические акты производили большое впечатление в особенности на буржуазию и на правительство. Но на массы они нередко действовали так, что не поощряли их к активности, а внушали

им надежду на посторонних мстителей, которые не оставят без ответа несправедливость. Известно, например, что златоустовские рабочие, после расстрела их товарищей уфимским губернатором Богдановичем, были настроены в высшей степени революционно; убийство Богдановича сильно понизило у них это настроение.

Эволюция народовольческих групп в партию социалистов-революционеров была, как выше указано, только одной ветвью изменений, которые совершались около половины 80-х годов в русском революционном движении; другою ветвью этих изменений было перерождение некоторых народовольческих групп в социал-демократию. Типическим примером этого была группа народовольцев 1884—85 годов, в которую входили: М. С. Александров (с.-д. клички его— Ольминский, Галерка), Н. Л. Мещеряков, Е. М. Александрова, А. А. Федулов, А. А. Ергин, Л. К. Чермак, Н. Н. Фрелих, А. Н. Никитинский, В. И. Браудо, Н. А. Григорьева и др. Эта группа действовала среди рабочих в Петербурге, и в работе существовала сплошь и рядом черезполосица с социал-демократами; и по существу работа ее все более сближалась с социал-демократической [1]).

Историю, собственно, социал-демократии в России обыкновенно начинают с заграничной группы «Освобождение труда», основанной в 1883 году и состоявшей из Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча и Игнатова. Главной организаторской силой был Дейч, главным теоретиком являлся Плеханов. Но Дейч поехал в Россию с транспортом литературы, был арестован в Германии, выдан и осужден на каторгу, и это, несомненно, дурно отразилось на организационном влиянии группы [2]).

Но прежде чем говорить об этом организационном влиянии и определять его меру, необходимо оценить идеологические новшества группы «Освобождение труда». Здесь на первом плане стоят две работы Плеханова — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

В первой из них Плеханов с самого же начала порывает с традициями прошлого: бунт Разина, крестьянская война

---

[1]) От группы Благоева к Союзу борьбы (статья Ольминского).

[2]) Рязанов, Г. В. Плеханов и группа «Освобождение труда», 4-е изд., М. 1919.

в Германии XVI века ему уже не кажутся, как прежде, идеалом революции; он провозглашает новое положение: социализм достижим только посредством рабочей партии.

Затем, выбрав эпиграф из Маркса—«всякая классовая борьба есть борьба политическая», Плеханов переходит к критике старых русских революционных позиций в отношении к политической борьбе. Он указывает, что лавристы или впередовцы были всех ближе к социал-демократии, но и они отрицали политическую борьбу, не признавали, что фабричные рабочие более восприимчивы к социализму, чем крестьяне, и полагали, что возможность для рабочих организоваться куплена дорогой ценой эксплоатации их при капитализме и торжеством буржуазии. Что касается бакунистов или бунтарей, то они, будучи анархистами, отрицали всякую, какую бы то ни было государственность, считали необходимым помочь народу разрушить государство, результатом чего и будет национальная свобода и экономическое равенство. И Ткачев боялся капитализма и экономического прогресса, так как опасался, что капитализм разрушит общину, и либеральное правительство считал злом, так как оно будет сильнее реакционного, и борьба с ним будет труднее; правда, он требовал политической борьбы, но понимал ее, как бланкист, в виде заговора для захвата власти революционной группой и, боясь капитализма и экономического прогресса, обнаружил тем непонимание истории и показал, что он не был действительным революционером. Народовольцы, прежде всего, в лице Желябова, были противниками классовой борьбы до тех пор, пока не побежден абсолютизм. Они, правда, решительно перешли к политической борьбе, первые стали отрицать не государственность вообще, а абсолютизм, но они не порвали с народническими традициями, не понимали политического значения классовой борьбы и не усвоили основ научного социализма [1]).

Плеханов и провозглашает эти основы, излагая основные положения учения Маркса [2]).

Затем он сосредоточивает внимание на критике народовольческой программы, отмечает неверие народовольцев в то, что можно привлечь к делу социалистической револю-

---

[1]) Сочинения Г. В. Плеханова, т. I, стр. 103—117.
[2]) Там же, I, стр. 117—137.

ции массы крестьянства: они надеются привлечь только отдельных лиц; рабочих Народная Воля ошибочно считает только одним из элементов социалистической пиртии, надеется не на солдат, а на офицерство, либералов и Европу; потом Народная Воля признала, что учредительное собрание лишь в том случае будет социалистическим, если до его созыва временное правительство экономически преобразует общество; но ведь и либералы, и Европа не стоят за экономический переворот.

Вывод ясен: нужна, действительно, диктатура, но диктатура не революционной группы, а диктатура класса и именно пролетариата, пришедшего уже притом к социалистическому сознанию, а пока он не созрел, необходимо устранить все препятствия, мешающие его зрелости. Для этого нужна социалистическая рабочая партия, задача которой — борьба за политическую свободу и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли. Что касается крестьянства, то оно могло бы быть за национализацию земли [1]).

«Социализм и политическая борьба» был большой новостью в идеологии русского революционного движения: то был поворотный пункт, переход к научному социализму. То, что начато было этой работой, довершила другая — «Наши разногласия».

Плеханов начинает эту книгу указанием на то, что после 1 марта 1881 года русское революционное движение ослабело, и причину этого видит в неуменье революционеров превратить, несомненно, имеющуюся в действительности потенциальную энергию русской революции в кинетическую. Сделать это ставит своей задачей группа «Освобождение труда». Средство, каким она будет пользоваться,—не заговор, а развитие общественных сил, способных уничтожить старый режим. Затем Плеханов опровергает упреки Тихомирова, будто группа «Освобождение труда» хочет насаждать капитализм, указывает, что Александр II был уже царем буржуазии, и доказывает, что Ткачев очень близок по существу к Бакунину в своей аргументации, а точка зрения теоретика народовольчества Тихомирова — повторение воззрений Ткачева с прибавкой только его собственных оши-

---

[1]) Там же, I, стр. 140—153.

бок. И народовольцы, как Ткачев,—заговорщики и террористы.

Группа «Освобождение труда» имеет в виду политическое воспитание рабочего класса и считает необходимым борьбу за аграрное и фабричное законодательство и податную реформу [1]).

Реальной основой этого является развитие капитализма. Изложив основные законы и моменты этого развития по Марксу [2]), Плеханов переходит к доказательству того, что капитализм развивается и в России: констатирует образование внутреннего рынка, противоречия интересов буржуазии самодержавию, рост числа рабочих и зависимости кустарей от капитала, разложение общины, пролетаризацию крестьянства [3]).

Книга кончается знаменательными выводами: Тихомиров занимает положение промежуточное между Бакуниным и Ткачевым; захват власти, прежде чем созрел класс—носитель социализма, приведет революционеров к защите интересов буржуазии; только рабочий класс может совершить коммунистическую революцию, а его освобождение может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий [4]).

Огромная важность обеих рассмотренных нами работ Плеханова не подлежит сомнению: он заложил ими теоретические основы новой революционной партии в России, которой принадлежало будущее. Это он мог сделать, только изучив литературу научного социализма, наблюдая рабочее движение и развитие капитализма в Европе и изучая сравнительным методом, вооруженный марксистской теорией, экономическую жизнь России. Это глубокое, вдумчивое и оригинальное, самостоятельное исследование привело его к убеждению, что, вопреки Герцену, народникам и народовольцам, России уготованы европейские пути развития и социалистической революции, и что носителем революционных и социалистических начал и в России, как и в Европе, будет рабочий класс, пролетариат. Чем, главным образом, страдало русское революционное движение до 1883 года, когда по-

---

[1]) Там же, I, стр. 169—222.
[2]) Там же, I, стр. 230 и след.
[3]) Там же, I, стр. 249—348.
[4]) Там же, I, стр. 349 и след., 359, 360.

явился «Социализм и политическая борьба», и до 1884 г.,— года выхода «Наших разногласий»? Тем, что революционеры не могли найти себе революционных и социалистических масс, революционные партии не были массовыми и потому впадали в утопизм и терпели поражения. Плеханов своими работами, в полном смысле слова делавшими эпоху в истории русского революционного движения, указал путь к образованию массовой партии с научно-обоснованной, не утопической программой и потому владеющей ключем к победе и торжеству тех конечных целей, которые она себе ставила.

Литературная деятельность группы «Освобождение труда» была вообще очень энергична и плодотворна. Кроме названных трудов Плеханова, она выразилась в брошюре Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия», затем, в выпущенном в 1888 году сборнике «Социал-Демократ»; затем с 1890 года вышли еще четыре тома «Социал-Демократа», в которых особенно замечательны были статьи Аксельрода о германской социал-демократии, Плеханова о Чернышевском, Каронине, столетии французской революции, Засулич о терроре; далее изданы были три книги «Работника», несколько брошюр; наконец, даны были русской читающей публике переводы некоторых сочинений Маркса и Энгельса [1]). Все эти издания нелегально распространялись в России в значительном количестве.

Но, конечно, группа «Освобождение труда» не хотела только заниматься теорией, он рвалась к практической работе. В 1889 году на парижском конгрессе II Интернационала Плеханов выступил как делегат группы и возвестил о том, что грядущая русская революция будет революцией рабочей [2]). Так российская социал-демократия впервые заявила себя в международном рабочем движении

Но не менее важно было для группы «Освобождение труда» положить практическое начало и социал-демократической организации в России. И потому группа озаботилась выработкой своей программы. Первая программа группы появилась в 1884 году, вторая в 1888 г. Основные положения первой программы сводились к следующему:

---

[1]) Рязанов, Плеханов и группа «Освобождение труда», стр. 31—33.
[2]) Там же, стр. 16.

Цель группы «Освобождение труда» — пропаганда социалистических идей в России и выработка элементов для организации русской рабочей социалистической партии.

Экономическое освобождение рабочего класса достигается путем передачи в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства, возможность чего подготовляется развитием техники и следствием чего является полная перестройка всех общественных и международных отношений. Государство, как политическая организация господствующих классов, исчезнет, и социалистическая революция будет иметь международный характер, почему группа «Освобождение труда» признает принципы Интернационала. В будущем представительная система должна быть заменена непосредственным народным законодательством.

Но Россия отличается тем, что в ней рабочему классу приходится вести борьбу не только с буржуазией, а и с остатками добуржуазных отношений, сохраняющимися вследствие недостаточного ее капиталистического развития. Эта недостаточность развития русского капитализма делает буржуазию неспособной к революционной борьбе. Поэтому социалистическая интеллигенция стоит во главе борьбы за демократическую конституцию на основе всеобщего избирательного права в центральном представительном собрании и местном самоуправлении, жалованья депутатам, неприкосновенности личности и жилища, свободы совести, слова, печати, собраний и ассоциаций, свободы передвижения и занятий, гражданского равноправия и замены армии всеобщим вооружением народа.

Для подготовки этого необходима организация рабочих в тайные кружки, связанные между собой единой программой с требованиями пересмотра аграрных отношений, введения подоходного прогрессивного налога, фабричного законодательства и фабричной инспекции с представительством от рабочих и государственной помощи производительным ассоциациям [1]).

Надо прибавить к этому, что сначала группа не отвер-

---

[1]) Эта Программа напечатана у Рязанова, Плеханов и гр. Осв. Тр., во II томе соч. Плеханова и у Невского, Очерки по ист. Р. К. П., I, стр. 582—585.

гала безусловно и террористической тактики [1]), так что заплатила свою дань народовольческим традициям.

В 1888 г. опубликована была вторая программа группы «Освобождения труда», отличающаяся от первой более отчетливым изложением конечной цели социалистического переворота и отстаиванием необходимости основания рабочей партии [2]).

Мы должны теперь заняться обследованием мало разработанного и спорного вопроса о том, каково было организационное влияние группы «Освобождение труда» в России. Вопрос этот может быть разрешен только тщательным анализом происхождения и деятельности первых с.-д. организаций в России.

Но прежде, чем этим заняться, необходимо отметить одно письмо, которое почему-то приписывают «народнику» [3]), но которое на самом деле не содержит никаких признаков народнического прошлого и настоящего у автора, а свидетельствует о вполне сложившихся марксистских его взглядах. Вот главные места этого письма, написанного по поводу «Библиотеки современного социализма» и касавшегося таким образом первых выступлений группы «Освобождение труда»:

«Провозгласив себя поборниками интернационального социализма, наши революционеры постепенно дошли до революционно-славянофильского народничества, разбившегося, с одной стороны, в форму чернопередельчества и с другой — народовольчества. Вместе с этим, русская интеллигенция потеряла всякое стремление к ознакомлению с основами научного социализма». «Маркс и Энгельс совершенно правильно видели центр тяжести в создании классовой организации лучших рабочих, германская социал-демократия их детище, и это стремление Маркса было исторически оправдано и подтверждено»; « всякая партия только тогда сумеет выполнить возлагаемую на нее историей задачу, когда эта партия усвоит точку зрения современного научного социализма»; задача данного момента — «выработать небольшую группу сторонников научного социализма из меньшинства

---

[1]) Рязанов, Плеханов и гр. Осв. Тр., стр. 28.

[2]) Напечатана в приложении к брошюре «Чего хотят социал-демократы» и у Невского, Очерк ист. Р. К. П., стр. 592—594.

[3]) Невский, Очерки из ист. Р. К. П., I, стр. 218 и прим. 220.

демократической интеллигенции и лучших рабочих»; автор письма «приветствует начинания группы «Освобождение труда», хотя и находит, что у самой группы нет никаких твердых точек опоры в ее социально-политических миро-воззрениях, нет строго продуманного критерия для оценки окружающих явлений, для понимания реальных требований данной минуты и связи их с условиями дальнейшего развития [1]).

Это письмо замечательно во многих отношениях: во-первых, оно лишний раз показывает, что то, за что стояли Плеханов и его друзья, буквально носилось в воздухе, диктовалось самой жизнью; во-вторых, оно свидетельствует, что независимо от группы в самой России вырабатывались настоящие, последовательные сторонники научного социализма; в третьих, наконец, эти русские марксисты находили возможность и силы критически относиться к тому, что писала и издавала группа «Освобождение труда».

В 1884 году совершенно независимо от групппы «Освобождение труда» в Петербурге возникла «партия русских социал-демократов», как она себя называла, или группа Благоева, как ее зовут в литературе по истории русского революционного движения.

Дмитрий Николаевич Благоев, болгарин по национальности, был студентом петербургского университета, вращался среди народовольцев и чернопередельцев и, недовольный их воззрениями, стал изучать сочинения Маркса и Лассаля. В конце 1883 года он выступил с пропагандой их взглядов, а в начале 1884 года составилась группа единомышленников, в которую вошли некоторые бывшие чернопередельцы. Виднейшими членами «партии русских социал-демократов», кроме Благоева, были: Латышев, Благославов, Харитонов, Бородин, Шатько, Аршаулов, князь Кугушев, Андреев, Герасимов и др. Партии оказывали поддержку также некоторые студенты, юнкера и рабочие. В 1884 году она имела 15 рабочих кружков в разных районах Петербурга—за Невской заставой, на Выборгской стороне, на Петербургской стороне, на Васильевском острове. В конце 1884 года группа Благоева, нуждаясь в литературе, завела сношения с группой «Освобождение труда» и, выработав свою программу

---

[1]) Невский, Оч. ист. Р. К. П., I, стр. 218—220.

(повидимому, это был труд П. А. Латышева), переслала ее на отзыв группе «Освобождение труда» и партии Народной Воли. Программу эту сам Благоев называл смесью научного социализма с лассальянством и лавризмом и, рассмотрев ее, группа «Освобождение труда», ее не одобрила и посоветовала не публиковать, что и было исполнено.

В этой программе группа Благоева высказывалась за федеративный государственный строй и отмечала классовый характер современного государства «благодаря узости нравственного принципа», лежащего в его основании, — именно принципа индивидуализма и свободной конкуренции. Крупное производство, являющееся результатом конкуренции, организует рабочих и будит их сознание, доходящее до социализма, т.-е. до экспроприации земли и орудий производства в государственную собственность и до коллективной организации труда. Для ускорения победы социализма необходимо вмешательство государственной власти в экономические отношения, замена капитализма производительными ассоциациями рабочих, которые должны быть основаны государством при сохранении за ним верховного права на землю и орудия производства, причем государственная власть должна быть основана на всеобщей подаче голосов. В России капитализм развивается, но с большими затруднениями и медленно. Поэтому, демократизация государства является особенно необходимой для ускорения процесса.

Для перехода к социализму необходимы: 1) переход земли в государственную собственность, а фабрик и заводов— в руки рабочих ассоциаций: 2) замена всех прямых податей прогрессивным подоходным налогом; 3) федеративный государственный строй; 4) даровое начальное обучение; 5) свобода совести, слова, печати, преподавания и сходок; 6) всеобщее и прямое голосование при выборах в центральное представительное собрание и в органы местного самоуправления; 7) перевод постоянной армии в милицию.

Как агитационные требования в период борьбы за революцию необходимы: 1) неприкосновенность личности и суд присяжных по политическим делам; 2) земский собор с действительным представительством крестьян и рабочих; 3) расширение местного самоуправления и отмена имущественного ценза; 4) равенство прав всех национальностей; 5) долгосрочный государственный кредит крестьянским об-

шествам и рабочим ассоциациям для приобретения в пользование земли, фабрик и заводов; 6) дешевый государственный кредит для хозяйственных потребностей; 7) государственные железные дороги и водные пути; 8) государственные склады хлеба и кустарных изделий; 9) государственная организация переселения и отхожих промыслов; 10) понижение платежей, лежащих на народном труде, и переложение их на земельный и промышленный капитал; 11) сокращение срока военной службы.

Главная тактическая задача — союз социалистической интеллигенции с пролетариатом. Широкая боевая организация среди крестьянства невозможна, но надо внести свет и понимание в аграрное движение, сообщить ему лучшие приемы. Необходимо политическое воспитание рабочего класса. Та часть рабочих, которая вернется в деревню, будет проводником революционных идей и политического развития в крестьянстве. В армии главная сила революционной пропаганды—офицерство. Необходим революционный центр, объединяющий местные автономные группы.

Партия признает пользу либерально-конституционных требований, но против покровительства имущим классам в ущерб народу и против заговора.

При отсутствии прочной рабочей организации, могущей поддержать эффект террористического акта, террор не продуктивен и будет практиковаться лишь в тех случаях, когда само население намечает жертвы из среды администрации, когда партия специально решит его по отношению к лицам высшей администрации и в случаях самозащиты от шпионов [1]).

Рассматривая эту программу, мы, действительно, видим в ней и лассальянские влияния—особенно в той роли покровителя производительным ассоциациям, какая отводится государству, и лавристские — в отношении к крестьянству, и, наконец, народовольческие—в терроризме. При всем том, сильнейшей является струя научного социализма, и это составляет немалую заслугу группы Благоева и составителя ее программы Латышева, а также показывает, что жизненные условия настойчиво диктовали марксизм.

Группа Благоева была внутренно организована довольно

---

1) Невский, Очерки по ист. Р. К. П., I, стр. 586—589.

стройно: Латышев был, как сказано, ее теоретиком. Благоев, Аршаулов, Шатько, Герасимов, Ахмаметьев, Гуревич, Платунов, Фомин, Ник. Андреев—ведали пропаганду среди рабочих, Харитонов, в сотрудничестве с Кугушевым и Познером, заведывал техникой, сношения с заграницей вел Бородин, он же и Кугушев заведывали изданиями группы. В технике работали также Гильгенберг, Теселкин, Слепченко и Гофман, по транспорту—Шатько, Яковенко, Магат, библиотекой ведали Голубенко, Носков, Станишевский, Соколов, Герасимов; последние двое собирали деньги, Сюзумова ведала квартиры, адреса и явки [1]).

Осенью 1884 года арестован был стоявший во главе народовольческой организации Герман Лопатин, и у него найдены адреса Кугушева и Познера. За первым, у которого ничего не нашли, установлен был надзор полиции, у второго найдены шрифт и набор «Хитрой Механики», и он был арестован. Но группу пока не открыли [2]).

В 1885 году группа выпустила свое нелегальное периодическое издание, которое печаталось в собственной тайной типографии, — газету «Рабочий»: в январе вышел № 1, летом — № 2 [3]). В «Рабочем» принимал участие и Плеханов [4]).

Летом 1885 года выслан был заграницу Благоев, фамилия которого упоминалась в открытой полицией переписке народовольческих групп. Вскоре затем, в конце 1885 г. и в начале 1886 г., жандармам попала в руки переписка группы Благоева с группой «Освобождение труда», и арестованы были Харитонов, Бородин, Матрена Григ. Голубенко, Гордеев, Желтухин, Орлов, Носков, Станишевский, Соколов, Теселкин, Яковенко, Гофман, Гильгенберг, Говорухин, Бутков и Сюзумова. Почти все они получили административную ссылку, тюрьму, надзор полиции, без последствий был освобожден только Гильгенберг. Бутков повесился в тюрьме, Говорухин бежал заграницу [5]).

---

[1]) Николаевский, Программа первого в России с.-д. кружка: «Былое» № 13 (1918 г., книга 7), стр. 41; Невский, Очерки из ист. Р. К. П., I, стр. 232.

[2]) Николаевский—в «Былом», № 13, стр. 41—42.

[3]) Там же, стр. 41.

[4]) Невский, Очерки из ист. Р. К. П., I, стр. 230.

[5]) Там же, I стр. 232—233.

Между оставшимися после того на свободе особую энергию проявил Петр Прокофьевич Андреев Но в конце 1886 и начале 1887 года и оставшиеся члены группы, продолжавшие работу, были арестованы. Братья Андреевы Петр и Николай, Латышев, Лавров, Герасимов были сосланы в административном порядке в Сибирь, Кугушев отдан под надзор полиции, Коропчинский, Магат, Платунов, Аршаулов, Ахмаметьев, Цецилия Гуревич, Зауер (собиравшая деньги для группы), Ник. Мих. Книпович (в настоящее время известный биолог, академик и профессор), Латышева, Хлопин, Фанни Познер, Слепченко и Фомин получили или тюремное заключение или надзор полиции [1]).

Наконец, в 1887 году была арестована и примыкавшая к партии русских социал-демократов военная группа, которая руководила кружками моряков и юнкеров военных и военно-инженерных учебных заведений: Шатько, Редько, Беляевский, Григоров и Данилов получили административную ссылку, а Мария Югилевич, распространявшая литературу, — тюремное заключение [2]).

Повидимому, не все члены партии русских социал-демократов были арестованы; известно, напр., что уцелели Быков и Шапошников [3]). Но в 1887 году партия все же окончательно прекратила свое существование.

Осенью 1885 года в Петербурге образовался другой социал-демократический кружок, основанный сыном полковника, выучившимся слесарному ремеслу и ставшим рабочим— Точиским [4]). Этот кружок состоял из троих братьев Брейтфус, сестры Точиского Марии, Аркадакской, Лазарева, Лазаревой, Шалаевского, Даниловой и нескольких рабочих, и назывался сначала «Обществом содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России», а потом «Товариществом с.-петербургских мастеровых». Была библиотека и ссудо-вспомогательная касса, средства которой получались путем ежемесячных взносов по 25 коп. с человека. Точиский отрицал террор,

---

[1]) Там же, I. стр. 233—234.

[2]) Там же, I, стр. 234—235.

[3]) Книпович, Заметка о группе Благоева: «Пролет. Рев.», № 5. стр. 302—303.

[4]) Брейтфус, Точиский и его кружок: «Красная Летопись», № 7; Невский, Оч. ист. Р. К. П., I.

считая его в лучшем случае средством завоевания власти для буржуазии, но на деле и для этого негодным способом борьбы и считал пролетариат главной, даже почти единственной революционной силой, для которой интеллигенция является лишь временной попутчицей, способной помочь пролетариату в деле организации и развития классового сознания. Точиский и его товарищ Лазарев, работавшие оба на заводе Берда, вели пропаганду на этом заводе, на заводе Штритера, фабрике Лаферма, в артиллерийском арсенале и в ремесленной школе. С Точиским имели, между прочим, связи рабочие, сыгравшие большую роль позднее в рабочем движении, — Климанов и Шелгунов. В конце 1888 года все интеллигенты, входившие в кружок Точиского, и сам он были арестованы и подвергнуты тюремному заключению [1]).

В преемственной связи с группой Благоева и товариществом Точиского появились в Петербурге и другие рабочие кружки. В конце 80-х годов в ряде небольших кружков—в 7—8 человек каждый,—в Петербурге участвовало несколько сот рабочих [2]). Таков был кружок рабочего Н. Д. Богданова, организованный в 1886 году из рабочих железнодорожных мастерских Варшавской дороги; в 1888 году этот кружок связался с интеллигентом Переверзиным, а после его ареста в 1889 году с Родзевичем. Был затем кружок у рабочего Е. А. Афанасьева-Климанова, с которым в 1887 году познакомился рабочий В. А. Шелгунов. Слесарю Балтийского завода И. И. Тимофееву передана была библиотека кружка Точиского, и он при помощи рабочего того же завода Норинского организовал кружок, в котором участвовали также рабочие Фомин, Егоров, двое Яковлевых, Бе-

---

[1]) Август Людвигович Точиский (не Точисский, как его называют Брейтфус и Невский, и не Точицский, как его зовет Святловский) был моим товарищем в V классе екатеринбургской гимназии, из которого он вышел. Я встречал его и после; когда я был студентом в Москве в 1886 г., он приезжал туда из Петербурга уже с.-д. по взглядам, видал я его в Москве в первые годы XX века, в 1905—6 годах, когда он оказывал содействие с.-д.—большевикам, работая в железнодорожных мастерских; в последний раз он был у меня в 1916 г. в Новониколаевске, где я был в ссылке; он тогда служил в Омске на довольно хорошо оплачиваемом месте. В последние годы он был нервно-болен. Он принял православие и имя Павел, чтобы легче иметь доступ на фабрики.

[2]) Святловский, На заре российской социал-демократии, «Былое», № 19, 1922 г., стр. 144.

ляев, Кайзо и др. Между этими кружками возникают в конце 80-х годов прочные связи, и образуются два центра: 1) рабочая группа или рабочий комитет; 2) организация интеллигентов, причем оба эти центра связываются между собою, и таким образом, получается целое, известное под названием группы Бруснева. Социал-демократическая пропаганда тесно связывалась с изучением основ естественно-научного миросозерцания, истории и политической экономии.

Группа Бруснева и была завершением первого периода в развитии социал-демократического движения в Петербурге— периода кружковой пропаганды, когда социал-демократия не являлась еще массовой рабочей организацией и лишь готовила сознательные кадры будущей социал-демократической революционной армии.

Организация интеллигентов в группе Бруснева состояла из Банковского, Косинского, Лелевеля, Буричевского, Цивинского, Иванова, Бруснева, братьев Леонида и Германа Борисовичей Красиных, Голубева, Родзевича, Strandена, Святловского, Сивохина и др. Наиболее крупными организаторами явились Цивинский, Голубев и Бруснев. Они последовательно входили в качестве представителей интеллигентской организации в центральную рабочую группу: сначала таким представителем был Голубев, после его ареста в 1891 г. Бруснев, а с отъездом Бруснева—Цивинский. Членами центральной рабочей группы были: Василий Буянов, Гавриил Мефодиев, Федор Афанасьев, Петр Евграфов, Егор Афанасьев-Климанов, Николай Богданов — все организаторы рабочих кружков, никем не выбранные и не назначенные, а естественно, сами собой связавшиеся друг с другом. Всего в брусневской группе оказалось к 1890 году до 20-ти кружков во всех рабочих районах Петербурга. Организаторами кружков, кроме названных сейчас членов центральной рабочей группы, были еще Фигатнер, Кириллов, Карелин, Карелина и Анна Егорова и др. [1]).

---

[1]) Голубев, Страничка из истории рабочего движения «Былое» за «Пролет. Рев.», № 2 (14) за 1923 г.; Красин, Дела давно минувших дней, «Пролет. Револ.», № 3—15; Невский, Оч. из ист. Р. К. П., I, стр. 246—252, 270 и сл.

Брусневцы считали необходимым образование самостоятельной рабочей партии и исповедывали основные положения учения Маркса.

Спорным является вопрос, признавали-ли брусневцы террор. Одни наши источники говорят об отрицании ими террора [1]), другие, напротив, о его приятии [2]). Повидимому, главные организаторы группы были противниками террора, и общепринятым в группе террор не был, но были отдельные члены, которые по старым традициям оставались еще террористами.

Не ограничиваясь подготовкой пропагандистов из рабочей среды, кружок Бруснева проявил и некоторую практическую деятельность, что являлось большой по тому времени новостью и должно быть особенно поставлено ему в заслугу: он принял участие в двух стачках, издавал листки и рукописный журнал, устроил рабочую демонстрацию на похоронах писателя Н. В. Шелгунова и организовал два первые в России празднования 1-го мая. За демонстрацию на похоронах Шелгунова были арестованы и высланы из Петербурга Мефодиев и Красин [3]). Первомайские празднества 1891 и 1892 годов сопровождались агитационными речами виднейших рабочих брусневской организации [4]).

Высылки, которым подвергались брусневцы, вели к распространению их организации за пределами Петербурга: так, высланный в Ригу Мефодиев завел там связи, а потом, он же, в Туле, вместе с высланными туда брусневцами Буяновым и Руделевым устроил с.-д. организацию. В 1891 году Бруснев, Федор Афанасьев и Хренов уехали в Москву и положили там основание организации, во всем сходной с петербургской. В Нижнем-Новгороде действовали братья Красины, образовавшие интеллигентскую группу вместе с П. П. Румянцовым, М. Г. Григорьевым, М. А. Сильвиным, И. П. Гольденбергом и др., причем теоретиком группы был П. Н. Скворцов. Петербургская брусневская группа, несомненно, имела в виду создать всероссийскую с.-д. организацию.

---

[1]) Голубев—в «Былом», за 1916 г., № 12.

[2]) Программа Кашинского: Невский, Оч. из ист. Р. К. П., стр. 273—274:

[3]) Невский, Оч. по ист. Р. К. П., I, стр. 274.

[4]) Валк. К документальной истории 1 мая в России: «Красная Летопись», № 1.

В 1892 году брусневская организация в Петербурге и Москве была ликвидирована полицией, сам Бруснев после длительного тюремного заключения был сослан на 10 лет в Якутскую область, другие также получили ссылку и тюрьму [1]).

Мы видели сейчас, что петербургская брусневская организация пустила ростки и в других городах России.

В Москве до начала 90-х годов не было сколько-нибудь заметных с.-д. кружков. В Казани в 1888 г. марксистский кружок был организован Н. Е. Федосеевым. В нем участвовали студенты: Выдрин, Воронин, Сычев, Ягодкин, Фейга Беркович, Санин, М. Г. Григорьев, Лалаянц, Маслов (П. П.— теперь известный экономист). Начали федосеевцы взглядами, сильно отдававшими еще народовольчеством, но затем быстро эволюционировали к марксизму: они изучали Маркса и организовали ряд кружков, посвященных, главным образом, изучению истории и политической экономии. В 1889 году Федосеев был арестован и сослан во Владимир, и в тюрьме и в ссылке основательно изучил Маркса и стал вполне сложившимся его последователем. Между прочим, ему принадлежал перевод известной книги Гурвича «Экономическое положение русской деревни» с дополнениями. Федосеев считал задачей времени образование массовой рабочей организации в России и пришел к этому выводу независимо от Плеханова и группы «Освобождение труда» [2]).

Так же независимо и в организационном и в идейном отношении пришла к марксизму группа, основанная в конце 80-х годов в Одессе Гольдендахом-Рязановым, в которой участвовали интеллигенты: Карфункель, Гуревич, Нахамкес-Стеклов, Цыперович, Бергер и другие, и рабочие: Рубинштейн, Оводов, Хохлов, Назаров, Лазарев, Гладких, Ефимов, Картышев, Кекшин и др. [3]).

В Киеве в 1888 году основал с.-д. группу врач Э. Абрамович, поступив слесарем на завод. В группе участвовало до 30-ти рабочих. Устроена была и библиотека. Заключенный в 1889 году в тюрьму Абрамович познакомился там с дру-

---

[1]) Невский, Оч. по ист. Р. К. П., I, стр. 277—279.

[2]) Там же, I, стр. 255—260; ср. Сергиевский, О Федосеевском кружке: «Крас. Летопись», № 5, 1923 г., стр. 340—343; Николай Евграфович Федосеев, изд. Истпарта.

[3]) Невский, I, стр. 262—263.

тим заключенным Ювеналием Мельниковым, и под его влиянием Мельников также стал социал-демократом. Мельников еще раньше — в Харькове и Ростове-на-Дону — обнаружил тенденции в сторону социал-демократии, отличался исканиями в новом духе, ничего еще не зная о группе «Освобождение труда». Интеллигент по происхождению, он вышел из V класса реального училища и сделался слесарем. В Харькове он вместе со студентом В. Д. Перазичем становится в 1888 году во главе рабочего кружка и, по поручению товарищей, организует ответвление кружка в Ростове-на-Дону. Став жертвой предательства и попав в тюрьму, Мельников там познакомился с Абрамовичем, и это знакомство довершило его социал-демократическое развитие. Выйдя из тюрьмы, он стал идейным и практическим руководителем киевской с.-д. организации, имевшей огромное значение в южной и западной России. Подвергшись высылке, Мельников умер в 1900 году, что касается Перазича, то он был выдающийся пропагандист, был выслан заграницу, но вернулся, работал в Москве, был в ссылке и каторге и здравствует до сих пор. Харьковский кружок под влиянием Мельникова и Перазича усвоил с.-д. программу-максимум, а в программу-минимум включил уничтожение самодержавия силами и организацией крестьян и рабочих; террор, впрочем, также признавался, но содействие ему определялось в каждом случае «продуктивностью данного факта с точки зрения рабочей организации». И в Харькове были два центра—интеллигентский и рабочий [1]).

Такова в основных чертах история первых с.-д. кружков, возникших в 80-х годах. Она показывает, что лишь немногие из них испытали прямое идейное влияние группы «Освобождение труда», и что организационного влияния этой группы совсем не было. Об этом приходится пожалеть, потому что российским группам понадобилось много усилий на то, чтобы изжить многие народовольческие традиции, которые были уже преодолены группой «Освобождение труда», но факт остается фактом: оба течения—заграничное и внутреннее—действительно «шли навстречу» [2]) друг другу, а не были созданы одно другим. В идейном отношении заграничная организация была выше и выдержаннее внутренних

[1]) Там же, I, стр. 263—266.

[2]) Выражение Ленина: Невский, Оч. из ист. Р. К. П., I, стр. 217.

и возникла она раньше их, но внутренние организации вынесли на своих плечах и выработку идеологии, программы, тактики и всю организационную работу и только потом уже воспользовались плодами работы группы «Освобождение труда», которая окончательно довершила процесс развития социал-демократических воззрений и организаций в России уже в 90-х годах.

Мы кончили, таким образом, обзор первого момента в развитии российской социал-демократии 80-х годов. Это было время исключительно выработки основ нового революционного мировоззрения, образования первоначальных, элементарных организаций — кружков и кружковой пропаганды. Конечно, и в 90-х годах мы встретимся еще с продолжением тех же элементарных процессов, но в то время выдвинулись уже и другие задачи и формы движения, заставляющие выделить эти годы в особый, второй момент развития с.-д. движения в России.

Переходя к 90-м годам, отметим прежде всего и в этот второй момент наследие прошлого, элементарные кружки пропаганды, сильно распространившиеся в это время в разных городах России.

Москва в 80-х годах отставала не только от Петербурга, но и от Казани, Киева и Харькова. Начало первого с.-д. кружка в Москве относится к 1891—92 годам. Он состоял из А. Н. и П. Н. Винокуровых, А. И. Рязанова, И. А. Давыдова, Мартына Н. Мандельштама-Лядова, В. А. Жданова, Д. П. Калафати, А. С. Розанова, Кругковского и Григория Мандельштама. Главной задачей этого кружка было создание с.-д. литературы на русском языке, так как до 1894 года в Москве не был правильно поставлен транспорт заграничной русской с.-д. литературы, и она была большой редкостью. Кружок воспользовался тем, что немецкую с.-д. литературу легко можно было достать в книжных магазинах и перевел ряд брошюр Энгельса, «Эрфуртскую программу» Каутского, книжки Шиппеля, Кампфмейера, Гэда, Лафарга, некоторые статьи из „Neue Zeit“. В то же время Григорий Мандельштам не раз выступал среди студенчества с изложением марксизма. В начале 1893 года Давыдов и Калафати на одной студенческой вечеринке выступили с критикой народничества. В 1894—95 годах существовало уже много марксистских студенческих кружков в Москве.

В сентябре 1893 года из интеллигентского московского марксистского кружка выделился особый кружок из шести человек — обоих Винокуровых, Е. И. Спонти, М. Н. Мандельштама, С. И. Мицкевича и С. И. Прокофьева — для систематической пропаганды среди рабочих. Образован был ряд рабочих кружков, виднейшими членами которых были токарь Бойе, слесарь Хозецкой, ткач Поляков, модельщик Самохин, слесарь Карпузи—все бывшие организаторами кружков, пропагандистами и агитаторами. Пользовались литературой группы «Освобождение Труда», Круковский написал брошюру с целью популяризации учения Маркса, М. Мандельштам брошюру «Как крестьянин и кустарь в рабочего превращается»; остались в рабочих кружках и брошюры, переведенные первой московской группой, — почти все в рукописях, потому что, хотя группа и завела к концу 1894 г. гектограф, мимеограф и маленький типографский станок, но они употреблялись главным образом для печатания листков, а не брошюр.

Кружок шести не ограничивался уже одной пропагандой: время, жизнь брали свое, настойчиво требовали практической агитации. И потому стали устраиваться собрания — летучки в 15 — 20 рабочих на артельных рабочих квартирах. В феврале 1894 г. был выпущен листок по поводу одной стачки. Потом учрежден был центральный рабочий кружок, состоявший из представителей заводских кружков — по одному от каждого. В то же время в центральный интеллигентский кружок включены были трое рабочих. За интеллигентским кружком сохранялось высшее идейное руководство, он же ведал транспорт, связи и сношения и технику, а центральный рабочий кружок был совещательным учреждением. После того связи и кружки стали увеличиваться быстро не только в рабочей Москве, но и с другими городами: с Ореховым-Зуевым, Ковровом, Тулой, подмосковными фабриками. Каждая стачка в Москве вела к выпуску листка. Осенью 1894 г. основан был женский кружок Мураловой, Винокуровой и Смирновой, которые завели связи с ткачихами, модистками и пр., вели пропаганду в качестве учительниц воскресных школ и т. д.

В декабре 1894 г. были арестованы и высланы почти все члены центрального интеллигентского кружка, и это имело важные организационные последствия: руководство перешло

к центральному рабочему кружку, интеллигентский же, пополнившийся новыми членами — двумя братьями Масленниковыми, Ганьшиным, Кирпичниковым и другими, стал играть служебную роль. На двух мимеографах и типографском станке готовились и выпускались много листков. 1 мая 1895 г. устроено было собрание с речами около станции Перово, где участвовали 250 чел. рабочих с 30-ти фабрик. Возникла мысль об общероссийской организации, и с целью ее подготовки и устройства с'езда посланы были делегаты в Екатеринослав, Киев и Ярославль; поддерживались связи с Нижним-Новгородом, Саратовом и Петербургом. В начале июня 1895 г. в Сокольниках состоялось собрание 80-ти представителей заводских кружков, существовавших на 29-ти фабриках. Это собрание было выслежено полицией, и все интеллигенты были арестованы, взяты мимеографы и типографский станок. Рабочие продолжали дело и без интеллигентов, но в августе был арестован почти весь центральный рабочий кружок и много рабочих из организации — всего несколько сот человек [1]).

Но кружковая пропаганда в Москве не прекратилась и после того. Осенью 1895 года образовались и действовали два кружка, которые потом слились и образовали Московский рабочий союз. Первый кружок состоял из машиниста из дворян Кварцева, бывшего студента П. Н. Колокольникова, Н. М. Величкина и Рума. Второй — из А. Ю. Финна, Батурина, М. Ф. Владимирского, Никитина и др. Колокольников вел пропаганду среди рабочих фабрик Прохоровской, Измайловской, Филиппова и завода Гоппера, Кварцев у Бромлей и в мастерских Брестской дороги, Величкин у Вейхельта, Рума в Замоскворечье. Оба кружка в начале 1896 г. слились и образовали Московский рабочий союз. Союзом устраивались кружки двух родов: во-первых, текучие кружки для обсуждения повседневных вопросов, во-вторых, кружки прочные, постоянные, в которые вступали наиболее выдающиеся и подготовленные рабочие из кружков первого рода. По случаю

---

[1]) С. М., На заре рабочего движения в Москве: сборник «Текущий момент», М. 1906; С. Мицкевич, Очерк истории Моск. парт. организации: «На заре рабочего движения» в Москве», сборник под ред. Овсянникова, М. 1919, стр. 15—37; Максаков, Пионеры с.-дии в Москве; тот же сборник, стр. 54—71; Муралова. Из прошлого: тот же сборник, стр. 116—119.

25-летия Парижской Коммуны Финном был написан адрес от московских рабочих французским, и на нем подписались 603 рабочих 25-ти фабрик. Союз устраивал стачечные кассы, делал попытки их слияния в одну. Выделился ряд выдающихся рабочих. Летом 1896 г. почти все члены союза были арестованы. Но союз не прекратил своего существования: работу продолжали врач Орлов, Радин, Корчагин, Семенов, Синицын, Колачевская. В ноябре 1896 г. союз обратился к студентам с призывом бросить академическую борьбу и итти к рабочему делу. 10 ноября и эти лица были арестованы, но союз не умер: уцелели студент Алексей Макс, Никитин, рабочий Шашкин, студент Сергей Озеров, Батурин, Финн, Чичкин, Масленников, рабочие Маринин, Балакирев, Жарков, Горячев, Шуханов, Апрельков и др. Союз погиб окончательно лишь в декабре 1896 г. [1]).

Но и после того кружковая работа в Москве не прерывалась: с осени 1896 г. существовал кружок с.-д. из студентов и окончивших курс Технического училища Бабаджана, Вацлава Воровского, Вашкова, Хатунцева и Малинина, составивших потом вместе с рядом других лиц снова московский союз, ликвидированный весной 1897 г. А в начале 1897 г. по преемству от того же союза образовался кружок Колесникова, рабочих Самойлова, Тихомирова и Калашникова. Наконец, осенью 1897 г. обнаружена была еще группа землемера Никитина, Семеновой, Минятова с женой, студента Николая Розанова и статистика Иосифа Федоровича Дубровинского [2]).

Таким образом, хотя Москва сравнительно поздно вступила на путь с.-д. кружковой пропаганды, но, раз вступив, она стала ареной большой социал-демократической работы, причем работа эта опиралась в очень сильной степени и на идейное достояние группы «Освобождение Труда», и на немецкую с.-д. литературу, отчасти также на собственное литературное творчество — членов московских кружков, и вместе с тем, рано начала приобретать агитационный характер.

---

[1]) Владимирский, Из истории моск. с.-д. организ.: «На заре раб. дв. в Москве», стр. 90—93; Максаков, Пионеры с.-д-ии в Мос.; там же, стр 72—82.

[2]) Максаков, Там же, стр. 83—87.

В Нижнем-Новгороде в 1891 г. один из первых русских социал-демократов, автор превосходных экономических статей, печатавшихся в «Юридическом Вестнике», П. Н. Скворцов образовал вместе с М. Г. Григорьевым кружок учащихся, а потом и рабочих. В интеллигентском кружке участвовали М. А. Сильвин, З. П. Невзорова-Кржижановская с двумя своими сестрами, два брата Рукавишниковы, И. П. Гольденберг, Н. А. Вигдорчик и мн. др. К рабочему кружку принадлежали Замошников, Парфенов, Бронин и др. Всех участников кружка Скворцова было до 60-ти человек и они вели еще чисто-пропагандистскую кружковую работу, не переходя на почву агитации [1]).

Во Владимире Федосеевский кружок уже в 1892 г. перешел к агитационной работе и избрал ареной своей деятельности этого рода Орехово-Зуево [2]).

В Туле в начале 90-х годов повели с.-д. кружковую работу приехавшие туда из Петербурга члены кружка Бруснева—Мефодиев, Буянов, Руделев, Минаков, Побединский-Славинский, Дмитриев, Лебедев и др. Там в пяти кружках было до 50-ти рабочих, и существовал центральный рабочий кружок из пяти представителей заводских кружков, по одному от каждого. Одновременно с этим кружком в Туле существовал еще другой, основанный Хинчуком и Шлихтером, которые оба раньше учились в Берне, познакомились в Швейцарии с Плехановым и усвоили точку зрения группы «Освобождение Труда», влияние которой опять-таки и здесь в 90-х годах оказывается гораздо более сильным, чем мы наблюдали в 80-х годах.

В Одессе кружковую работу в первой половине 90-х годов вели сначала Орловский, Вейнштейн, Ганелина с примыкавшими к ним Ларгольц, Барвинской («Зверь») и др., а потом в особенности развили Цыперович и Стеклов, основавшие в 1894 г. кружки пароходных машинистов и слесарей, ремесленников, матросов, кочегаров, рабочих железнодорожных мастерских, сапожников, строительных рабочих [3]).

В Ростове-на-Дону в то же время образовались и вели работу рабочие кружки Алабышева и Магницкого, причем

---

[1]) Невский, Очерки из ист. Р. К. П., I, стр. 310—311.

[2]) Там же, I, стр. 312—313.

[3]) Там же, I, стр. 316—320.

особенно видную пропагандистскую роль сыграли рабочие Казин, Болдырев, Шестопалов и Солдатов; в кружках участвовал и бывший организатор морозовской стачки Моисеенок [1]).

В Екатеринославе дело кружковой с.-д. пропаганды насадили Мунблит и Точиский, а также Тейтельбаум, учившийся в Швейцарии и бывший проводником влияния группы «Освобождение Труда». В 1894 г. в Екатеринослав приехал Григорий Мандельштам, в 1895 г. А. Винокуров и они вместе с Тейтельбаумом и Лейтайзеном (Линдовым) усердно продолжали энергичную кружковую работу [2]).

В Киеве пропагандистские кружки организовались в первой половине 90-х годов Ляховским, Лаврентьевым, Мержвинским, Чорбой, Эйдельманом, Вигдорчиком. Затем ту же работу расширил и углубил в Киеве известный уже нам Ювеналий Мельников. Он основал клуб, устроил школу-мастерскую слесарного дела и явился центральной фигурой всего движения [3]).

Мы намеренно отделили от 80-х годов их наследие в 90-х, потому что, оставаясь этим наследием, оно во многом и очень существенном отличалось от предшествующих ему явлений в истории социал-демократии. Главные отличия заключаются в том, что, во-первых, кружковая пропаганда стала шире и глубже, во-вторых, она стала чище в марксистском смысле, причем идейное влияние группы «Освобождение Труда» сделалось несравненно большим, чем прежде, наконец, в третьих, пропаганда начала все чаще осложняться агитацией.

Все эти новые явления обязаны своим происхождением не только преемственному развитию тех задатков, которые заложены были в 80-х годах, но и еще в большей степени рабочему движению 90-х годов. С этим движением мы и должны теперь познакомиться, чтобы понять еще другие, большие новшества в истории социал-демократии, которые также находились в прямой зависимости от хода массового рабочего движения.

Нам уже известно, как сильно и быстро пошло вперед развитие промышленного капитализма в России 90-х годов.

---

[1]) Там же, I, стр. 320—321.
) Там же, I, стр. 321—324.
) Там же, I, стр. 324—329.

Известно также и то, что в начале 90-х годов русскую промышленность постиг кризис, а с 1893 или 1894 г. начался подъем, длившийся до конца столетия—до 1900 года включительно. К этому надо прибавить, что промышленный пролетариат 90-х годов стал более пролетариатом, решительнее порвал с деревней, чем то было в 80-х годах: к 80-м годам с деревней не имело связи только 47.6% всех русских промышленных рабочих [1]), а в 90-х годах число таких рабочих дошло до 72—82% [2]). Все эти условия ярко отразились на ходе рабочего движения 90-х годов: оно стало более массовым, организованным и сознательным.

И в социал-демократии, в ее кружках пропаганда, и прежде сочетавшаяся уже с агитацией, теперь окончательно отступает на второй план перед агитационной работой, направленной на развитие классового сознания пролетариата посредством осмысления существующего его положения и борьбы за его улучшение. Здесь в сущности повторилась та перемена, которую пережило в свое время народническое движение: в начале 70-х годов пропаганда социализма в крестьянстве считалась очередной работой, а Земля и Воля в конце 70-х годов перешла к агитации на почве текущих деревенских злоб дня. Но была существенная разница: народники имели дело с элементом несоциалистическим, мелкобуржуазным и потому потерпели неудачу; теперь марксисты нашли массы, действительно склонные к социализму и революции, и эффект получился другой: революция стала быстро приближаться.

В Петербурге в 1895 г. во время стачек на фабриках Торнтона и Лаферма социал-демократы выступают с конкретными требованиями удовлетворения экономических интересов, текущих нужд рабочих. В 1896 году в Петербурге бастовали ткачи и прядильщики—сначала только на одной фабрике Воронина, потом все, и требования забастовщиков были такие: 1) рабочий день от 7 ч. утра до 7 ч. вечера (был от 6 ч. утра до 8 ч. вечера) и 1½ часа на обед, так что продолжительность его 10½ часов; 2) повышение расценок; 3) прекращение работы в субботу с 2-х часов дня; своевременная уплата заработка. Забастовка была по-

---

[1]) Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.

[2]) Погожев. Учет численности и состава рабочих в России.

давлена, но возобновилась в январе 1897 г. и кончилась уступками в пользу рабочих. Результатом этой стачки было также образование в Петербурге постоянных тайных стачечных рабочих касс на многих фабриках, причем ¼ взносов шла на стачки, ⅜ на взаимопомощь, остальные ⅜ делились пополам между расходами на книги и запасным фондом [1]). Соответствующие организационные последствия имели забастовки в Польше, среди еврейских ремесленников Западного края, в Москве, Иваново-Вознесенске, Николаеве, Екатеринославе, Харькове, Одессе [2]). За пятилетие с 1890 по 1894 г. во всей России бастовало до 200 тыс. рабочих [3]), а в следующее затем пятилетие уже более 430 тысяч чел. Наиболее сильным было стачечное движение на крупных предприятиях, причем чем позднее, тем шире были стачки,—охватывали все чаще не одно предприятие, а несколько сразу: в 1898 г. такие групповые стачки составляли уже более трех четвертей всех стачек. Во главе стачечного движения шли металлисты и текстильщики; 70% всех стачек были в те годы наступательными и только 30% оборонительными, в чем, конечно, выразился экономический подъем, благоприятная конъюнктура того времени, и почти ¼ стачек сопровождались вмешательством вооруженной силы; половина стачек кончилась полной или частичной победой рабочих. Наиболее замечательной стачкой была петербургская стачка ткачей в 1896 г., обратившая на себя внимание не только в России, но и заграницей [4]).

В атмосфере и под влиянием этого рабочего движения появляются, крепнут и растут социал-демократические организации нового типа, характерные именно для второго периода в истории русского революционного марксизма,—так-называемые союзы борьбы за освобождение рабочего класса. Первенство по значению и происхождению принадлежит петербургскому союзу.

Ядро этого союза представляла так-называемая группа «стариков», сложившаяся еще в 1892 г. В нее входили: Рад-

[1]) Тахтарев, Очерк петербургского рабочего движения 90-х г.г.

[2]) Общ. движ. в Рос. начала XX в., I, стр. 193 и сл. (статья Кольцова).

[3]) Невский. Оч. по ист. Р. К. П., I, стр. 352.

[4]) Мартов, Пром. и раб. дв.—в «Ист. Рос. XIX в.», изд. бр. Гранат.

ченко с женой, Кржижановский, Старков, Малченко, Запорожец, З. П. Невзорова, Н. К. Крупская и др. В 1894 г. к ней примкнул приехавший тогда в Петербург В. И. Ульянов-Ленин, а в 1895 г. Ю. О. Цедербаум-Мартов, потом Надель, Ф. И. Гурвич-Дан, Ляховский и др. До присоединения к группе «стариков» Мартов с 1891 г. имел свою особую группу, социал-демократическое направление которой сложилось в значительной степени благодаря влиянию члена бруcневского кружка Страндена. «Старики» и мартовская группа и составили союз борьбы. Рядом с ним, вне его действовали и другие группы. С конца 1893 г. в Петербурге образовалась еще группа К. М. Тахтарева, а с 1895 г. группа «молодых» во главе с И. В. Чернышевым.

Не объединив, таким образом, всех с.-д. в Петербурге, Союз борьбы стал, однако, уже довольно крупной с.-д. организацией. Он связался с группой «Освобождение Труда» уже не только идейно, но и организационно: эту связь создали и укрепляли поездки заграницу Потресова, Красикова и Ленина.

Эти организационные связи были очень важны для направления работы Союза борьбы: Плеханов еще в начале 90-х годов в брошюре «О задачах в борьбе с голодом в России» настаивал на необходимости перехода к агитации. Эта задача нашла себе развитую и обоснованную формулировку в брошюре виленского социал-демократа Кремера «Об агитации», редактированной Мартовым. В Вильне Кремер и Мартов со своими планами агитации не имели успеха и перенесли эти планы в Петербург, где почва для них, как мы видели, была вполне подготовлена. Основная мысль этой брошюры заключалась в том, что «поднять рабочий класс и повести на организованную классовую борьбу с политическими задачами социал-демократии сможет, только взяв на себя роль организатора его первых, стихийно возникающих, чисто-экономических движений... Воздерживаясь до поры до времени от высказывания перед массами более широких задач, социал-демократия должна предоставить опыту самой борьбы столкнуть рабочих уже не с отдельным предпринимателем, а с целым классом буржуазии и с стоящей за ним государственной властью и на почве этого опыта расширять и углублять свою агитацию». Сам Мартов впоследствии признавал «односторонность такой постановки задач, отрыв

ею рабочих от окружающей их общественно-политической обстановки». Но тем не менее брошюра «Об агитации» ответила на существовавшую тогда потребность, довершила развитие того направления, которое намечалось жизнью: она окончательно поставила вне сомнения необходимость агитационной деятельности[1]).

Но та же жизнь внесла и поправку в односторонность брошюры. Начав экономическую агитацию, петербургский Союз борьбы не ограничился ею, пошел дальше, в сторону политики. Сколько бы ни утверждали, что начало так-называемому «экономизму» положил именно этот Союз[2]), — с этим согласиться нельзя. Указания на политическую агитацию имеются не только в прокламациях 1895 года и в оставшемся неизданным № 1 журнала Союза за 1895 г.[3]), но и в особенности этой теме посвящен написанный Лениным листок 1896 года, озаглавленный: «Союз борьбы царскому правительству»: здесь отмечалось, что правительство выступило с сообщением о стачках, потому что социалисты указали на «дикие насилия правительства»; в листках социалистов «говорилось совсем не о бумаге и не о нитках, а о бесправии русских граждан и о диком произволе правительства, прислуживающегося к капиталистам; своими арестами и преследованиями правительство само придало стачкам политический характер; «не оно ли обещало оказать помощь фабрикантам, чтобы они не уступали? Не оно ли преследовало рабочих за простые сборы денег в пользу стачечников? Правительство само лучше всех разъяснило рабочим, что война их с фабрикантами должна быть неизбежно войною с правительством. Социалистам осталось только подтвердить это и опубликовать в листках». Рабочие «увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей, послали войско и полицию». Стачки «показали, как рабочим следует вести борьбу за свои интересы. Они на-

---

[1]) Мартов, Записки социал-демократа, Берл. 1922; Мартов, История Росс. социал-демократии, изд. 3, 1923; Лепешинский, На повороте, Птб. 1922; Невский, Оч. ист. Р. К. П., I.

[2]) Акимов-Махновец, Очерк развития социал-демократии в России, стр. 52—53.

[3]) Ленин, Что делать.

учили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса»[1]). Читая этот ноябрьский листок 1896 года, выпущенный Союзом борьбы, сразу видишь, как далек был Союз от агитации за узко-экономические интересы, как умело связывал он экономику, классовые отношения, политику, правительство в единое органическое целое.

В декабре 1895 г. арестована была часть центра во главе с Лениным и Кржижановским, а в январе 1896 г. второй центр из Радченко, Ляховского, Сильвина и Мартова. Арестованы были и некоторые рабочие и члены кружка «молодых», а также Тахтарев. Летом 1896 г. все петербургские с.-д. группы в уцелевших их остатках слились в один союз, но аресты продолжались. И новый центр из Б. И. Гольдмана-Горева, А. Н. Потресова и освобожденного было Тахтарева в декабре 1896 г. был разгромлен полицией почти целиком, кроме Горева, который, впрочем, также был арестован вместе с сотнею других социал-демократов в мае 1897 г. Тогда в Союзе значение приобрел Акимов-Махновец и его единомышленники, деятельность которых относится уже к третьему периоду истории социал-демократического движения в России[2]).

Мы уже знакомы с московскими организациями до 1897 г. и видели выше, что и они принимали характер союза, стремившегося обнять все с.-д. группы Москвы и соединить пропаганду с практической агитацией, т.-е. стояли на пути, по которому пошел с таким успехом петербургский союз борьбы. В первой половине 1898 года и в Москве объединенная организация с.-д. приняла название Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Через своего делегата она участвовала в первом съезде Р. С.-Д. Р. П.[3]).

Образовался также рабочий союз с теми же задачами в Иваново-Вознесенске, где организовал его Кондратьев, Евдокимов и рабочие Отроков и Кудряшов. Кондратьев был петербургским технологом и находился в Петербурге в связях с брусневской группой. Он собрал воедино интеллигентские и рабочие кружки, устроил книжную лавку, имевшую

---

[1]) Листок напечатан в приложении к книге Невского, I, стр. 619—622.

[2]) Мартов, Записки социал-демократа, кн. 1-я; Крупская, Союз борьбы за освоб. раб. кл.: «Творчество» за 1920 г., № 7—10; Невский, Оч. по ист. Р. К. П., I, стр. 363 и след.

[3]) На заре раб. дв. в Москве, стр. 40 (статья Мицкевича).

большое организующее значение и связал с Иваново-Вознесенским союзом и рабочих Шуи. Отдельные рабочие кружки имели свои кассы из двухпроцентных взносов с заработка. Много занимаясь пропагандой, Иваново-Вознесенский союз принял деятельное участие и в стачечной борьбе рабочих. Программа союза имела в виду в будущем объединение всех рабочих организаций во всероссийскую рабочую партию и ясно и определенно ставила также и политические требования: не только восьмичасовой рабочий день, но и право коалиции, свободу слова и печати. В 1895 году впервые в Иваново-Вознесенске праздновали 1-е мая. Когда около половины 1896 г. Иваново-Вознесенская организация была разрушена арестами, дело продолжали брат арестованного Кондратьева, Хрящева и Варенцова, работавшая в первой организации. В то же время образовался союз в Кохме, и началась настоящая широкая агитационная работа в Иванове с 1897 г. и в Кохме с 1898 г.[1]).

За исключением указанных сейчас крупных организаций нового типа север России и центральные черноземные губернии не дали ничего подобного. Там во второй половине 90-х годов только началась старая кружковая пропаганда, лишь иногда под влиянием веяния времени и местных условий переходившая в агитацию: так было в Ярославле, где настоящей с.-д. организации, несмотря на усилия Стопани и других, не возникло до 1899 г., в Костроме, Твери, где чувствовалось влияние петербургского союза борьбы через попадавших сюда его членов, в Туле, бывшей ареной пропагандистской деятельности высланных туда А. А. Малиновского-Богданова, В. А. Руднева-Базарова, И. И. Скворцова-Степанова, в Орле, где действовал И. Ф. Дубровинский Иннокентий, в Калуге, куда попали на некоторое время кроме Богданова, Базарова и Степанова также А. В. Луначарский и Б. В. Авилов, в Самаре и Воронеже[2]).

Но юг имел опять-таки очень большое значение. Особенно выделялся здесь Киев. В Киеве горячим сторонником перехода к агитации был в 1895 и 1896 г. известный уже нам рабочий-интеллигент Ювеналий Мельников, обмолвившийся крылатым словом по этому поводу: «лучше поднять массу

---

[1]) Невский, Очерк из ист. Р. К. П., I, стр. 420 и след.
[2]) Там же, I, стр. 432—446.

на один дюйм, чем одного человека на второй этаж», говорил он. Эта точка зрения одержала верх в 1896—97 годах в киевской с.-д. организации, принявшей тогда название «Рабочее Дело». Массовая агитация, связывавшая воедино экономику с политикой, и стремление создать всероссийскую партию были особенно характерны для киевского «Рабочего Дела». В 1897 г. выпущено было им два номера гектографированной газеты «Вперед». Еще на майском празднике 1896 г. читалась рукописная брошюра Вигдорчика «Как министр заботится о рабочих», где выступает ясно подход к политической агитации. В газете своей киевляне прямо высказывались за борьбу с самодержавием, за демократическое народное представительство.

В Одессе новая агитационная работа, умножившая и объединившая отдельные кружки, началась в конце 1895 и в начале 1896 года. Здесь образовывались нелегальные кассы ремесленников по образцу западно-русских касс еврейских рабочих. В 1897 г. в Одессе перешли и к работе на фабриках и заводах, не только среди ремесленников.

В Николаеве в 1897 г. руководителями организации являются Л. Д. Бронштейн-Троцкий и Соколовская, организуются касса и библиотека, и выходит два номера журнала «Наше Дело». Николаевская организация приняла название южно-русского рабочего союза, вела агитационную работу и находилась в связях с Одессой.

Екатеринославская организация еще в 1895 году агитировала во время забастовок не только за восьмичасовой рабочий день, но и за свободу печати, слова и собраний, а в 1897 г. объединяет все местные кружки и образует центр из 12-ти человек во главе с Петрусевичем и Лалаянцем. К этому центру примкнули и ремесленные группы, организованные приезжими ремесленниками из Западного края, и в 1898 г. единая с.-д. организация в Екатеринославе приняла название екатеринославского союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Об'единяющий отдельные кружки центр существовал также с половины 90-х годов в Харькове. В Елисаветграде, Кременчуге, Ростове-на-Дону до конца второго периода существовала почти исключительно кружковая работа, не чуждая, впрочем, уже временами и агитационных приемов и целей. Наконец, во второй половине 90-х годов возникли

организации на Урале и в Сибири, в Прибалтийском крае развила свою деятельность латышская социал-демократия и на Кавказе грузинская [1]).

Второй период в истории с.-д. движения в России закончился съездом в Минске в 1898 г. и основанием российской социал-демократической рабочей партии.

Петербургские социал-демократы не раз замышляли в половине 90-х годов всероссийское партийное объединение, но все замыслы и попытки в этом направлении, притом же и немногочисленные, успехом не увенчались. Более удачной оказалась попытка киевлян.

Первым шагом было осуществление в Киеве по плану Эйдельмана общерусской единой партийной газеты, в которой он справедливо видел лучшее организующее средство. Вместе с Эйдельманом видную роль и в деле выпуска «Рабочей Газеты» и в организации съезда сыграл рабочий-наборщик Поляк. Киев был связан с Вильной, Одессой, Николаевом, Харьковом, Екатеринославом, Москвой, Петербургом, и это облегчило устройство съезда именно киевлянам. Участие в объединительной работе киевлян принял и Бунд, основанный в 1897 году.

17 и 18 марта 1897 г. в Киеве состоялась предсъездовская конференция, на которой присутствовали петербургский делегат Б. И. Гольдман-Горев, представитель киевского «Рабочего Дела» Вигдорчик и представитель группы польских социал-демократов Петрусевич. Здесь решено было созвать съезд, организовать в Киеве общерусскую «Рабочую Газету», всем местным организациям переименоваться в Союзы борьбы, и составлен был перечень вопросов, подлежавших обсуждению на съезде.

Затем в Киеве был выпущен № 1 «Рабочей Газеты», совершен был объезд многих русских организаций киевлянами, выработан порядок дня съезда, и Тучапский, поехавший заграницу, заручился согласием членов группы «Освобождение Труда» сотрудничать в «Рабочей Газете» и согласием их с планом съезда. № 2 «Рабочей Газеты» вышел удачнее первого, и в нем политическая задача объединения выдвинута была совершенно определенно.

Первый съезд Р. С.-Д. Р. П. созван был в Минске и засе-

---

[1]) Там же, I, стр. 454 и след.

дал 1-го, 2-го и 3-го марта (14, 15 и 16 по новому стилю 1898 года. Существовавшие тогда уже в России с.-д. организации были представлены на съезде далеко не полностью: участвовали Эйдельман и Вигдорчик от группы «Рабочей Газеты», Радченко от петербургского союза борьбы, Ванновский от московского союза, Петрусевич от екатеринославского, Тучапский от киевского, Кремер, Мутник и Кац от Бунда,—всего 9 человек. Председателем был Эйдельман, секретарями Вигдорчик и Тучапский. На съезде установлено название партии, решен национальный вопрос в смысле признания за каждой национальностью права на самоопределение, признано необходимым для центрального комитета вступление в отношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает программы и тактики партии, постановлено, что местные комитеты партии имеют широкую автономию, а Бунд является автономной организацией, самостоятельной лишь в вопросах, касающихся еврейского пролетариата. Центральным органом партии была признана «Рабочая Газета». Заграничным представителем партии был признан союз русских социал-демократов. Выбран был центральный комитет из трех лиц—Эйдельмана, Кремера и Радченко — и ему поручено прочно связаться с местными организациями, стремиться к их распространению, установить сношения с союзом русских социал-демократов и группой «Рабочего Знамени», выпустить манифест партии и через полгода созвать второй съезд партии. Вскоре после съезда два члена Ц. К. Эйдельман и Кремер были арестованы, остался один только Радченко. Он поручил составление манифеста партии П. Б. Струве [1]).

Содержание этого манифеста таково:

Прежде всего указано, что 1848 год был началом европейского рабочего движения, выступления новой исторической силы—рабочего класса, силами которого буржуазии удалось смести устарелый феодально-монархический строй. Но, победив, буржуазия увидела в пролетариате своего врага и перешла к реакции. Но эта реакция не могла устранить рабочий класс: он борется за свое конечное освобождение.

И в России зрела и росла классовая борьба, чему содей-

---

[1]) Сборник к 25-летию первого съезда; «Пролетарская Революция», №№ 1 и 2 (статьи Невского и Эйдельмана) и 6 (статья Финна-Енотаевского); Невский, Оч. из ист. Р. К. П., 1, стр. 491 и сл.

ствовало правительство, служа интересам помещиков и капиталистов. Но капитализм и в России создал рабочее движение, которое вынудило у правительства фабричные законы, не могущие успокоить рабочих, а необходимо делающие их еще более требовательными.

Русскому пролетариату нужна политическая свобода — участие в управлении государством, свобода устного и печатного слова, свобода союзов и собраний—основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частные улучшения и конечное освобождение.

Но политическую свободу русский пролетариат может завоевать только сам, потому что «чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия». «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма. Теперь местные организации русской социал-демократии с этою целью объединились в партию, что означает переход в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Основа этой борьбы—убеждение, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом» [1]).

Принципиальное значение провозглашения партийного единства российской социал-демократии на минском съезде 1898 года не подлежит сомнению. То, что принципиально важно, не может, конечно, не иметь и практического значения. И все-таки практическая важность первого съезда далеко отстает от его принципиальной важности: партия, как целое, была еще слишком слаба; автономия местных организаций, провозглашенная съездом, была не в меру широка, сводилась почти к полной их независимости, не было демократического да и никакого централизма в устройстве партии, центральный комитет скоро погиб.

Мы обозрели в основных чертах два первых периода в истории социал-демократии в России. Прежде чем перейти к третьему периоду, необходимо теперь остановиться на легальном, открытом проявлении революционного и социал-демократического настроения и движения в 90-х годах и в связи с этим отметить ту идейную работу, которая произ-

---

[1]) Напечатано у Невского, I, стр. 609—610.

водилась и легально и нелегально такими теоретиками и практиками, как Плеханов и Ленин.

Начнем с новых течений художественной литературы, чутко отражающей перемены в настроениях передовых слоев общества.

Мы оставили эту область духовной культуры тогда, когда в ней находили себе выражение настроения, художественно изображавшиеся Якубовичем, Надсоном, Гаршиным и Чеховым. То было отчаяние в прошлом, бессилие найти новое, отрицательное отношение ко всему окружающему.

Творчество Владимира Галактионовича Короленко представляет собою уже переход к новому, связущее звено между упадком настроения, тоской, разочарованием, крушением старых идеалов и новым подъемом энергии и новыми идейными созиданиями и достижениями.

С прошлым Короленко связывала его формальная принадлежность к народничеству. Ссылка в Вятскую губернию, потом в Томск и — за отказ от присяги Александру III — в Якутскую область запечатлели собою народническо-революционные увлечения Короленко в молодости.

Мечтательный романтик, изящный стилист, Короленко платит дань прошлому и своим народническим субъективизмом, и определенной тенденциозностью, — тем, что у него всегда есть идейное задание.

И, наконец, смирение, покорность, терпеливое страдание, земледельческое подвижничество в народническом духе составляют отличительную черту многих героев Короленка.

Однако, наряду с этими подвижниками смирения выступают у него и другие люди—яркие индивидуалисты, борцы за свободную жизнь и свободное проявление своей деятельности и личности: это — новая черта, такие люди—люди новые, и их изображение роднит Короленко с последовавшими затем писателями. Тимофей из «Марусиной заимки», Матвей Дышко из рассказа «Без языка», Роман в повести «Лес шумит» — смиренники старого типа, Степан, Иван Дыма, Соколинец, Убивец—новые люди, борцы за вольную и яркую, широкую жизнь. Первые терпят, страдают, обливаются потом и кровью, вторые знают одно: «человек создан для счастья, как птица для полета» [1]).

---

[1]) Неведомский, Зачинатели и продолжатели, стр. 222 и след.

Люди второго типа окончательно взяли верх в 90-х годах XIX в. и в первые годы XX столетия в ярком творчестве Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова), которого французский критик справедливо сравнивал с Бомарше [1]: действительно, как Бомарше художественно воплотил и выразил революционные настроения французской демократии перед великой революцией, так—mutatis mutandis, с соответствующими отличиями—сделал и Горький по отношению к демократии русской накануне революции 1905 года.
вые яркие, боевые индивидуалисты, искатели лучшего, ни

Челкаш, Мальва, Варенька Олесова, Коновалов—вот норперед чем не останавливающиеся, чтобы это лучшее добыть. Как все истинные романтики, Горький был преисполнен боевого духа.

Уже его индивидуалисты—босяки и не босяки—выражали искание соответствующей общественной обстановки,— свободы, вольного общественного воздуха,—и именно поэтому нравились и увлекали. В начале нового века Горький переходит к новому настроению: его уж не удовлетворяет отрицание, разрушение,—он ищет положительного общественного творчества, вытекающего из борьбы, являющегося ее результатом, и находит его в рабочем классе,—в таких людях, как машинист Нил («Мещане») и рабочий Павел («Трое»). В «Человеке» выставляется идеал цельной разносторонней человеческой личности, возможной только в будущем внеклассовом обществе. «Песня о Буревестнике» — апофеоз близящейся революции [2]).

Наконец, Вересаев—В. В. Смидович был художественным изобразителем идейного перелома—перехода интеллигенции от народничества к марксизму, особенно в таких повестях, как «Без дороги», «Поветрие», «На повороте», и психологии сознательного пролетариата в повестях «Конец Андрея Ивановича», «Конец Анны Михайловны» [3]).

То, что художники зарисовывали и воплощали в образах, уловляя новые настроения передовых слоев демократии,—нашло себе теоретическую формулировку в легальной и нелегальной политической марксистской литературе.

---

[1]) Мельхиор де. Вогюе, Максим Горький.
[2]) Ср. там же, стр. 323 и след.
[3]) Там же, стр. 315 и след.

Пионерами русского легального марксизма явились люди, которые потом скоро отошли от него и даже заняли по отношению к нему враждебное положение: М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков. «Русская фабрика в прошлом и настоящем», «Экономические кризисы» и ряд отдельных статей Туган-Барановского бросили яркий, хотя не всегда правоверно-марксистский свет на многие проблемы экономической истории и действительности. Потом дальнейшие его работы стали все сильнее окрашиваться в ревизионистский цвет. «Критические заметки об экономическом развитии России» П. Б. Струве, вышедшие в 1894 г., были очень важны как критика старой народнической схемы экономического развития России и как установление факта, что капитализм в России наступил и делает успехи. Но, как в свое время указал Вл. Ильин (Ленин), они страдали одним недостатком,—игнорированием классовой борьбы. Объективный процесс капиталистического развития, таким образом, представлялся самодовлеющим и окрашивался преимущественно в положительные краски («пойдем на выучку к капитализму»), фетишизировался, не получал необходимого выражения в общественных отношениях, в классовой борьбе. Здесь был зародыш освобожденчества, кадетизма и дальнейшего поправения Струве. Наконец, Булгаков, скатившийся последовательно к ревизионизму, потом к кадетизму и, наконец, уже прямо к реакционному мистицизму, в свое время поставил на очередь вопрос о рынках при капитализме и о различной рыночной конъюнктуре при производстве предметов потребления, с одной стороны, и средств производства, с другой.

А. Н. Потресов в декабре того же 1894 г. добился того, что вышла легально книга Плеханова-Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Эта книга имела в свое время огромное значение и не утратила его и до сих пор.

В начале своей книги Плеханов так формулирует свою основную задачу: «надо найти тот фактор, который определяет собою и развитие общественной среды и развитие мнений», а о взаимодействии нечего говорить,—оно ничего не объясняет. Затем Плеханов исследовал развитие теории исторического материализма, проследив ее зародыши у Гельвеция, Тьерри, Гизо, Минье, Сен-Симона, Луи Блана. Далее

следовала критика «субъективного метода» в социологии Михайловского: «субъективная социология изгоняет законосообразность во имя желательности, и потому для нее не остается другого выхода, как уповать на случайность». Ярко и сжато формулирует Плеханов сущность исторической теории Маркса: «великая заслуга Маркса заключается в том, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека: чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу». Развитие средств производства, производительных сил—основа всей истории. Далее следовало объяснение явлений права и государственной жизни с точки зрения исторического материализма. Все время автор полемизирует с противниками—Михайловским, Кареевым и др. и показывает на ярких примерах несостоятельность их точек зрения.

Марксистское направление проникло затем в 90-х годах в легальную журналистику: его проводили такие журналы, как «Начало», «Новое Слово», «Жизнь», в Самаре издавалась марксистская газета «Самарский Вестник», где работали Маслов, Потресов, Струве, П. Н. Скворцов и др.

Наконец, в 1898 г. вышла книга Вл. Ильина (Ульянова-Ленина) «Развитие капитализма в России». Здесь доказывалось, что русская фабричная промышленность встала прочно на ноги, и что количество фабричных рабочих с их семьями достигло 10 мил. чел., производился точный анализ крепостнических и капиталистических отношений в сельском хозяйстве, и анализировалось классовое расчленение крестьянства.

Выше нам не раз уже приходилось касаться деятельности Владимира Ильича Ульянова до конца XIX века. Теперь своевременно представить ее в некоторой цельной картине.

Сын директора народных училищ Симбирской губернии, внук крестьянина, Владимир Ильич Ульянов имел в семье отца революционные традиции: его старший брат Александр Ильич был одним из главных организаторов покушения на Александра III 1 марта 1887 г. и был за это казнен. Пови-

димому, мать Ленина питала революционные настроения: она гордилась революционною деятельностью сыновей и поощряла итти по той же дороге дочерей—Анну Ильиничну и Марью Ильиничну. Кончив гимназию, В. И. стал студентом Казанского университета и здесь с конца 80-х годов (он родился в 1870 г.) начал изучать теорию Маркса и имел связи с кружками Федосеева. Весной 1889 г. он уехал в Самару и продолжал там изучение марксизма. В 1891 году он сдал экзамен экстерном при юридическом факультете Петербургского университета и записался в помощники присяжного поверенного, никогда, впрочем, не занимаясь адвокатской практикой. Он продолжал, однако, после экзамена жить в Самаре до осени 1893 г. и, не оставляя теоретических занятий марксизмом, вел пропаганду среди молодежи. Сблизились особенно с Лениным в это время бывший народник Скляренко и марксист Лалаянц. Из Самары Ленин переехал в Петербург, работал здесь, как нам уже известно, в Союзе борьбы за освобождение рабочего класса и написал брошюру «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», представлявшую собою критику народничества, особенно «субъективного метода» Михайловского, и классовый анализ социальных отношений в русской деревне разлагаемой капитализмом, причем совершенно развенчан был идеал народников — крестьянин-общинник, «трудовой» крестьянин-середняк, и показано было, что по существу он мелкобуржуазен и к социалистическим идеалам не склонен; наконец, отмечается, что народники не являлись в существе своем борцами за уничтожение всякой эксплоатации, а только сторонниками смягчения этой эксплоатации мирного сожительства мелкой буржуазии с буржуазией крупной, и что единственный путь к социализму идет через рабочее движение, организовать которое и имеют в виду социал-демократы.

По свидетельству современников, эта работа Ленина, изданная гектографическим способом, имела весьма большое влияние на социал-демократическую и искавшую новых путей молодежь [1]).

Арестованный за работу в петербургском союзе борьбы, Ленин в 1897 году был сослан в административном порядке

---

[1]) Ленин, Что такое друзья народа, М. 1923 (тут же см. статью Мицкевича и Елизаровой); Невский, Очерки из ист. Р. К. П., I.

в Восточную Сибирь. Мы отметили уже выше, что перу Ленина принадлежала и книга «Развитие капитализма в России», вышедшая в 1898 году. Но еще раньше, в 1897 г., была напечатана заграницей и пущена в обращение его нелегальная брошюра «Задачи русских социал-демократов», встретившая полное одобрение группы «Освобождение труда» и снабженная предисловием Аксельрода.

Основной практической задачей социал-демократов автор провозглашает здесь руководство классовой борьбой пролетариата и организацию этой борьбы в ее социалистическом и демократическом проявлениях. Социалистическое проявление состоит в пропаганде научного социализма и в агитации при всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса с капиталистами. Сосредоточивая главную работу на фабричных рабочих, социал-демократия, однако, не должна игнорировать и остальные слои русского пролетариата — кустарей, батраков и разоренное крестьянство, занятое отработками и наемным трудом. И здесь необходимо распространять идеи классовой борьбы, социализма и политических задач демократии. Эти демократические задачи—вскрытие классовой природы абсолютизма, пропаганда необходимости его свержения, невозможности борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы. Экономическая агитация связывается с политической — против полицейского гнета, сказывающегося при каждой стачке, против стеснения прав рабочих, против всех представителей и слуг абсолютизма. В борьбе экономической пролетариат одинок, в политической он идет рядом с оппозиционной буржуазией, угнетенными народностями, сектами и проч. Социал-демократы поддерживают эти оппозиционные силы, но не вступают с ними в компромисс, ничего им не уступают, заключаются лишь соглашения для конкретных целей и разъясняется рабочим, как падает гнет абсолютизма на всех граждан вообще и на них, рабочих, в особенности. Но до конца последовательным врагом абсолютизма и сторонником демократии является только рабочий класс. Социал-демократы против заговора: «борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия опирающаяся на рабочее движение», посредством воспитания, дисциплинирования и организации пролетариата и посредством политической агитации, клеймящей всякое проявление абсолютизма. Окончательный удар абсолютизму

зависит от состояния рабочего движения, от выработанных движением приемов борьбы, от свойств руководящей борьбою революционной организации, от отношения к пролетариату и абсолютизму других общественных элементов, от условий внешней и внутренней политики. Задача времени—создание единой социал-демократической партии [1]).

Исследователи истории российской социал-демократии справедливо считают эту брошюру Ленина настоящим манифестом партии, более важным, чем манифест 1898 года, написанный Струве [2]). Уже в то время, в 90-х годах, Ленин оказался в первых рядах российской социал-демократии, одним из важнейших ее деятелей, был, по словам Аксельрода, «революционером, счастливо соединяющим в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором» [3]), а Плеханов в своих спорах с заграничными товарищами по вопросам программы и тактики, имея в виду именно Ленина, говорил стихом Некрасова: «вот приедет барин, барин нас рассудит» [4]).

Мы видели, что рабочее движение в 90-х годах XIX в. приняло массовый характер. Благоприятная конъюнктура в промышленности давала рабочим возможность развернуть широкую борьбу за свои экономические интересы с некоторыми положительными ее результатами. Деятели, воспитанные кружковой пропагандой и союзами борьбы, с увлечением бросились на работу по организации масс для экономической борьбы и сразу заметили некоторые положительные, ощутимые реально последствия своей работы. Случилось то, что часто случается в подобных обстоятельствах: средство превратилось в сознании деятелей в цель, экономическая борьба приобрела в их глазах самодовлеющее значение. Экономическая борьба и экономические приобретения—главное в глазах рабочего класса. Помогая в этом отношении рабочим, чувствуешь живой контакт с массами, — тот контакт, которого прежде недоставало русским революционерам, чем и объяснялись все их неудачи. Боязнь оторваться от масс, от стихийного массового движения, уйти от них пре-

---

[1]) Вл. Ильин (Н. Ленин), за 12 лет, Петр., 1918, стр. 140—155.
[2]) Невский. Оч. из ист. Р. К. П., I, стр. 507.
[3]) Предисловие Аксельрода к «Задачам рус. с.-д-ов. Вл. Ильин (Н. Ленин), За 12 лет, стр. 138.
[4]) Так рассказывал мне покойный Лейтайзен Лндов.

ждевременно вперед и создавала переоценку стихийности, трэд-юнионизм или, как тогда выражались, «экономизм». «Экономисты» не отрицали и политики, но то была политика не революционная, не социал-демократическая, а трэд-юнионистская: сущность ее заключалась не в стремлении к перевороту, не к работе над ниспровержением самодержавия, а в достижении частичных реформ, напр., фабричного законодательства, сначала фактического, потом юридического допущения рабочих союзов и т. д. Поэтому «экономисты» не пользовались фактами общественной жизни для неустанной агитации против самодержавия, а все внимание свое уделяли экономической, профессиональной и в связи с этим лишь реформистской агитации. «Экономизм» и борьба с ним и составляли основные черты истории российской социал-демократии с 1898 по 1903 год—от первого до второго съезда партии.

Борьба между единомышленниками естественно уничтожала организационное единство, потому что превращала этих единомышленников в разномыслящих, в идейных противников. И мы видим, что в третий период формальное единство, провозглашенное на первом съезде, сразу же нарушается, появляется ряд организаций, борящихся между собою.

Разделение в Петербурге возникло еще до первого съезда, летом 1897 года, и первый с'езд, на котором был представлен союз борьбы, превратившийся после съезда в комитет партии, не мог уничтожить это разделение и установить единство. В Петербурге оказались три с.-д. организации: комитет партии, группа «Рабочей Мысли» и группа «Рабочего Знамени». Две последние группы были полярно-противоположны по направлению: члены группы «Рабочая Мысль» являлись последовательными «экономистами», «Рабочее Знамя» было организацией крайних сторонников политической борьбы, в комитете партии были более умеренные последователи или той, или другой линии.

Организация «Рабочая Мысль» выпустила до лета 1898 г. три номера своей нелегальной газеты того же названия, ясно обнаружившие ее «экономизм». Группа «Рабочего Знамени» названа была так по нелегальному органу, ею издававшемуся, а сама себя называла сначала «группою рабочих революционеров», потом «русской социал-демократической

партией». Эта группа имела ответвления в Белостоке и Киеве, где также велась борьба с «экономистами»,—в Белостоке против «экономизма» Бунда. Группа «Рабочего Знамени» издала программную брошюру под заглавием «Задачи русской рабочей партии», где конечной целью своей ставила замену капитализма коммунизмом путем перехода политической власти в руки организованного и сознающего свои классовые интересы пролетариата; признавая невозможной легальную с.-д. работу в России при существовании самодержавия, группа ближайшей своей целью считала борьбу за право народа участвовать в управлении и законодательстве, за свободу совести, слова, печати, собраний и союзов. В июле 1898 г. в Белостоке арестована была типография «Рабочего Знамени», но группа в Петербурге возродилась осенью 1898 года. Членами группы были: С. В. Андронов, М. Б. Смирнов, В. П. Ногин и Лидия Ос. Цедербаум-Канцель. В декабре 1898 г. эта группа подверглась обыскам и арестам, но Андронов и Ногин успели уехать заграницу, где, именно в Лондоне, М. Лурье, тоже член группы, уехавший заграницу раньше, издал № 2 «Рабочего Знамени» в 1900 г. После того Лурье стал работать в Лондоне не один, а вместе с Андроновым и Ногиным. В 1900 г. в Петербурге группа «Рабочего Знамени» возобновилась и в январе 1901 г. объединилась с группой «Социалист». В 1901 г. вышел № 3 «Рабочего Знамени», отпечатанный в России. В феврале этого года петербургская группа «Рабочего Знамени» реорганизовалась, вступила в связь с заграничной группой «Искра», и во главе ее встали: Л. О. Канцель, Б. В. Савинков, Рутенберг, Зверев, Борисов, Слепян и Мелик-Иосифьянц. Таким образом, петербургская организация «Рабочего Знамени» слилась с «Искрой». В том же 1901 г. была восстановлена Кузнецовой киевская организация «Рабочего Знамени», которая примкнула затем к партии социалистов-революционеров [1]. Из сказанного, таким образом, видно, что лозунг борьбы за политическую свободу объединял в «Рабочем Знамени» различные элементы, которые потом и разошлись в разные стороны.

Группа «Рабочего Знамени», поскольку она была социал-демократической, являлась почти единственной с.-д.

---

[1]) Валк. К документальной истории «Рабочего Знамени»: «Красная Летопись» за 1922 г., № 2—3, стр. 333—346.

организацией в России, не примкнувшей к «экономизму». В Петербурге уже в январе 1898 г. группа «Рабочей Мысли» соединилась с комитетом партии, и «экономизм» одержал здесь верх в организации. Комитет партии принял старое название «Союза борьбы» [1]). Главными руководителями этого «Союза борьбы»—комитета партии, стоявшего на платформе «экономизма», были: К. М. Тахтарев, Кок, Лохов-Ольхин и др. [2]).

В добавок к этой основной организации «экономистов» в Петербурге в марте 1899 г. там же возникла группа «Самоосвобождения рабочего класса», также близкая к экономизму, склонная к «теории стадий», т.-е. к тактике ведения сначала экономической борьбы, а потом уже перехода к борьбе политической. «Мы не хотим», писала группа в своем воззвании, «чтобы политическая агитация висела в воздухе, мы хотим, чтобы она была связана с непосредственными, реальными нуждами рабочего класса, чтобы она отвечала уже назревшим запросам его. Политика—надстройка над общественными отношениями производства, и политическая агитация должна быть надстройкой в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и итти за ней» [3]).

Группа «Самоосвобождения рабочего класса», более умеренная во всем экономизме, чем Союз борьбы — комитет партии, просуществовала недолго: она была арестована несколько месяцев спустя после ее основания. Союз борьбы продолжал свою работу. Газету «Рабочая Мысль» он сделал, по его выражению, органом, который должен был «дать возможность формулироваться мысли рабочих» [4]),—не более. «Следуя правилу—вести агитацию лишь на почве «непосредственных столкновений»—«Рабочая Мысль» заполняла свои страницы исключительно сообщениями об условиях труда, о повседневной жизни рабочего и о борьбе их с предпринимателем и усердно обходила все другие вопросы общественной и политической жизни» [5]).

---

[1]) Акимов-Махновец, Очерк ист. с.-д.-ии, стр. 64.

[2]) Мартов, История росс. социал-демократии, стр. 36.

[3]) Акимов-Махновец, Оч. разв. с.-д-ии, стр. 66.

[4]) Там же, стр. 80.

[5]) Батурин, Очерк истории социал-демократии в России. Пгр. 1923. изд. 4-е. стр. 70.

Дело не ограничилось этим: все руководство работой решено было в 1900 году передать рабочим, и в Петербурге был учрежден Рабочий комитет.

«Экономизм» захватил в конце столетия все с.-д. организации в России. Мы не будем останавливаться на их истории—она была бы повторением с незначительными изменениями того, что сказано о Петербурге, — отметим только вкратце то, что было в Киеве.

Киевская организация «экономистов» приняла название «Рабочее Дело» и издавала газету «Вперед». Настоящим центром этой организации был Рабочий комитет: он подписывал прокламации и «ревниво охранял это свое право», а Союз борьбы, входивший в организацию, только ставил на них свой штемпель [1]).

В прокламациях говорилось, что «надо бороться с капиталистами, несмотря на поддержку их правительством, и не говорилось о борьбе с самим правительством», не было «хотя бы намека на то, что надо бороться за установление иного, конституционного или республиканского правительства» [2]). В своем profession de foi киевский рабочий комитет заявлял между прочим: «комитет, не считая возможным в настоящее время призывать широкие массы киевских рабочих к политическим действиям, признает желательным устройство частичных демонстраций с чисто-агитационной целью (а не в видах воздействия на правительство) по поводам, доступным пониманию широких масс» [3]).

То, что происходило в России, нашло естественно себе отзвук и в заграничных эмигрантских социал-демократических кругах. Вновь приезжавшие из России эмигранты — «молодые»—уже с конца 80-х годов стали выражать недовольство группой «Освобождение Труда», ее замкнутостью и недостаточной, как им казалось, популярностью, доступностью изданий ее для массы русских рабочих. Это течение возобновилось и усилилось в 1893 году, когда был организован съезд представителей местных групп «молодых» социал-демократов заграницей: съезд требовал, чтобы в редакцию изданий, кроме группы «Освобождение Труда», входил один член

---

[1]) Акимов-Махновец, Оч. разв. соц.-дем. в Рос., стр. 95.
[2]) Там же, стр. 97.
[3]) Там же, стр. 110.

от «молодых». Группа «Освобождение Труда» в этом отказала. В 1898 г. в образованный за два года до того, в 1896 г., заграницей Союз русских социал-демократов, где участвовала и группа «Осв. Труда», вступил ряд новых членов, приехавших из России. То были: Кричевский, Акимов, Иваньшин, Кускова, Прокопович, Копельзон, М. И. Гольдман-Либер и др.[1]). Они оказались в оппозиции группе «Осв. Труда». Тогда эта группа отказалась от участия в редакции и администрации Союза[2]). Союз стал издавать журнал «Рабочее Дело», который с оговорками и смягчениями стал поддерживать позицию «экономистов» в России. В 1902 г. Мартынов составил брошюру «Социал-демократия и рабочий класс», которая и явилась попыткой теоретически обосновать «экономизм».

Основные положения этой брошюры сводятся к следующему: партия—это «пролетариат, борющийся под знаменем социал-демократии и руководимый демократически-организованным революционным авангардом», экономическая борьба имеет первенствующее значение; необходимо «придать самой экономической борьбе политический характер» требованиями «законодательных и административных мероприятий» в интересах рабочего класса; «такие требования не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой», вся задача, таким образом, сводится к тому, чтобы «придать самой экономической борьбе политический характер»; «социал-демократия берет на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата и этим превращает ее в революционную классовую борьбу».

Группа «Освобождение Труда» усмотрела в тактике «экономистов» несомненные предпосылки ревизионизма. На это Аксельрод впервые указал еще в 1897 г. в своей брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике». Указание Аксельрода вполне подтвердилось тогда, когда в 1899 г. среди политических ссыльных в разных отдаленных уголках России стало циркулировать, так-называемое, «Gredo» («Символ веры»), написанное Е. Д. Кусковой. Здесь ревизионизм в духе Бернштейна был положен в основу тактики «экономи-

---

[1]) Мартов, История росс. соц.-дем., стр. 37.

[2]) Акимов-Махновец, Оч. ист. разв. соц.-дем. в Рос., стр. 153—154.

стов»: по «Credo» дело рабочего класса как такового вести экономическую борьбу за улучшение своего положения; самостоятельная борьба за политическую свободу—дело не рабочего класса, а буржуазии, «общества», и пролетариат должен только это «общество» в такой борьбе поддерживать. Против «Credo» ссыльными с.-д. были выработаны и оглашены два принципиальных протеста: один исходил из Сибири, был составлен Лениным и подписан им и 16 другими ссыльными, другой вышел от ссыльных Вятской губ. — Потресова, Гурвича, Дана, Воровского-Орловского, Бармана и др.

Под влиянием этих протестов группа «Освобождение Труда» решительнее выступила против «экономистов». От Союза русских соц.-демократов откололось меньшинство во главе с группой «Осв. Труда»—Кольцов, Аксельрод-Ортодокс, Гольденберг-Мешковский, Лейтайзен-Линдов и др. и образовало «Революционную организацию Социал-Демократ», Аксельрод выступил против «экономистов» с «письмами к товарищам», а Плеханов чрезвычайно резко написал на них Vademecum («Путеводитель») для редакции «Рабочего Дела».

И в России движение против экономизма в с.-д. кругах разгоралось. В 1900 г. начался экономический кризис. Забастовочная экономическая борьба рабочих потеряли под собою почву, стачки стали выгодны фабрикантам, которые стали пользоваться ими для массовых расчетов, локаутов. Рабочие увидели, что экономические завоевания прошлого непрочны, исчезают одно за другим. Жизнь сама наталкивала их на необходимость политической борьбы, борьбы за власть или хотя бы за влияние на власть для укрепления экономических завоеваний и для устранения тех общественных отношений, с которыми связаны кризисы и безработица. Политическое и социалистическое сознание рабочих стало сильно и быстро расти и развиваться.

Раньше всего кризис в металлургической промышленности начался на юге. И это отразилось на характере работы в екатеринославской организации, во главе которой стояли Харченко, Лалаянц и Наумов. Они выпустили газету «Южный Рабочий», где задачи политической борьбы стали выдвигаться на первый план. Затем в 1900 г. из ссылки вернулись Ленин, Потресов и Мартов и, связавшись с группой «Освобождение Труда» через приехавшую в Россию Засулич, решили дать победу централизму и политической борьбе в с.-д. организа-

циях посредством создания ядра партийного центра, который обслуживал бы местные организации техникой, денежными средствами, пропагандистами, агитаторами и организаторами. Это вызвало сочувствие во многих организациях, в будущих освобожденцах—Струве, Туган-Барановском, Богучарском,— в южных группах социалистов-революционеров и в занимавшей промежуточное положение между с.-д. и с.-р. группе «Свобода» во главе с Надеждиным-Заленским, даже в организациях «экономистов» в России и заграницей. Заграничный Союз социал-демократов задумал в это время устроить 2-й с'езд партии и послал с этою целью в Россию своих делегатов Копельзона и Теплова, чему сочувствовали и Ленин, Потресов и Мартов. Но аресты разрушили все эти планы.

Тогда предприняли выполнение нового плана: Ленин и Потрестов должны были ехать заграницу, чтобы организовать там издание газеты, а в России предполагалось завоевывать постепенно местные организации, подчиняя их более крупным центрам. В мае 1900 г. в Пскове состоялось совещание Ленина, Мартова, Потресова, С. Радченка с женой в присутствии Струве и Туган-Барановского. Здесь выработана была программа газеты «Искра»: организация партии для борьбы против самодержавия и борьбы против ревизионизма.

Осенью 1900 г. Ленин и Потресов заключили соглашение заграницей с группой «Освоб. Труда» об издании «Искры» и журнала «Заря». В редакцию вошли: Ленин, Потресов, Мартов, Плеханов, Аксельрод и Засулич. Эти органы и стали выходить сначала в Мюнхене, потом в Женеве.

В передовой статье первого же номера «Искры» социалистические и политические задачи были выставлены с полной определенностью. В «Заре» Плеханов разбирал экономически-ревизионистские взгляды Струве, Ленин критиковал аграрный ревизионизм Булгакова, Засулич подвергла анализу идеалистические воззрения Бердяева, а Ортодокс критиковала философские взгляды Струве. Борьба с экономизмом и ревизионизмом в «Искре» и «Заре» велась систематически и последовательно в течение 1901 и 1902 г.г.

Семена, посеянные группой «Искры», упали на плодородную почву: рабочее движение разгоралось и под влиянием кризиса и правительственных репрессий принимало все более ярко выраженную политическую окраску. 7 мая 1901 г. в Петербурге на Обуховском заводе возникла стачка из-за уволь-

нения нескольких рабочих, которых администрация считала зачинщиками того, что 1 мая 1.000 рабочих завода не явились на работу. Выставлены были требования их возвращения на завод, восьмичасового рабочего дня, вежливого обращения и т. д. Против забастовщиков посланы были казаки, от которых рабочие, построив баррикады, оборонялись на заводе в течение 9 часов. Конечно, многие из них за это получили потом каторгу и тюрьму, но это событие сильно революционизировало петербургских рабочих. «Искра» с ее позицией политической борьбы имела поэтому большой успех. Один рабочий так писал по поводу прочитанного номера «Искры»: «я многим товарищам показывал, и весь померок истрепался, а он дорог, много дороже «Мысли», хоть и нет там наших строк. Там про наше дело, про все русское дело... Рабочий народ теперь легко может загореться, уж все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар... Теперь всякий видит, что свободы нужно добиться, грудью брать ее».

После обуховской обороны даже Союз русских социал-демократов заграницей — этот оплот экономизма—признал старую тактику свою устарелой. «Рабочее Дело» в статье Кричевского даже слишком перегнуло палку в противоположную сторону,—потребовало «штурма» самодержавия. «Искра» должна была сдержать эту крайность, указать на необходимость длительной осады, а не малоподготовленных вспышек.

Летом 1901 г. группа «Борьба» (Рязанов, Стеклов, Е. Смирнов), основанная с целью об'единения всех социал-демократов, сделала попытку в этом направлении. Был созван с'езд искровских и рабочедельческих заграничных организаций в Цюрихе, но он не привел к соглашению.

Между тем, «Искра» через своих агентов отвоевывала у рабочедельцев в России один комитет за другим. Необходимость с'езда и единства стала общим сознанием. После разрушенной арестами попытки создать на совещании в Белостоке в 1902 г. общими усилиями русских и заграничных групп искровцев и рабочедельцев организационный комитет для устройства съезда, такой комитет был создан к концу 1902 г. В него вошли искровцы Кржижановский, Александрова, Ленгник, Красиков, представитель петербургского комитета Краснуха, представители «Южного Рабочего» Левин и Розанов и делегат Бунда Портной. Организационный ко-

митет в первой половине 1903 г. закончил работу по завоеванию местных организаций искровцами. «Искра» победила по всей линии. Только в Петербурге и Воронеже остались особые, отколовшиеся организации Союза русских социал-демократов. В конце июля 1903 г. в Брюсселе собрался второй с'езд Р. С.-Р. Р. П. [1]).

Этим с'ездом кончается третий период в развитии русской социал-демократии—борьба искровцев и рабочедельцев, увенчавшаяся победой первых,—и начинается четвертый период — выделения двух новых фракций — большевиков и меньшевиков. Несомненно, эти новые фракционные группировки были лишь некоторым видоизменением, развитием старых, зерно их лежало позади, в прошлом. Уже в «Искре», например, обнаружилось разногласие в отношении к либеральной буржуазии и «Освобождению» Струве. Ленин занял скоро непримиримую позицию, доказывал контр-революционность либералов, Плеханов, Аксельрод, Мартов, Потресов держались более мягкой, примирительной, благожелательной точки зрения. Нельзя не признать также зерном будущих фракционных разногласий и вышедшую в феврале 1902 г. брошюру Ленина «Что делать».

Здесь прежде всего доказывается оппортунистическая позиция «Рабочего Дела», его солидарность с «Credo», выставляется положение, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией и утверждается, что осуществление задачи свержения самодержавия в России «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». Затем автор отмечает основное обвинение «Рабочего Дела» по адресу «Искры»: «Искра» виновата в «преуменьшении значения об'ективного или стихийного элемента развития». Что же такое стихийный элемент? Это, говорит Ленин,— «не что иное, как зачаточная форма сознательности». И стачки трэд-юнионистские есть именно такая зачаточная форма. Социал-демократической формы, социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть: они без помощи интеллигенции способны только на трэд-юнионизм,

---

[1]) Для всего вышесказанного см. Мартов, История русс. соц.-дем., стр. 38—69; Батурин, Оч. ист. соц.-дем. в Рос., стр. 68—96; Лепешинский, На повороте.

учение же социализма выросло из философских, исторических и экономических теорий интеллигенции. «Рабочее Дело» вместо того, чтобы звать рабочих вперед, тянет их назад, к трэд-юнионизму. Это умаление сознательного элемента, роли социал-демократии и потому это также—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих; стихийное развитие рабочего движения ведет к подчинению его буржуазной идеологии, к программе «Credo». Экономисты не отрицают политики, но сбиваются с социал-демократического на трэд-юнионистское понимание политики. Необходимо обличать все проявления самодержавного гнета, а не только те, которые касаются рабочих непосредственно, потому что нужно политически воспитать рабочий класс. Экономисты вместо политической борьбы для уничтожения самодержавия отстаивают борьбу за экономические реформы, тогда как социал-демократия, ведя борьбу и за эти реформы, подчиняет ее, как часть целому, революционной борьбе за свободу и социализм». Преклонение перед стихийностью—то общее, что соединяет экономистов с террористами: экономисты преклоняются перед стихийностью рабочего движения, а террористы—перед стихийностью возмущения интеллигентов. Социал-демократы должны итти во все классы населения со своей последовательно-демократической пропагандой и агитацией, не для руководства их борьбой за их ближайшие интересы, а для подъема их на дело низвержения самодержавия, на признание негодности всего политического порядка. «Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая организует действительно всенародные обличения самодержавия». Организационная сторона экономизма — это кустарничество, от которого надо избавиться, потому что оно—неподготовленность к революционной работе, узкий ее размер и преклонение перед организационной стихийностью. Политическая борьба социал-демократии шире и сложнее экономической борьбы рабочих с предпринимателями и правительством; поэтому и организация социал-демократической партии должна быть иного рода, чем рабочая организация для экономической борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной, во-вторых, возможно более широкой, в третьих, возможно менее конспиративной. Организация революционеров должна, во-первых, обнимать революционеров по профессии—все равно интеллигентов или

рабочих,—во-вторых, должна быть не очень широкой и, в третьих, возможно более конспиративной. Широкий демократизм организации — в русских условиях утопия. Необходим комитет из профессиональных революционеров, организация руководителей, без чего революционное движение не может быть прочно, не сохранит преемственности. По форме такая организация заговорщическая, потому что «конспирация» по-русски «заговор», а конспиративность необходима. Широкий демократизм, выборность партийной организации при самодержавии — пустая и вредная игрушка. Необходим также централизм. Лучшее средство для этого — общерусская газета, являющаяся коллективным организатором, средством воспитать сильные политические организации. Она усилит, оживит и расширит и местную работу. Для штурма надо приготовить революционную армию, и это может сделать только общерусская газета [1]).

«Что делать» вызвало в с.-д. кругах огромное возбуждение. С одной стороны, многие увидели в этой брошюре целое организационное и тактическое откровение, с другой, у нее явились ярые, непримиримые противники прежде всего в среде рабочедельцев, а потом даже и среди искровцев.

Три тезиса Ленина, защищавшиеся в этой брошюре, вызывали возражение: во-первых, тезис о трэд-юнионистском характере пролетариата и о социалистическом и революционном вкладе в его мировоззрение со стороны социал-демократической интеллигенции, во-вторых, об организационном централизме и конспиративной организации профессиональных революционеров, как основном ядре партии, в третьих, о положении социал-демократии в отношении к буржуазной оппозиции, о ее роли гегемона в буржуазной революции.

В первом тезисе некоторые искровцы видели только описание того, что произошло в действительности в России вследствие отсталости русского пролетариата, но не разделяли мнения, что таков общий закон, что пролетариат вообще неспособен сам, своими силами выработать социалистическое и революционно-политическое сознание. Второй тезис считался перегибанием палки в другую сторону в том смысле, что конспирация и централизм профессиональных революционеров должны постепенно с изменением внешних усло-

---

[1]) Вл. Ильин (Н. Ленин), За 12 лет, стр. 197—315.

вий осложняться примесью демократизма, причем этот процесс должен потом итти вплоть до полного торжества демократического организационного принципа,—иначе дело сведется к диктатуре революционеров-профессионалов и партийных теоретиков. В третьем тезисе рабочедельцы видели отступление от классовой позиции пролетариата и напрасное стремление непосредственно овладеть движением буржуазии, а некоторые искровцы усматривали отступление Ленина от теоретически признававшегося им взгляда, высказанного Аксельродом в 1899 г. в брошюре «О задачах и тактике», что воздействие социал-демократии на движение буржуазии определяется содержанием работы социал-демократии в самом пролетариате, т.-е. постановкой в центре борьбы проблемы общенационального освобождения. Это последнее положение противников Ленина, если расшифровать его, перевести на язык практики, означало не что иное, как поддержку буржуазной оппозиции пролетариатом, а вовсе не революционную гегемонию последнего.

Таким образом, появление «Что делать» положило начало новой внутрипартийной группировке—сближению части искровцев с рабочедельцами, готовыми теперь занять революционно-политическую позицию с теми оговорками против позиции Ленина, какие делались этой частью искровцев, и образованию около Ленина ядра последовательных его сторонников. Меньшевизм и большевизм имелись, следовательно, в зерне своем накануне второго съезда.

В конце июля 1903 г. открылся второй съезд Р.С.-Д.Р.П. в Брюсселе, перенесенный потом в Лондон. На съезде с решающими голосами присутствовало 42 человека, имевших 51 голос, так как каждый комитет и союз пользовался двумя решающими голосами, по одному голосу имели лишь комитеты городов с расколотой организацией [1]). С совещательными голосами присутствовали 14 человек—члены редакции

[1]) Шотман-Берг, Лидия Махновец, Бауман, Цейтлин, Лидия Книпович, Стопани, Махлин, Леонов, Крахмаль, Муравьев, Красиков-Павлович, Андрей, Д. Ульянов, Залкинд-Землячка, Зборовский, Панин, Мошинский, Драбкин-Гусев, Локерман, Галкин, Мандельштам, Лядов, Левина, Николаев, Мандельберг, Бронштейн-Троцкий, Зурабов, Кнуньянц-Рагин, Топуридзе, Кремер, Айзенштат-Юдин, Портной, Гольдман-Либер, Медем Коссовский, Мартынов, Акимов, Ленин, Мартов, В. Розанов, Левин, Плеханов и еще один рабочий. Два делегата Гольдман-Игорь (Горев) и Десницкий Строев были арестованы на границе.

«Искры» и Организационного комитета по созыву съезда. По составу съезд в подавляющем своем большинстве был искровским. Но в самом течении его заседаний и прений обнаружилась новая фракционная группировка, имевшая в последующем развитии с.-д. движения огромное значение.

Отметим прежде всего те работы второго съезда, которые почти не вызывали разногласий и на довольно продолжительное время служили прочным достоянием партии.

Сюда относится прежде всего программа партии, первоначальный набросок который принадлежал Ленину, а переработка его произведена была Плехановым. Программа-максимум устанавливала в качестве конечной цели социалистическую революцию, необходимым условием которой признана была диктатура пролетариата. Программа-минимум включала в себе по рабочему вопросу восьмичасовой рабочий день, как основное требование с вытекавшими отсюда другими положениями, по аграрному вопросу—отчуждение в пользу крестьянства отрезков, по политическому—демократическую республику, а как переход к ней—учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Представители «экономистов»—Союза русских социал-демократов,—Мартынов и Акимов, внесли ряд поправок к программе. Главными из них были настояние на исключении из программы - максимум диктатуры пролетариата и расширение аграрной программы до раздела всех земель в пользу крестьянства. Раздавались также голоса за полный отказ от агитации в крестьянстве. Все поправки были отвергнуты, причем при обсуждении вопроса о диктатуре пролетариата Плеханов сделал заявление, что пролетариат, проводя социалистическую революцию, не встретит препятствий и в нарушении принципов формальной демократии, напр., отменит или ограничит в случае нужды свободу печати.

В программу включен был также пункт, признававший за каждой нацией право ее на самоопределение. Этот пункт подвергся нападению справа—от Бунда—и слева от присутствовавших на съезде двух представителей польской социал-демократии, видевших тут уступку национализму. Бундовцы предложили признать культурно-национальную автономию, поляки—исключить этот пункт. Оба предложения были отвергнуты. Тогда польские с.-д. прервали переговоры о слиянии

и оставили съезд, а бундовцы потом, когда отвергнуто было их предложение о федеративном строе партии, заявили, что Бунд выходит из партии.

Резолюции съезда, касающиеся текущей рабочей политики, относились к двум вопросам—о зубатовщине или, точнее, о забастовках, вызывавшихся зубатовцами, и о законе 1903 г. о фабричных старостах; решено было, разъясняя рабочим характер зубатовщины, поддерживать, однако, забастовки по существу, и, разоблачая полицейский и антипролетарский характер закона о старостах, проводить в старосты кандидатов партии.

Принята была предложенная Аксельродом резолюция о партии социалистов-революционеров: ее терроризм и «внеклассовый» социализм вредны, как затрудняющие вступление рабочих в классовую партию, а утопизм вреден в революционно-демократическом смысле; поэтому с.-д. партия должна бороться с партией с.-р., не вступая с ней в соглашения, и даже соглашения местных организаций возможны только под особым контролем Ц. К.

По вопросу об отношениях к либералам и по организационному вопросу—по § 1-му устава партии—и получилась новая линия фракционного деления.

Об отношениях к либералам внес резолюцию Плеханов, и эту резолюцию поддерживал Ленин. Она гласила, что с.-д. партия поддерживает всякое оппозиционное движение, но отмечала также контр-революционность Струве и «Освобождения» и обязывала партию разоблачать перед широкими массами эту контр-революционность. Резолюция эта была принята большинством. Но она показалась меньшинству опасной и неудобной, и Потресов-Старовер, поддержанный Аксельродом, Мартовым, Засулич и Троцким, внес дополнительную резолюцию; в этой резолюции говорилось о конкретных условиях допустимости временных соглашений с либеральными или либерально-демократическими течениями, и этих условий признавалось три: во-первых, «либеральные или либерально-демократические течения должны ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся на сторону российской социал-демократии», во-вторых, они не должны «выставлять в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабо-

чего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание», в третьих, они должны «лозунгом своей борьбы сделать всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право». Так как три члена большинства голосовали и за эту резолюцию, то она также прошла, что Ленин считал ошибкой, так как предвидеть заранее условия соглашения и связывать себя ими ему казалось нецелесообразным, и кроме того он считал необходимым анализ классового содержания либерализма [1]). Нет никакого сомнения в том, что здесь обнаружена тенденция будущих меньшевиков к соглашениям с либеральной буржуазией, которая, как им казалось, недостаточно выражена в резолюции Плеханова. Это одна из важных линий расхождения будущих фракций, наметившихся на съезде.

Но в вопросе об отношениях к либералам расхождение было еще прикрыто не вполне ясно. Оно выявилось совершенно определенно по организационному вопросу,—в прениях по § 1-му Устава партии. Были предложены две редакции этого параграфа; одна принадлежала Ленину, другая Мартову. Ленинская редакция гласила: «членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Текст, предложенный Мартовым был таков: «членом партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Аксельрод, выступивший за редакцию Мартова, привел такие доводы: во-первых, не следует смешивать понятия «партия» и «организация»,—надо их разграничить; во-вторых, он считал необходимым подражать Земле и Воле и Народной Воле, вокруг конспиративных и централистических организаций которых «группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии»; для примера Аксельрод взял «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом»; «мы», говорил Аксельрод, «создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, поду-

[1]) Ленин. Шаг вперед, два шага назад: «За 12 лет», стр. 354.

мать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя, быть может, и не вполне активно, примыкающих к этой партии». Мартов в свою очередь защищал свою редакцию следующими соображениями: «чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше», «мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии»; контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии «осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней»; в партии должны быть не только партийные, но и иные организации, потому что «жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»; если не вполне надежная организация «согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая тем самым партийной организацией»; «между организацией революционеров и массой должен быть ряд организаций».

Несомненно, Ленин был прав, когда на съезде и в брошюре «Шаг вперед, два назад» указывал на интеллигентский характер одиночек и групп, которые проектировались Аксельродом и Мартовым. Надо только сделать еще одно дополнение: и у Мартова и у Аксельрода в их заявлениях была в зародыше будущая аксельродовская и ларинская идея о «широкой рабочей партии», состоящей не из одних социал - демократических, но и трэд - юнионистских элементов. Именно поэтому Аксельрод говорил на съезде, что «в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью, с задачами социал-демократической партии пролетариата». В защите интеллигенции, социал-демократически настроенной, но не желающей формально примыкать к организации, и трэд-юнионистски настроенной массы, в предоставлении той и другой права партийного членства сказались важные отличия меньшевиков от большевиков в ближайшие годы после второго съезда[1]).

---

[3]) Протоколы 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П.; Ленин, Шаг вперед, два шага назад; Павлович, Письмо к товарищам о втором съезде («Пролет. Рев.», № 2); Лепешинский, Примечание к этому письму (там же);

В задачу настоящего тома нашей работы не входит изучение событий и процессов общественного развития, совершавшихся в 1905 году: мы останавливаемся пока здесь на пороге революции, в конце 1904 года. Поэтому, чтобы закончить историю российской социал-демократии в данное время, остается отметить только два явления, указывающие на обострение фракционной борьбы и углубление разногласий: во-первых, перемены в составе редакции центрального органа и центрального комитета сравнительно с тем, что в этом отношении установил второй съезд, во-вторых, выступление меньшевиков с планом, связанным с так-называемой «земской кампанией» и критику этого выступления большевиками.

На втором съезде Ленин и Плеханов, руководясь теми соображениями, что необходима выдержанная позиция руководящего центра, его твердая позиция в отношении к оппортунизму и преемственность принятой политической линии, чему мало мог соответствовать центральный комитет, действующий в России, слишком поддающийся местным влияниям и меняющийся в составе вследствие арестов, провели установление двух центров—центрального комитета в России (Ц. К.) и редакции центрального органа заграницей (Ц. О.). Для согласования действий этих двух самостоятельных, равноправных центров учрежден был съездом совет партии из двух представителей Ц. К., двух представителей Ц. О. и пятого, выбранного съездом. Съезд выбрал в редакцию Ц. О. Плеханова, Ленина и Мартова, исключив тем самым из редакции Аксельрода, Засулич и Потресова, а в Ц. К. были выбраны Кржижановский, Ленгник и Носков—все большевики—с предоставлением им права кооптировать других членов. Председателем совета партии был выбран Плеханов.

Меньшевики усмотрели во всем этом целый переворот в партийной организации и протестовали действием: Мартов отказался вступить в редакцию Ц. О., отказались меньшевики и от введения в Ц. К. одного или двух своих кандидатов. Таким образом, тотчас после съезда большевики оказались господами положения и в Ц. О., и в Ц. К., и в Совете партии.

Мартов, История росс. соц.-дем.; Батурин, Оч. ист. соц.-дем. в России.

Но затем дело изменилось. В Женеве произошел съезд заграничной Лиги социал-демократов, где большинство оказалось у меньшевиков, и съезд этот выразил недоверие Ленину. Ленин от имени Ц. К. потребовал изменения устава Лиги в духе лишения ее автономии. Съезд отверг это требование, и хотя член Ц. К. Ленгник объявил съезд распущенным, продолжал свои заседания.

Тогда Плеханов высказался за соглашение фракций и предложил Ленину кооптировать в состав Ц. О. всю прежнюю редакцию. Ленин отказался сделать это и вышел из состава редакции. Тогда Плеханов кооптировал Аксельрода, Мартова, Засулич и Потресова. Это означало переход Плеханова на сторону меньшевиков. Вместе с тем меньшевики получили большинство и в Совете партии, так как голос Плеханова давал им здесь перевес..

В руках большевиков остался Ц. К., где они и укрепились: Кржижановский, Ленгник и Носков кооптировали Ленина, Красина, Гальперина, Залкинд-Землячку, Марию Розенберг, Гусарева; потом в Ц. К. были кооптированы Дубровинский-Иннокентий, Карпов и Любимов. Все это повело к целому ряду полемических выступлений с обеих сторон, причем большевики упрекали меньшевиков в интеллигентском, мелкобуржуазном оппортунизме, а меньшевики, особенно в лице Аксельрода, объявляли организационную позицию большевиков заговорщической, мелкобуржуазно-якобинской. Ленин на это ответил: «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ» [1]).

Все изложенные сейчас перемены в центрах и полемика, с ними связанная, отражали организационный конфликт в партии. «Земская кампания» вскрыла тактические противоречия, которые, таким образом, последовали за организационными спорами, и углубила разногласие и рознь между фракциями. Осенью 1904 года редакция «Искры» разослала письмо к партийным организациям с изложением плана земской кампании, воздействия на либеральных земцев, ходатайствующих о конституции. Редакция «Искры» в этом письме ставит задачей плана воздействие на либералов с целью придать им больше храбрости и побудить их присоединиться к

---

[1]) Шаг вперед, два назад: За 12 лет, стр. 367.

требованиям пролетариата, руководимого социал-демократией. Не следует при этом стремиться вырвать у земцев «формальное обещание предъявить наши требования правительству». Надо только предъявить эти требования земцам через специального оратора от рабочих в земском собрании, причем оратор этот должен быть подготовлен партийной организацией и выделен рабочими-демонстрантами, которые явятся к дому заседаний земского собрания и частью проникнут и в зал этих заседаний. Это новый путь действий, отличающийся от «низшего типа мобилизации» пролетарских сил, проявившегося, напр., в Ростове-на-Дону в массовых уличных демонстрациях.

Ленин ответил на этот план такой критикой: необходимы «беспощадный разбор и уничтожающая критика половинчатости либеральной буржуазии в вопросах демократии», этим социал-демократы «подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а частью и мелких буржуа, от либеральной демократии на сторону рабочей демократии». Либералы никогда не признают ни демократической республики, ни вооруженного восстания. Перенесение центра тяжести тактики на обращение к земству особенно вредно тогда, когда намечается «возможный и вероятный союз умеренных земцев с правительством для борьбы против революционного пролетариата» [1]).

Достаточно сопоставить этот план меньшевиков и большевистскую критику его, чтобы уяснить себе основную линию тактических расхождений в социал-демократии накануне революции 1905 года: меньшевики имели в виду соглашение с либеральной буржуазией, поддержку ее с целью таким путем ее усилить и достигнуть конституции, открывающей более широкие возможности для рабочего движения и социалистической пропаганды; большевики имели в виду борьбу с либеральной буржуазией, гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции путем привлечения к себе всех демократических элементов в буржуазии. Это—два непримиримые тактические положения, и их наличность ярко характеризует увеличивающиеся фракционные разногласия

---

[1]) Ленин, Земская кампания и план «Искры»: За 12 лет, стр. 393 и след.

в социал-демократии: с почвы организационной они в 1904 г. перешли уже и в область тактики.

В чем же заключается основная причина образования фракций в российской социал-демократии?

Несомненно, в основе этого образования лежали психология и идеология различных слоев пролетариата физического и умственного труда.

К социал-демократии в России еще до революции 1905 года стали приливать значительные круги рабочих,—тысячи их. Между ними значительную часть составляли рабочие квалифицированные, обученные. Значителен был и контингент технической интеллигенции, сближавшейся в высших своих слоях, редко переходивших к социал-демократии,—с мелкой, а иногда и с средней и даже крупной буржуазией, а в низших близкой к квалифицированному пролетариату. Бакунин высказал как-то мысль, что квалифицированный пролетариат—уже не пролетариат, а буржуазия: он не революционен, потому что ему есть что терять в буржуазном, капиталистическом обществе. Это положение, конечно, неверно: квалифицированный пролетариат—также пролетариат, и его классовые интересы диктуют ему так же, как и пролетариату необученному, широким рабочим массам, социализм как полное удовлетворение его интересов. Но квалифицированный пролетариат не бунтарь в бакунинском смысле, он понимает революцию как переход власти из рук одного класса в руки другого не непременно путем восстания. У него наряду с чувством действует и холодный анализ, рассудок, дающий известную дозу скептицизма и критики. Отсюда—его склонность к соглашениям, компромиссам, уступкам, постепеновщина, если угодно. Отсюда и боязнь крайнего централизма и подчинения, стремление к автономии, большая мера индивидуализма. Большинство квалифицированного пролетариата и социал-демократической интеллигенции и примыкало к меньшевизму.

Меньшинство их и пролетариат необученный, чернорабочий, поскольку он стал уже тогда социал-демократическим, и психологически и идеологически тяготели к большевизму: оппортунизм и соглашательство в тактике были чужды этим социальным слоям. Централизм был им понятен, доступен и соответствовал их привычкам и вкусам. Неуклонная после-

довательность, непримиримость большевизма громко говорила не только уму, но и чувству масс, — и они, раз встав на почву социал-демократии, беззаветно шли за Лениным и его последователями тем более, что, страдая острее от окружающих условий, чем квалифицированный пролетариат, они сильнее, чем он, были пропитаны и чувством классовой ненависти.

Конечно, сказанное намечает только основную, главную причину фракционной группировки и притом—мы подчеркиваем это—пока лишь для определенного момента, кануна революции 1905 года. Помимо основной причины были привходящие, второстепенные, не подклассовые уже, а мелко групповые и даже индивидуальные. Не надо забывать, что в сущности в каждой из фракций были оттенки, различия в воззрениях, что обе они представляли собою в сущности блок, союз различных элементов. И чем дальше в ходе развития, тем это обнаруживалось яснее. Поэтому и говорить об этой стороне дела, анализировать эти внутрифракционные группировки удобнее и уместнее тогда, когда они определятся яснее.

Развитие социал-демократии в России и внутренняя борьба в ней совершались в атмосфере грандиозного подъема рабочего движения, которое притом, как было уже сказано, теперь, в эпоху экономического кризиса, приняло характер определенно политический. В 1901 году состоялись первомайские демонстрации в Петербурге, где они иногда сопровождались даже постройкой баррикад в рабочих кварталах. а также в Тифлисе, Харькове, Симферополе и других местах. Тогда же возник ряд стачек в железнодорожных мастерских разных городов и в каменноугольных копях Донецкого бассейна. В 1902 г. вспыхнула стачка на заводе Ротшильда в Батуме, а в Ростове-на-Дону произошла массовая рабочая демонстрация на улицах города с агитационными речами социалистов, обращенными к тысячам демонстрантов и пользовавшимися огромным успехом. Летом 1903 г. весь юг России был охвачен грандиозной всеобщей забастовкой: она началась в Одессе и Баку, захватила Елисаветград, Николаев, Киев, Керчь, Екатеринослав, Батум, Тифлис, Кутаис, Поти, Харьков. Потом в Москве произошла стачка печатников, поведшая к образованию полулегального профессиональ-

ного союза их. Общественная атмосфера становилась все более грозной и напряженной. Студенческое, крестьянское, рабочее, либеральное движения неудержимо шли вперед, развертывались и усиливались. Неудачная война с Японией разжигала недовольство и усиливала и стихийное и сознательное течения против существующего порядка. Частичные послабления и уступки во второй половине 1904 г. не удовлетворяли, а только разжигали стремление к коренным, решительным переменам. Неудержимо надвигалась революция.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ.

Общие выводы.

История России за пятьдесят лет, протекших с 1855 по 1905 год, есть история происхождения русской буржуазно-демократической революции 1905, 1906 и 1907 годов. Мы изучили в предшествующих двух главах основные конкретные факты и детальные процессы, из которых сложилось целое. Теперь нам предстоит произвести обобщающую работу, схватить это целое в едином синтезе.

Исходным пунктом всего процесса происхождения революции была реформа 19 февраля 1861 года. Она предпринята была сторонниками старого порядка из боязни крестьянской революции и с самого начала строилась ими в расчете сделать минимальные уступки и сохранить возможно больше старины. На время, правда, в состав исполнителей реформы проникли и даже ненадолго достигли в нем преобладания бюрократические элементы, которые сознательно ставили себе задачей компромисс между крепостниками и обуржуазившимися уже помещиками с некоторым даже отклонением общей линии в пользу последних. Но социальный удельный вес крепостников в помещичьей среде, да и количественный их перевес в ней, так как к крупным помещикам тяготели и мелкие, дали верх в конце-концов крепостническому решению вопроса, и падение крепостного права в России совершилось на условиях, открывавших меньшие, чем в какой-либо другой стране, возможности для широкого развития производственного капитализма. Можно сказать даже, что то были возможности вообще наименьшие из всех мыслимых:

сделать меньше в этом отношении, чем сделано было 19 февраля 1861 г., значило бы не сделать ничего.

Ближайшие последствия этого обнаружились прежде всего в области народного хозяйства 60-х и 70-х годов. Несмотря на некоторое улучшение условий хлебного рынка—внутреннего и особенно внешнего—благодаря главным образом развитию железнодорожной сети, или, вернее, вследствие именно умеренности этого улучшения, причем эти условия давали преимущества крупным производителям перед крестьянами, интенсификация сельскохозяйственного производства шла вперед крайне медленно, особенно поскольку речь может итти о хозяйстве крестьянском. Мелкое владельческое хозяйство и землевладение испытывало кризис и в значительной своей мере ликвидировалось, крестьянское малоземелье обострялось, и часть крестьянства пролетаризировалась. Сельское хозяйство было наполовину крепостническим и только на другую половину капиталистическим, и все это венчалось быстрым ростом крестьянского пауперизма.

Индустрия испытала потрясение и упадок в первые годы после реформы, сопровождавшиеся, однако, некоторым улучшением техники производства. Затем она пошла вперед в своем развитии, но медленно, оставаясь в общем худосочной, малокровной, чему содействовала слабая покупательная способность массового потребителя, создававшая узость рынка.

Эта узость усиливалась еще хищнической, примитивной, устарелой финансовой политикой. Буржуазные тенденции в доходном бюджете были слабы и подавлялись, напр., в прямом обложении, крепостническими, которые господствовали здесь в виде подушной подати и выкупных платежей на $^{5}/_{6}$ и даже на $^{9}/_{10}$. Чувствительнее к буржуазно-капиталистическим влияниям был расходный бюджет, но и там эти влияния были невелики. При всем том буржуазные тенденции в бюджете все-таки росли, а крепостнические традиции разлагались; только и эти буржуазные тенденции отличались грубо хищническим характером сообразно общему господствовавшему тону народного хозяйства.

В меру страшной отсталости крестьянской реформы обрезанными, куцыми, минимально-отходившими от прошлого были и другие реформы. Не получилось гражданское равноправие, сохранились сословность и правоограничения в осо-

бенности крестьянства. Земское и городское самоуправление носило на себе печать не только цензовой буржуазности, но и сословности по составу и исключительно хозяйственных функций по компетенции, так что оказалось во всех отношениях жалким, урезанным. В судебной реформе сословно-классовым, дворянски-землевладельческим с буржуазными тенденциями оказался местный, мировой суд по мелким делам; независимость судей отчасти юридически и вполне фактически оказалась фиктивной, компетенция присяжных заседателей до крайности ограниченной, гласность съуженной до последних пределов; наконец, для крестьянства сохранен был особый сословный суд. Печать подчинена была административному произволу, почти совершенно неограниченному. В школьной системе буржуазные задания встретили могущественный противовес в полицейски-крепостнических традициях.

И внешняя политика России в 60-х и 70-х годах, поскольку она была колониальной—на Дальнем Востоке и в Средней Азии,—носила на себе печать до-капиталистического хищничества, конквистадорства, а в русско-турецкой войне отмечена была субъективно влиянием реакционной идеологии, а объективными результатами служила интересам буржуазной революции на Балканском полуострове, причем сопровождалась дипломатическим поражением России—следствием ее капиталистической отсталости.

Все эти условия материальной культуры 60-х и 70-х годов не вычеркнули из жизни и не лишили активности и крайних крепостников и реакционеров эпохи разложения старого порядка типа Муравьева-виленского и способствовали появлению реакционной литературы, давшей и гения в лице Достоевского, а также сохранению классицизма в живописи и музыке. Но все же типичными для этих десятилетий были «консерваторы с прогрессом» — Валуев, Лорис-Меликов в администрации, Иван Аксаков в публицистике, Соловьев, Чичерин и Кавелин в науке, Гончаров и Островский в художественной литературе.

Либерализм среднего дворянства, перерождавшегося в буржуазию, являлся знаменем бессильной оппозиции, сказывавшейся всего сильнее в земском движении и в художественном воплощении «лишних людей» Тургеневым.

На перевале между оппозицией и революцией стоял кающийся, опростившийся или склонный к опрощению дворянин—великий натуралист в художественном творчестве Лев Толстой, ярко воплощавший в своей личности разложение дворянства и его перерождение в новые классы общества, отрицательно относившиеся к старому порядку.

Весь строй, наполовину капиталистический, наполовину полицейски-крепостнический, встречал себе естественно демократический протест, революционное движение. Исходными пунктами этого движения в умах демократической интеллигенции были обличительная литература, основанная Щедриным, и литературная деятельность Помяловского. Но скоро затем движение приобрело открыто-революционный, социалистический и анархический характер не только в литературе, но и в жизни.

Первую ветвь его составили «нигилисты», отрицатели, разрушители, революционная нетовщина—Писарев, Нечаев. Вторую—Ткачев и родственные ему якобинцы—кружок Зайчневского, Ольшевский, каракозовцы. Третья ветвь—социалистическая—представлена была в особенности Чернышевским, продолжателями которого были члены первой «Земли и Воли».

На рубеже 60-х и 70-х годов и в особенности в это последнее десятилие—в 70-е годы—в демократической интеллигенции возобладало народничество, нашедшее себе литературно-художественное выражение сначала у Решетникова и Левитова, потом у Некрасова, культивировавшего также и мотивы покаянной поэзии, и, наконец, у Глеба Успенского, Златовратского и Каронина, в публицистике у Елисеева, Михайловского, В. В. (Воронцова) и Юзова-Каблица, в живописи у передвижников и в музыке у «кучки»—Мусоргского, Кюи, Римского-Корсакова. Преобладание народничества естественно: капитализм был слаб, рабочих было мало, крестьянская масса, огромная, угнетенная, стихийно-могучая своей численностью, нищавшая, волновавшаяся, жившая в общине, организовавшая артель, казалась естественной, здоровой жизненной революционной опорой.

Под знаком народничества проходили главные революционные течения 70-х годов.

Лишь не широким, хотя шумливым, ручейком текло ткачевское якобинство. Но по преемству от Чернышевского с на-

чала 70-х годов сложились две группы, предшественницы грядущего: чайковцы—пропагандисты и долгушинцы—бунтари. С первыми в первой половине 70-х годов и были генетически связаны лавристы, со вторыми бакунисты, причем те и другие были народниками скорее анархистского, чем социалистического пошиба: мелкобуржуазная природа революционного движения того времени и его участников ясно давала себя знать. Движение 1873—75 годов было массовым неорганизованным хождением в народ с субъективными целями агитации и пропаганды, причем объективно агитация совсем не удалась, пропаганда имела весьма ограниченный успех и в лучшем случае получились знакомство с крестьянством и революционно-тактический опыт, снимавший с очереди тему о социализме при пропаганде и агитации в крестьянских массах.

Вторым моментом революционного хождения в крестьянство были прочные поселения и пропаганда, исходящая из повседневных деревенских нужд, причем в основе лежали более упорядоченные организации, главной из которых была Земля и Воля. В то же время началась и стала развиваться революционная работа в рабочих массах, и появились первые рабочие организации, созданные самим пролетариатом и впервые в то время внесшие в революционный обиход политическую борьбу: таковы были больше всего Южно-российский рабочий союз и Северный рабочий союз. Объективные результаты второго момента деревенской работы были также неутешительны: крестьянство оказывалось неподатливым на социалистическую пропаганду и на пропаганду восстания для захвата земли: оно ждало земли от царя; работа землевольцев вырождалась поэтому большею частью в либеральное культурничество.

Анализ этих результатов приводил революционеров к убеждению, что главной причиной неудачи являлись полицейские преследования, отсутствие политической свободы; с другой стороны, месть за свирепую расправу администрации и суда с революционерами, защита от шпионов и самозащита при арестах наталкивали также на насильственную борьбу с властью. Это в конце 70-х годов повело к отказу от анархизма, к политической борьбе, к террору, словом, к переходу Земли и Воли в Народную Волю, которая после героической и романтической борьбы погибла в 80-х годах, завершив, та-

ким образом, собою круг развития революционных организаций и революционного движения первых десятилетий после крестьянской реформы. Господа положения и поддерживаемый ими старый строй, лишь слегка, поверхностно подновленный, сохранились, уцелели и против оппозиции и против революционного движения: и у той, и у другого не нашлось достаточно почвы для решительного успеха, хотя, несомненно, политическая борьба народовольцев колебала устои. Реформы были слишком минимальны, недостаточны, чтобы успокоить страну; они были, однако, достаточны для того, чтобы сохранить на время самодержавно-полицейский режим, хотя почва под ним, очевидно, уже начинала колебаться.

Следующие затем 25 лет—с 1880 по1904 год включительно—дали много нового.

Условия сельскохозяйственного хлебного рынка были в 80-х годах неблагоприятны вследствие мирового сельскохозяйственного кризиса на внешнем рынке и вследствие крайней слабости развития индустрии внутри России. В 90-х годах начался подъем цен на хлеб на внешнем рынке, а на внутреннем он шел несравненно слабее: очевидно, русская индустрия и в эти годы развивалась не настолько, чтобы потребить весь производимый хлеб, предназначенный к внутреннему сбыту. Аграрная политика правительства способствовала выделению и росту деревенской буржуазии и усиливала пауперизацию крестьянства.

По всем этим причинам развитие сельскохозяйственной техники и интенсификация становятся заметными только с 90-х годов. Соответственно этому сокращалось дворянское землевладение и, следовательно, также уменьшалась площадь крепостнического хозяйства, что подтверждается и ростом среднего, по преимуществу капиталистического, землевладения в ущерб крупному, бывшему главным образом крепостническим по форме хозяйства. Крестьянское малоземелье постепенно обострялось, община начинала падать, классовое расчленение в деревне сильно прогрессировало, пролетаризация крестьянства шла вперед, его пауперизм достигал крайних пределов.

В промышленности кризис первой половины 80-х годов—до 1887 г.—сменился подъемом конца их, новым кризисом начала 90-х годов, затем следовал большой подъем второй половины 90-х годов и кризис начала XX века. В общем инду-

стрия с 90-х годов сделала большие успехи, развились очень крупные промышленные предприятия, но техника, несмотря на все успехи, отставала от техники передовых капиталистических стран в лучшем случае на 50—70%, в худшем на 150—500% и даже иногда более. Русский промышленный капитализм и в это время продолжал сохранять грубо-хищнический, малокультурный характер, опирался на небывалый нигде и никогда по своей напряженности протекционизм, исключал свободу коалиций и дал лишь жалкое фабричное законодательство с примитивным и ненадежным страхованием рабочих. Низкий уровень заработной платы и крестьянское разорение создали малую покупательную способность масс населения, узкий индустриальный рынок и задержку в росте промышленности.

Все это дополнялось и хищнической системой финансового хозяйства: уменьшалось относительное значение прямого обложения, сильно рос удельный вес косвенных налогов, увеличивались доходы от казенных монополий. Правда, доходный бюджет все же становился более буржуазным, чем прежде: подушная подать была отменена, выкупные платежи составили уже лишь немногим больше трети всех прямых налогов, но главная налоговая тяжесть давила на крестьянство, обложенное вчетверо сильнее других сословий.

И в расходном бюджете буржуазные тенденции заметно росли, но здесь наблюдалось сильнейшее расточение народных средств для обогащения отдельных капиталистов. Единственным крупным новшеством было введение золотой валюты, поддерживавшейся, однако, с трудом и главным образом внешними займами. Характерной чертой была финансовая централизация, как одно из средств поддержания старого порядка.

Социальные отношения двадцатипятилетия—с 1880 по 1904 г. характеризовались, вследствие описанных экономических условий, сохранением сословности, но сильным классовым расчленением общества—роста буржуазии и пролетариата главным образом и связанными с этим разложением и перерождением дворянства и классовым расчленением крестьянства. Все это естественно обостряло классовую борьбу и колебало сословный строй.

Однако, медленность буржуазных перемен в хозяйстве, хищнический характер капитализма, сохранение многочи-

сленных остатков крепостничества, финансовая централизация охраняли самодержавно-полицейский режим, и новые экономические и социальные явления привели лишь к реакционной диктатуре, ярко выразившейся в ликвидации хотя бы частичных и робких поправок к абсолютизму, во введении института земских начальников, в земской и городской контр-реформах, в законах о найме сельскохозяйственных рабочих и о семейных разделах в деревне, в антисемитизме, в полном почти уничтожении судейской самостоятельности, в ограничениях гласности суда, в реакционной школьной политике, в крайних стеснениях печати, наконец, в полном господстве административного произвола и в полицейском социализме.

Во внешней политике в 80-х годах пытались еще сохранить крепостнические, дворянски-самодержавные традиции прошлого: хотели превратить Болгарию в русскую губернию и держались старого союза с Германией. Но новые буржуазные порядки вне и внутри России повели к крушению всего этого и к ликвидации дипломатических традиций прошлого. в 90-х годах сказалось уже влияние капитализма на внешнюю политику—в той его форме, какая была свойственна России: отсюда именно вышли союз с Францией и уродливый, созданный отчасти узостью внутреннего рынка вследствие хищнической финансовой политики, отчасти хищническими тенденциями дворянски-придворных кругов и личной политикой самодержца, русский дальневосточный империализм, позорно обанкротившийся в несчастной японской войне.

Духовная культура правящих кругов постепенно оскудевала, тускнела, разлагалась и вырождалась. У Александра III, при всей его тупости, узости, скупости, жадности и трусливости, были все же некоторый здравый смысл и сила воли; Победоносцев был умен, учен и талантлив, хотя и сух, узок, формалистичен и деспотичен, К. Леонтьев принципиален и талантлив, хотя и крепостник-утопист до мозга костей; но Катков, при всех его способностях и уме, был в сущности не принципиальным, не идейным человеком, а заботился лишь о личном своем благосостоянии. Были в 80-х годах еще и даровитые или не совершенно бездарные ученые и писатели реакционного направления. Но в 90-х годах и позднее развал, разложение и вырождение достигают высокой степени. Николай II сочетал в своей личности худшие черты Але-

ксандра I и Павла I, без их положительных сторон: лицемерие, неустойчивость взглядов, мистицизм и суеверие, ограниченность, отсутствие всякого государственного смысла, личное самовластие. Самый яркий из его реакционных помощников Плеве был карьеристом и только. Реакционная литература выродилась в беззастенчивый идейный разврат у Суворина и в искание покоя и достатка у Льва Тихомирова, тщетно пытавшегося литературно объяснить с идейной точки зрения, почему он перестал быть революционером. Лучшим, что дали 90-е годы в ряду правительственных лиц, был Витте, но он был уже не реакционер, а «консерватор с прогрессом», насадитель капитализма, индивидуалист, практик, оппортунист до мозга костей, мастер интриги, лишь наполовину принципиальный, на другую половину уступчивый, гибкий, талантливый человек практического здравого смысла,—не более.

Буржуазная действительность, рост капитализма создали русскую науку—естествознание и обществознание,—потому что без объективного в известных пределах изучения действительности буржуазное общество и капитализм существовать и развиваться не могут. И в соответствии с этой наукой воспринята была и подходящая философия — позитивизм, довольно узко очерчивающий круг вопросов, подлежащих научному исследованию.

Но так было лишь до тех пор, пока перед буржуазной мыслью не стала рисоваться необходимость уже не «реформ», а «реформы», с одной стороны, а с другой—пока не появился противник слева, пролетариат с его социалистическими тенденциями. «Реформа» требовала ответа на все «проклятые вопросы», потому что без идейного энтузиазма она немыслима, а «запазушный враг» внушал ответ не научный, а метафизический и мистический, так как лишь метафизикой и мистицизмом можно попытаться идейно обосновать вечность капитализма, буржуазного господства и абсолютный индивидуализм. Отсюда и вышла философия Владимира Соловьева и «Проблем идеализма».

Литературным выражением буржуазного индивидуализма была деятельность Чехова, Гиппиус, Сологуба, Брюсова, Бальмонта. Политическим его выражением явились земское движение, партия Народного Права, Союз земцев-конституционалистов и Союз Освобождения.

Настроения революционной демократии в начале 80-х годов характеризовались чувствами жертвенности, революционного долга, отчаяния и тоски. Но все это скоро сменилось новым подъемом студенческого, крестьянского и особенно рабочего движений. В виде ответа на это сложились революционные партии. В 1901 году образовалась из части старых народовольческих групп партия социалистов-революционеров. Другая часть народовольческих групп переродилась в социал-демократию, в ряды которой пошли и новые революционные элементы—интеллигенты и рабочие.

Восьмидесятые годы в истории русского социал-демократического движения характеризуются кружковой пропагандой, причем кружки заграничный, более выдержанный,—группа «Освобождение Труда»—и внутренние, русские, находились между собой в очень слабой и редко встречавшейся идейной связи и совершенно не имели связи организационной. То было время лишь зачаточного рабочего движения, не создававшего еще почвы для более широкой и единой социал-демократической работы и организации.

Первая половина 90-х годов—переходный момент: организация осталась кружковой; но она не только расширилась—кружки умножились и число членов их выросло,—но и усвоила агитационное, не только пропагандисткое, направление, и вместе с тем стала крепнуть идейная, если не организационная, связь с заграницей.

1894—98 годы—время первых попыток широких агитационных и пропагандистских действий социал-демократии, ее попыток сорганизоваться в единую партию. То была работа Союзов борьбы за освобождение рабочего класса, основания Бунда в 1897 г. и первого съезда партии в 1898 году.

Но рабочее движение в эпоху экономического подъема приняло, естественно, экономическую окраску, так как непосредственные экономические достижения наиболее возможны как раз в таких условиях. Отсюда вышел третий момент в развитии социал-демократии в России—«экономизм» и борьба с ним, закончившаяся вторым съездом 1903 года. Этот третий момент сопровождался, как и второй, огромным оживлением в легальной марксистской литературе и появлением и развитием творчества новых писателей-художников,—сначала Короленко, потом Горького и Вересаева.

«Экономизм» был изжит и побежден, когда благоприятная конъюнктура в промышленности сменилась с 1901 года кризисом, и экономические приобретения рабочего класса оказались эфемерными без политических достижений. Тогда рабочее движение приняло политический характер и даровало победу группе «Искры» и «Зари». Результатом этой победы был второй съезд партии, но он явился исходным пунктом образования двух фракций—большевиков и меньшевиков на основе сначала организационных, потом и тактических разногласий.

Так шло революционное движение.

В соединении с целым рядом других явлений и процессов, прослеженных в предшествующем изложении, оно привело к революции 1905—1907 годов. Восстановим в главных очертаниях общую комбинацию общественных сил, сделавшую революцию неизбежной.

Сельскохозяйственный и промышленный капитализм, осложненный и отягощенный многочисленными остатками крепостничества и общим тоном грубого хищничества, развивался с задержками и технической отсталостью, создавая своим хищничеством и хищничеством государства массовую пауперизацию, тем самым съужая рынок и ограничивая, подсекая сам себя. Реакционная диктатура напрягала все усилия и средства государственного аппарата, чтобы при таких условиях сохранить существующий порядок и спокойствие. Все было напрасно: студенческое, крестьянское, в особенности рабочее движения прорывались сквозь все заграждения и готовы были разорвать цепи. Они питали либеральную оппозицию, новонароднические и социал-демократические революционные организации. Правящие классы, не отказываясь от репрессий, усиливая их, прибегая к прямой провокации вроде полицейского социализма, задумали отвлекающую «маленькую» войну, которая кстати должна была помочь страдавшей от узости внутреннего рынка промышленности приобретением рынков на Дальнем Востоке. Но война из орудия защиты старого порядка обратилась в дополнительное средство для его сокрушения: она своими неудачами подчеркнула разложение этого порядка, усилила оппозиционное и революционное движения. Тогда в правящих кругах задуманы были аграрная реформа и частичные реформы политиче-

ские—«вольности», «свободы»—без перестройки государственного порядка по существу. То было крушением попыток земской оппозиции столковаться с господами положения о мирном даровании конституции. Правящие классы не хотели принять мнение оппозиции, что «нужны не реформы, а реформа», потому что они держались старого победоносцевского мнения, что «реформа», т.-е., конституция, ограничение самодержавия, неизбежно поведет к его падению, к революции. Но и частичные поправки и подделки не помогали, рабочее, аграрное, студенческое, революционное движение росло неудержимо. Революция стала неизбежной. Как она пошла и к чему пришла,—это мы увидели в последнем томе нашей работы.

Остается теперь осветить исследованные явления светом сравнительно-исторического метода. На ряде отдельных фактов это было уже сделано выше. Теперь эти отдельные замечания опять необходимо собрать воедино.

Здесь важнее всего сравнительно-историческое освещение исходного пункта—крестьянской реформы.

Английский способ отмены крепостного права, сопровождавшийся пролетаризацией крестьянской массы, и американский, по существу близкий к черному переделу, к разделу земли, к образованию массы мелких хозяйств, приблизительно равных друг другу, создали, как мы видели в IX томе, сильнейшее и быстрейшее развитие производственного капитализма и сопровождавшие его социальные, политические и духовно-культурные последствия. Французский способ—параллельное существование крупных, средних и мелких крестьянских хозяйств, причем последние мелкие — крестьянские, не были обременены платежами, выкупом,—дал медленное и сравнительно небольшое развитие капиталистических отношений. Середину представлял собою восточно-германский тип развития: в Пруссии пролетаризованы были только маломощные крестьяне, а крестьяне зажиточные получили значительное количество земли за умеренный выкуп и составили «крепкое», богатое крестьянство, проникнутое собственническим, буржуазным инстинктом, и консервативное в политическом отношении. Отсюда вышло развитие капитализма скорое и сильное, но несколько уступающее в размерах и темпе английскому и американскому, и получилась возможность постепенного перерождения дворянства в буржуа-

зию и, при сравнительной слабости революции, сохранение сильной монархической власти при конституционном, но не парламентарном, строе в течение всего времени существования производственного капитализма и даже при капитализме финансовом, как позднее увидим.

Русское освобождение крестьян было отлично по существу от всех тех типов, какие даны историей Европы и Америки: в нем были сделаны сравнительно с европейскими и американским примерами наименьшие уступки новому духу, и сохранены больше, чем где-нибудь в других странах, традиции прошлого. И потому развитие капитализма сельскохозяйственного и промышленного было относительно слабее, чем где бы то ни было, и осложнялось многочисленными и большими остатками крепостничества и грубого хищничества. Поэтому возможным оказалось дольше, чем в других странах, сохранение сословности и абсолютизма, хотя для этого и понадобилась целая система мер, которая характеризуется термином «реакционная диктатура», опять-таки невиданная и неслыханная нигде, кроме России, в таких размерах и в столь позднее время, как период развития,—хотя и первоначального,—производственного капитализма.

Уже внутренние отношения при таких обстоятельствах представляли собою кипящий котел. Дело осложнялось еще культурным преемством России от Европы. Мы видели, что кто опоздал на историческую сцену, как Германия, тот воспринял от более передовых стран их последние культурные достижения, не проходя всех ступеней духовной эволюции во всех подробностях: социализм Вейтлинга появился до немецкой революции 1848 года и был похож не на социализм Платона, Мора, Верасса д'Алле и Кампанеллы, даже не на социализм Винстэнли и Морелли, а на социализм Оуена, Фурье, Кабе и сен-симонистов. А научный социализм Маркса дал себя знать уже накануне немецкой революции и был самостоятельным, продолжил далее социалистические традиции передовых стран, очень сильно их переделав и в основе преобразовав.

И русский народнический социализм и анархизм был утопическим, но он шел по своему дальше утопического социализма Западной Европы, и здесь сказались столько же своеобразные условия внутреннего развития хозяйственных и социальных отношений, сколько и культурное преемство

от Запада: уже Герцен восприял сен-симонизм, Бакунин оказался под скрещенным влиянием Прудона и Маркса, Лавров также подчинялся влиянию Маркса, и это влияние стало господствующим позднее, особенно в социал-демократии. Оригинальное в русском социалистическом движении—и в том числе та эволюция социал-демократии, с какой мы познакомились,—дано было особенностями развития русской материальной культуры.

Мы видели выше и другие исторические параллели, напр., параллели буржуазного местного самоуправления, суда и школы на западе и у нас, полицейский социализм в Германии и во Франции, подобие Руссо—с соответствующими изменениями—в Л. Толстом и Бомарше в Горьком. Эти параллели наглядно подтверждают правильность сравнительно-исторического метода и указывают на основные причины оригинальных отклонений, главным образом, на экономический базис,—тот базис, которого исходным пунктом была крестьянская реформа.

В результате все изложенное в настоящем томе может быть сведено к следующим положениям:

1. Исходный пункт происхождения русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов, подготовленный разложением русского старого порядка в первой половине XIX века,—отмена крепостного права в России, совершившаяся с наименьшими уступками объективной необходимости и с наибольшим сохранением остатков прошлого по сравнению со всем тем, что в этом отношении было в соответствующий момент сделано в других странах.

2. Соответственно этому в России получились наименьшие по сравнению с другими странами возможности развития производственного капитализма: только в 90-х годах XIX в. заметны в этом отношении значительные успехи, сопровождавшиеся, однако, многочисленными остатками крепостничества, преобладанием грубого хищничества, сильной технической отсталостью, небывалым протекционизмом и сильнейшей пауперизацией масс.

3. Неустранимый при капиталистическом развитии процесс классовой дифференциации и роста пролетариата и буржуазии приобретал болезненный и затяжной характер вследствие отсталости капитализма и под влиянием сохранения сословности, отсутствия гражданской равноправности.

4. Во всей государственной системе господствовала реакционная диктатура, страшно затруднявшая и замедлявшая развитие производительных сил.

5. Слабость развития производственного капитализма и многочисленность, и мощность остатков прошлого в хозяйстве, социальном строе и государственном устройстве создавали слабость и неорганизованность буржуазно-либеральной оппозиции, которая стала усиливаться и организоваться только к началу XX века, но вследствие опасности слева сразу прониклась стремлением к компромиссу со старым порядком и отличалась отсутствием революционности.

6. Пауперизм крестьянской массы создавал крестьянское аграрное движение, питаемое малоземельем, черезполосицей и огромной тяжестью поборов, лежавших на крестьянстве; городская мелкая буржуазия рвалась из тисков старорежимных порядков и реакционной диктатуры; пролетариат, созданный капитализмом и организованный крупными размерами предприятий, представлял собою передовую силу революции.

7. Русское революционное движение—социалистическое по запоздалости революции в России и культурному преемству от европейского запада—долго носил утопический, народническо-анархический, характер, хотя зародыши научности заметны были еще у Чернышевского; только став рабочим и научно-социалистическим, оно обрело прочные связи с революционными массами.

8. Из сочетания недостаточного развития капитализма, необходимости приспособления социальных и государственных отношений к ускорению его роста, развития крестьянского, буржуазного и пролетарского движения, увеличения активности революционных организаций и их связей с массами, внешних и внутренних неудач и запоздалой и частичной уступчивости правительства, не способного на реальные и решительные реформы, вышла революция 1905—1907 г.г.

200-00

